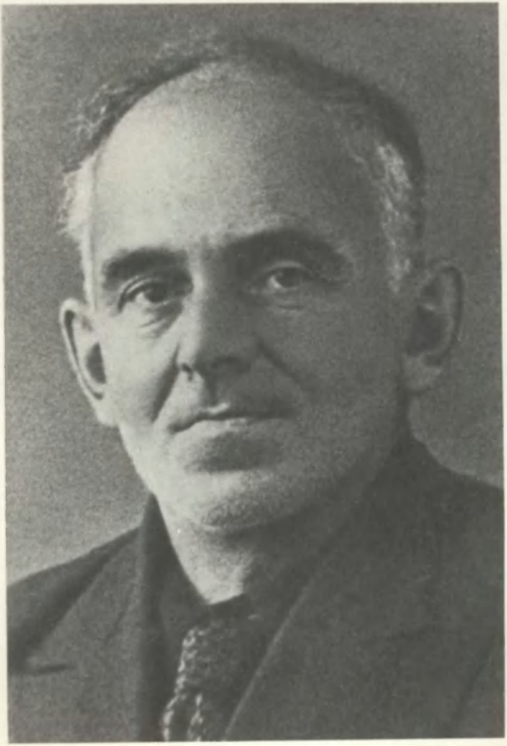
О·МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

4



О·МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР МОСКВА 1999

О. МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР МОСКВА 1999

О·МАНДЕЛЬШТАМ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПИСЬМА

АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР МОСКВА 1999

УДК 882
ББК 84.Р1
М23

Издание подготовлено
Мандельштамовским обществом

Составители
П.НЕРЛЕР, А.НИКИТАЕВ, Ю.ФРЕЙДИН, С.ВАСИЛЕНКО

Редактор
О.ЛИСТОВА

Художник
Е.МИХЕЛЬСОН

Подбор иллюстраций
О.ЛИСТОВА, А.НАУМОВ

Совместное производство
Арт-Бизнес-Центра
и Можайского полиграфического комбината

ISBN 5-7287-0073-X (т. 4)
ISBN 5-7287-0002-0

М $\frac{4702010106 - 2}{П16\ (03) - 99}$ без объявл.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Последний том Собрания сочинений О. Мандельштама по содержанию оказался сложным. Наиболее значительная его часть — эпистолярное наследие поэта.

Надо сказать, что Мандельштам никогда не вел регулярной, "серьезной" переписки с подспудным расчетом на посмертное опубликование ее.

Его переписка непосредственна и разнообразна: среди многочисленных лирических и теплых писем родным и близким, среди доверительных посланий друзьям есть и официальные, вызванные множеством проблем издательского процесса, не последней из которых является и получение гонорара. Есть, наконец, письма, и их немало, в которых в полной мере отражаются мировоззренческие проблемы, где поэт формулирует свою общественную и гражданскую позицию.

В настоящем издании впервые предпринимается попытка собрать воедино все сохранившиеся письма О. Мандельштама. Наиболее последовательные шаги в этом направлении были сделаны в четырехтомном Собрании сочинений поэта, вышедшем под редакцией Г. Струве, Б. Филиппова и Н. Струве: все тома этого собрания, кроме первого, содержат эпистолярные разделы, дающие сведения о переписке Мандельштама, известные составителям к моменту выхода соответствующих томов. Однако вынужденная разбросанность писем по нескольким томам и связанная с этим непоследовательность в принципах их расположения не позволяют составить по этому изданию целостное впечатление об эпистолярии поэта.

В последнее время предпринят ряд публикаций, в которых с большей или меньшей степенью полноты объединены письма Мандельштама к тому или иному адресату (или группе адресатов). Сведения об этих публикациях читатель найдет в комментариях к настоящему тому. Почти полный корпус писем поэта 1903–1915 гг.

представлен в кн.: Мандельштам О. Камень. Л.: Наука, 1990 (серия «Литературные памятники»).

Дополнительная работа с различными источниками позволила нам существенно уточнить текстологию многих писем по сравнению с предшествующими публикациями; в целом ряде случаев внесены значимые изменения в датировку писем, а — что особенно ценно — тексты сорока четырех писем и телеграмм публикуются впервые.

Само собой разумеется, что последующая работа над текстологией и датировками писем может внести новые уточнения, мы не теряем надежды, что еще будут найдены считающиеся утерянными другие письма Мандельштама (известно, например, что существовали десятки до сих пор не разысканных писем к Б. Лившицу, М. Зенкевичу, Э. Миндлину, В. Катаеву и другим адресатам).

Раздел писем подготовлен С. Василенко, П. Нерлером, А. Никитаевым и Ю. Фрейдиным.

Во второй раздел тома ("Дополнения") вошли те произведения Мандельштама (оригинальные и переводные), которые по разным причинам не были включены в соответствующие тома Собрания. Этот раздел подготовлен П. Нерлером и А. Никитаевым.

Впервые после их первых изданий опубликованы в данном томе переводы двух драматических произведений: пьес Жюля Ромэна «Кромдейр-старый» и Эрнста Толлера «Человек-масса». Тем самым за рамками Собрания остаются лишь прозаические переводы поэта.

Заключительный раздел тома, подготовленный П. Нерлером, составляют «Основные даты жизни и творчества О. Э. Мандельштама».

Завершают том именной указатель, указатель географических и исторических мест и названий, указатель мифологических, библейских и церковных имен, а также алфавитный указатель произведений О. Мандельштама, вошедших в Собрание сочинений.

Составители благодарят научного сотрудника Мандельштамовского общества М. Соколову и других его членов за помощь в подготовке настоящего тома, а также всех, кто предоставил в их распоряжение письма Мандельштама и материалы, использованные в комментариях.

Особую признательность составители выражают Отделу редких книг и рукописей Библиотеки Принстонского университета (США) за предоставленную возможность сверить подготовленные по фотокопиям тексты писем из архива Мандельштама с подлинниками.

С. Василенко
П. Нерлер
А. Никитаев
Ю. Фрейдин

ПИСЬМА

1.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ и Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ,

[5(18) мая 1903 г.]

Дорогие мама и папа!

Извините, что предыдущее мое письмо было так коротко; я его написал у почтового ящика. Теперь, переправляясь из Новгорода в Старую Руссу через озеро Ильмень, я пишу вам подробнее. В вагоне ночью почти никто не спал. В три часа, когда уже совсем рассвело, мы из вагона вышли на пристань и в 3½ выехали по Волхову в Новгород. На пароходе мы пили чай. В Новгород пароход пришел в 9 ч. утра. До 12 ч. мы ходили по городу, осматривая его достопримечательности, а затем прекрасно пообедали в лучшей гостинице. Теперь мы едем в Старую Руссу, где и переночуем.

Любящий вас ваш сын Ося

Цалую Бабушку и Женю.

2.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ и Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ,

[3(16) октября 1907 г.]

Дорогие мама и папа!

В дороге я чувствую себя отлично. Читаю, хожу в гости к Ю. М. — станет скучно, смотрю в окна. Соседи мои финны. Благодаря своей сдержанности они меня нисколько не стесняют. Погода разгулялась, и голова моя — тоже почти свободна от мыслей.

Напишу и завтра.

Ваш Ося.

‹Приписка Ю. М. Розенталя:›

Мир Вам и покой. Ваш Ю. Розенталь

3.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ, *23 января (5 февраля) 1908 г.*

19 $\frac{5}{\text{<II>}}$ 08

Дорогая мамочка!

Посылаю тебе свою физиогномию, которая совершенно случайно запечатлелась на этом снимке. Можно сказать, что я обернулся нарочно, для того чтобы послать вам свой привет!..

Ося.

4.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ, *7(20) апреля 1908 г.*

Дорогая мамочка!

Получил, получил твое письмо. Что же это станется из нашей переписки, если неделями будем мы молчать...

Этак, всякое живое содержание из нее исчезнет и поневоле останутся одни общие места.

Была ты, значит, у В.В. Это хорошо... Жалею, что не послал для него письма...

Любопытно мне, что он скажет. Надеюсь об этом скоро узнать.

Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова...

Период ожиданий и стихотворной горячки...

Время провожу так:

Утром гуляю в Люксембурге. После завтрака устраиваю у себя вечер — т. е. завешиваю окно и топлю камин и в этой обстановке провожу два-три часа...

Потом прилив энергии, прогулка, иногда кафе для писания писем, а там и обед... После обеда у нас бывает общий разговор, который иногда затягивается до позднего вечера.

Это милая комедия.

К последнему времени у нас составилось маленькое интернациональное общество из лиц, страстно жаждущих обучиться языку...

И происходит невообразимая вакханалия слов, жестов и интонаций под председательством несчастной хозяйки...

Вчера, например, я до самого вечера говорил с некиим молодым *венгерским* писателем о превыспренних материях, состязаясь с ним в искажении языка. Этот талантливый поэт настойчиво употребляет странное выражение: «мустар» для обозначения горчицы (мелко, но характерно).

Не слишком ли преждевременно будет теперь думать об университетских хлопотах?

Ведь их и невозможно начать раньше осени?

А если меня не примут, то я поступлю в один из немецких университетов... и согласую занятия литературой с занятиями философией.

Маленькая аномалия: «тоску по родине» я испытываю не о России, а о Финляндии.

Вот еще стихи о Финляндии, а пока, мамочка, прощай.

Твой Ося.

‹Далее следует ст-ние «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» *(I, № 3)›.*

Paris, 19 $\frac{20}{\text{IV}}$ 08

Осип Мандельштам.

5.

ВЛ. В. ГИППИУСУ, *14(27) апреля 1908 г.*

Paris, 19 $\frac{27}{\text{IV}}$ 08

Уважаемый Владимир Васильевич!

Если вы помните, я обещал написать вам, «когда устроюсь».

Но я не устроился, т. е. не имел сознания, что делаю «нужное», до самого последнего времени, и поэтому я не нарушил своего обещания.

Поговорить с вами у меня всегда была потребность, хотя ни разу мне не удалось сказать вам то, что я считал важным.

История наших отношений, или, может быть, моих отношений к вам, кажется мне вообще довольно замечательной.

С давнего времени я чувствовал к вам особенное притяжение и в то же время чувствовал какое-то особенное расстояние, отделявшее меня от вас.

Всякое сближение было невозможным, но некоторые злобные выходки доставляли особенное удовольствие, чувство торжества: «а все-таки...»

И вы простите мне мою смелость, если я скажу, что вы были для меня тем, что некоторые называют: «друго-врагом»...

Осознать это чувство стоило мне большого труда и времени...

Но я всегда видел в вас представителя какого-то дорогого и вместе враждебного начала, причем двойственность этого начала составляла даже его прелесть.

Теперь для меня ясно, что это начало не что иное, как религиозная культура, не знаю, христианская ли, но, во всяком случае, религиозная.

Воспитанный в безрелигиозной среде (семья и школа), я издавна стремился к религии безнадежно и платонически — но все более и более сознательно.

Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения.

Но связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве.

Я прошел 15‹-ти› лет через очистительный огонь Ибсена — и хотя не удержался на «религии воли», но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности.

Толстой и Гауптман — два величайших апостола любви к людям — воспринимались горячо, но отвлеченно, так же как и «философия нормы».

Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна, и поклонение «Пану», т. е. несознанному Богу, и поныне является моей «религией».

(О, успокойтесь, это не «мэонизм», и вообще с Минским я не имею ничего общего.)

В Париже я прочел Розанова и очень полюбил *его,* но не *то* конкретное культурное содержание — к которому он привязан своей чистой, библейской привязанностью.

Я не имею никаких определенных чувств к обществу, Богу и человеку — но тем сильнее люблю жизнь, веру и любовь. Отсюда вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов, и Брюсовым из русских. В последнем меня пленила гениальная смелость отрицания, чистого отрицания.

Живу я здесь очень одиноко и не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки.

Кроме Верлэна, я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне.

Затем, немного прозы и стихов.

Лето я собираюсь провести в Италии, а вернувшись, по-

ступить в университет и систематически изучать литературу и философию.

Вы меня простите: но мне положительно не о чем писать, кроме как о себе. Иначе письмо обратилось бы в «корреспонденцию из Парижа».

Если вы мне ответите, то, может быть, расскажете мне кое-что, что могло бы меня заинтересовать?

Ваш ученик
Осип Мандельштам.

Мой адр‹ес:› Rue Sorbonne, 12

6.

А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[24 июля (6 августа) 1908 г.]*

Шуринька!

Я еду в Италию! Это вышло само собой. У меня 20 фр‹анков› с собою — но это ничего. Один день в Генуе, несколько часов у моря и обратно в Берн. Мне даже нравится эта стремительность. Поезд вьется по узкой долине Роны. Отвесные стены — скалы и лес завешены облаками.

«Они» ничего не знают — пока, конечно.

Addío![1]
Ося.

7.

В. И. ИВАНОВУ, *[20 июня (3 июля) 1909 г.]*

Очень уважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Где бы Вас ни застало мое письмо, попрошу Вас об одном: сообщите мне свой адрес, а также будете ли в Швейцарии и когда? Пока что я с семьей до отъезда за границу живу безвыездно в Царском. Ваши семена глубоко запали в мою душу, и я пугаюсь, глядя на громадные ростки.

Радую себя надеждой встретить Вас где-нибудь летом.

Почти испорченный Вами, но... исправленный
Осип Мандельштам.

Петербург, Коломенская 5.

---

[1] До свидания! *(ит.)*

8.

А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹около 26 июля (8 августа) 1909 г.›*

Дорогой Шурочка!

Сижу тут и дожидаюсь поезда. Вспомнил о тебе и решил послать тебе это вещественное доказательство своих губительных наклонностей. Одновременно пишу маме.

Твой Ося.

9.

В. И. ИВАНОВУ, *[13(26) августа 1909 г.]*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Вы позволите мне сначала — несколько размышлений о вашей книге. Мне кажется, ее нельзя оспаривать — она пленительна и предназначена для покорения сердец.

Разве, вступая под своды Notre Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?

Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и астрономических систем. Каждый истинный поэт, если бы он мог писать книги на основании точных и непреложных законов своего творчества, — писал бы так, как вы.

Вы — самый непонятный, самый темный, в обыденном словоупотреблении, поэт нашего времени — именно оттого, что как никто верны своей стихии — сознательно поручив себя ей.

Только мне показалось, что книга слишком — как бы сказать — круглая, без углов.

Ни с какой стороны к ней не подступиться, чтобы разбить ее или разбиться о нее.

Даже трагедия в ней не угол — потому что вы соглашаетесь на нее.

Даже экстаз не опасен — потому что вы предвидите его исход. И только дыхание Космоса обвевает вашу книгу, сообщая ей прелесть, общую с «Заратустрой», — вознаграждая за астрономическую круглость вашей системы, которую вы сами потрясаете в лучших местах книги, даже потрясаете непрерывно. У вашей книги еще то общее с «Заратустрой», — что каждое слово в ней с пламенной ненавистью исполняет свое

назначение и искренно ненавидит свое место и своих соседей.

Вы мне извините это излияние...

Две недели я жил в Beatenberg'е, но потом решил провести несколько недель в санатории и переехал в Montreux.

Теперь я наблюдаю странный контраст: священная тишина санатории, прерываемая обеденным гонгом, — и вечерняя рулетка в казино: faites vos jeux, messieurs! — remarquez, messieurs! rien ne va plus![1] — восклицания croupiers[2] — полные символического ужаса.

У меня странный вкус: я люблю электрические блики на поверхности Лемана, почтительных лакеев, бесшумный полет лифта, мраморный вестибюль hotel'я[3] и англичанок, играющих Моцарта с двумя-тремя официальными слушателями в полутемном салоне.

Я люблю буржуазный, европейский комфорт и привязан к нему не только физически, но и сентиментально.

Может быть, в этом виновно слабое здоровье? Но я никогда не спрашиваю себя, хорошо ли это.

Еще мне хочется вам сказать вот что.

У вас в книге есть одно место, откуда открываются две великих перспективы, как из постулата о параллельных две геометрии — Эвклида и Лобачевского. Это — образ удивительной проникновенности — где несогласный на хоровод покидает круг, закрыв лицо руками.

Собрались ли уже в Петербурге наши друзья? Что делает «Аполлон»? «Остров»?

Как бы мне хотелось видеть кого-нибудь из знакомых или даже незнакомых наших поэтов. Знаете что, В‹ячеслав› И‹ванович›. Напишите мне (я знаю, что вы мне ответите — а вдруг нет?), когда кто-нибудь поедет за границу. Может, как-нибудь, я увижу кого-нибудь, а чтобы увидеть вас — я готов проехать весьма большое расстояние, если это понадобится. Еще одна просьба. Если у вас есть лишний, совершенно лишний экземпляр «Кормчих Звезд», не может ли он каким-нибудь способом попасть в мои бережные руки?..

Напишите мне также, В‹ячеслав› И‹ванович›, какие теперь в Германии есть лирики. Кроме Dehmel'я, я не знаю ни

---

[1] Делайте ваши ставки, господа! — Внимание, господа! Ставок больше нет! *(фр.)*

[2] Крупье *(фр.)*.

[3] Отеля *(фр.)*.

одного. Немцы тоже не знают — а лирики все-таки должны быть.

Крепко вас целую, В‹ячеслав› И‹ванович›, и благодарю сам не знаю за что — лучше которой не может быть благодарности.

Осип Мандельштам.

P.S. Посылаю стихи. Делайте с ними что хотите — что я хочу — что можно.

‹К письму приложены ст-ния: «Истончается тонкий тлен...», «Ты улыбаешься кому...» *и* «В просторах сумеречной залы...» *(I, №№ 16, 18, 19)›.*

10.

И. Ф. АННЕНСКОМУ, *[17(30) августа 1909 г.]*

Глубокоуважаемый г. Анненский!

Сообщаю Вам свой адрес на случай, если он будет нужен редакции «Аполлона»: *Montreux — Territet, Sanatorium l'Abri.*

С глубоким почтением
Осип Мандельштам

11.

М. А. ВОЛОШИНУ,
‹конец сентября — октябрь 1909 г.›

Глубокоуважаемый Макс Александрович!

Оторванный от стихии русского языка — более чем когда-либо, — я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский, который на этих днях, проездом в Гейдельберге, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов, помог мне милый Вячеслав Иванович, который при искреннем ко мне доброжелательстве не ответил мне на письмо, о котором просил однажды.

С Вами я только встретился.

Но почему-то я надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным. Если Вы пожелаете обрадовать меня своим отзывом и советом — мой адрес: Heidelberg, Anlage 30. Stud: phil. Mandelstam.

‹К письму приложены ст-ния: «В безветрии моих садов...», «В холодных переливах лир...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...» *и* «На влажный камень возведенный...» *(I, №№ 20, 21, 23—25)›.*

12.

М. А. ВОЛОШИНУ,
‹октябрь 1909 г.›

Глубокоуважаемый Макс Александрович!

Простите мне мою мелочность — пятая строка стихотворения:

В безветрии моих садов

читается:

В юдоли дольней бытия

вместо ужасной «безвыходности», которая торчит, как оглобля.

С глубоким почтением
Осип Мандельштам.

13.

В. И. ИВАНОВУ, *[13(26) октября 1909 г.]*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Если вам хочется мне написать и вы не отвечаете мне по какой-нибудь внешней причине, то все-таки напишите мне.

Я хочу многое вам сказать, но не могу, не умею до этого.

Любящий вас
Осип Мандельштам.

Heidelberg, Anlage 30.

14.

В. И. ИВАНОВУ, *[22 октября (4 ноября) 1909 г.]*

По-прежнему дорогой Вячеслав Иванович!

Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения. Насколько первыми я обязан вам — настолько вторые принадлежат вам по праву, о котором вы, быть может, и не думаете.

Ваш Осип Мандельштам.

‹К письму приложены ст-ния: «В холодных переливах лир...», «Озарены луной ночевья...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «На влажный камень возведенный...» *и* «Бесшумное веретено...» *(I, №№ 21—26)›.*

15.

В. И. ИВАНОВУ, *‹11—12 (24—25) ноября 1909 г.›*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Вот еще — стихи. Неизменно вас любящий

Осип Мандельштам.

‹К письму приложены ст-ния: «Если утро зимнее темно...», «Пустует место. Вечер длится...», «В смиренномудрых высотах...» *и* «Дыханье вещее в стихах моих...» *(I, №№ 27—30). Под последним ст-нием подпись:›*

Осип Мандельштам
Гейдельберг 1909 12/25 XI

16.

В. И. ИВАНОВУ, *[13(26) декабря 1909 г.]*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Может быть, Вы прочтете эти стихи?

С глубоким уважением
Осип Мандельштам.

P.S. Извините за все дурное, что Вы от меня получили.

‹К письму приложены ст-ния: «Нету иного пути...» *и* «Что музыка нежных...» *(I, №№ 33, 34)›.*

17.

В. И. ИВАНОВУ, *[17(30) декабря 1909 г.]*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Это стихотворение хотело бы быть «romance sans paroles» (Dans l'interminable ennui...)[1]. «Paroles»[2] — т. е. интимно-лирическое, личное — я пытался сдержать, обуздать уздой ритма.

Меня занимает, достаточно ли крепко взнуздано это стихотворение?

Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб — это узда «настроения».

С глубоким уважением
О. Мандельштам.

‹К письму приложены два варианта ст-ния «На темном небе, как узор...» *(I, № 35)›.*

---

[1] «Песней без слов» (В бесконечной тоске...) *(фр.).*

[2] «Слова» *(фр.).*

18.

С. К. МАКОВСКОМУ, *[27 июня (10 июля) 1910 г.]*

Глубокоуважаемый Сергей Константинович!

Будьте добры сообщить мне, находите ли возможным напечатать (в сентябре?) вместе с другими эти два стихотворения.

Мой адрес: Helsingfors, Talbacka.

Ваш О. Мандельштам.

‹К письму приложены ст-ния: «Над алтарем дымящихся зыбей...» *и* «Необходимость или разум...» *(I, №№ 48, 49)›.*

19.

В. И. ИВАНОВУ, *‹не позднее 24 июля (6 августа) 1910 г.›*

Дорогой Вячеслав Иванович!

С. П. Каблуков есть лицо, не заслуживающее доверия, и все, что он клеветал, — ложь. И та строчка из моего стихотворения, которую он цитировал в своем письме к Вам, читается без «в»:

Неудержимо падай
Таинственный фонтан,

а не «в таинственный», как он утверждает; а если я в бытность мою в Париже упал в Люксембургский фонтан, читая Мэтерлинка, то это мое дело.

И. Мандельштам.

‹Внизу, красными чернилами, приписка С. П. Каблукова:›

9 ошибок.
1 (единица).

С. Каблуков

20.

В. И. ИВАНОВУ, *[5(18) августа 1910 г.]*

‹Текст письма отсутствовал или утрачен; посланы стихотворения: «Под грозовыми облаками...», «Единственной отрадой...», «Над алтарем дымящихся зыбей...», «Как тень внезапных облаков...», «Когда укор колоколов...», «Мне стало страшно жизнь отжить...», «Я вижу каменное небо...», «Вечер нежный. Сумрак важный...», «Убиты медью вечерней...» *и* «Как облаком сердце одето...» *(I, №№ 50, 51, 48, 47, 52—57)›.*

21.

В. И. ИВАНОВУ, *[2(15) марта 1911 г.]*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Я уехал на несколько недель в Финляндию по причине болезненного состояния. Примите глубокий поклон и будьте очень строги, если станете меня читать в «Академии».

С искренним уважением
Осип Мандельштам.

22.

В. И. ИВАНОВУ, *21 августа (3 сентября) 1911 г.*

19 $\frac{21}{\text{VIII}}$ 11

Дорогой Вячеслав Иванович!

Спешу сообщить Вам радостную новость, что могут быть открыты новые стихи Тютчева.

Именно: сенатор А.Ф.Кони рассказал мне, что в его архиве имеется ряд писем Тютчева к Плетневой, весьма интимного содержания.

Письма получены Кони непосредственно от самой Плетневой. В них попадаются отдельные стихотворные строки (частью из известных стихотворений) и целые стихотворения, поясняющие текст.

Есть, между прочим, стихотворение такого содержания: поэт хотел бы идти в зной по тернистой дороге, чтоб изнеможением заглушить в себе страдание любви. Однажды Кони докладывал об этих сокровищах академии, но встретил глубокое равнодушие. Через несколько дней драгоценные бумаги будут в моем распоряжении и будет известно, какой праздник нас ожидает.

В ожидании скорой встречи
с глубоким уважением
Иосиф Мандельштам.

23.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ, *‹1913›*

Юрочка!

Я в «Записках».
Напиши мне, что тебе удалось сделать.
Я позвоню к тебе оттуда
547 02

24.

П. Е. ЩЕГОЛЕВУ, *‹1913?›*

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Я слышал о Вашем желании иметь для «Современника» произведения акмеистов. Будьте добры ознакомиться с содержанием моего стихотворения, я хотел бы сегодня же узнать Ваше решение.

Готовый к услугам
Мандельштам.

25.

М. В. АВЕРЬЯНОВУ, *‹не позднее 29 мая (11 июня) 1914 г.›*

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Вы мне обещали прибавить к 50 еще 25 р. с тем, чтобы считать наш расчет *окончательным*. Быть может, Вы сделаете это сегодня? Я уезжаю в деревню, и 15 р. для меня сейчас очень важны. Надеюсь, Вы не откажете.

Ваш О. Мандельштам.

26.

С. П. КАБЛУКОВУ, *[11(24) июля 1914 г.]*

Дорогой Сергей Платонович!

По небрежности домашних только на днях получил Ваше письмо. Адрес мой: Котаниеми, близ Выборга — и все. Неподалеку живет здесь Р‹имский›-Корсаков. На этих днях собираюсь в Петербург. До свиданья в Сестрорецке!

Ваш О. Мандельштам.

27.

Ф. СОЛОГУБУ, *[27 апреля (10 мая) 1915 г.]*

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

С крайним изумлением прочел я Ваше письмо. В нем Вы говорите о своем намерении держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих. Не смея судить о Ваших отношениях к футуристам и «примыкающим», как акмеист я считаю долгом напомнить Вам следующее: инициатива Вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним. К участию в Цехе поэтов (независимо от Вашего желания) привлечены Вы не были, равно как и к сотрудничеству в журнале «Гиперборей» и к изданию Ваших книг в издательствах: «Цех поэтов», «Гиперборей» и «Акме». То же относится и к публичным выступлениям акмеистов, как таковых.

Что же касается до моего к Вам предложения участвовать в вечере, устроенном Тенишевским училищем в пользу одного из лазаретов, то в данном случае я действовал как бывший ученик этого училища, а не как представитель определенной литературной группы.

Действительно, некоторые из акмеистов, и я в том числе, в ответ на приглашения Ваши и А.Н.Чеботаревской посещали Ваш дом.

Но после Вашего письма я имею все основания заключить, что это было с их стороны ошибкой.

Искренне Вас уважающий
Осип Мандельштам.

28.

С. К. МАКОВСКОМУ, *8(15) мая 1915 г.*

8 мая 1915

Многоуважаемый Сергей Константинович!

В ноябре прошлого года мною была предложена «Аполлону» статья о Чаадаеве, принятая к напечатанию. В течение полугода эта статья не была напечатана. Мне неизвестно, каковы были причины, ежемесячно мешавшие включению этой статьи в очередной номер; однако, не желая ждать, пока прекратится действие этих причин, я считаю мою статью свободной и прошу мне возвратить ее в виде

оттиска, т. к. в настоящее время я не помню, где находится рукопись этой статьи.

С истинным уважением

Осип Мандельштам.

Б. Монетная, д. 15, кв. 38

29.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ, *20 июля (2 августа) 1915 г.*

20 июля 1915

Дорогая мама!

Вчера получил телеграмму о приезде Шуры, которая скрестилась с моей. Жду Шуру завтра. Очень одобряю его приезд. Август и сентябрь здесь отличные.

Жить он будет на даче Волошиной.

Целую папу, Женю, бабушку.

Твой Ося.

30.

С. Г. ВЕРБЛОВСКОЙ, *‹осень 1915 г.›*

Дорогая бабушка!

Прими мои горячие поздравления по случаю рождения твоего.

Желаю тебе быть бодрой, веселой, танцовать мазурку, играть на рояли и поменьше думать о кислых вещах.

У нас все вошло в норму, между прочим и мои занятия в университете. Цалую тебя и Юлия Матвеевича.

Твой внук Ося.

‹Письмо Е. Э. Мандельштама:›

Милая бабушка!

Сердечно поздравляю тебя с днем рождения и желаю всего хорошего. Надеюсь, что ты здорова и чувствуешь себя хорошо. Поменьше думай и беспокойся о нас. У меня очень много занятий, кроме того, я занят нашим Тенишевским лазаретом и другими делами, связанными с войной. Напомни, пожалуйста, Сем‹ену› Григ‹орьевичу›, что он когда-то хотел взять к себе 1—2 выздоравливающих раненых. Если он не раздумал, то сообщи мне, и я их могу достать. Очень хотел бы тебя увидеть. Может быть, как-нибудь выберусь на день. Передай, пожалуйста, мой привет Сем‹ену› Григ‹орьевичу› и Елиз‹авете› Феодоровне.

Крепко целую тебя.

Твой Женя.

P.S. Я живу у дяди Генриха и столуюсь дома. Он, бедный, очень волнуется из-за тети и Миши, которые не могут вернуться. Дела его очень плохи, так что он сдает несколько комнат.

Женя.

‹Письмо А.Э. Мандельштама:›

Дорогая бабушка!

Присоединяюсь к Осе и Жене и шлю вместе с ними сердечное поздравление по случаю твоего дня рождения.

Прочел Осино пожелание и всецело присоединяюсь к нему. Очень хотел бы тебя увидеть. Наверно, скоро заеду тебя проведать. Целую.

Любящий тебя Шура.

Привет С‹емену› Г‹ригорьевичу› и Л‹изавете› Ф‹еодоровне›.

31.

Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ, *20 июля (2 августа) 1916 г.*

20 июля 1916

Дорогая мамочка!

У нас все установилось благоприятно. Шура оправился и вошел в колею мирной жизни. Больше не скучает и смотрит совсем иначе. Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой: автомобили, ужин с губернатором; я читал, сияя теннис-белизной, на сцене летнего театра, вернулись утром, отдохнули за вчерашний день. Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского. Получили вторую комнату. Милая мама, напиши мне, как ты смотришь на мое возвращение — могу ли быть нужным в П‹етрограде›. Поздравляю с политехником! Молодец, Женя! Целую папочку!

Ося.

32.

А. Л. ВОЛЫНСКОМУ, *7(20) декабря 1916 г.*

7 дек‹абря› 1916.

Многоуважаемый Аким Львович!

Если только у Вас не прошла охота посетить наш скромный «Цех», приходите в пятницу 9 дек‹абря› к Адамовичу (Георгию Викторовичу) на Верейскую, 4, в 8 ч. в‹ечера›.

Все Вам будут очень рады.

До свиданья! Жму Вашу руку!

Осип Мандельштам.

33.

А. Д. СКАЛДИНУ, *8(21) января 1917 г.*

8 янв‹аря› 1917

Дорогой Алексей Димитриевич!

Простите мою возмутительную небрежность: книги страхового общества вместе с извинением в понедельник 9 января будут отосланы в секретариат общества.

Звоните мне и не забывайте меня! Привет Ел‹изавете› Конст‹антиновне›!

Осип Мандельштам.

34.

Н. Я. ХАЗИНОЙ, *5 декабря ‹1919 г.›*

5 дек‹абря›. Феодосия

Дитя мое милое!

Нет почти никакой надежды, что это письмо дойдет. Завтра едет «в Киев» через Одессу Колачевский. Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто, как божий день. Ты мне сделалась до того родной, что все время я говорю с тобой, зову тебя, жалуюсь тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «кинечка» и для меня такая же «кинечка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело...

Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик — все мне памятно, ничего не забыл...

Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю.

Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь — я бы от радости заплакал. Звереныш мой, прости меня! Дай лобик твой поцеловать — выпуклый детский лобик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине.

Вчера я мысленно, непроизвольно сказал «за тебя»: «я *должна* (вместо *"должен"*) его найти», т. е. ты *через* меня сказала...

Мы с тобою как дети — не ищем важных слов, а говорим, что придется.

Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная — голубка моя — «бессмертной нежностью своей»...

Наденька! Я письма получил четыре сразу, в один день, только нынче... Телеграфировал много раз: звал.

Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; все ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь...

Я уже 5 недель в Феодосии. Шура все время со мной. Был Паня. Уехал в Евпаторию. В Астории живет Катюша Гинзбург. В городе есть один экземпляр «Крокодила»!! А также Мордкин и Фроман. (Холодно. Темно. «Фонтан». Спекулянты.) Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!

Твой О. М.: «уродец».

Колачевский едет обратно. Умоляю его взять тебя до Одессы. Пользуйся случаем!!

‹Приписка А. Э. Мандельштама:›

Милая Надежда Яковлевна!
Шлю Вам сердечный привет,

братец N...

35.

М. А. ВОЛОШИНУ, *7 августа ‹1920 г.›*

25 июля
Копия послана Эренбургу.

Милостивый государь!

Я с удовольствием убедился в том, что вы под толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, — скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я «давно уже обкрадываю вашу библиотеку» и, между прочим, «украл» у вас Данта, в чем «сам сознался», и «выкрал у вас через брата свою книгу».

Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником.

Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была.

Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу.

Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым.

О. Мандельштам.

36.

Н. Я. ХАЗИНОЙ, *9 марта 1921 г.*

9 марта 1921.

Надюша милая!

Получил вашу записочку. Буду в Киеве через несколько дней. Не унывайте, друг милый. Подумаем, как устроить, чтоб вам не было плохо. До очень скорого свидания, дружок! У меня все готово к отъезду.

Только никуда не уезжать и спокойно ждать моего приезда!

Ваш О. Мандельштам

37.

В. Я. ХАЗИНОЙ, *‹май — июнь 1921 г.›*

Милая Вера Яковлевна!

Рад вам сообщить, что у нас все благополучно. Должно быть, в субботу мы с Надей едем в Тифлис в хороших условиях и на определенное обеспечение.

Я встретил здесь своего приятеля, Особоуполномоченного по эвакуации Кавказа, и он нас берет с собой на службу в Грузию. Это очень хороший человек, художник Лопатинский, когда-то он работал со мной в Наркомпросе. Теперь он во главе огромного учреждения на Кавказе. Отношения у нас прочно-дружеские, и он все для меня сделает, что может.

Я съездил без Нади в Петербург. Голодать не пришлось. Живем у Жени. Ковер будет продан на дорогу очень скромно, сейчас ковры не в цене и продать очень трудно, тысяч двести думаем получить. Надя здорова, сырой воды не пьет и ничего сырого есть не будет в пути. Настроение бодрое.

Адрес наш: Ростов, Управление Особоуполномоченного Центроэвака на Кавказе, для Мандельштама. Это центр. Оттуда едем дальше. Оттуда же перешлют ваше письмо по пути нашего следования.

Проезжая Харьков, телеграфируем в Киев.

Перед отъездом подаем заявление в литовскую миссию. Основания (мои бумаги) признаны *достаточными*. Это продлится месяц и механически будет сделано в наше отсутствие.

Сердечный привет Якову Аркадьевичу и Анне Яковлевне.

С истинной преданностью,

О. Мандельштам

38.

С. А. ПОЛЯКОВУ, *‹начало 1920-х гг.›*

Уважаемый Сергей Александрович!

Анастасия Ивановна Цветаева просит вас выдать ей пособие, назначенное ей на последнем заседании правления; беспокоится, что у нее нет удостоверения личности (для получки) и потому просила написать эту записочку.

Ваш О. Мандельштам.

39.

А. С. БАЛАГИНУ, *26 апреля 1922 г.*

Уважаемый Александр Самойлович!

Мы были у Вас с опозданием (домой-то пришел только в восемь!)

Если разрешите, завтра соберемся в то же время (т. е. к 8-ми).

Ваш О. Мандельштам

26/IV/22.

40.

В РЕДАКЦИОННЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА, *26 ноября 1922 г.*

В редакционный сектор Госиздата
Тов. Калашникову
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление.

Настоящим предлагаю заказать мне перевод трагедии Геббеля «Ирод и Мариамна» («Herodes und Mariamne»).

Осип Эмильевич Мандельштам

26/XI/22.

41.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *11 декабря 1922 г.*

11 дек‹абря› 1922.

Милый Женичка!

Шура до сих пор носит письмо к тебе, потому что он не знает, где купить марки. Могу подвести итоги этому месяцу.

Шура живет у нас в доме в комнатке неопределенного назначения, не то «комендантской», не то «для приезжающих».

Комнаты никакой, разумеется, он получить не может, да ему и нельзя жить отдельно: он растеряется, а кроме того, он же у меня, т‹ак› ск‹азать›, на «полном пансионе». Он живет здесь «явочным порядком». Думаю, что это можно длить, сколько нам понадобится, т. к. у самого «коменданта», населившего дом свояками и родичами, совесть не чиста. Собираюсь его прописать: как член семьи он вправе жить со мной, не занимая лишнего места, а спит он ведь на столе или ящике, куда кладут тюфячок. Вялость его и пришибленность понемногу проходят. Я устроил его на службу в Госиздат. Сейчас его нет дома: уже несколько дней ходит на работу и очень этим доволен. В нем проснулась добросовестность прежних времен. В Госиздате организовали отдел рекламы, т. е. оповещения мира о книжных новинках Г‹ос›Изд‹ата›. Пригласили работать трех человек. Один из них Шура; он даже проявляет инициативу. До сих пор, конечно, он не заработал ни копейки, а получать будет мил‹лионов› 400. Но все его жалованье будет уходить на одежду: совершенно разваливается, нет буквально ничего, кроме тряпок, и мне еще придется ему прибавить.

Живем мы дружно, по-семейному. Я к нему привык, содержать его мне почти незаметно, и ни за что его от себя не отпущу. Авось выровняется. Перестанет говорить извиняющимся голосом и научится твердо входить в комнату, в чем он делает уже успехи.

Мои дела не плохи. Ни одной крупной получки до сих пор у меня не было, но по мелочам набежало довольно. До сих пор спали на ужасном узком кухонном столе. По приезде купили хороший пружинный матрац, поставленный на раму, наподобие турецкого дивана. Зимняя шапка, ботики, перчатки, обувь съели массу денег. В комнате тепло и уютно, но ведется вечная борьба с шумом (соседство кухни). Я почти никого к себе не пускаю, и прежде чем ко мне прийти, всякий думает, не помешает ли мне. Это удив-

ляет Шуру и не нравится ему. Он предпочел бы веселую богемную жизнь, чтобы в комнате постоянно болтались 5 человек и чтоб его самого не изгоняли. Теперь я хочу приспособить Шуру для переписки «Антологии», вместе с Над‹еждой› Яковлевной. Эта работа поздно, но все-таки вышла. 20-го расчет: дополучу 1½ миллиарда (500 получено). Потом я взял во «Всемирной» перевести драму за 3 миллиарда (работы на месяц) и еще заключу договор с Госиздатом. В двух последних местах четверть суммы получу авансом.

Немедленно сообщи мне, как твои дела; как видишь, на днях (все очень долго подготовлялось) я буду действительно в состоянии тебе ссудить. Ох, боюсь, как бы мне когда-нибудь не пришлось у тебя брать!!!

Пришли Татичкину карточку. Скажи ей, что дяди ее крепко любят и помнят, и тетя тоже.

Марии Николавне сердечный привет и Анне Дм‹итриевне›.

Теперь. Папе напишу отдельно. Но ты тоже напиши мне о нем. От самого ведь не добьешься толку. Что сказать о себе? Мне хочется жить настоящим домом. Я уже не молод. Меня утомляет комнатная жизнь. Мне и работать для себя трудно: мало времени остается от хлопот и заработной беготни.

Целую тебя, милый.

Твой Ося.

42.

В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ,

13 декабря 1922 г.

В Правление Всероссийского Союза Писателей
Осипа Эмильевича
Мандельштама

Заявление:

Приехавший ко мне родной брат, Александр Мандельштам, находится на полном моем иждивении и не имеет ни крова, ни средств, независимых от меня.

Он временно спит в проходной комнатке, где кроме него на столе спит только В. Я. Парнах, которому он абсолютно не мешает, устраиваясь *на ящике, взятом из моей комнаты.* Не мешает он и несложной работе помощн‹ика› комен-

данта, вставая в 9 ч. утра и устраиваясь на ночлег в 12 ч. ночи.

Поскольку брат *практически* никому не мешает и я, в одной комнате с женой и обремененный работой, не могу его взять к себе, прошу временно разрешить ему ночевать на прежнем месте, т‹ем› более что лично я с женой занимаем очень небольшую площадь, в то время как все семейные члены союза получили возможность жить со своими близкими. Мне непонятно, по каким причинам брата хотят загнать в мою комнату, где он серьезно помешает моей литературной работе, диктовке вслух, сочинению стихов и проч‹ему›, работе, требующей отсутствия всякого постороннего лица и полной сосредоточенности, в то время как *никто* из живущих в двух смежных комнатках «гостиницы» не протестует против его временного ночлега.

Осип Эмильевич Мандельштам.

13/XII/22.

‹Приписка В. Я. Парнаха:›

Сим подтверждаю, что Александр Эмилиевич Мандельштам нисколько не стесняет ни меня, ни других членов Союза.

Валентин Яковлевич Парнах

‹Приписка рукой Д. И. Шепеленко:›

Проживающие в общежительской комнате подтверждаем.

‹Подписи:› Д. Шепеленко, Пимен Карпов, проф. Зубакин

43.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹конец декабря 1922 г.›*

Дорогой папочка!

Посылаю тебе с Женей весть о нас с Шурой.

У нас все хорошо. Работаем, живем дружно, не нуждаемся. Женя тебе подробно расскажет о нашем быте.

Я же только скажу, что до нормальной жизни нам недостает квартиры из 2—3 комнат.

А это как раз невозможно. ‹...›[1]

Если ты приедешь сюда на днях, будем очень рады. Поздравляем с Новым Годом и желаем всяческого добра.

Твой Ося
и

---

[1] *Утрачена небольшая часть текста (нижний край листа).*

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

‹Дорого›й Эмиль Веньяминович! ‹Поздра›вляю с Новым Годом! ‹Бу›ду рада, если прие‹дете в› Москву. Привет ‹...›[1]

Надя.

44.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹ранняя весна 1923 г.›*

Дорогой папочка!

Сегодня к вам едет на 2—3 дня Шура. Мне ехать сейчас бессмысленно, потому что я должен ждать ответа Бухарина. Я у него был вчера. Он был очень внимателен и сегодня говорит по телефону с Зиновьевым о Жене. Обещал сделать все возможное и предложил мне систематически поддерживать с ним связь.

Он сказал, между прочим: «Я не могу дать поручительства. На днях Ц.К. запретил это делать своим членам. Остается только окольный путь».

Потом он сказал: «Возьмите его на поруки вы (т.е. я?), вы человек известный(?)». Завтра я узнаю от Бухарина, как отнесся Зиновьев к его просьбе и какие «auspicii»: виды на будущее (выражение Бухарина). Еще он спрашивал, *кто из коммунистов (видных) знает Женю,* очевидно рассчитывая *поддержать их выступление со стороны.* Если можно, *достаньте от Комячейки института заявление, характеризующее Женю. Отзыв о его поведении и настроении за последний год.*[2] Я передам его Бухарину, и это облегчит его действия. Повторяю: прием был исключительно хороший. Беседа продолжительная: минут 20. Он сказал, что Зиновьев *еще приедет в Москву.* Жалел, что не узнал вчера утром, когда Зиновьев был здесь. *Сами Зиновьева не беспокойте.*

У нас все благополучно. Одно плохо. *Хотя необходимое есть, денег последнее время в обрез.* Не могу послать *сейчас* ни гроша. Не задерживайте Шуру, он должен вернуться к сроку, иначе потеряет службу, которая для него **все**.

Папин приезд дня на три (чтобы не оставлять Марию Ник‹олаевну› одну) очень желателен.

Сам я могу выехать, как только будет смысл. Меня ничто не задержит.

---

[1] *Утрачена небольшая часть текста (нижний край листа).*

[2] *Против этой и предыдущей фраз слева на полях снизу вверх приписано:* очень важно!

45.

В КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «PETROPOLIS», *18 мая 1923 г.*

В К‹нигоиздательст›во «Petropolis»

В последний раз предлагаю доплатить мне **обещанный** Я. Н. Блохом номинал за «Tristia», купленные у меня за гроши в 1920 году и изданные в 3000 т. экз. в 1922 г.

Вы нарушили не только слово, не только этику, но и чудовищно отступили от *нормального* договора. Законы Р.С.Ф.С.Р. на моей стороне. Отказ в немедленной уплате я буду рассматривать как вызов. С **кабальными** сделками на книги мы будем бороться всеми законными средствами. Я требую **5000** рублей (д‹ен›зн‹аками› 23 г.), каковые доверяю получить моему брату Евгению Эмильевичу Мандельштаму.

О. Э. Мандельштам 18 мая 23 г.

46.

Л. В. ГОРНУНГУ, *‹июль — август 1923 г.›*

Многоуважаемый Лев Владимирович!

Спасибо за стихи. Читал их внимательно. Простите меня, если я скажу о них в этой записочке: в них борется живая воля с грузом мертвых, якобы «акмеистических» слов. В‹ы› любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущенье времени меняется.

Акмеизм 23‹-го› года — не тот, что в 1913 году.

Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь «совестью» поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия. Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого.

С приветом О. Мандельштам.

47.

В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ,
5 августа 1923 г.

В хозяйственную комиссию
Всероссийского Союза Писателей.

Уезжая по причине болезни жены и крайнего моего переутомления на 6 недель в санаторий Кубу в Гаспру, вместе с

женой, прошу на время моего отсутствия считать комнату за мной, а также разрешить проживание в ней моему брату, Александру, живущему при мне.

Осип Эмильевич Мандельштам

5/VIII/23.

48.

В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ,

23 августа 1923 г.

В Правление Всероссийского Союза Писателей
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление:

Настоящим прошу считать меня выбывшим из числа членов Всероссийского Союза Писателей.

Мотивированное заявление при сем прилагается.

О. Э. Мандельштам

23/VIII/23

Адр‹ес:› Крым, Кореиз, Гаспра
Санаторий Цекубу.

49.

В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ,

23 августа 1923 г.

Во Всероссийский Союз Писателей, в Правленье

Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявленье.

Настоящим мотивирую свой выход из числа членов Всероссийского Союза Писателей. Я ухожу из Союза по причине крайне небрежного отношения Правлени‹я› Союза к Общежитию, каковая небрежность лишь частное проявленье слабого культурного напряженья общей деятельности Союза.

Превосходное помещенье левого флигеля общежития на Тв‹ерском› б‹ульваре›, с хорошими комнатами и коридорной системой, благодаря небрежности Правленья почти пропадает как рабочий дом писателя. Хозяйственная комиссия, не имея, очевидно, представленья о дисциплине

культурного общежитья, соблюдаемой в любой приличной частной квартире, снисходительно предлагает людям два года подряд «ютиться» там, где они могли бы жить и работать.

Во-первых: огромная часть площади общежитья, лучшая и наиболее удобная для серьезной работы, отведена гр. Свирскому, совершенно не приспособленному для сожительства с работниками пера, отдающе‹му› весь свой день шумному и назойливому личному домашнему хозяйству.

Во-вторых: благодаря оплошности Правленья, гр. Свирский несет официальное званье «коменданта» (?) Союза, что позволяет ему держать себя в квартире исключительно развязно и по-хозяйски.

С утра до позднего вечера на кухне громкий шум от хозяйственных передряг Свирских и громогласных пререканий с прислугой (кстати, уборщицу общежития Свирский обратил в свою личную прислугу, не внушив ей ни малейшего уваженья к спокойствию и к требованиям обитателей квартиры).

В теченье всей зимы по всему дому расхаживало с песнями и музыкой, свистом и гоготаньем до десяти, приблизительно, не имеющих ни малейшего отношенья к литературе молодых людей, считающих себя в гостях у сына Свирского и относящихся к общежитию, как к своему клубу.

Далее, благодаря небрежности Свирского, который не сумел найти дворника, согласного смотреть за домом, двор дома имени Герцена по вечерам и ночам является филиальным отделеньем Тверского бульвара.

Зимой в доме было учинено доверенным лицом Союза гр. Свирским и его помощником неслыханное безобразие — избиенье в помещеньи Союза живущей во дворе женщины с нанесением ей тяжелых увечий.

Еще недавно, в теченье нескольких недель под самой моей дверью на кухне с разрешенья Свирского и ведома хозяйственной комиссии, отравляя воздух зловонным тряпьем, жила сумасшедшая гр‹ажданка› Диксон, находившаяся в бреду с припадками и плачем.

Из коридора постоянно раздаются в непристойной форме восклицанья Свирских и прислуги по поводу загрязненья уборной.

Гр. Свирский во время ремонта использовал все рабочие силы и средства для ремонта своей квартиры: разделил свою комнату пополам, сделал у себя стенной шкаф, отгородил себя отдельной дверью в коридоре с деревянной проклад-

кой до потолка, отказавшись, по слухам, в пользу этих улучшений от установки имевшейся в наличности ванны. В остальных комнатах стены плохо выбелены и пачкают, пол поломан и в щелях.

Свирский до сих пор не позаботился держать наружные двери нашей квартиры, как это водится всюду, круглые сутки закрытыми на улицу, для чего требовалось бы провести в комнаты электрические звонки; он провел звонок только в свою «квартиру» из коридора. В дом постоянно забредают субъекты с улицы, и происходят систематические кражи.

Всякое напоминанье о порядке и просьбу о тишине гр. Свирский и его семья почитают личным оскорбленьем и на первое же слово отвечают грубостью.

Зимой и весной у постели тяжело больного Шепеленко, в «комендатуре», происходили непрерывные шумные сборища гостей Свирских *(я говорю не о «юбилее»).*

Гр. Свирский, и это не может не быть известно Правленью, не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры.

К величайшему прискорбью моему, я явился единственным человеком в общежитии, пожелавшим во всей полноте, соответствующей назначенью дома, осуществленья тишины и порядка (гр. Потапенко счастливо изолирован и по преклонному возрасту безучастен, гр. Клычков систематически отсутствует, гр. Ширяевец и Шепеленко горько жалуются, но не решаются протестовать, гр. Благой предпочитает, чтобы тишину водворял я, поскольку не шумит его жена).

Означенные порядки в доме русских писателей, который должен и может быть не проходным двором, а рабочим домом, где каждая комната — писательский кабинет, не согласованы ни с именем Герцена, ни с обязательствами Союза перед обществом. При распределеньи драгоценной в Москве квартирной площади Правленье Союза должно было больше считаться с желаньем писателей работать для русской культуры, а также и реальной ценностью и производительностью их труда.

Только исключительно из деликатности и, отчасти, из брезгливости я не выдвинул до сих пор моих обвинений Правленью во всей полноте. Теперь я считаю положенье безнадежным, ухожу из Союза, который обнаружил полную беспомощность в распоряжении доверенным ему огромным жилищным богатством, и возвращаю Союзу комна-

ту, которую при существующем положении можно будет использовать только для скромного и бессловесного «жильца».

В заключенье возвращаю Правленью «порицанье», вынесенное мне, по дошедшим до меня слухам, и ставлю ему на вид, что совершенно незаконно и бессмысленно выносить общественное порицанье, не предъявив предварительно заинтересованному лицу всех обвинений и не выслушав его объяснений, и к тому же в его отсутствие. Непозволительно было расспрашивать живущи‹х› в доме не по существу моего конфликта с Свирским, а о моем «характере» и об отношеньях с прочими соседями.

Что же касается до угроз гр. Свирского «убить» меня, «искалечить», «разделаться», стереть в порошок, о которых вряд ли упоминалось при разборе дела, — то я им не придаю никакого значенья. Одновременно с этим заявленьем посылаю в хозяйственную комиссию заявленье об освобожденьи мною комнаты ввиду ухода из Союза.

Осип Эмильевич Мандельштам

23/VIII/23.

Адр‹ес:› Крым, Кореиз, Гаспра, санаторий Цекубу.

50.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹около (не позднее) 21 сентября 1923 г.›*

Дорогой папочка!

Вот уже *месяц,* как от Шуры ни слова, не отвечает на письма, телеграммы и т. д. Он был оставлен хранителем всего моего имущества; в наше отсутствие произошли важные перемены: я отказался от комнаты (письмом в Союз). Обо всем он ничего не сообщает. Какой-то ненормальный!

Срок нашего пребывания здесь кончается, 6—8 октября мы должны выехать, т. е. через 15—17 дней.

Если б не дикие тревоги из-за безобразного молчанья Шуры (между прочим, у него квитанция ломбарда на наши шубы, срок кончается 22 сентября, я телеграфировал, он не отвечает — просто сошел с ума?!?) — так вот, если б не это, я мог быть очень доволен результатами двухмесячного нашего отдыха, особенно для Нади. Плохо то, что нам нечем ехать. Не хватает 2 червонцев. Занять нельзя. И после 6-го

жить здесь тоже нельзя, перестанут кормить. Я писал тебе спешную почту и телеграфировал.

Если не получим к сроку от тебя этих денег, а это возможно лишь телеграфом на Ялту или проще на «Крым, Кореиз, Гаспра» — то мы очутимся в безвыходном положении. Это письмо тебе пересылает д-р Белоконский, который едет сегодня утром в Петербург. Еще просьба: если знаешь, что с Шурой и где он, телеграфируй ему насчет наших шуб, пока есть 2 льготных недели срока от 22 сентября. Он обещал все это сделать, но уже месяц от него ни звука! Непостижимо!!!

Беспокоюсь за мебель, которую ему доверил перевезти в другое место.

Что с Шурой?

Целую тебя, Женичку и Татю.

До скорого свидания.

Ося.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый Эмиль Веньяминыч —

я пополнела, поправилась — вы были бы довольны, не то что в Москве. Целый день играю в шахматы. Осе отдых не в отдых из-за Шуры — не понимаю, что с ним случилось. Раньше он поправился, повеселел (ведь первый отдых за 5 лет), а теперь все идет насмарку из-за волнений.

Целую Вас.

Надя.

Привет Е‹вгению› Э‹мильевичу› и М‹арии› Н‹иколаевне›. Выросла Татичка? Помнит ли Осю и меня?

51.

ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ, *27 октября 1923 г.*

В Всероссийский Союз Писателей

Узнав со стороны и случайно, что в Правлении Союза разбиралось дело обо мне (о чем мне не было сообщено и не было известно) и было вынесено постановление по этому неизвестному мне делу, прошу не отказать мне прислать выписку из соответствующего протокола.

Осип Эмильевич Мандельштам

27/X/23
Адр‹ес:› Остоженка, Савеловский пер. д.9
Евг. Як. Хазину для О. Э. Мандельштама.

52.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹конец ноября 1923 г.›*

Дорогой папочка!

Получили мы твое последнее письмо-фельетон. И оно доставило нам большую радость. Ты смотришь в корень и проявляешь большую проницательность. Мы тебе немедленно ответили телеграммой. А сейчас, в ожидании приезда твоего, хочу тебе подробно на все ответить.

Приехав в Москву, мы три недели жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. Это было довольно уютно и весело, благодаря его милому характеру и тому, что он как раз перед этим развелся с женой, — но не очень удобно.

Я несколько растерялся. Выпустил вожжи. Ни работы, ни денег, ни квартиры. Надюша ездила четыре раза за город (о городе мы и не думали). Все напрасно. Там лачуги, чепуха, дорого, слякоть. В городе комната стоит червонцев 40. Мы хоть уезжать — но куда? — были готовы! Хотели снять с учета *магазин,* чтобы жить.

И вдруг приходит человек и говорит: немедленно поезжайте на Б. Якиманку. Через 20 минут мы за Москвой-рекой. Тихая улица. Доми‹к — › «особняк с колонками». Квартира профессора, который живет круглый год на даче. Комната огромная: 8 х 8 аршин, 2 окна, светлая... Тихо... Рядом живет какой-то чудак, что-то вроде музыкального критика или стихотворного эстета... Бедность в доме, как в 20 году.

Просят за комнату 15 червонцев и сдают ее до осени. Разумеется, мы взяли. Там видно будет. Очевидно, мы купим ее совсем. Сейчас мы уже месяц как переехали, прописались, перевезли мебель. У нас тепло, невероятно тихо. До центра 20 м. трамвая. Ни одна душа к нам не заходит. Своя кухня... дрова... тишина... Одним словом, рай... Акушером переезда был Евг‹ений› Як‹овлевич›. Он занял у кого-то для нас 5 червонцев в нужную минуту. На %?! Остальное я наскреб. Все вещи целы.

Что я делаю? Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выровнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр. «Литература» мне омерзительна. Мечтаю бросить эту гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом — ни-ни...

У нас, папочка, есть все необходимое для зимы: обувь, калоши, пальто, шапки, перчатки. Надюшу я одел заново,

вообще (два платья). Я хожу в стареньком костюме, но он еще держится. К нам ходят только братья: Шура и Евг‹ений› Як‹овлевич›.

Шура живет у моего приятеля Парнока. Трое в одной комнате. Беспорядок. Грязь. Холод. Комната эта около «Союза» на Тверском б‹ульваре›. Он очень устает. Почти каждый день у нас обедает (второй раз, после госиздатного обеда). Сегодня он был чистенький, в новом черном костюме. Я в счет долга купил ему ботинки-скороход. Он бритый. Новый галстук. Ему нужна кровать. Мечтаем устроить его хоть на ночлег, по соседству. Но ему будет далеко на службу. Он много работает, и хотя он всегда ноет и бредит «сокращеньем» — он прошел благополучно через сокращенье и его, конечно, ценят как очень добросовестного работника.

Наде Крым очень помог. Температура иногда еще скачет — но она живой человек, хозяйничает, не валяется весь день, ходит по городу — чудеса!

Милый папочка! Скажи правду — ты приедешь к нам и когда? Мы тебя так примем, что лучше нельзя. Тебе должно понравиться. Что у тебя с раной? Не нужна ли тебе клиника в Москве? Я могу устроить.

Береги себя. Берегись работы. Что такое ты затеял с трестом?

Можете приехать вместе с Женей. Если Женя хочет приехать, помоги ему только доехать ко мне. *Если он уже будет здесь, я выцарапаю деньги,* пошлю М‹арии› Н‹иколаевне›. Пусть он отдохнет, поищет работы в Москве или через Москву...

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый Эмиль Веньяминыч! Получили ваше чудесное, остроумное письмо и страшно обрадовались — давно уж ничего не получали. Мы очень хотим, чтобы вы приехали. У нас в комнате вам будет гораздо удобнее, чем в прошлом году, и наконец-то мы сможем вас принять по-домашнему и хорошо. Очень, очень прошу вас приехать. Ося сейчас меньше бегает, и вы не будете целый день со мной, на что вы очень жаловались, хотя, право, мы отлично с вами проводили время. Я и сейчас говорю Осе и Шуре, что, если б они были ко мне такими милыми и внимательными, как вы, было бы очень хорошо. Целую вас. Жду. Буду очень рада вас увидеть. Приезжайте.

Надя.

53.

Э. В. и Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМАМ, *‹около 21 декабря 1923 г.›*

Дорогой папочка!

У нас все складывается благополучно. Работа, конечно, принята. Деньги я получаю в два приема, половину сейчас, половину через десять дней (кризис кассы издательства перед праздниками). Поэтому посылаю тебе сейчас *3* червонца — ½ червонца на подарок Татичке — и через 10 дней посылаю еще 4.[1] (Ручаюсь за Осю, как только заплатят — вышлю, чистая случайность, что перед Рождеством не было выплат. Надя.) Кроме того, письмо от Германа. Прости, что распечатал: думал, есть порученья, но не разобрал почерка. Был у Гольца. Он сказал, что ответ надеется получить в понедельник. Он в самом деле преданный тебе человек и с большой охотой делает то, что обещал: он *хочет,* чтоб ты работал.

Мы с Надей во вторник едем на неделю в Киев: нам стоят только билеты. Там нас будут кормить, возьмем оттуда посуду, разные нужные хозяйственные вещи. Это будет наш отдых — всего за 4 червонца. Кроме того, нас ждут по возвращении 6 червонцев в Кубу «акобеспечения», за 4 месяца. Выдают 10 января. Итого я получу 13 червонцев, числа 8—10-го. Будь спокоен, я не сделаю такой низости, как **украсть**, буквально, у тебя 4 черв‹онца›!!! Теперь, папочка, довольно о деньгах. Мне обещали устроить службу в редсекторе Госиздата. Обещал заведующий Госиздатом. Вообще, мы значительно успокоились. Не тревожимся за будущее. Мне стыдно, что я ничего не посылаю Жене. Но я сразу исправлю этот грех из аванса за новую работу, которую я получаю после праздников. На праздники Шура переезжает к нам.

Милый папочка, плохо мы тебя принимали! Тебе у нас было беспокойно. Мы не держали себя в руках. Ты попал на один из «кризисов». Но при такой каторжной работе, как наша, кризисов длительных быть не может: наступает и облегченье. Следующее письмо мы пишем тебе в понедельник. А в Киев едем во вторник. Пиши на наш адрес Шуре. Наш адрес в Киеве на неделю с 26-го декабря по 6 января: Новая ул., уг‹ол› Меринговской, д. 1/3, кв. Хазина.

Милый Женичка! Твой брат все это время был совершенно беспомощен. Но все-таки я выбрался из ямы. После праздников жду тебя. Я уверен, что тебе можно устроить

---

[1] *Слова, заключенные между тире, вписаны при завершении письма.*

службу в Москве и перевод в Университет. Напиши нам в Киев, немедленно. Страшно хочу тебе помочь. Но все в обрез. На руках 4 червонца, на две недели. После праздников будет гораздо лучше. Ты знаешь меня: лишь бы тебя увидеть — и я начну думать только о тебе (таково уж мое свойство). Приезжай через две недели. Я буду с тобой всюду. Это ужасно, что мы не живем вместе. Моя Надя *2 года* ждала поездки к родителям. Я не могу лишить ее этого. А как она устала! Как работала! Это тебе скажет папа.

Папочка! Я посылаю еще ½ червонца совзнаками. Это на подарок **Татичке** от нас. Купи игрушек и вкусных вещей. Ты сумеешь!!!!

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›
Целую. Надя.

Хорошей елки желаю Татичке! Целую милую детку. Папа купит ей мои подарки.

До свиданья, папочка, через месяц в Петербурге.

Ося.

Береги здоровье! Следи за раной!!!

54.

Б. В. ГОРНУНГУ, *‹начало 1924 г.›*

Многоуважаемый Борис Владимирович!

Давайте все-таки возьмем следующую пятницу. У меня на плечах огромная и спешная работа; буквально каждая минута эти дни рассчитана, и, физически присутствуя на своем докладе, я все равно буду неспокоен.

Передайте мои извинения Л. К.

С искренней преданностью
О. Мандельштам

55.

А. В. ШИРЯЕВЦУ, *‹21› января 1924 г.*

Уважаемый Александр Васильевич,

весьма меня обяжете, ответив мне на следующие три вопроса: 1) известно ли Вам, что на основании Ваших показаний Правление Союза Писателей постановило отправить мне письмо, содержащее порицание и угрозу лишения комна-

ты; 2) согласны ли Вы с таковым использованием Ваших показаний; 3) что именно говорили Вы обо мне представителям Правления Союза Писателей?

Надеюсь, Вы не откажете мне в незамедлительном ответе, потому что отсутствие у меня определенных сведений по всем трем вопросам делает чрезвычайно неопределенными наши личные отношения.

С сов‹ершенным› уваж‹ением›
О. Мандельштам

21/I/24.
Москва, Б. Якиманка, 45, кв. 8.

56.

С. З. ФЕДОРЧЕНКО, *9 июля 1924 г.*

9/VII/24

Уважаемая Софья Захаровна!

Вчера Вы были так добры, что в первое же мое посещение занялись моей характеристикой и в кратком очерке прибегли к выраженью «ничего, что он, т. е. я, — немного жулик...». Очевидно, говоря это, Вы полагали, что сообщаете мне нечто естественное, к чему я привык как к общественному положению и своего рода «званию». Иначе я не могу объяснить той легкости, с которой чудовищный эпитет сорвался у Вас с языка...

Вы очень ошиблись: я *не привык* к подобным характеристикам, даже шутливым и дружелюбным. Вчера я не хотел углублять этой «темы» ради моей жены, — теперь же настойчиво прошу Вас указать мне *источник гнусных сплетен,* которым Вы, очевидно, поверили и чего не скрыли от меня (считая, что это не повредит нашей приязни).

Жена моя и я просим Вас, если Вы дорожите нашим уважением, — *определенно и точно* сообщить, *кто* и *что* говорил *Вам* обо мне **предосудительного**. В случае же, если Ваши слова имеют своим источником *Ваше личное от меня впечатление* — положение *совершенно непоправимо.*

С искренним уважением
О. Мандельштам

Адр‹ес›: Б. Якиманка 45, кв. 8.

57.

А. К. ВОРОНСКОМУ, *‹август — сентябрь 1924 г.›*

Уважаемый Александр Константинович!

Посылаю вам выправленный текст моих «Записок». Простите за чудовищную проволочку: она объясняется отнюдь не забывчивостью моей, а тем, что я хотел над вещью спокойно поработать. Буду вам весьма признателен, если вы сообщите мне, когда и где вы собираетесь ее печатать, так как я предполагаю, *выждав приличный срок после появления ее* в «Красной нови» или «Круге», напечатать ее с некоторыми дополненьями книжкой, о чем я и вел переговоры с «Ленинградом».

Разумеется, после моей медлительности, я не решаюсь торопить вас, а с дальнейшими моими планами на книгу буду ждать *ровно столько, сколько вам потребуется.*

С искренним приветом О. Мандельштам.

Ленинград. Ул. Герцена, д. 49, кв. 4.

P.S. Из мелькавших названий мне бы хотелось остановиться на «Шум времени», с подзаголовком: «Записки». Очень прошу прислать корректуру, которую я *не задержу.*

58.

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ», *3 апреля 1925 г.*

В Издательство «Время»

Настоящим доверяю брату моему Евгению Эмильевичу Мандельштаму произвести окончательный расчет по книге моей «Шум Времени».

О. Э. Мандельштам

Детское Село
3 апр‹еля› 1925.

59.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹14 октября 1925 г.›*

Надичка родная моя! Душенька милая!

Ты сейчас из Москвы уедешь, а я на почтамте тебе пишу в 6 ч. в‹ечера›. Вчера на обратном пути я заехал к Выгодско-

му. У него было заседанье домкома, и потом мы говорили о Прибое и я придумал Эдгара По(?). А у Лившица мне открыл рыжий мужчина, похожий на повара, и сказал: «Никого нет». Вечером я даже перевел 3 стр‹аницы›. Аня была кроткая. А сегодня мы в 8 встали, до 12 работали, и я пошел всюду: в газету, в Прибой, в Гиз. В газете мне обещали завтра выписать 60 р. Горлин дал какого-то «Билли»: 100 строк — 50 р., а Прибой захотел Эдгара По(?).

Родненькая моя, я тебе пишу все это потому, что я этим уезжаю, еду к тебе и уже вот близка — птица моя родная, воробушек с перчаточками! Я целую твои перчаточки, ниточки и шапчонку.

Теперь ты послушай: я в самом деле могу выехать во вторник и завтра это *выясню*. Завтра я подам заявленье Фину и пошлю в Лугу.

А Саша все плачет.

На́дюшка! Я *очень веселый* и совсем здоров. Не мечусь, а спокойно все делаю — и все все все время думаю о тебе, о Наде о родной моей.

Надичка! Ау? Дитинька, береги себя. Жди меня. Я тебе телеграфирую день отъезда. Господь с тобой, Надинька. И колечки привезу.

Ося.

‹Приписка А. Я. Хазиной:›

Целую тебя, Доня, пиши каждый день хоть по открытке. О. Е. в хорошем настроении. Я нервничаю без тебя. Писем не получила, ничего не помогает. Как здоровье?

Аня

Надька моя! Надюшок! Нануша! Я буду писать завтра 2 раза.

Дитя мое, мы вернулись домой — не хватило 20 к. Я глупо написал про Горлина: договор подписан сегодня, а *кроме* него еще 100 стр‹ок› «Билли».

Детка, будь спокойна. У нас тепло и солнце сегодня было. Я хочу к тебе, я буду у тебя.

Так может быть только несколько дней. Люблю тебя, Надичка, целую лобиньку и губы.

60.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *15 октября 1925 г.*

15/X/25
6 ч. в‹ечера›

Нануша моя родная!

Вот в четыре часа я пришел домой, пообедал традиционные тефтели, и затопили камин и ванну. Аня получила письмо, но от своей Женички. А я, Надичка, завтра плачу страхованье и часть Саше. Я был сегодня на Московской в Страхкассе, и мне сказали, что все можно сделать и оформить здесь. Сегодня утром мы *внесли проценты за часы.* «Красная» дает мне завтра 60 р., а Горлин в среду 21-го — экстренных за стихи *50.* Значит, 110 из 200 уже есть. Вопрос с «Прибоем» почти решен: ищу Эдг‹ара› По в пер‹еводе› Бальмонта, чтоб *показать им.* Таким образом, Надичка, я смогу выехать на той неделе, не дожидая вторника. Ведь из Москвы есть поезда? 1002 ночи осталось 20 страниц. Но завтра Гиз дает всего 100 р., а 20 числа 125 р.

Вот, родненькая, дела! Книжечку я тебе привезу обязательно: уж что-нибудь выдумаю.

Наночка, почему ты не написала из Москвы? Разве так делают Няки? Надик, завтра будет телеграмма от тебя?

А Мариэтта вернулась, и я хочу к ней завтра зайти. Детонька моя, телеграфируй **t°**!!!

И как ты ехала в поезде?

Надичка, у меня кружится голова — так я хочу тебя видеть.

А ты купила дыньку в Мелитополе? Дета моя, радуйся жизни, мы счастливы, радуйся, как я, нашей встрече. Господь с тобой, Надичка. Спи спокойно. Помни советы мои, детка: 1) к доктору, 2) **лучший** пансион, 3) мышьяк и компрессы.

Вчера встретил на улице Фогеля (он искал квартиру в наших краях). Он говорит, что для тебя особенно важна *неподвижность.* Не ходи! Не гуляй! На почту бери извозчика или посылай кого-нибудь.

Дета, целую волосики. До встречи, родная пташечка моя.

Ося.

Целую глаза и губы и митенки.

Детуся моя дорогая, Надик милый, прошу тебя: **не кури.**

61.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *16 октября ‹1925 г.›*

16/X Пятница

Надинька дорогая!

Сегодня утром я ходил с Сашей по делам. Дал ей 15 р. и уладил с страхованьем. Сегодня мне дважды звонили из Прибоя и просят сделать 4 листа Рабле. Завтра ответ на мои условия: 160 р. (половина вперед). Купил калоши. Сейчас для благодушия лежу в постели и диктую последние страницы «коврика». Чувствую себя совершенно здоровым. В начале будущей недели надеюсь окончательно ликвидировать все. Открыточку твою получил.

Надичка, где телеграмма из Ялты? Детуся моя, будь веселая и не держи меня в неизвестности.

Целую родную мою.

Ося. Няня.

Аня кланяется.

62.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹30 октября 1925 г.›*

Надик, милый мой новорожденный дружок!

Горячо целую. Невероятно как хочу тебя видеть.

Скоро, скоро будем вместе. Я никогда так по тебе не скучал и так к тебе не рвался. Слышишь? Надик?

До свиданья.
Твой Няня.

Я еще много, много буду тебя *нянчить,* как прежде, по-настоящему, беречь, радовать.

Надик маленький, приди ко мне.

63.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹начало ноября 1925 г.›*

Любимая моя! Надик родной! Я пишу за 5 минут до закр‹ытия› почты. Родная, спасибо за нежные словечки. Что с тобой там? *Не давай себя в обиду.* У меня все хорошо. *15-го я поеду к тебе.* Это почти наверно. Не могу без тебя, ласточка моя. Но будь спокойна — **я живу правильно, я здо-**

ров. В делах у меня удача. Завтра я пишу подробно. Целую тебя, ненаглядная. Храни тебя бог, солнышко мое.

Твой Нянь.

Целую ручки милые. Люблю. Какой я бестолковый! Не сердись!!

Деда тебя целует и Аня. Часы целы. Выкупаю.

64.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹11 ноября 1925 г.›*

Родная пташенька!

Вот мой сегодняшний день: с утра 3 часа гулял в Гизе. Касса была закрыта. Ждали артельщика из банка. Потом в 2 часа на телеграф. Потом обратно в Гиз. Завтрак у Гурме. Сегодня Горлин сказал, что, как только Ангерт привезет из Москвы утвержденный план, мы заключим договор. Потом поехал в Сеятель, показал им горлинские новые книжки: берут. Если попрошу — Горлин их отдаст.

Ну, деточка — довольно о делах. Я знаю, как это тебя волнует — потому пишу наперед. Не об этом, ласточка, с тобой говорить! Я тебя люблю, зверенок мой — так, как никогда — не могу без тебя — хочу к тебе... и буду у тебя...

Ненаглядная моя, ты за тысячи верст в большой пустой комнате с градусничком своим! Жизнь моя: пойми меня, что ты моя жизнь! Как турушка твоя? Весела ли ты? Смеешься ли? Да понимаешь ты или нет, что я **только** февраль согласен быть без тебя и больше **ни денечка**!

Аню, детка, я, свинья, еще не видел. Занят. И она *тоже.* Только перезваниваемся. У Выгодских и Бенов был. Давид с Эммой невозмутимые испанцы. Бены жалуются на дитиньку: его зовут Кирилл(?). У него злые профессорские желтые глазки. Он не улыбается и сердится очень. Им теперь *тесно.* А в доме Выг‹одских› может освободиться для нас квартирка.

Пока что, деточка, я сплю в столовой. На диван кладут мне волосяной *наш* тюфяк. Засыпаю в 1 ч., и до 10-ти глубокая тишина. Тепло и хорошо.

Сейчас был у Пуниных. *Там живет старушка;* лежала она на диване веселая, но простуженная. Встретила меня «сплетнями»: 1) Г. Иванов пишет в парижских газетах «страшные пашквили» про нее и про меня; во-2), «Шум времени» — вызвал «**бурю**» восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати, с чем можно нас поздравить. Еще курьез:

сегодня в Вечерней я прочел, что «вчера я ходил в Финотдел жаловаться на налоги». И не думал я ходить! Врет газетка — но это хорошо: я эту вырезку посылаю тебе и сохраню газетку для фининспектора!

Нежняночка! Я еще не имел от тебя писем. Знаешь, где я пишу? На Николаевском вокзале в десятом часу вечера, после Пуниных...

До завтра, детуся! Господь с тобой, родная! Целую нежно, долго, много... лапушки твои и волоски и глазы...

Становлюсь в очередь с письмом. Пиши ежедневно, родная.

Твой Нянь.

Надя! Не скрывай от меня **ничего**. Слышишь, родная!

65.

Д. И. ВЫГОДСКОМУ, *[15] ‹ноября 1925 г.›*

Прошу Давида Исааковича передать Горлину высылаю рукопись Карстена двадцатых числах первого могу начать новую работу деньги двадцатого прошу выслать телеграфом пансион Тарховой.

Сердечный привет. Мандельштам

66.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹около 17 ноября 1925 г.›*

Дорогой Женя!

Доехал я до Москвы, вышел на перрон — и опять... Тут и присел на доски. Привели люди к нач‹альнику› станции. Туда уже приехал и забрал меня Шура. Это, я думаю, от духоты и дурного воздуха в вагоне. После Москвы стало уж вовсе нестерпимо и пришлось переходить в мягкий. Теперь мне с каждым днем лучше и осталось одно головокруженье во время ходьбы (легкое). Курить мы бросили **совсем**. Я даже подымаюсь по крутым уличкам и лестницам — и ничего.

Надя тебе про себя написала. Трудно с ее питаньем, когда, временами, кишечник *ничего* не переваривает.

Спасибо тебе, что повозился со мной. Улучи минуту — сходи к фининспектору. Ты сам знаешь, как это важно.

Работать я уже могу, но очень умеренно, в половинную

нагрузку. Если Ленгиз (Выгодский) вышлет деньги, — то у нас есть декабрь, а не то — *один ноябрь.* (**Недаром** я не хотел сюда ехать, *не оплатив* ноября!) О прежней сумасшедшей работе не может быть больше и речи.

Милый Женя, к сожаленью, мы встречаемся лишь «во дни торжеств и бед народных»! Но, видно, так суждено. Я очень думаю о папе. Будь к нему внимателен. Он без калош, без фуфайки. Позаботься о нем, пока я не оправился. Я же устрою ему малость денег через Выгодского. Получил ли в «Звезде»?

Пиши, Женя! Не забывай своего старого заслуженного брата.

Целую Татиньку! Целую тебя! И особенно папу-деду!

О.

В Москве было очень худо, прямо страшно — а все — *невроз* — так сказал профессор (еще один).

67.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹около 27 ноября 1925 г.›*

Дорогой папочка!

Очень огорчен, что ты беспокоишься. Мы с Надей очень уютно здесь живем. Последнее приключение в стиле петербургских со мной было в Москве. Теперь уж две недели не знаю ни докторов, ни лекарств, умеренно работаю и двигаюсь.

Живем мы в громадной комнате с тремя окнами и балконом. Улица уходит в гору, и нет ни одного ровного места: вверх или вниз! Сейчас я сижу в рубашке, засучив рукава, и на балкон выйти боюсь, потому что слишком жарко. Так бывает полдня. Но иногда и ночи почти душные, а иногда вдруг сразу холодеет и туман такой, что крепко закрываем дверь и ничего не видно, ни моря, ни города. Надя очень и не шутя поправилась, прибавила 5 фунтов веса. Уже 10 дней у нее нормальная температура, но перед этим были нехорошие дни, и боли в кишечнике все-таки держатся, хотя и не острые.

Несколько раз мы спускались в город, гуляли по набережной и пешком подымались домой. Сейчас Надя разбила градусник (второй уже!), а градусники здесь стоят 4 рубля! Милый папочка, не беспокойся о моем здоровьи: я работоспособен и совсем еще не инвалид. Мне нужен был лишь отдых, а лучшего отдыха и не придумать. В Москве Шура

был необычайно мил и внимателен. Если б нужно было, он меня проводил бы хоть ‹в› Крым! Народу сейчас в Ялте очень мало, одни больные, большей частью санаторные. Против нашего дома санатория, а рядом, за стенами, больные. Туберкулезные на вид очень здоровые и жизнерадостные люди, мы к ним привыкли и не боимся их ничуть.

Надичка помогает мне в работе, часа 2—3 в день. Диктовать здесь оказалось некому, а сам я, как знаешь, не пишу. Сегодня и вчера у Нади болезненные дни. Температура сейчас 37°, она лежит в постели, но веселая. Я купил Наде домино-костяшки, шахматы и карты. В домино мы с ней много играем, кроме того, она шьет себе какую-то штуку, делает пасьянсы и вообще играет в разные игрушки, что ей очень к лицу. Даже учится английскому языку, очень усердно.

У нас уплачено в пансионе до 1 декабря, а там нужно вперед дать 250 р. От Госиздата я жду в этом месяце 320 р.: должно хватить. А сейчас мы сидим с 8 рублями, но нам и не надо денег: разве что на фрукты и газету.

Поцелуй, папа, Женю и Татиньку! А вдруг мы на масленице вернемся? Нет, об этом нехорошо для Нади думать! А я-то, конечно, приеду. Пиши, папочка, подробно о себе, пришли мне свои рукописи, давай как следует переписываться! Целую тебя крепко.

Твой Ося.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый деда! Целую вас много раз. Ося поправляется и добреет.

Надя.

68.

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ», *[14] ‹декабря 1925 г.›*

Высылаю перевод опозданием двадцатых числах

Мандельштам

69.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹16 декабря 1925 г.›*

Дорогой папочка!

Получил твое доброе и хорошее письмо; хоть по-немецки — но разобрал все. В двух словах соль положения: мы сейчас переживаем полный денежный, а может, и жизнен-

ный крах. *Госиздат на время или навсегда лопнул.* Не только жить, но даже вернуться нечем. Уже вторую неделю туда и назад летают телеграммы... Зима в Ялте тяжелая. Дожди. Пансион плохой. Надя *все время* хворает. *Температурит. Сильные боли.* Общее улучшенье, однако, несомненно. Я же — ничего. Работать могу.

Целую Женю и Татиньку.

Твой Ося.

Женя, мог бы поинтересоваться!

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›
Целую деду. Хочу скорей вернуться. Скучаю.

Надя.

Вернуться Наде — немыслимо.

70.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹18 декабря 1925 г.›*

Дорогой папочка!

Третьего дня я послал тебе паническую открытку. И в самом деле было с чего бить тревогу... Целый месяц мы сидели забытые Госиздатом — без всяких получек, без твердой работы — и с предупреждением, что на будущее рассчитывать нельзя. Вчера получили телеграмму Горлина: ближайший месяц опять обеспечен. Спасибо Выгодскому, удивительно внимательный человек на страже моих интересов...

Получив деньги — немедленно тебе вышлю. А на будущее время бери прямо у Выгодского, когда он для меня будет получать (5-97-33).

В твоем письме зимняя Ялта изображена раем. Это жесто‹кая› ошибка: это скорее умеренный ад. Холод. Осень. Скука. Таких ливней я никогда не видел. Под домашним арестом, не видя лица человеческого, сидим неделями... Работаем по-городскому, но не устаем.

У меня к тебе большая просьба: не пиши по-немецки: половину не разбираю, по десяти раз перечитывая письмо.

Я приеду, очевидно, в феврале, тогда поговорим о ‹тебе›.

Гораздо вероятнее, ты примешь (к большой нашей радости) предложение прожить с нами с апреля — по октябрь — на дворцовой дачке в царскосельском парке? Передаю пока перо Наде:

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый деда!

Нам очень хочется снять дачу, но не в Луге, а в Царском, в «Китайской деревне» (это несколько домов в самом парке) домик и прожить вместе лето. Напишите, милый деда, как вы к этому относитесь. Целую.

Надя.

Твое письмо, как ни трудно его прочесть — все же и прозрачно и понятно. Ты хорошо обо мне думаешь, я же — страшная свинья. Имей в виду — я крепок и здоров. У меня было *острое* заболеванье. Жду не только писем, но и *работ твоих*. А у меня своих трудов — нет. Пока — не хочется.

Целую крепко тебя, Татиньку и Женю.

Твой Ося.

Стыдно, Женя! Ай-ай!

71.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹29 января 1926 г.›*

Севастополь.
Буфет.

Радость моя ненаглядная!

Я не хочу писать тебе открытки, потому что я хочу сказать, что ты нежняночка — милая моя в худых туфельках — как стояла на набережной ангелом родным...

Целую, целую, целую и радуюсь, что ты со мной, что ты со мной! Я прекрасно доехал. Поездка бодрящая. Телеграммы отправлены. Билет в кармане. Был очень сонный и замерз. Сейчас отогрелся и отдохнул.

Надичка, покойной ночи... Спи, дружок мой ясный, и проснись умницей.

Няня с тобой.

Все время буду писать с дороги.
Сейчас без 10 *девять*.

72.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹30 января 1926 г.›*

Родная Надинька!

Сейчас приехал в Харьков. Завтра в Москве поезд стоит *целый день*. Ехать было очень скучно, но я встал только в

12 часов. Погода довольно теплая: –5° (?). Завтра обменяюсь с Шурой шапками и погуляю. Я спокоен, весел и здоров. Целую тебя, моя радость — завтра пишу подробно.

Твой Нянь.

73.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *2 февраля ‹1926 г.›*

2 февр‹аля›

Родная моя нежняночка!

Здравствуй! Няня твоя с тобой говорит и целует в лобик! Мне хорошо, детка. А тебе как? Не скупись на письма.

В Москве меня встретил донкихотообразный и страшно милый Шура. Потом я поехал к Пастерн‹акам› и видел их мальчишку. Он сказал: «Я еще маленький». Ему 2½ г. Он требует участвовать в *общем* разговоре. Твоему Жене Шура не успел передать. С Аней говорил по телефону. Она сказала: «У меня частная служба». Пояснить не пожелала. Подробности узнаю завтра. Дела так: (Да, между прочим: в Москве меня заговорил Пастернак, и я опоздал на поезд. Вещи мои уехали в 9 ч. 30 м., а я, послав телеграмму в Клин, напутствуемый Шурой, выехал следующим, в 11 ч.(?). Приехал — и в Г.П.У. на вокзале мне выдали мой багаж. Вот приключенье!) Вот, Надик, дела: Ленгиз — разворошенный муравейник. Тенденция — не то сжать, не то уничтожить. Никто ничего не знает и не понимает. Горлин разводит руками с виноватой улыбкой. Около него — только ближайшие сотрудники. Публика и дамы уже перестали ходить. Рецензии еще есть, но книги посылаются на утвержденье в Москву. Первая партия уже послана. Как только вернется — будет новый договор. Лозунг такой: быть ко всему готовым и пользоваться последними неделями для обеспечения себя работой. Мне выписано в Гизе на завтра 125 р. в **оконч‹ательный› расчет** за текущ‹ие› кн‹иги›. Сегодня получил 100 р. за «ничего» в «Звезде»: устроил это Белицкий. Ионов уезжает. Белицкий остается — пока. Получил 3 книги на реценз‹ию›. На субботу «включен» по горлинской заявке. В Прибое **абсолютно** спокойно. Они переписывают, я правлю. Обещают не задержать. Нашел машинистку. Сегодня приступаю к диктовке.

Деду нашел бедного, сжавшегося в комочек за печкой, с головной болью. Развеселил его. А Женя мой *безукоризнен.*

Мар‹ия› Ник‹олаевна› вежлива, как пустое место. Вчера мне ванну стопили. Женя предлагает мне: 1) столовую, 2) светлую людскую 3) или комнату поблизости. Категорически отказываюсь от комнат. Мы сделаем так: я компенсирую 10 — 15 р. Надежде, и она перейдет на месяц в *темную* людскую. [Женя подтверждает, что это самое лучшее, т. к. мне нужен «дом».]

Погода очень мягкая: 3—4°. Переход был очень легкий. Итак, роднуша, февраль уже оплачен сполна (Прибой + 225 р. Гиза). Заключу еще договор — другой, и опять мы свободны и с марта можем быть вместе. *Сегодня* **звоню Фогелю** о кварце и сообщу **тебе телеграфно**.

Надинька! Если тебе скучно — помни: к 1-му марта я могу быть с тобой!

Нет, детка моя: я могу быть с тобой *в любую минуту:* **только скажи!**

Пташенька бедная! Что там с тобой? Телеграфируй подробно.

Господь с тобой, родная! Ангел мой, люблю тебя, ненаглядная моя.

Твой друг, брат, муж.
Няня.

74.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹5 февраля 1926 г.›*

Родная моя!

Что ни день — от тебя письмо... Спасибо тебе, нежняночка! Ты жизнь моя, а еще спрашиваешь... Знаешь, детка, быстро-быстро пройдут эти недели. Нас оторвали друг от друга. Это какая-то варварская нелепость: *мы не можем не быть вместе.*

Уже два дня я не выхожу. Больше 20° мороза с сильным ветром. Сижу в кожаном кабинете. Окна замерзли. Тепло. Тихо. Татька. Тихонечко работаю. Мне уже переписали всю книгу. Не кривя душой скажу: ты умница, хорошо перевела: совсем, совсем неплохо. Очень мне помогла. Дай расцеловать тебя. С завтрашнего дня Женя нашел мне машинистку — работать у меня.

Деда — ангел. Ходит для меня в Прибой и на почту. Рецензии есть, но денег за них не сразу выдают: они выписываются и *накапливаются.* Завтра приезжает Бройдо. Завгиза. Ждем полной ясности.

Аню все еще не видел, но каждый день с ней говорю. Оказалось (пришлось тянуть ее за язык), что она служит гувернанткой при двух детях — мальчик 7 и девочка 9 л. в «среднебуржуазной» семье. Это она называет «частной службой». Голос у нее веселый, и по телефону я слышал, как ее теребят дети: «Они зовут меня смотреть на их *представленье*».

Надюшок, как ты распорядилась деньгами? Не давай в восьмой номер больше **30**. Оставь себе 50 р. на расходы. На днях вышлю тебе еще 100 р. Детка родная, близкая моя, хоть бы карточка твоя со мной была! Я твой чесучовый шарфик обмотал и ношу вроде жабо. Наш плед — это тоже ты...

Пиши мне правду, только правду о *своем здоровьице. Каждую мелочь пиши.* Жена Пунина не советует кварц, а лучше *дождаться солнца.* Сейчас говорил по телефону с Шкловским. Он здесь. Приедет ко мне завтра. «У меня, — говорит, — есть дело к вам!» Я думаю, Надинька, что, кончив «Прибой», поеду в Москву, а оттуда так близко к тебе, что я не устою... Что ты скажешь? Впрочем, я буду рассудительный, пока нужно, пока можно быть рассудительным.

Господь с тобой, ненаглядная моя, радость моя — жена моя без колечка еще. Люблю, как только можно любить, т. е. дурею и ни с кем ни о чем не могу говорить. Жизнь моя: целую без конца.

Нянь.

Завтра подпишусь на вечерние для моей детушки газеты и вышлю Трамвай.

Ты не поверишь, а мне у Жени *очень славно*. Татька ходит в детский сад. «Дама» с нее сошла. Она тощая и очень шальная девчонка. *Читает* все, даже на днях прочла «аборт» — бабушка, что такое? — и «правительствующий сенат». Деда тебя целует!

Анна Андреевна шлет привет. Ек‹атерина› Конст‹антиновна› тоже.

Нануша: не кури (и я), кушай яйца, масло, пей какао. **Не опускайся**. Подтягивай старуху. Дразни ее червонушкой!

75.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[7 февраля] ‹1926 г.›*

Телеграфируй здоровье температуру только правду всегда тобой Няня все благополучно писал вчера сегодня

76.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *7, ‹8› февраля ‹1926 г.›*

6 ч. в‹ечера› — 7 февр‹аля›

Родная моя! Получил сегодня твое грустненькое письмо и к вечеру жду ответа на телеграмму. Детушка-зверушка, неужели тебе там плохо? Вели хорошо топить в комнате! Какие купила туфельки? Ходишь ли в город? Как твой **вес**? Я, родная моя, уже четвертый день не выхожу; у меня был легонький «грипп» — на 37,3° — уже прошел... Да и морозы, кстати, полегчали. Завтра уже выйду. Деда мне даже не пробует читать философию: все равно видит, я не о том... Женя над ухом бубнит по телефону... Модпик цветет! Татька на коленях у меня тебе написала письмо: своей рукой... Сегодня, маленький мой, я дошел до листочков *твоей работы,* и мне весело их перебирать.

Пташенька, беляночка нежная — каждый вечер, засыпая, я говорю: спаси, Господи, мою Надиньку! Любовь хранит нас, Надя. Нам ничто не страшно. Радость моя! Нам нет расстоянья. Но я безумно хочу быть с тобой.

Дней через 10 я кончу мои петербургские дела и через Москву поеду к тебе. Детуська! Зверик! Не смей обо мне тревожиться! Я стал человеком довоенной крепости. Мне все легко сейчас дается. Тут у Жени семейный мир и скука. М‹ария› Н‹иколаевна› страдает припадками. Она очень притихла. Папа-дедушка все время обижается: все его обходят, обносят будто бы и т. д. Да, он прав, милая, но у них вообще голодновато...

Я, Нануша, мечтаю, как я завтра в город выйду, зайду к Горлину, увижу людей, похлопочу о новом договоре, пошлю тебе газетки и спешное письмо.

А сейчас, родненькая, папа отбирает у меня это письмо — опустить. Целую тебя, ненаглядная, днем и ночью с тобой, ни на минуту не отхожу от тебя.

Твой Нянь.

Родная ненаглядная Надинька:

Вчера папа опоздал отправить спешное письмо, и я сегодня приписываю.

Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его кино-издательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить. Поеду я *только* кончив Прибой. Сейчас жду машинистку, которая звонила, что уже

выехала с машинкой. Вчера поздно вечером говорил с Горлиным. Мы не расформированы. Работа будет продолжаться. Ангерт вернулся из Москвы. А еще, нежняночка моя, хочу тебе сказать: я без тебя не могу, мне просто дышать нечем. Я считаю дни, но здоров и что называется бодр. Пташенька, телеграфируй мне чаще. Не терпишь ли ты лишений? Не утесняют ли тебя? Целую рученьки.

Твой Нянь.

77.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ (от имени и со слов Таты Мандельштам), *‹7 февраля 1926 г.›*

Милая тетя Надя.

Мне папа подарил куклу, и я ее назвала Мариночкой. У ней очень много приданн‹ого›. По воскресеньям папа теперь дома. Бабушка по воскр‹есеньям› иногда вечером уезжает. Дядя Ося что-то у нас «улегся»* [«Ты же лежал вчера?»]

Тетя Надя, приезжай, и т. д. [«Приглашает», говорит — сама про себя.]

Письмо оффициальное	*‹Подпись Таты Мандельштам:›* ТАТА	Подпись личная

78.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹9—10 февраля 1926 г.›*

Родная моя голубка, слышу твой жалобный голосок! Не плачь, ребеночек мой, не плачь, дочурка, вытри глазы. Слушай свою Няню. Приблизительно через месяц можно думать о Киеве. Я сделаю все, чтоб вызволить тебя от старухи. На этой неделе я имею от Горлина **80** р. 19-го Прибой дает первые **100** р. Весь этот месяц и даже следующий прекрасно обеспечен. Я постараюсь занять и выслать тебе своевременно, чтоб ты могла переехать, *сразу* рублей 200—250. Дета, у тебя правда не болит твой пуз? *Умоляю, не скрывай*. А тура? А вес? Если я паче чаяния пришлю *меньше* денег — оставь

* Вчера я днем лежал на диване в столовой.

их себе: на вкусности, на прикупочки: мандарины, икру, хорошее масло, печенье, ветчинку. Скрась свою грустненькую жизнь. Ходи в город. Найди «нежного». Слышишь, родная! Фогель очень доволен моим отчетом. Кварц одобряет: «Почему нет?», говорит. Советует избежать здешней весны, особенно марта.

Родненькая, знай, что я **могу** достать для тебя денег. Здесь Рыбаковы: Пунин попробует занять мне под Прибой. Я еще не просил. Не знал, что тебе там худо. Держусь пока независимо. Но после сегодняшнего письма сейчас же поговорю с Женей и Пуниным, и, *конечно,* они мне помогут. Кривые ноженьки и нежные плечики и ротик большой — целую, целую...

Вчера была Аня. Ее не узнать. Бойкая, поздоровевшая. Служит она гувернанткой у крупного трестовика. Ходит в твоем старье, в сером балахоне, лисе и тифлисской кацавее. Через пороги прямо прыгает... Мама ей связала розовый шарф.

А я, дета, весело шагаю в папиной еврейской шубе и Шуриной ушанке. Свою кепку в дороге потерял. Привык к зиме. В трамвае читаю горлинские французские книжки.

Надик, не смей не спать! *Вели ежедневно топить как следует.* Часов в 11 в‹ечера› мне кладут наш «волосяной» на диван в столовой. Я стелю постельку. Жени никогда нет. Тишина. Бродит деда. Только успею сказать — спаси, Господи, Надиньку — и засну.

Пташенька, вот мой совет еще раз: если сумею прислать *сразу достаточно* денег — переезжай **осторожно.** Если пришлю мало — умно *прикупай* в городке. *Начни кварц.* Первые (после 210 р.) — **100** р. тебе назначены на радости жизни и на «возю». — Сейчас, родная, я здоров, как никогда, спасибо тебе, ангел мой, за жизнь, за радость, за словечки твои. Завтра шлю тебе подарочки читательные.

Горлин поручил мне писать рецензии (на утвержденье) *для Москвы.* Что пройдет — будет мое. *Первая же утвержденная* книга. Кончив Даудистеля (вчера я сдал всю *нашу* работу), еду в Москву, где *Шкловский подготовил мне почву.*

Няня с тобой! Нарисуй мне рисуночек — свое неуклюжее что-нибудь, дочка! Дочурочка, я люблю тебя — я этим счастливый даже здесь... Твой муж, нежняночка. Твой Нянь.

79.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹12 февраля 1926 г.›*

Родная моя, ненаглядная дочурка!

Что с тобой? Радость моя, не волнуйся, не тревожься! Сегодня жду твоей телеграммы о здоровьи. Вечером консультирую Фогеля (вторично). Пока он находит, что тебе лучше *до Киева* еще месяц подождать здесь. Сообщу ему о «рвотных движениях». От Тарховой я тебя, во всяком случае, возьму. *Деньги есть.* Прибой еще не тронут. Все пока (300 р.) дал *Гиз.* Это хорошо. Прибой мне *авансируют.* Москва даст тоже. Новый договор будет. Я могу — *и это очень серьезно* — или приехать к тебе, или выехать навстречу в Киев (если Фогель позволит). Пташенька, моментально перейди на диету — куры — яйца — каша — кисель. (Это **я**, а не доктор!!) Сейчас у меня сидит стенографистка (кончаю Прибой). Писать буду много, много... и сегодня еще **второе** напишу. Здоров как бык. Погода смягчилась. Не унывай, моя родненькая! Господь тебя храни! Скоро, скоро твоя Няня будет с тобой.

Целую несчетно любимую.

Нянь

80.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *12 февраля ‹1926 г.›*

12 февр‹аля›

Родная доченька, я случайно зашел к Выгодским и пишу у них это письмо. Посмотрел на нашу горку и сижу в красном кресле-ушане. Говорил я с Фогелем, доложил ему все твои жалобки. Он считает, что тошнота у тебя *желудочная,* что громадное значенье имеют *кухонное масло и жир* и т. д. *Во что бы то ни стало ты должна найти в Ялте хороший стол.* Возьми в гиды Емельяна и отправляйся на поиски. Деньги на переезд ты будешь иметь к 15-му (я знаю: тебе нужно 190+100 — пока что, не считая 75 посланных сегодня). В Киев ехать он **разрешает** хоть сейчас, но *рекомендует* весну в Ялте — конечно, *с хорошим столом* — и **запрещает** весну на севере, у нас. Последнее слово, конечно, за местным врачом — скажем, Цановым. Он у тебя был, детка?

Я, детуся, живу спокойно и работаю вовсю: завел манеру

стенографировать. В 2 часа делаю 20 страниц. Стенографистка ко мне приходит днем, а вечером я работаю еще часок с машинисткой на 5-й линии.

В Ленгизе мне очень идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый «дядя-одессит», с которым у нас приязнь. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил.

Сегодня я обедал у Пуниных. Там девочка Ирина — замечательно честная и добродушная. Читает Трамвай, перекладывая его в прозу. Чудовищно рисует. Рыбаковы предлагают *200 рублей*. Если Прибой задержит, я возьму, а может, и обойдусь. Каково! Пока я не задолжал ни копейки.

Родная сестричка, ты мне мало и невнятно про себя пишешь: как проходят твои дни? «Лежачая» ты или «ходячая»? Сходишь ли в город? Как твой вес? Поди к парфюмерам — свесься для своей Няни и телеграфируй мне: будет похоже на коммерческую телеграмму. Надик, что значит «боли обычные»? Я хочу знать, как часто, как долго, когда? Лежишь ли с бутылочкой? Кто около тебя, родная, когда тебе нехорошо? Кругом, Нануша, только и слышишь, что о мезентериальных железах — страшно модно. В Царском есть, говорят, хороший санаторий, где можно жить в отдельной комнате и куда меня пустят. Там лечат, между прочим, железы вливаньем кальция в жилы. Я узнал это случайно. Проверю. На лето.

А пока, нежняночка: тебе предоставляется полная свобода выбора: Ялта или Киев? Только хорошенько обдумай и *посоветуйся с Цановым.*

Если останешься в Ялте, я на март, очевидно, приеду, предварительно съездив в Москву, а в Киев приеду и подавно. К деде звонит вчера и сегодня какой-то чудак-«инженер» — зовет «работать» по кожам. Деда бедный сегодня сменил валенки на сапоги и пошел на «совещанье». А Аня и вправду стала нянькой. (Я привык Няня с большой буквы.) Надька! Знай, прелесть моя, большеротик мой, что я весь насквозь ты и о тебе! Как твой золотой волосок-борода? Дай поцелую его. Люблю тебя, как сумасшедший, до того, что не чувствую расстояния. А у меня твоей карточки нет! У тебя есть «кася» — снимись. Пташенька, самая трудная разлука прошла: мы уже идем друг к другу. Я считаю дни. Храни тебя Господь — мою нежняночку. Целую, люблю, люблю.

Нянь

81.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹14 февраля 1926 г.›*

Ненаглядная, родная, любимая — когда ты получишь это письмо, у тебя уже будет много денежек — «кася» — и тебя уже никто, мою славную, не будет обижать.

200 р. для меня взял у Рыбаковых Пунин. Прибой еще не тронут — и **на днях** ты его **весь** получишь. У Р‹ыбакова› я мог взять и больше. Сроком не связан. Было очень легко. Осложненье, что ему должна «старушка»...

Родная, я схожу с ума: на расстоянии все так страшно, хоть и знаю, что ты пишешь правду. Умоляю тебя, — возьми постоянного врача и слушайся его. Этого *требует* Фогель. Это просто необходимо. Пошли мне всю запись температуры и **вес**, когда сойдешь в город. Сколько дней ты лежишь? Как твоя тошнота? Что ты ешь? Общее или диету? Умоляю, напиши подробно, до глупости, до смешного подробно. *Я иначе не могу.* Когда болит? Сколько минуток? Родненькая, напиши!

Мой приезд, пташенька, не такая уж нелепость и невозможность. Большие шансы на договор в Гизе! Кажется, я смогу приехать на март *с работой* и остановкой в Москве. Мы опять с тобой процветем! А на апрель детку мою в Киев! А с мая с Няней в Царском Селе!

У Жени «злоба дня» его отношения с Наташей: вернее, злоба М‹арии› Н‹иколаевны› и деды. Их объединяет суровый протест. М‹ария› Н‹иколаевна› умная и добрая женщина (Женька все на нее валит!). Пусть, говорит, женится, как мне ни тяжело! Она по ночам отводит со мной душу, и мне приятно слушать ее меткую, очень образную речь. У Жени растерянный и виноватый вид, а у Наташи просто глупый. Татька для меня слишком взрослая. Она сказала Наташе: «Что ты смотришь на моего папу, словно он твой ребенок?»

Деточка, я пишу опять на вокзале: это у меня вошло в привычку, словно я хожу в гости к тебе. А по утрам я сижу на кухне у Надежды и жду письма... Милая, будет ли от тебя сегодня телеграмма? Эти дни я усердно стенографирую и диктую. Осталось 17 страниц: бр! бр! Завтра конец. Потом всей энергией на Горлина и Вольфсона, чтоб поскорей меня пустили к тебе... Целую большой ротик и родные волосенки. Слышу ночью голосок.

Някушка! Пташенька! Я иду к тебе. Уже скоро. Храни тебя Господь! Будь веселенькая. Люблю. Не могу и не буду без тебя.

Люблю. Нянь.

82.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *17 февраля ‹1926 г.›*

17/11/

Надик, где ты? Два дня от тебя ничего нет, и я два дня не писал. Третьего дня я был сам не свой. Ждал телеграммы. Звонил домой каждую минуту, и пришла хорошая телеграммушка. Я тогда встретил Шилейку на Литейном, и он проводил меня в Сеятель, позвонить — нет ли телеграммы. Он был в наушниках и покупал книги XVI века. Когда мне прочла какая-то тетка по телефону твои словечки, я так развеселился, что принял Шилейкино приглашенье пить *портер* в пивной и полчаса с ним посидел: пил черный портер с ветчиной и слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люблю только тебя — то есть я так *не сказал,* конечно — и **евреев**. Он понимает, что я совершенно другой человек и что со мной нельзя болтать, как прочие светские хлыщи...

Надик, где ты? Я пришел опять к тебе в гости на вокзал. Меня еще душит перевод Даудистеля: я правлю последнюю часть. Работы на два дня. Надичка, я *не могу не слышать каждый день твоего голоса*. Родная, что с тобой было? Установилось ли твое здоровье? Как проходит последняя треть месяца? Я на днях пришлю тебе денег на весь март. Хочешь знать, что у меня намечается: Горлин проводит для меня одну забракованную книгу с поддержкой Вольфсона. Маршак заключает договор на биографию Халтурина — плотника-народовольца: 1–1½ листа, 150–200 р. Это очень легко. Я напишу в 5 дней. Затем Федин включил книгу стихов в «план» — пошлют в Москву (только список названий и «аннотацию») — и... вычеркнут... Рецензии идут... Через неделю все эти узлы распутаются. В деловом отношении я совершенно спокоен. Лишь бы мне удалось поскорей к тебе. Так не хочется тебя трогать в эти проклятые снеготаялки-города...

Надик, ты ходишь к собакам гулять? По моей дорожке над армянскими кипарисами! У Татиньки сегодня жарок. Я все жалуюсь ей, что хочу к тете Наде, а она говорит: ну так поезжай, я тебя отпускаю. Деда ездил в Лугу «по делу» и привез насморк. Приходила Саша: без работы, продавала бублики и все мечтает о «союзе».

Надик! Нежненький мой! Я был у Бенов: они повели меня в кино. Они ходят по понедельникам, как в баню...

Прости мне, голубок, что два дня не писал... Пташенька, как твое личико сейчас? Ты не бледная, не грустная?

Детка, стучат штемпелями на почте... Без 10-ти одиннадцать. Сдаю письмо. До завтра, любимая моя, ненаглядная.

Целую тебя. Слышу каждую минуту. Твой Нянь.

Господь тебя храни! Люблю. Нянь. Надик! Это я.

83.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹18 февраля 1926 г.›*

Надик доченька, здравствуй, младшенький! Няня с тобой говорит. Ты мне в письмах *не пишешь температуры и пр.* Так нельзя, ласковый мой. Каждый день пиши.

У Татьки ветряная оспа. Она лежит в жару веселенькая: «Напиши тете Наде, что я немного простудилась. Больше ничего не придумаю». Над губой у нее уже маленькая пустула. Болезнь пустяковая. Сегодня, Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решили все-таки оформить в Москве (это займет 10 дней), а пока я получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях — 6 листов по 35 р. Я весь день спокойненько сижу дома. Завтра кончаю Прибой. Вечером меня потянуло на вокзал — к тебе — с «Трамваем» и газетками. Для меня эти поездки отдых — прямое сообщенье «четвертым». Деда все ходит по евреям-каплунам. М‹ария› Н‹иколаевна› — она *очень неплохая,* настоящая умница — велит вставить ему челюсть. Эта бабушка — прекрасно ухаживает за дедой и Татькой, все понимает и меня приняла просто без всякой натяжки — хорошо. (Ужасная бумага: покупаю новый листок!)

Вот, Надик — на новом листке: М‹ария› Н‹иколаевна› умница. Женя вешает на нее собак. В истории с комнатой (теперь это ясно) она совершенно была ни при чем. Женя *сдал* комнату какой-то пожилой актрисе — с дочкой. Его почти никогда нет дома. Он забросил Татьку. Татуська обижается и ревнует его. Иногда я ухожу работать в светлую людскую — потому что люблю кухню и прислуг. И потому еще, что «немножко» курю, — а в чистых комнатах из-за астмы нельзя. Но «немножко», Надик! Ты не поверишь: *ни следа* от невроза. На 6-й этаж подымаюсь не замечая — мурлыкая. 3 дня уже оттепель. Снег черный. Лужи. 2° тепла.

Сегодня Федин спросил: сколько я хочу за книгу стихов? Сказал: 600 р. Посмотрим. Это ерунда. Прибой начнет платить, очевидно, во **вторник**. Знаешь, Надик? Положенье наше в начале марта будет ничуть не худшим, чем в октябре.

Если тебе хорошо — не уезжай из Ялты. Мы еще с тобой погуляем, родная.

Надик родной, целую: пора сдавать письмо.

Няня.

Все время помню.

84.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹19 февраля 1926 г.›*

Пятница

Родная моя! Я сижу в маленькой людской — потому что здесь «уютненькей» — и кончаю буквально последние 5 страниц проклятого немца. Как меня душила и тебя, мой маленький, эта работа! Завтра я о ней забуду. Утром я еще ездил на Лиговку к машинистке. К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложеньями книг: я мельком прочел: «один из лучших совр‹еменных› поэтов». Стараются! В числе других пробуют протащить «Рвача» Эренбурга. Надик! Надоело мне это проталкиванье и протаскиванье! Эти няньки и спасители-охранители! Мне грустно, деточка моя.

Горит красная лампочка, и Надежда поет «Кирпичики». Мне не мешает. Подошел деда и развил план насчет замши: нужно ему написать «доклад». Татуся вся в ветряных оспинках. Замучила свою бабушку, требует: *играй*. А у меня требует Трамвая, зачем я у нее отнял — для тебя, Надик.

Сегодня от тебя не было письма. Что с тобой, Надик? Ответь своим голоском! Как турушка? Не болит или болит? Ведь у тебя уже «десять дней». Надик, я совсем не представляю себе, как ты живешь! Следит ли за тобой врач? *Это необходимо*.

Сегодня вечером, отправив это письмо, я зайду к Бену. Все ужасно боятся, чтоб я к тебе ‹не› сбежал: неблагоразумно. Ты, родненькая, не беспокойся: я это сделаю лишь тогда, когда *можно* будет. Как взрослый! Первую неделю, Надик, я прохворал — очень легко, — простудой. От нее сейчас нет и следа. Вот я говорю с тобой и не знаю, **как** тебе?

Голубок-младшенький, кинечка родная — ты не хочешь в Ялте? Нет? А у тебя, скажи, весна? «Тёпа»? Ты просишься в сырость, в снег... Не надо, Надик... Киев хорош в апреле. Через неделю твоя Няня заключит свои договоры и скажет: может ли он приехать? Надик, у тебя никого там нет? Ласковый мой, ручной, о чем ты думаешь? Митя ли тебя мудрости учит? В карты тебя мучают? Родненькая, в Ялте, наверно, длинные светлые дни. Надик, я хочу увидеть нашу комнату-фонарь, пустить зайчика в большевиков, полежать на постели узенькой и твердой. Я, родная, сплю теперь просто: не думаю о сне. В час засну. В семь проснусь. А ты, Надик, хорошо? Звереныш худенький! Несдобровать тебе. Будут от меня телеграммы. Сколько тебе надо денег? У меня будет «порядочно». Прямо забросаю. Все твои письма, родная, я ношу *всегда* с собой. На ночь говорю: спаси, Господи, Надиньку! Еще: пришли мне последнее письмо твоей мамы. Я их всегда ведь читаю. Целую волосенки и лапы и лобик и глазы. Мне грустно без тебя. Надик светленький, ответь мне.

Люблю Надю. К тебе. К тебе.

Нянь.

85.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[22] ‹февраля 1926 г.›*

Целую мою Надиньку совершенно здоров пишу обеспечен работою собираюсь приехать пока оставайся Ялте Киеве холодно

Няня

86.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹22 февраля 1926 г.›*

Надинька, радость моя, сейчас послал тебе телеграмму — очень бестолковую, но ты ведь все понимаешь. Не уезжай, голубка, из Ялты. Может, я к тебе приеду. Ты не знаешь — забыла — как холодно на свете и как сыро! У тебя здесь уголочек оранжерейный. По всей России и на Украине — то мороз, то грязь и оттепель. От такого перехода, Надик, никому не поздоровится... Даже я первое время прохворал. Давай дождемся — ну — хоть апрельского тепла, чтоб *каб-*

лучками по сухим тротуарам? Да, Надик? Слушай, ты, беленький, — ты правда герой? Где твоя тура? Дета моя, я хочу тебе жаловаться и начну с того, что у Жени дают по утрам ужасный кофий, такой мерзкий, что никаким сахаром его не заглушишь. А больше, пожалуй, не на что. Деда требует, чтоб я с ним «занимался», а Женя — его никогда нет дома. По целым дням я в «пустой» квартире с Татькой и М‹арией› Н‹иколаевной›. С ней очень легко себя чувствуешь: славная бабушка. Все мои выходы, родная, к машинисту — теперь у меня «дяденька» — и Горлину. Прибою очень понравился наш переводик. Они за мной немножко ухаживают, идиотушки. Просят работать.

Надик, мы как птицы кричим друг другу — не могу — не могу — без тебя! Вся моя жизнь без тебя остывает, я чужой и ненужный сам себе. Я твою телеграммку положил под щеку третьего дня и так вечером, уставши, засыпал... Татькина «оспа» проходит. У меня была лет 20 назад — не заражусь! Вместо тебя, родная, я жалуюсь Татьке. Она делает серьезное личико и говорит: «Дядя Ося, ну поезжай к тете Наде, я тебе тут никак не могу помочь!»

Хочешь, малыш, о делах? Я заключил договорок с Горл‹иным› на 4–4½ листа: **210** р. Страшно легко. Прибой выписывает *200* — остальное в марте. Рецензии дают — 30 р. в неделю. Книга стихов зарезана. Детский *договор* отвергнут. *Не люблю Маршака!* Большая книга в Гизе будет в начале марта. Как видишь, неплохо. Да, еще забыл: взял курьезную редактуру в Прибое: по 15 р. лист — 6 листов.

Надик, голубка моя, возьми меня к себе. Я здесь заблудился без тебя. Уже я не в папиной шубе хожу. Морозит. Сухо. Даже весело на улице. Дета моя, как погляжу на наши магазины — Елисеевы — так мне грустно-грустненько. На Невском ревут радии на всю улицу. Женя сегодня едет в Москву. Его выживают московские пройдохи. Он полночи вчера со мной советовался, бедный. Боится потерять положенье, страшно волнуется. Надик — кинечка мамина! Аня звонила. Здорова. Что ты думаешь, маленький — приехать мне к тебе с большой работушкой? Ты на солнышке, Надик, лежишь на плетенке? Родной мой, помнишь, как ты меня провожал в зачиненных туфельках? Надик, встреть меня, пташенька бедная! Жди меня!

Жду не дождусь.

Спаси, Боже, Надиньку.

Господь с тобой.

Люблю. Нянь.

87.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹23 февраля 1926 г.›*

Спасибо Надику за письмецо. Добрый мой, ласковый, никто так не напишет. Много листочков. За картинку спасибо: это ты. Я улыбался тебе, родной, я смеялся, когда читал. Сегодня событие: Прибой дал 200. Я сейчас же перевел тебе. По всем аптекам и складам искал антитироидин. Нигде нет. Партия разошлась на днях. Советуют звонить по телефону во все окраинные аптеки — там скорей осталось. Вечером этим займусь. 1-го марта получаю 200 р. за новую книгу в Гизе. Затем 170 еще в Прибое. Сеятель сегодня дал ответ: очень хотят взять горлинскую книгу, но колеблются; просят *вернуться, если Гиз не возьмет* (это большая книга). Я, родная моя, решил 3 дня отдохнуть. Посидеть с Татькой, хоть в кино пойти с Бенами или просто гулять по улицам. 10°. Хожу в дединой шубе, а его арестовал дома. Он обижается — но ему же лучше у печки, старенькому деду. Женя вчера уехал в Москву на 5 дней. Вчера звонила Аня. Я завтра к ней в гости; у нее совсем здоровый и уверенный, не тягучий, твердый голос.

Одного дитиньку ее увезли в Москву, т. е. воспитанника. Надька, ты чувствуешь, что я найду твой мудреный «тироидин»? Сегодня я пил кофеек с Горлиным у «Гурме». Правда, это был предел мечтаний в Ялте? Смотри, не сбеги с денежками в Киев: тогда я от тебя *откажусь!* Сиди смирно.

Надик маленький! Мы с Беном решили написать сценарий по «делу Джорыгова». Прочти в вечерках. Это фантастика, но Ек‹атерина› Конст‹антиновна› просит. Я ей отдал твое письмецо.

Надюшок, 1 мая мы опять будем вместе в Киеве и пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю. Я так рад этому, так рад! *В начале марта* выяснится, могу ли я приехать (думаю — смогу). Не забывай еще Москву по пути. Это будет только весело. Что пишет мама? Дай мне ее письмецо. Родненький, как конец твоего месяца? Расскажи своей Няне. Ты поздно встаешь, если письма тебя ‹не› будят? Где ты снималась — в саду или у настоящего? Для Цанова завтра вышлю тебе 2-ой Трамвай, а кстати, куплю Шары Иринке Пуниной: Анна Андр‹еевна› с Пун‹иным› сегодня на Невском искали эту книжонку. *Рыбаковым отдам 100 р. 1 марта.* Остальные условлено в конце месяца. Не тревожься, милый. Твой Нянь умный. Надик, говорят, что в Ялте *Клычков!* Хоть это и не бог весть кто, а отыщи его, тебе

приятно будет. Не стало ли много хуже у Тарх‹овой›? Тогда **брось** — но осторожно переезжай — очень, очень осторожно. Целую пташеньку утром и вечером, особенно золотой волосок-бороду. Надик, купи себе игрушек разных в подарок от Няни, слышишь? Пиши, родной! Люблю, говорю: спаси, Господи, доченьку мою.

Твой Нянь. Твой, Надик. Твой.

88.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹27 февраля 1926 г.›*

Родная моя, ненаглядная — ты мне подснежничек нашла... Я, Надик, чудовище: три дня не писал. Не скрою: я эти дни *слишком много работал* — сделал из работы *спорт.* 2 книги параллельно для Гиза и Прибоя... Все откладывал на вечер, на «спешное», а вечером *уставал.* Надик, ты прости меня: никогда это не повторится. Это просто *не нужно. Мы прекрасно обеспечены.* Этот курьезный Прибой стал для меня вторым Гизом, и сейчас у меня 2 Горлина (один — Грюнберг). Родненькая, ты от 26-го телеграфируешь, что *здорова,* а 22-го у тебя 37,6(?). Что это значит? Только один день? Или держится? Родная, *подробнее, подробнее,* и не сердись на телеграммы: это моя натура! Детка моя, я здоров. Это правда. Очень работоспособен. Очень бодр. Физически бодр. Я очень наволновался с твоей телеграммой. Мы тут ломали голову, особенно изощрялся деда. Значит, опять Тархова? Это хорошо. Сохрани нашу комнатку до моего приезда. Я люблю наши кроватушки и «капоцан». Что он, капает? Надик, вот на чем основаны мои планы на приезд:

1) С 15 марта в Крыму до 15 мая чудесно. Это настоящие лечебные и целебные месяцы. Мы же *устроены* в Крыму, и жалко не использовать. Это, наконец, попросту будет *весело.*

2) Кроме 200, посланных тебе, я уже имею заработанных в Гизе и Прибое **400**. (Остаток с Даудистеля (130 р.) не считается, он пойдет Рыбакову.)

3) К 15-му марта я заключу два новых договора — с Гизом (крупный) и с Прибоем. Высылку денег наладим.

4) На 2—3 дня я остановлюсь в Москве и перехвачу там *кроме всего* некоторую толику.

Итак, у нас будет обеспеченный с «гаком» месяц, а на второй нам вышлют. Может, будет и еще лучше.

Ты бы меня сейчас не узнала бы в Ялте. Я дурак, что сидел

сиднем, как маниак какой-то. Я бы сейчас лазил по горам, бегал в город, гулял ежедневно у моря. А ведь я «боялся» к переписчику сходить! Вот дурак-то был? Надичка, а Лев Платоныч еще есть? Его не зацапали? Справься: мне он очень нужен. Сегодня приехал из Москвы Женя. Ихнее общество как-то грандиозно оскандалилось. У них враги Кугель и Щеголев. Свирский устроил в подвале на Тверском, где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала, грандиозный ресторан. У Татьки все прошло. Вчера ее купали в большой ванне. Я для отдыха читаю Мертвые Души с картинками. Твоего переводика я не выбросил, а поцеловал и поправил: *он очень славный.*

Ты, Надичка, стала душой общества и председателем клуба? Да? Мне простынки дала М‹ария› Н‹иколаевна›. На диване мне очень уютненько с тюфячком нашим. Сплю хорошо. Бываю я, Надичка, нигде. Раза 2—3 у Бена и Выгодского. Поэт Комаровский «тот самый». Он очень хороший. Достань стихи. Объясни Безобразовой. Надичка, что с тобой сейчас? Тебе не плохо? Я сейчас даю телеграмму. Дня не оставлю без письма. Все твои заботушки исполню. Лекарство почти достал на проспекте Юных Пролетариев(?).

Надик мой любимый! Храни тебя бог!

Люблю. Твой Нянь. Я с тобой, родная. Люби меня, Надик.

Целую головку твою и глаза твои и морщиночки!

Сейчас звонил Грюнбер‹г›: прочел обо мне в каком-то английском Magasin'е. Уважает.

А‹нна› Андр‹еевна› прочла в «Mercure de France».

89.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹28 февраля 1926 г.›*

Родненькая, как я, наверно, тебя растревожил! Я не писал по глупости, по бестолковости. Хотел исправить телеграммой, а вышло еще хуже. Деточка, поверь, мне хорошо, т. е. насколько может быть хорошо без тебя, т. е. ужасно. Я живу спокойно, уютно. Все у меня ладится. Я здоров. Никто меня не раздражает, но я не могу больше этого выносить и вырвусь к тебе, как сумасшедший, при первой возможности. Маленькая Надинька, кривуша родная, я все вижу твою фигурку на солнышке зажмуренную. Ты такая смешная, чудная, когда идешь одна... Дета моя, не надо

огорчаться, надо еще потерпеть недельку-другую — и мы будем опять вместе. Как я мог, Надичка, без тебя целый месяц? Я сам не понимаю. А ты, дочурка? Вот что я сейчас делаю:

Я теперь даже к Горлину редко хожу. Два раза в день, в *10* и в *7,* я медленно выползаю, в темпе прогулки — днем к многосемейному в мещанской квартирке машинисту на 1-ой линии, а вечером — в громадной, с хорошим воздухом, зале — у машинистки *на 5 линии.* Завтра поведу Бена знакомить в Прибой, а вечером мы пойдем в кино. И ты поди, Надик, за свою Няню, когда захочешь? Да? Работки, что у меня на руках, я кончаю через 10 дней. Потом я свободен. Ничего спешного не возьму. Только к тебе. К тебе. Где твоя карточка?

Родная моя, родная! Слушай, мой кроткий, овечинька, заинька: ты мне, знаю, не веришь, а я тебе: я не болел, и переутомленья с последствиями тоже не было. Я живу ритмично, работаю охотно. Верь мне. Это так. Но что я с тобой сделаю!!

Ты за подснежничком далеко ходила?[1]

А пуз не болит?\Ты устала?/А тура?

Дома нет никого. Женя ушел. Бабушка ушла к Радловым. Татька пришла ко мне на диван, и я ей читал Шары и прочее. Она же пела Кухню. Говорила разные сентенции: «Взрослым от шалостей одни неприятности» и т. д. Деда ходит и ищет папирос, которых вообще нет. Сегодня к нему подошел посланец из Риги от «Германа», некий провизор — друг детства, тоже Мандельштам. Папу серьезно зовут в Ригу. Виза и проезд теперь необычайно доступны и дешевы. Мы решили обязательно его весной отправить... Весной! Ах, Надик мой, иностранец из-под развесистой ялтинской клюквы! 10° мороза ты принимаешь за 10° тепла. У нас здесь 1 марта зима вовсю: -5—6°! - , а не +. Зима всюду, детик мой. До весны еще месяц. Дружочек, скажи мне, отчего ты не сообщаешь своей туры в каждом письме? Надик, почему ты так делаешь?

Надичка, когда я скажу твое имечко, мне весело. Ты моя. Я тебя люблю, как в первый — первее первого — день. Мне легко дышать, думая о тебе. Я знаю, что это ты научила меня дышать. Как я побегу к тебе в горку! (Я ведь теперь могу и в гору бегать.)

Во вторник я выясню вопрос с антитироидином. Я тебе

---

[1] *Эта строка была вписана позднее и знаками вставки (‾‾\ /‾‾) отнесена к следующей за ней.*

завтра вышлю перевод 1002 ночи. Здорово сделано. Приятно перечесть. Это мы с Анькой делали. Подошел деда: тебе кланяется.

Надюшок, скажи, пожалуйста, снимать домик в Царском или нет? Бен говорит, что это нужно делать в марте. *Я согласен на Царское с 15—20 мая. Не раньше.* Ты получаешь мои газетки? Правда, я их смешно заклеиваю?

Надик, голубка моя, любовь моя — до свиданья. Я на ночь целую тебя в лобик и говорю: храни, Господи, Надиньку.

Твой Нянь.

Надик! Люби меня. Надик! Я твой.

Нянь.

90.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹1 марта 1926 г.›*

Родная чудная моя глупышка! Да что с тобой такое? Сегодня я утром в 10 ч. телеграфирую: абсолютно здоров и т.д. Ты в 6 ч. не получила еще тел‹еграммы›. Чудеса! Нануша, что я наделал своей безалаберностью: ты мучаешься уже 3—4 дня, когда твоя Няня здоровехонька и процветает между Горлиным и Грюнбергом и т. д. Дета моя, успокой свою душеньку милую: да *нечего, нечего* тревожиться. Я даже не переутомлен. Чувствую себя несравненно лучше, чем в Ялте. Мне просто совестно писать о себе. Ну довольно об этом, Надик, дай поцелую твою головенку и слушай разные разности:

Во-первых: цикл моих работ закончится дней через 10. Я останусь тогда с новым большим договором от Горлина (завтра из Москвы придут книги и ответы) и, конечно, приеду к тебе. Скажи, родная, хорошо ли к весне в Ялте? Ты ведь будешь рада пожить там у собак и морюшка с Няней? Разве Киев поздно к 1 мая? Обязательно хочу туда к 1 мая! Вчера у деды была трагикомедия: он собрался в гости на «Пурим» к еврею часовщику и попал в «засаду». Просидел с 9 вечера до 2½ дня с множеством разных случайных людей. Страшно волновался, бедненький, ссылался на то, что он «отец писателя Мандельштама». С ним обошлись бережно и его не обидели. Но как жалко деду: подумай, пошел раз в год в гости. Он умудрился даже позвонить (не объясняя причины), что «остается ночевать». Вот наше событие.

В Ленгизе без перемен. Я называю это «стабилизацией». Белицкий и новый зав редсектора выписали мне все деньги

по очередной работе (последние 200 р.). Очень внимательны, правда? Я теперь опять стенографирую дома: это очень удобно: 2 часа — 20 стр‹аниц›, а потом правлю, а весь день хоть гуляй. Сегодня первый весенний день. Все растаяло. Припекало даже, особенно в кабинете у Горлина было жарко, жарко... Мне портной за 2 р. 50 к. починил штаны, но срезал красоту: нижние завертушки... Собираюсь покупать ботинки. А тебе, Надик, не надо ли чего? Напиши своей Няне: она тебе привезет. Это правда, Някушка, я привезу часы, колечки и подарочек, какой ты скажешь. Нануша, скажи, у тебя устроилось с Тарховой? Неужели нельзя к весне найти другого места (если так плохо)? Только осторожно, милый. Не рискуй. *Только наверняка переезжай.* Я, в сущности, консервативен, ты знаешь... *Заказывай меню. Прикупай в городе хорошие вещи.*

Не жалей денег. Будут.

Дружочек мой нежный! Прошу тебя, пришли мне температурную кривую, *восстановив ее по памяти,* и в каждом письме сообщай свою турушку. Мне это необходимо. Хорошо, Някушка?

Родная, ангел мой, я слышу дыханье твое, как ты спишь и во сне говоришь. Я всегда с тобой. Я люблю тебя, Надинька, люблю тебя, жизнь моя. Господь с тобой, дружочек мой. Будь весела, женушка моя. Твой муж. Твой Нянь. Твой Окушка глупый. Ну, до свиданья, нежняночка. Люблю.

91.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *5 марта ‹1926 г.›*

5 марта

Надичка, жизнь моя, спасибо тебе за карточку. Детка моя: какое милое личико, болезненно грустное, растерянное. Что ты, Надик, думал? Что с тобой, кроткая моя друженька? Я никому не покажу твоей карточки. Никто не знает, что она у меня. Когда я увидел твое грустное личико, я бросился к дверям — сейчас же к тебе... Я знаю, что ты улыбнулась бы мне, но карточка не может. Спасибо, Надик нежненький, целую лобик твой высокий. Какая ты прелестная, родная! Нет такого другого личика. «Встреча»? Ты — моя встреча, вся жизнь моя. Я жду встречи с тобой, я живу тобой. Пойми меня, ангел мой грустный. Смешно сказать, но меня отделяют от тебя 1½ листа перевода для Прибоя. Затем я в Москве и у тебя. Я таскаюсь по городу, сжимая

твои письмеца в портфеле. Не бойся: не выпущу из рук, не потеряю, не отойду от них.

Радость нежняночка, я люблю тебя. Чтоб так любить, стоит жить, Надик-Надик!

Ну вот, дружок мой, послушай меня: последние дни я не могу проследить твоего состояния: не знаю веса, t°, ничего. Одни общие места. Умоляю: подробно. Можно телеграммку.

Я, дурак, не понял твоей телегр‹аммы›. Это о трех днях без писем. *Заработался я тогда, но был здоров.* Просто к вечеру разомлевал. Физически был крепок. *Сердце прошло бесследно.* Никаких припадков. Прекрасно хожу. Да ну его! О чем тут говорить!

Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для вас что-нибудь придумаем». В *Прибое* и *Сеятеле очень много шансов*. Во всяком случае, до 20 апр‹еля› мы уже обеспечены, с моей дорогой, вдвоем.

Деда вполне здоров. Снялся. Взял «анкету». Собирается в Ригу. М‹ария› Н‹иколаевна› мне все больше нравится. Она все понимает. Просто бабушка! Надик мой! Сегодня от тебя не было письма? Ты сердишься? Нет? Родненькая, пиши мне. Скоро мы будем вместе — так пиши, моя нежная, пока я далеко, Няня твоя.

Нануша, вышла книжка Вагинова. Какая-то беспомощная. Я ее пришлю тебе. В печати хуже. Многое смешно. А‹нна› Андр‹еевна› с Пуниным уехали в Москву. Я воспользуюсь и зайду к Шилейке.

Надичка моя! Вот я побыл с тобой. Мне весело стало. Да, ангел мой: будем вместе, всегда вместе, и Бог нас не оставит. Целую тебя, счастье мое. Твой лобик на меня смотрит. Ты волосенки откинула так — они у тебя не держатся. Целую. Твой, родная, твой Нянь.

Надичка, как сейчас у Тарховой? Когда станет дороже? Есть ли куда переехать? *Твой вес? t°?*

Надик, если морозы — *сильно-сильно* топи. Не жалей денег. *Топи ежедневно.* Турушку пиши за все дни. Самое главное телеграфируй.

92.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹7 марта 1926 г.›*

Родная моя, если б ты знала, в какой я тревоге! Уже сутки нет ответа на мою ответную телеграмму. Солнышко мое, я безумно за тебя боюсь, а главное, не знаю, что с тобой. В телегр‹амме› переврали одно слово: «если» значит, очевидно — «боли». «Опять боли»? Да, Надик? Как я могу тебе советовать, не зная **всего?** Потом: я писал спешные : 28-го, 1-го, 3, 5 и сегодня, 7-го. Неужели ты не получила? Буду писать каждый день, родная. Я *все боюсь, что простое пойдет долго,* а *к спешному опаздываю:* вот ключ к перебоям писем...

Надинька, в городах *сейчас эпидемия гриппа* ужасная. Слякоть. Вред. Куда ты рвешься? Ты и всякая на твоем месте заболеет через 3 дня. Подожди хоть апреля, если не хочешь весны в Ялте. Не будь сумасшедшенькой. Я тебе писал не жалеть денег. Это не пустые слова: у меня их *достаточно.* Потрать в марте хоть **400** р. Апрель будет все равно обеспечен. Не знаю, как, но *за деньги все можно устроить. Тебе виднее, как.* Не бросай только Ялту. Если ты останешься надолго (на апрель), я приеду. На днях я оборачиваю свое колесо. Беру новые заказы и еду в Москву. Оттуда к тебе. Умоляю, пиши мне подробно о здоровьи. Ты знаешь, голубка, как писать. За меня беспокоиться нелепо. Я очень поздоровел. Ничего тут не поделаешь! Если б ты знала, каким молодцом я работаю и делаю все, что нужно. Вот Няня сама себя похвалила... *Надик — я согласен на твой переезд в восьмой номер.* Все чепуха — лишь бы мою Някушку не кормили дрянью. Может, ты откажешься *от пансиона* и объединишься хозяйственно с Тюфлиными? Надик родненький, может, я советую глупости — тебе виднее, но не бросай Ялту в опасное время года.

Нежняночка моя, слушай свою Няню. Покупай *в городе вкусные завтраки.* Плюнь на тарховские штучки. Плати им хоть даром деньги. *Здешний весенний холод безвреден,* а у нас или в Киеве — отрава... Слушайся, родная, Няню и Цанова. Милая моя, я весь день сегодня сумасшедший. Жду телеграммы.

Целую родненькую. Спаси, Господи, Надиньку мою. Няня твоя. Твоя Няня.

93.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹9 марта 1926 г.›*

Родненькая, целую твои гранатики. Надик, что это было? Три дня я сходил с ума. С субботы на телеграмму до вторника — ничего... Что с тобой, жизнь моя? Значит, простуда прошла. А боли? А тошнота? Надик мой, все мне мало, все не подробно. Письма, письма жду. Какая ты умница, что осталась в Ялте! *Ты дождешься теперь меня — Няни!* Ты знаешь, я завтра кончаю работу. Прибой мне должен **300** р. Я сумею их сразу взять. Родная, уже март идет. Как нам легко теперь... Если б ты знала, как я томился эти дни. Вчера я не писал — сил не было от тревоги. Ты ведь понимаешь. Сегодня я тел‹еграфировал› Мите, потом хотел срочно Тарховой и позвонил по телефону: мне прочли твою утреннюю телеграммку. А я тебя не разбудил своей? Все в доме смотрят на меня с нежным состраданием, как на сумасшедшего... Деда меня неудачно утешал, М‹ария› Н‹иколаевна› влияла и т. д. Пташенька моя, если б я знал, что с тобой! Теперь, правда, уж скоро я у тебя... Но твои письма обходят здоровье. Где *кривая* температуры? Как пищеваренье? Ведь ты же молчишь обо всем. Так нельзя. Одни обрывочки. Что говорит Цанов? Почему ты не *купишь* дров и не топишь вовсю? Кто тебе смеет это запретить? Сейчас же купи хороший шерстяной светер! Если не выходишь, поручи М‹арье› Мих‹айловне›. Хочешь знать, как с моим отъездом? Пока еще нет новой работы. Но Горлин как родной: он пришлет ее, а затем, возможно — Москва мне даст или даже здесь Ангерт с Вольфсоном. Прибой предлагает *непрерывную* работу, но с ними, все-таки, очень противно — хотя они ручные и почтительные, но какие-то сумбурные. Если я приеду с 400—500 р., я смогу с тобой прожить от 15—20 марта до 25 апреля и не спеша сделать работку. А если бы и не работать ‹в› Ялте? Чем худо? Но Няня приедет с работкой.

Вчера меня затащили на заседание в Зуб‹овский› Институт. Читал Тихонов. Меня встретили, как Сологуба, молодежь уступала мне стулья, как Франс Энгру, и я был оракулом-младенцем — сумасшедший какой я был, думал о тебе, только о тебе. Надик нежняночка! Выпей за свою Няню рюмочку портвейна. Целую твои гранатики родные, мои, и твой новый плохой, но тоже Нянин **светер**. Нет такой силы, чтоб удержала меня теперь к тебе приехать. Самое большее я здесь промешкаю неделю (да вот Москва!). Ты моя милая,

моя прелесть с лобиком высоким, мой друг, мой ангел. Жди меня.

Спаси, Господи, мою Надиньку! Няня твоя с тобой.

P.S. Я *совершенно* здоров и все время *был* здоров.

94.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹10 марта 1926 г.›*

Родная наша Надинька, мы пишем тебе с Аней: я у нее в гостях (увы — в первый раз). У нее беленькая приличная комнатка рядом с спальней хозяев. Дети ее уже легли спать. Хозяин ее больше не любит. В доме есть радио.

Сегодня я получил твое сердитое письмецо: что у тебя, Надик? 37,6 от простуды или нет? А телеграммку с Митиной визой получил. Спасибо, ангел мой. Голосок твой даже в телеграммке. Вот ты послушалась меня, умница, но смотри не жалей денег. Заставь себя кормить хорошо. Хоть за свой счет каждый день кур покупай. Главное, чтоб до моего приезда тебя не смели обижать. Я знаю, как много значат для тебя волнения: от них и тошнота и даже боли. Будь же спокойна, солнышко мое нежное. И купи дрова и светер.

Прибой я терроризировал: они все заплатят, потому что боятся, что я их опозорю. Так и сказали. Я думаю (очень серьезно) через неделю, т. е. 17-го, выехать в Москву и дальше к тебе, родная. Сегодня я писал деде анкету в Ригу. Днем у меня разболелась голова на 2—3 часа, *а не на сутки,* как раньше. М‹ария› Н‹иколаевна› — бабушка меня вылечила порошком и вкусным обедиком.

Надик родной, спи спокойно. Няня тебе велит. Главное, засыпая не думать о сне: тогда заснешь. Думай о горушке в Киеве и домике в парке в Царском. Ну, мой дитенок, до свиданья. Передаю перо Ане:

‹Приписка А. Я. Хазиной:›

Надюша, я недовольна. О.Е. ходит без запонок, манжеты завернуты вокруг рук и весь в пуху.

Целую доню.

Аня.

Надик мой нежняночка! Я приписываю на вокзале (Анька живет около). Это бумага ее детей.

Ты, мой родненький, спи крепко, сладко спи, не думай ни о чем грустненьком. Деточка, воздух твой — я им дышу — он мой — он — наш!

Я люблю тебя, Надик.

95.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹11–12 марта 1926 г.›*

Надик, дружок мой ласковый

Как мы быстренько переговорились телеграммушками! Я действительно во вторник выеду в Москву, но не знаю, *сколько дней там останусь.* Боюсь тебе советовать насчет Лоланова. Ну как ты там будешь совсем одна, даже без Мити и прочих? Если там копошатся хоть какие-нибудь люди, так обязательно переезжай. Брось эту трущобу. Как ведь славно и открыто у Лоланова! Но только не *совсем* одна. Мы с тобой обеспечены вдвоем, если я приеду 20-го, на весь апрель. Но я хочу обязательно приехать — лучше позже, но с работой, чтоб не было перебоя в мае. Это мне безусловно удастся. Прибой с *конца апреля* гарантирует постоянную работу, как раньше в Гизе. А Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. Это *очень верное дело.* Во всяком случае, если у меня будет наличными 500 р., а они почти уже есть, я к тебе еду немедленно из Москвы. И Горлин, и Грюнберг вышлют мне книги и подпишут договоры без меня. В мае я тебя на недельку оставлю одну — выеду вперед — подготовить твой переезд в Киев. Да, вот еще: детский отдел Прибоя просит книжку. С ними очень легко. Они немудреные. Если завтра сговорюсь, напишу в один день. Пойми, моя родненькая, что под самое лето мне уже стоит приехать к тебе на месяц. Но я бы уже давно приехал, если б не заботился о плавности твоего возвращенья и хорошей жизни в Киеве и в Царском... Ну довольно, пташенька, о делах. Как видишь, я не рассчитываю на неожиданности, хотя они могут быть в Москве.

Посылаю тебе деду. Правда, какой он миленький? И книжку Вагинова. Знаешь, там есть строчка: «О море — нежный “братец” человечий». Я дам тебе телеграмму в день отъезда в Москву, а из Москвы о дальнейшем. Пиши пока, *до первой телеграммы,* на петербургский адрес, а после на адрес твоего Жени. Остановлюсь я, если на 2—3 дня, у Пастернака, если на неделю, то у Шуры. Надик, мне портной на Среднем великолепно починил брюки, и у меня «приличный» вид. Вот ботинки я куплю. Это надо. Надик, неужели ты смотрел в Ялте на набережной для своей Няни шерстку? Ах ты заботливый мой друженька, о чем ты думаешь? А светер у тебя есть? У нас опять зима. Сухо. Снежно. Вейки. Сегодня утром ели блины с одной сметанушкой только.

Няня твоя с сегодняшнего дня отдыхает: она кончила две книжки для Гиза и Прибоя. Я часто сижу за кухней в тепленькой комнатке, хотя вся квартира пустая. Но там я както дома, и там мне ближе к тебе. Личико твое уже не кажется мне таким болезненным. Оно проясняется на карточке. Я смотрю на него две секундочки — утром и вечером. Понимаешь, почему? Чтоб не сбежать к тебе раньше времени. Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником.

Родной мой, нежненький, беленький, береги себя. Меньше ходи. Бери возю. Дай поцелую желтые волосики. Наверно, ты без меня воспользовалась и перекрасилась? Надик мой, я к тебе еду... У меня *нерешительный* тон, оттого что я *очень осторожный*. Только оттого.

Родная моя, не смей плакать. Спи хорошо. Я с тобой. Улыбнись мне и скажи: я твоя Някушка, иди ко мне, Няня — и я приду. Твой Нянь.

96.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *16 марта ‹1926 г.›*

16/III Москва

Родная моя Надинька! Пишу тебе в квартирке Шкловского. Утром приехал в Москву. Сразу в Гиз. Меня встретили очень хорошо, ничуть не хуже, чем у Горлина и Белицкого. Дело мое, т. е. утверждение книги, почти улажено. Остаются еще разные московские мелочи: Воронский и Шум времени, у которого возрастает успех. На все эти делишки я ассигную несколько дней и выеду в Ялту. Может быть, придется съездить на 2 дня в Петербург, оформить с Ленгизом. Это будет, пожалуй, благоразумней.

Надичка, нежняночка, невестушка моя — я сейчас еду к твоему Жене (я по ошибке дал тебе неверный №: не 8, а **6** по Страстному) — нет ли от тебя телеграммки.

Твоя Няня безукоризненно здорова. Ехала в жестком вагоне и рвется к тебе. Ночую (выбор большой) сегодня у Пастернака.

Не писал в предотъездных хлопотах. 300 р. Прибой в два приема вышлет тебе в Ялту.

Родненький мой, прости, что мало пишу. Я рвусь к тебе и хочу *все сразу сделать*. Даже дня ждать не могу. Мне и весело и беспокойно. Я уже ближе к тебе! Надик мой, любовь моя! Спаси тебя Господи, родную.

Няня твоя к тебе уже едет. Целую карточку твою бедненькую. Ау? Надик!

Я в Петербург не поеду. Договор заключит Лившиц. Скорей к моей любимой. К Надику моему. А сейчас к Жене. Завтра пишу подробно.

97.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[16 марта] ‹1926 г.›*

Выезжаю среду дела хлопоты закончены целую тебя дружок

Няня

98.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *17 марта ‹1926 г.›*

17/III Москва

Родная Надик! Что ты мне не отвечаешь? Два дня я в Москве, и нет от тебя телеграммы? Вчера я опоздал к закрытию почты. Вот второе письмецо — от среды. Детка моя, мне все очень легко удалось. Я уже получил санкцию Гиза на договор. В Кино-печати тоже дают фантастические деньги: 150—200 р. — ни за что. Остается поговорить завтра с Нарбутом и Воронским. Это уже мне не нужно. Мы обеспечены до самого лета. В субботу я поеду прощаться в Петербург. На все дела мне нужен там один понедельник. А во вторник думаю выехать прямо в Ялту. Вчера я ночевал у Пастернака в комнате с его братом на ужасном одре-диване, а сегодня у твоего буду Женички. Какой он славный! Они, правда, поссорились с стариками. Женю не вызывают к телефону и не открывают к нему. Лена была на днях в Киеве. А мы с тобой поедем в Киев в мае. Няня твоя *здорова совсем* и безумно волнуется отсутствием твоей телеграммы. Родненькая, я хожу по улицам московским и вспоминаю всю нашу милую трудную родную жизнь. Ангел мой, у Жени висит твой портрет — работы Сони. Когда я ехал к тебе в первый раз — как я ему обрадовался. Солнце мое, я люблю тебя. Со мной Шура на почте. Надик, жизнь моя, я иду к тебе.

Нянь.

‹Приписка А. Э. Мандельштама:›

Целую Вас, потому что давно не видел.

С тов‹арищеским› приветом корреспондент А. Мандельштам (это по служебной привычке).

17/III

99.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹конец апреля 1926 г.›*

Дорогой папочка!

Все это время я не писал ни тебе, ни кому, потому что впал в состояние такого глубокого отдыха, что сравнить его можно разве только со сном. Механически, правда, я работал, но за многие годы это был первый месяц, когда мы с Надей действительно отдохнули, позабыв все — и то, что нужно было забыть, — и то, чего нельзя. Надя далеко еще не выздоровела. У нее прекратились — вот уже недель шесть — боли в кишечнике и явления этого порядка, вес ее превосходный, самочувствие отличное, силы таковы, что она проходит (иногда) пешком целые версты, но температура держится упорно, обычно 37,3—4, поднимаясь часто до 37,5—6, а изредка и до 38°. Это показывает, что туберкулезный процесс активен (очевидно, в железах), но кишечник ему сопротивляется и легкие (хотя могут быть задеты и бронхиальные железы) здоровы. Надю приходится держать ближайшие *годы* в исключительно благоприятных и мягких условиях во избежание острых вспышек и резкого ухудшения.

Лето она может провести в Царском, но будущую зиму только на крайнем юге, лучше в Сухуме, чем в Ялте... Через две недели я думаю выехать в Петербург. В денежном отношении до сегодняшнего дня мы свели концы с концами, сейчас я жду денег на последние две-три недели и на отъезд. Уеду я, конечно, один и вышлю Наде из Москвы или из Петербурга на дорогу и на жизнь в *Киеве,* где она останется дней 10, т. к. по тамошней у родителей обстановке и вообще в центре большого пыльного южного города оставаться нет смысла. Царское куда лучше и мне удобнее. Факт тот, что денег у меня в обрез, т. е. *сейчас* их *нет вовсе,* и *лишь по возвращении — 10 мая, в Петербурге,* спокойный за Надю, не спеша, с перспективой дешевого лета, я смогу все свои усилия на первом плане посвятить тебе. Сейчас уезжать нет смысла: во-первых, это сорвет работу, во-вторых, жалко чудесных дней, которые только что начались... Хоть краюшком их захватить после мрачной зимы. Все цветет, небо и море синие, воздух чудо как пахнет и т. д.

Милый папочка, ты ‹вс›е понимаешь и не сердишься. У меня сейчас короткая остановка: оазис, а дальше опять будет трудно. *Вернувшись, я сделаю для тебя все возможное.* Спасибо Жене, что позволил нам продержаться до лета. *С мая месяца о тебе забочусь я и Надя.* Целую Женю, Татиньку

милую, и горячий привет М‹арии› Н‹иколаевне›. Все собирался ей написать, поблагодарить... Татьке Надя купила громадный пароход с человеческий рост. Куда его прислать?

Пиши мне, папа, пока я еще здесь. Таких друзей, как ты, у меня нет и не было, и твои письма мне большая, большая радость (немецкий почерк разбираю!). Целую крепко. До свиданья.

Твой Ося.

Папочка, я не отвечаю тебе «по пунктам», но поверь: каждый оборот твоего письма, каждая фраза мне близка и понятна.

Насчет «воспоминаний» о тебе ты глубоко неправ: я их далеко не исчерпал, не вытряхнул. Мы с тобой связаны крепче, чем ты думаешь!

100.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[23 сентября 1926 г.]*

Родная, милая Надинька!

Вчера приехал в Детское к Ане. Теперь я уже не прогоняю нашего котика. Кика меня не узнал. Как ты доехала, голубка моя? Пиши мне *всю правду*. Только что договорился с Лавр‹ентьевым›. Он сдал мне квартиру *в полуциркуле*. Составили список мебели. **50** р., но с обязательством в 3 месяца сделать ремонт на 70 р. Я страшно рад,родненькая моя. У тебя будет веселый ласковый дом. Был у Срезневского насчет Ани: с ней ничего худого: она *невротик,* к *50 годам* все пройдет! Аня здорова и ангельски кротка. О прочем, детка, пишу вечером, но все улаживается. Кугель даст денег. Ничего не продаю. Даст 300. Гиз на октябрь утвердил Тартарена: *200* р.

Целую тебя, ненаглядный мой. Не жалей на кормушку свою.

101.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[25 сентября 1926 г.]*

Родная моя Надинька,

у меня все хорошо. Сейчас еду в Детское. Детка моя, *не жалей на себя ничего* — у меня хватит на мою родную.

Ты знаешь, я снял квартирку Страховской. Мы ходили

осматривать ее с Аней. 1 окт‹ября› переедем. Вещей пока не продаю.

Надюшок мой Надик, как тебе там на пустом берегу?

Пиши мне подробно-подробно. Няня твоя всегда с тобой.

Няня.

102.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[26 сентября 1926 г.]*

Родная моя Надинька,

Как нам с нашим котиком грустно! Мы пошли с Аней на базар. У нас до сих пор была крымская погода, а сегодня — брбр! Два дня я был в городе. Маялся с газетой (бухг‹алтерия› перепутала мой счет) — вырвал 50 р. И еще получу. Был на съемке Совкино, во дворе дома на Каменноостр‹овском›. Родненькая моя, еще ни словечка от тебя не получил. Страховские выезжают в первых числах октября. Как только въеду в квартиру — сейчас же в Москву. Там поближе к тебе. Надик! Ты мой сыночек крымский! Вот что: слушай меня: покупай масло, яйца и *много-много фруктов. Взвешивайся*. Если будет холодно, телеграфируй: немедленно вышлю денег на Ялту.

Детка моя, до скорой встречи. Няня тебя целует, без тебя не может Няня.

103.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹1 октября 1926 г.›*

Пятница

Родной мой дитенок, Надик мой светленький! Зачем я тебя сослал к морю, как Овидия какого-нибудь? Ты ведь хочешь домой к Няне и к котику и к Ане? Я понимаю. Ну потерпи немножко: там видно будет... Получил телеграммку. Ты совсем здоров? Да? И циклон прошел? А ваннушки ты берешь? А к Юнгу гулять ходишь? — Далеко! Не ходи! Лучше гуляй по бережку в другую сторону, где раньше были турки-рыбаки. Главное, не жалей денег.

У меня же разные события. Во-первых, вчера я приехал вечером к Ане в Китайскую: она там 2 дня *одна* сторожила, и в боевом порядке, в темноте заставил сложить все вещи и перевез в полуциркуль. (Завхоз предложил мне въехать, не

дожидаясь отъезда жильцов.) Дама-мегера обиделась: «У вас Якобсон — у меня — Луначарский», но я покорил ее обходительностью, и она нас пустила, т. е. вещи, а нас *просила переехать в воскр‹есенье›, т. е. завтра*... (У них все еще ремонт не готов.) Завтра мы с Аней водворимся. Там электр‹ичество›, тепло и славненько. Мебель нам дадут после освобожд‹ения› квартиры. Мы будем *пока* жить в 2-х комнатах. Еще новость: Леонов арестовал мою гизю. Тогда я *пошел в Прибой, получил там все деньги и смеюсь теперь,* а в Гизе всего 30 р. Но я отработаю гизю в одну неделю. Аня вчера со мной приехала в город и ночует 2 ночи у дяди. В Китайской пусто — никого. Ключи сдал. Котик у сторожа. Дежурит часовой, стережет нашу посуду, которую завтра в корзиночках будем переносить. Третья новость: я вдруг, без всяких поводов, занялся налогами. Пошел — справился. 400+66+?(3‹-ья› получ‹ка›). Мне это все надоело. Посоветовали Федин и Войтоловск‹ий› пойти в Смольный к предст‹авителю› Ц.К. печати при губкоме. Я сейчас оттуда: любезнейший джентльмен. *Обещает* пригласить к себе человека из финотдела и устроить, *пока что,* рассрочку на год-два. Это, кажется, очень серьезно. А еще я ему обещал записку об авт‹орском› праве. Сейчас все это кипит и назревает, вообще «весна». Миша Слонимский зав. в Прибое! С 15 окт‹ября›! Уже одного этого достаточно! Мы спасены! Давидка — редактор журн‹ала› иностр‹анной› лит‹ературы› при Кр‹асной› Газ‹ете›! Портфель мой туго набит книгами от Прибоя на исключ‹ительно› выг‹одных› условиях. Я взялся им писать реценз‹ии› для газ‹еты› — по 30 р. с книги — 10—20 стр‹очек›. В Детском появился мой бывший богатый дядя Абрам Копелянский — из-за границы, старый и облезлый — рядом с панс‹ионатом› Белицкого они живут в чудесной квартирке. Дочка служит в Кр‹асной› Газ‹ете›. Приятельница Евг‹ения› Эм‹ильевича›. Заходила на минутку на днях в Кит‹айскую› Анна Андр‹еевна›. Отдала твою розовенькую шаль и, испугавшись тет-а-тета, вскочила и убежала.

Надик, я не получил камушка: он выпал из конверта. А погода у нас райская: на солнце 18°. У меня же сильнейший насморк от холодной ночи в Царском.

Бенов я с переезда не видел. Они мне не нравятся, т.е. он, а разве она человек без него? Т.е. именно без него... Я, Надик, хотел бы сберечь наши вещички и думаю, что это удастся. Надик нежненький, ты ведь именинник! Дай же мне лобик свой и дешевое платьице-фланельку и лапушки. Целую тебя. Рожденье Надика мы будем вместе. Это я так

решил. И ты? Да, Надик? Господь с тобой, родная! Будь веселенький, мой котик. Няня хочет к тебе. Это я, Няня твоя — тебе не холодно, родной? Прислать жакетик-вязанку? Напиши! Не жалей «пелек»!

104.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹3 октября 1926 г.›*

Родная моя женушка, я больше не могу без тебя, светленький мой Надик. Зачем я тебя отпустил? Я знаю, что так нужно было, но мне так грустно, так грустно. Вчера я принес домой твои часики. Я пошел к секретарю ломбарда, и мне разрешили частичный выкуп. Часики теперь останутся с нами и никогда не уйдут, а скоро и цепочка вернется. В Царское я поеду только завтра, в понедельник. Аня эти дни у дяди. Вчера он купил ей ботинки. У меня большая перемена в работе: в Прибое назначен Слонимский, *он предлагает мне fixe*[1], как Горлин Бену. Завтра я с ним договорюсь. Но я хочу, мой родненький, сделать иначе: взять работу от Прибоя и от Маршака и приехать к тебе. Я не знаю, удастся ли это без продажи какой-нибудь меблишки? Но ведь стоит, милый. Зачем нам вещи, когда мы не вместе? Разве мы можем долго не быть вместе? *Я думаю, что в ближайшие 10 дней распутаются все дела — и квартира будет закреплена договором (там уже стоят наши сундуки),* и работа (большая) будет. Тогда я к тебе, мой маленький! Или ты хочешь домой? Милый, милый, как тебе? Неужели ты совсем одна? Кого ты видишь? С кем говоришь? Опиши мне хоть свой денек какой-нибудь. Я сейчас у Жени. Вчера был бал ночью у Варв‹ары› Кир‹илловны› с гитарой и мне мешали спать. Погодка у нас все время ясная, хорошо, должно быть, в Царском. Я куплю много дров, чтоб тебе было тепленько приехать, и много цветов поставлю для Надика. Ты видел Макса или нет? Я не верю, что ты без меня в Коктебеле, этот раз я вообще не верю, что ты уехала. Надик, Надик, нежняночка моя оборванная (рукавчики пальто бедные)! Тебе холодно? Скажи мне, что ты ждешь Няню. Господь с тобой, детка моя. Я муж твой. Люблю тебя.

Няня.

У меня даже карточки нету твоей в городе.

---

[1] Фикс, заранее оговоренная ставка *(фр.)*.

105.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹5—6 октября 1926 г.›*

Родненький Надик, больше всего меня мучит неизвестность — что с тобой? Всего, что ты пишешь, мне мало. Я ни разу не слышал голоску твоего. Надичка, подай мне голос. Откликнись и скажи, хорошо ли тебе? А мне, мой родной, неплохо — только неимоверно грустно, как никогда. Я живу, как машина, делаю все, что нужно, и совершенно не чувствую себя. С минуты, как ты уехала, во мне все остановилось и так и осталось. Знаешь, Надичка, я еще не был в Царском. Вчера по телефону говорил с Лаврентьевым. Завтра поеду заключать договор и платить. Сговорился. Ведь у меня одна забота, чтоб встретить тебя, чтоб приютить мою бедную нищенку светленькую. Я все книжки читаю: много, много — для Приб‹оя› и Горл‹ина›. Уже почти отработал Леонову 90 р. Я живу в той комнатке, где мы с тобой ночевали. Там топят и не сыро. Аня же у дяди. Бен попал в зажим: его описал фининсп‹ектор›, он бегал к Гефту, говорит, что получает 20 р. в неделю. Кика болел. Ты еще любишь его, Надик? Надик, пожалей меня с моими французскими книжками и твоими часиками без цепочки (она осталась отдельно — перезаложена). Надичка, я жду от тебя настоящей правды: ты здорова? Отвечай мне, детка моя, ничего не таи. Может, я дня через два поеду в Москву. Знаешь, Конор пошел в гору: он сейчас в Гизе, но уходит на Украину председ‹ателем› Совнархоза. Надик светленький, кривоноженька бедная, улыбнись мне, поцелуй меня, скажи мне: я с тобой, Няня. Родненькая, Господь с тобой.

А мы скоро ведь, скоро, жизнь моя, встретимся. Да?

Няня твоя.

Вес? t°? Вес? t°? Вес? t°?

106.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹9—10 октября 1926 г.›*

Надик! Мы с дедом сейчас на Ник‹олаевском› вокзале. Я проводил его в кафе, а теперь мы едем в Царское смотреть нашу квартирку, где хозяйничает Аня. Мне страшно жалко Аню, что она в твоей серой шинели дантовой ходит. Я научился с ней обращаться: просто, коротко и ласково — но решительно. Мы ссорились и помирились. Это было вчера.

Наденыш родной, я боюсь, что ты не выдержишь своей

ссылки? Как тебе? Умоляю, правду пиши. У меня все хорошо. Масса работы. На этой неделе вышлю тебе 100 р. Хватит тебе с возвращением 30-го? Детик мой, я напугал тебя дурацкой телеграммой: как сделать, чтоб ты поверила? *Ни одной серьезной неприятности!* Знаешь, как я умею вертеться волчком, мнительный, нетерпеливый, глупый. Эти три дня, что я не писал, целиком ушли на квартирные хлопоты и Госиздат! Как глупо, детка! Но я «кипел» эти дни. Будь абсолютно за меня спокойна: положение с твоего отъезда сильно улучшилось. Упрочился и оживился Горлин, расцвел Маршак, завоеван Ангерт, а Прибой стал земным раем. Нанушка, напиши мне, купить ли тебе к приезду шубку, что мы смотрели, за 150 р.? Я хочу с ней выехать на вокзал тебя встречать. Милый, милый котик далекий! Что твоя фланелька дешевая? Смялась она? А туфельки бедные?

У нас тепло и сыро. А у тебя не холодно? Надик, скоро Няня тебя возьмет. Ты как зверик бедный скребешься ко мне? Да?

Подожди, мой ласковый, женушка родная. Господь с тобой. Люби Няню.

‹Приписка Э. В. Мандельштама:›

Шлю сердечный привет. Холода не боюсь, и ветры мне ‹не› страшны. Целую крепко.

«Дед».

Дед написал про холод и ветер *иносказательно*. Надик солнышко, напиши фельетонушку. Ты так чудно рассказал про направо и налево!

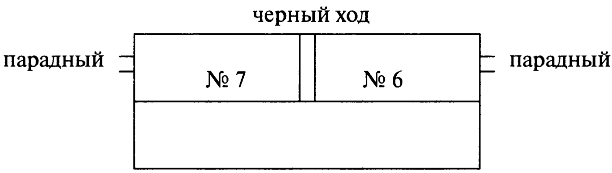
107.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹9—10 октября 1926 г.›*

Родненький мой, сейчас я приехал из Царского и нашел твое сердитое письмецо; другое носит с собой дед. Маленький, не сердись на меня, я три дня тебе не писал оттого, что мне было очень, очень трудно. Все одно к одному подошло. В Гизе мне *показалось,* что редактор саботирует мою работу, т. е. попросту выживает меня. Эти идиоты-чиновники говорили со мной какими-то недомолвками: «Характер наших отношений должен, вообще, перемениться» и т. д., а на поверку оказалось, что они *всего-навсего просят не торопить, «не нервировать» их с деньгами.* Ты знаешь, как я до глупости мнителен. Я заразил даже Горлина, который советовал мне съездить в Москву. Маршак, заметив мое волне-

ние, выяснил всю эту чепуху. *Работа идет полным ходом.* Но это еще не все. Квартира в циркуле оказалась негодной — холодно! Все вросло в землю. Служащие меня остерегли. И вот я каждый день разрывался между городом и Царским.

В управлении шла грандиозная ревизия. Никто не хотел разговаривать. Два дня я искал с Аней квартиру в городе, Царском — все по твоим следам, Надик — только у старушки уже сдана... Я уже отчаялся, но выручил тот же Максимыч: он под секретом показал мне квартиру № 7 (мы ее с тобой не смотрели) — второй этаж.



Вот план:

вход	большая комната без печки	спальня печка	столовая печка	ванная	кухня печка

Это та же шестая, только в обратном порядке комнаты и есть двери и лишняя печка. В полуциркуле мы с Аней замерзали, а в новой квартирке тепло и сухо, как у Евг‹ения› Эмильев‹ича›, хотя там ни разу не топили. В ванной есть еще отдельно печь и стоит кроватка для Ани. Чистенько, белые стены.

Когда я это узнал, я пошел к Лавр‹ентьеву›, и совсем неожиданно он отдал нам квартирку, передал ключи и поручил Максимычу ее обставить. Кровати там лучше, чем в Китайской, а остальное *он мне подберет, получив 3 рубля.* Сегодня вечером он придет за списком мебели.

Мы с Аней моментально перетащили все наше имущество, пригласили поденщицу, я принял ванну (купили дрова), и ты не поверишь, как я отдохнул за одну ночь рядом с твоей кроваткой. Детка моя, мы живем против Кикиной колокольни. Она звонит в 9 ч. утра, а в двунадесятые праздники (их немного) в *6* ч. Но это ничего. Мы будем с тобой *рано ложиться.* Да, Надик? Это нас дисциплинирует... И это бум-бум продолжается 15 минут.

Третьего дня я шел отправить тебе спешное письмо: и что же? Захожу в магазинчик купить носки — и хлоп! — Г. П. У. ищет там контрабанду. Меня продержали 3 часа и даже вывернули мои карманушки, где была по обыкновению всякая дрянь. Я, волнуясь, мешал агентам работать и требовал, чтоб меня отпустили, цитируя свое звание и показывая за неимением документа книги из Госиздата(?). Ну а потом уж я пошел домой, натерпевшись сильных ощущений, и письмецо так и не отправил. Видишь, Надинька, сколько приключений у твоей Няни.

Я думаю, пташенька моя, что ты можешь, если t° не будет, на свой *праздничек вернуться, т. е. 30-го?* Да? *Только не скрывай от меня турушку свою. Тебя ждет прием у своей Няни!*

Надик мой, как ты мог на меня рассердиться! Твоя телеграмма заблудилась на 3-ью линию (?). Еще проволочка ответа... А наш котик заболел глазами. Завтра мы везем к доктору его.

Евг‹ений› Эм‹ильевич› тащил меня (тоже эти дни) в Москву: помогать на каком-то собрании Модпика (перевыборы). Я чуть не согласился, дед метал громы, чтоб я ехал в Москву. Полный идиотизм! Понимаешь, как это кстати? Повторение истории с Грановским...

Надик светлый, звереныш у моря, пусть камушки морские скажут тебе, что Няня твоя с тобой. Мне дико, странно, что ты одна в Коктебеле. Не сердись на меня, люби меня. Ты жена моя. Ты жизнь моя.

Господь с тобой, родная. Так я говорю, когда ложусь спать.

Няня твоя.

На днях вышлю денежное подкрепление. Можно?

108.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹10—11 октября 1926 г.›*

Надик, солнышко мое далекое! Ты пальто не снимаешь? Тебе холодно, детка? Нежненький мой, я согрею тебя. Ты вернешься скоро. Как жить без тебя? Мне пусто и нехорошо. *Я немного боюсь тебя раньше времени трогать!* Пока что здесь чудесная осень. Дойдет ли до тебя мое письмецо? Родная, ты здорова? Решай, моя умница, правильно. Я поцелую твой лобик большой. Когда ты поедешь, я встречу тебя в Москве: хочешь?

Нанушка моя! Твоя Аня живет в Лицее, как муха. У нее есть дрова, а я у Татьки сегодня и вчера. Получил много работы. Здоров. Надик ненаглядный мой! Вчера видел Кику. У него чудная улыбочка, очень добрая. Надик милый! Я подумал сейчас ты знаешь, о чем... Я все помню. Надик, как мы обрадовались! Радость моя! Солнышко! Отвечай мне! Где ты?

Господь с тобой, Надик. Люблю тебя.

Няня.

Часики живы. Квартирка тоже. Котик болен (глаза). Аня хорошая и кроткая.

109.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[12 октября] ‹1926 г.›*

Возвращайся непременном условии нормальной температуры противном случае выезжай Ялту телеграфируй вышлю деньги целую родненькую

110.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[13 октября] ‹1926 г.›*

Доброе утро Надик Няня советует Фогелем остерегаться ленинградской осени хорошенько обдумай Ялту телеграфируй сознательное решение температуру самочувствие случае надобности вышлю телеграфом 250 здоров все порядке целую женушку

111.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹конец октября 1926 г.›*

Здравствуй, Нануша! Няня тоскует. Не скучает, а тоскует по своей родной, по жизни своей. Милый, неужели тебе хватило твоих грошиков? Неужели ты не замерз? Ведь ты такой заброшенный, голенький, с корзиночкой, как у солдата-призывника. И воду ты покупаешь по гривеннику... Надичка, я сейчас вспомнил, что у тебя наше веселое московское одеяло. Оно вернется ко мне. Как бы мне хотелось в Феодосию на зиму! Впрочем, нет! Лицей с Надиком лучше! Разве что очень хороший будет на юге ноябрь... Не исклю-

чена возможность моего приезда... Но это, Надинька, я только *так* говорю... Ведь ты настроилась на возвращение, и я не хочу тебя огорчать. Дитятко мое, прежде чем выехать, обязательно сообщи мне *температуру и вес*. Разве в Кокт‹ебеле› нет лавочных больших весов? Как твоя тура к концу месяца? Не верю, чтоб *весь месяц* была нормальная... Если опять была *температурная вспышка вроде последней,* то приезжать на ноябрь довольно легкомысленно. Умоляю, Надик, не скрывай. *Если бы тебе понадобилось остаться в Крыму до снега — я приеду к тебе.* Это очень серьезно. Вообще мы теперь недурно обеспечены. Положение сильно улучшилось, хотя Бены, заброшенные Горлиным, жалуются и кряхтят. Их кормит прислуга Шура. Узнаешь злорадную Няню? Фу! Нехорошо! *Наши вещи целы (кроме кресел кр‹асного› дерева).* Я их сохраню для домика твоего. Завтра еду к Ане. Добывать у Лавр‹ентьева› мебель. Я надавил через Главнауку, и кретин этот уступает. *У нас будет очень уютно, но еще не поздно взять квартиру в 3-м этаже:* комнаты меньше, две выходят на солнце, более изящная отделка, фанерные облицовочки, высокие потолки, хорошие печи и... вода зимой под вопросом, а у нас наверное. Я люблю зимнее солнце в комнатах, и ты, Нануша, любишь. Но я умный. Знаю, что ты не позволишь менять, и остаюсь там, где живем.

Все это я делаю, Надик, для тебя и с тобой вместе. Ты бы сам так сделал. Помнишь, как ты в Ялте?

Ну, родненький, дай тебя поцелую на ночь и погляжу в твои глазки-плакуны веселые. Люблю тебя. Господь с тобой, женушка моя и жизнь.

Няня.

Сегодня я спросил Татьку — любит ли она *пьяных,* но она *оборвала* разговор: «Лучше не будем о них говорить: они того не стоят!»

Инженеры деда испортили 1000 кож! Трагедия!

112.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹конец октября 1926 г.›*

Надик, нежняночка далекая, неужели это последнее письмо? Ты уже на отлете. Так послушай, детка, Няниного совета: *если конец месяца дал «бурную» температурную вспышку,* не возвращайся, а сообщи мне, и я тебя переправлю на ноябрь в Ялту. Еще большее значение имеет вес. Боюсь, что ты жила впроголодь и похудела. Если же все

благополучно, т. е. *2—3° в течение 2—3 дней* — то с Богом выезжай. Погода у нас хорошая, хотя и холодно. Даже снег выпал непрактичный. Дни солнечные. На дорогу *постарайся купить себе теплое некрасивое бельишко и чулки в Феодосии*. Это Няня тебе обязательно велит. А я буду ждать тебя с материалом для шубки: мы ее в тот же день отдадим шить. Готовая мне не нравится. Не лукавь, мой маленький, не будь хитрой лисичкой. Я очень обижусь, *если ты вернешься обманом*. Мои дела хороши. Сегодня Прибой должен был утвердить мои новые договоры, но заседание не состоялось.

Господь с тобой, родная! Ни на минуту не отрываюсь от тебя! Твой муж. Твоя Няня.

В Царское сегодня не выбрался. Еду завтра вечером. Я решительно за второй этаж в Лицее. Там уже сделана уборка, и это будет наша квартирка. Жду тебя, родной, целую тебя, умненький дружок!

113.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹начало ноября 1926 г.›*

Надик, я беспокоюсь, хватит ли у тебя денег. Думаю, что, пока ты получишь это письмо, вышлю тебе рублей 50. Во всяком случае, при малейшем стеснении телеграфируй. Я не продаю вещей, а получки начинаются на той неделе. Хорошо ли тебе, дружок, возвращаться в ноябре? У нас теперь очень хмуро и холодно. Подумай, родненькая! Может, махнешь через Джанкой (морем не надо) в Ялтушку? Детка, я тебя не уговариваю. Тебе виднее. А если вернешься, мы прямо с вокзала поедем в Ленинградодежду и купим шубку за 150 р.!

Квартира наша в Лицее еще не устроена. Лаврентьев кочевряжится с мебелью. Это пустяки: я его — кретина обломаю. Кровати очень хороши. Остального пока что нет. Была какая-то дрянь. Я ее выставил.

В комнатах довольно тепло и очень сухо. Если закрыть большую — прихожую — то на две жилых приходятся полукамин и кафельная печь. В кухне кроме плиты хорошая круглая печка. Очень чисто, светло и уютно. Нануша, я думаю, что ты в Феодосии будешь жить у своей коктебельской хозяйки? Я угадал? Да? А что ты скажешь о моем плане встретиться в Москве? Мне безумно хочется! Дела мои такие:

1) книга в Прибое, 3 листа
2) масса рецензий там же

3) Маршак предлагает *пересказ* Тартарена по 80 р. с листа (это чепуха: турусы на колесах)

4) Слонимский берет в Прибое *простой* перевод Тартарена (это лучше)

5) редактура у Маршака по 50 р.

6) 220 р. уже заработано в Гизе и Прибое (из них 80 — Леонову) (выплачивают на днях)

7) вторая книга (Вильдрак) в Прибое будет на днях (3 листа).

Теперь, родненький, ты знаешь, чем живет твоя Няня. У меня большой друг — деда. Он чудесный и добрый. Я все время у него на зеленом диване. Мне там лучше. Пташенька, солнышко! Эта наша разлука ненастоящая, она самая дикая. Я не верю в нее. Ты со мной, дружок.

Господь с тобой, Надинька! Я люблю тебя. Я муж твой, Няня.

Нануша, с болькамушкой ехать нельзя! Пережди ее! Слышишь!

Ласточка моя, кривоножка! Будь осторожна с отъездом! Передумай еще раз!

114.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[5 ноября] ‹1926 г.›*

Родненькая не грусти если Коктебеле плохо переезжай месяц Ялту здоров жду ответа устраиваю квартиру Надиньке

Няня

115.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹5 ноября 1926 г.›*

Надик, спасибо за ласковое письмецо! Я пишу вечером на почте после телеграммы. Слышу, как ее выстукивают. Родненький, будь осторожен. Началась настоящая осень. Слякоть, мразь, и в Царском тоже... Сегодня я побывал там у Ани. К удивленью моему, она завела себе прислугу. Блестели вымытые полы. Что-то шипело на примусе. Знаешь, она потеряла котика!!! Мне это страшно больно. Ведь он был твой. К твоему приезду я приготовлю щеночка-песика, которого ты хотела. Чтоб ты не плакал, Надик. Не сердись на меня, друженька, что я тебя отговариваю ехать. Ведь я не знаю, как ты можешь устроиться в Феодосии! Но, кроме

шуток, я в состоянии послать тебя в Ялту. Ведь это от Крымушки тебе лучше стало! Ведь ты хоть полдня на воздухе, даже в холод! Или нет? Ведь тебе это нужно, Надик. Урви еще кусочек, сократи нашу зиму: она длинная-длинная... *Если в Феодосии не резкая, не пронзительная погода — задержись там на хорошем пансионе, пока не надоест!*

А я люблю тебя и жду, но жду терпеливо. Ведь ты все ближе и ближе. Твой голосок со мной. Наночка! Умненькая! Ты хочешь, чтоб Няня за тебя решала. А Няня хочет, чтоб ты!

Скоро, родненький! Скоро! Пташенька светлая! Ты скоро вернешься.

Господь с тобой, женушка, друг, доченька, жена. Я твоя Няня.

116.

Д. И. ВЫГОДСКОМУ, *‹1926 — 1927 гг.›*

Дорогой Давид Исаакович!

Оставляю вам перевод Розы Коген, сделанный Над‹еждой› Як‹овлевной› и просмотренный мною.

Привет. Ваш О. Мандельштам.

117.

В ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ, *24 января 1927 г.*

В Правление Ленинградского Отделения
Всероссийского Союза Поэтов

Прошу принять меня в число членов Союза.

О. Э. Мандельштам

24 янв‹аря› 1927 г.

118.

А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹начало мая 1927 г.›*

Милый Шура (это диктует Ося).

Мы с Надей уже неделю в Москве и сегодня возвращаемся домой, справившись с издательскими делами. Кажется, намечается возможность через месяц махнуть на юг, и мы

хотели бы взять курс через Армавир и осесть где-нибудь поблизости (лучше не у моря; напр‹имер›, в Нальчике). Ты должен во что бы то ни стало вернуться осенью в Москву. Я понимаю, как тебе нужен Армавир, насколько в нем чище и лучше, но надолго это не годится. Не посылай папе никаких денег. Теперь это не нужно (у Оси, очевидно, будут). Вижу тебя, как ты сидишь в армянском кафе и мажешь на биллиарде. Мы нашли Армавир на карте и польщены его южным положением. Ты, как Печорин, поехал на Кавказ. Мне решительно нечем похваляться — разве тем, что Надя совсем здорова (и добродушна). Сейчас мы тряхнули московской стариной, будто никогда и не уезжали. Видели всех своих чудаковатых знакомых. Восхищались автобусами и такси. Ели икру с бумаги на извозчике, подражая «растратчикам». Умоляем тебя немедленно ответить. Если ты не ужился или нездоров, то бросай все к черту и приезжай к нам в Детское. У нас там солидный дом с ванной, прислугой и телефоном. (Шурик, целую вас.) Мы тоже ведем «сосновый разговор с еловым поколением». Бескин очень милый человек. Нарбут идет в гору. Гиз московский — дик и странен, как персидское посольство.

Лена требует, чтоб о ней тоже написали.

Крепко целую тебя. Жду писем. Приеду **обязательно.**

Ося

119.

А. Б. ХАЛАТОВУ, *‹июль — август 1927 г.›*

Уважаемый товарищ Халатов.

Сообщаю Вам по предложению В. И. Нарбута краткие сведения о прохождении моей книги в Госиздате.

В январе текущего года книга моя была включена Ленотгизом в годовой план, получивший формальное утверждение Москвы. Понадобилось утверждение в квартальном плане: в первом квартале Московский редплан вынес постановление: «ввиду возражений со стороны торгового сектора перенести вопрос, согласно предложения Ленотгиза, на президиум». Это постановление, состоявшееся с участием т. Бескина, было зафиксировано протоколом № 69.

Ленотгиз настаивал на печатании книги. Главный редактор Ленотгиза тов. Горохов дважды писал в Москву — т.т. Бескину и Янсону, приводя в пользу книги доводы ли-

тературно-принципиального характера и всячески предлагая ускорить рассмотрение вопроса в президиуме.

Наконец, только в июне месяце вопрос был поставлен на повестку президиума редплана и получил отрицательное разрешение — по отводу торгового сектора.

Тов. Горохов на днях говорил мне — и не откажется Вам подтвердить, что Ленотгиз не меняет своей положительной позиции по отношению к моей книге и не разделяет опасений торгового сектора в Москве.

Дополнительные сведения я могу Вам дать в личной беседе.

120.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹1927 г.›*

Милый Женя!

Я выпросил у М‹арии› Н‹иколаевны› маминого Гоголя, которого мы выловили с Надей 2 года назад в папином скарбе и попросили ее сохранить.

Если ты хочешь хранить эти книги у себя, я их тебе верну, но мне кажется, что я их, так сказать, «заслужил»: 1) как *«писатель»* и 2) так как я уже спас от гибели Пушкина и другие мамины книги и, если бы я не вынул, когда-то, Гоголя, он лежал бы и сейчас у деда в корзине. Пока до свиданья!

Если дорожишь Гог‹олем› — немедленно верну.

Твой О.

121.

М. А. ЗЕНКЕВИЧУ, *‹вторая половина 1927 г.›*

Дорогой Миша!

Не дождался ты нас. Очень жалко, что не простились. Привет Ал‹ександре› Ник‹олаевне›!

Я увожу с собой Уленшпиг‹еля›. В **среду** высылаю его **спешной почтой** на твое имя в «Зиф» обратно.

Целую тебя.

Проездом через Москву увидимся без суеты, хворобы и Лены-ко́нструктивистки.

До свиданья.

С Ул‹еншпигелем› **не подведу.** *Сам понимаю.*

Твой Осип

Еще раз:
не беспокойся об Уленшп‹игеле›!
Будет в четверг.

122.

Е. И. ЗАМЯТИНУ, *2 марта 1928 г.*

Дорогой Евгений Иванович,

письмо Ваше получил *сегодня* утром. Согласие мое сообщил Людмиле Николаевне. Я прочту две-три пьесы из «Пламенного Круга». Было бы очень желательно, чтобы **все** приглашенные поэты не ограничились репертуаром неизданных стихов, а прибавили к нему хоть что-нибудь из старых. В этом чтеньи всем известных, старых стихов, в повторении давно всем знакомого — единственное *оправданье* участия поэтов в предполагаемом вечере. Кроме того, мне кажется, что совершенно необходимо пригласить В. А. Пяста — одного из самых близких по духу и поколенью к Ф‹едору› К‹узьмичу›, *кровного* поэта. Короткая память в отношении к Пясту наш общий грех.

Жму вашу руку.
О. Мандельштам

2/III/28

123.

‹П.› КОРОБОВОЙ, *25 июня 1928 г.*

Ялта, 25.6.28.

Многоуважаемая тов. Коробова!

Получил с оказией Ваше письмо и корректуру Египетской› Марки. Как жаль, что Лидия Мойсеевна завезла мой адрес! Два месяца назад я написал в Лит-Худ: просил *во что бы то ни стало* выбросить из Егип‹етской› Марки *конец:* все, кроме самой Ег‹ипетской› М‹арки› и «Шума времени», который кончается словами «козьим молоком феодосийской луны», — от этих слов и до конца — **умоляю** все выбросить. Никаких «Возвращений» и т. п. Включив эти мелочи в книжку, я допустил серьезнейшую *оплошность.* Оставив эти мелочи, мы *убьем* книжку. Она стоит того, чтобы жить: **спа-**

7-192

сайте ее. Обратитесь к Груздеву, Слонимскому, уладьте технику этого дела: если оно связано с материальным ущербом — я все *возмещу,* **верну деньги.** (Прилагаю обязательство.)

Немедленно меня известите о том, что все в порядке. Я не сплю до тех пор спокойно и отрекусь от книжки, если она выйдет в ином виде. Ведь я просил об этом **еще в апреле** (письмом в Лит-Худ на имя Варковицкой). Теперь еще не поздно.

Я пробовал делать выброски из этих главок. Это *не помогло.* В присланной Вами корректуре я их просто перечеркиваю — и *только* в таком виде могу подписать книгу к печати. Нельзя печатать *ничего* из перечеркнутого, но если будут напечатаны «Встреча в редакции» и «Авессалом» — мне остается повеситься. Но я уверен, что напрасно волнуюсь. Все разрешается тем, что я признаю свою вину, готов *немедленно вернуть* Гизу *стоимость набора этого полулиста и гонорар за него* (см. «обязательство»). Кроме того, обращаю Ваше внимание на то, что в книге *пропало* заглавие *«Шума времени».* После Ег‹ипетской› Марки *перед главкой «Музыка в Павловске»* нужно сделать прокладку — белую страницу — а на ней: «**Шум времени**» — внутренний титул.

В Ег‹ипетской› М‹арке›, состоящей из фрагментов, пропущен целый ряд «спусков». Они очень важны. Я их отмечаю. Обложку я просил бы поручить Митрохину.

Прошу Вас передать мой привет Груздеву, Слонимскому и Лидии Мойсеевне, если она вернулась, а также благодарность за отличное «оформление» «Стихотворений». Прилагаю письмо к Д. Н. Ангерту. Это — крайняя мера. Вряд ли представится надобность его передавать. Я думаю, Вы и так все уладите. В этом письме я повторяю о *сокращении* Ег‹ипетской› Марки и, кроме того, говорю о своих счетах. Покажите это письмо Груздеву или Слонимскому.

Прочтите его сами и передайте содержание моих финансовых вопросов т. Лихницкому. Покажите ему это письмо. Скажите, что я добиваюсь *максимальной ясности* в своих расчетах с Гизом. *Хочу, понемногу,* **расплатиться,** если что-либо должен. Прошу подвести *баланс после выхода моих книг.* Это скажите Лихницкому и Ангерту. Затем вот что: несколько недель назад юрисконсульт Гиза предложил мне вернуть деньги или неустойку по какому-то договору — между тем мы с Лихницким привели все расчеты в *состояние равновесия* и запротоколировали это. Бумага юрисконсульта до меня *не дошла:* затерялась в третьих руках, будучи послана не на мое имя, — так что я не знаю, в чем дело. Очень прошу Измаил‹а› Михайловича навести справку и

подтвердить то, что я в письме к Ангерту называю «незыблемостью нашего соглашения». Если, при соблюдении этого соглашения (пункты его, их всего *четыре,* перечислены мной в письме к Ангерту), я все-таки остаюсь должен Гизу, прошу сообщить, сколько и из какого расчета. «Звезде» просил бы передать, что для нее **работаю,** денег никаких от нее не жду; очень жалею, что опоздал. *Вторая повесть в «Звезде»* **будет.**

Жду с нетерпением Вашего ответа.
С тов‹арищеским› приветом
О. Мандельштам

Адр‹ес›: Ялта. «Орлиное Гнездо».
О. Э. Мандельштаму.

124.

А. Г. ВЕНЕДИКТОВУ, *29 июня 1928 г.*

Уважаемый тов. Венедиктов!

21-го текущего месяца в ЗИФе было получено адресованное тов. Шойхету мое письмо, содержавшее просьбу приурочить к определенным срокам, в *пределах, допускаемых договорами,* платежи по одному из томов Вальтер-Скотта «Антикварий» и по первому тому Майн-Рида «На дне трюма».

В отношении «Антиквария» ЗИФ, очевидно, не счел возможным уважить мою просьбу, ибо согласно сведениям, полученным от лица, наводившего справки, гонорар за него будет выплачен только 5-го июля, то есть в предельный по договору срок (через три недели после фактического получения рукописи).

Остается вопрос о Майн-Риде. Я поднимаю его заранее, поскольку он имеет насущнейшее значение для меня. Рукопись, о которой идет речь, будет получена Издательством в первых числах июля. По договору Издательство вправе ее оплатить немедленно после получения т‹ак› н‹азываемого› «одобрения».

Я убедительно прошу на этот раз пойти мне навстречу и, не затягивая процедуры, выплатить деньги примерно к 15-му июля. Выполняя для ЗИФа крупные работы, я отнюдь не ограничиваюсь формальными требованиями договоров и, нередко в ущерб себе, значительно усложняю литературное задание. Все мои опоздания и формальные неточности, неизбежные при массовой работе, объясняются этим отно-

шением к качеству работы. Я имею полное основание ожидать, что в данном случае вы удовлетворите мою просьбу, ни в коем случае не нарушающую договора. Поверьте, что я не оспариваю права бухгалтерии маневрировать в пределах льготного срока. Утруждать вас специальными пожеланиями по поводу каждого сдаваемого тома я вовсе не собираюсь. Повторные и предварительные просьбы относительно первого тома Майн-Рида прошу считать исключением, хотя полагаю, что не в интересах издательства тормозить нашу и без того нелегкую работу, систематически отодвигая платежи на последний срок.

Хотел бы еще коснуться вопроса о переписке: мне было передано, что оплата ее задерживается до сдачи в набор. Этим самым соответствующий пункт договора аннулируется и снижается гонорар. Больше того, этим устанавливается своеобразный «штраф» на качество работы редактора: чем тщательнее проредактирована переписанная на машинке рукопись, тем больше оснований ожидать, что переписку забракуют. На протяжении почти годичной работы над Вальтер-Скоттом у нас не было таких прецедентов; мы имеем дело с новшеством, и вряд ли удачным. Кроме того, по основному договору на Вальтер-Скотта и специально запротоколированному соглашению, подписанному тов. Нарбутом, переписка должна оплачиваться одновременно с редактурой. Крайне меня обяжете, сделав соответственное распоряжение.

Поскольку устные передачи через третье лицо, которое поддерживает мою связь с Зифом, неточны и недостаточны, я бы очень просил вас ответить мне по прилагаемому адресу.

Уважающий вас...

29 июня 1928 г.

Ялта, улица Коммунаров, пансион Лоланова.

125.

Б. К. ЛИВШИЦУ, *‹14 августа 1928 г.›*

Хозяин получив обманом деньги немедленно отказал пансионе остались буквально улице без гроша (имея сто можем держаться) нужно сто продержаться месяц своим хозяйством продай ковры прибавь возможное сообщи брату отцу конверт выслали адрес Ялта востребование возврат Лен‹инград› стоит дороже выручай таком положении еще не были продаем вещи оба больны

126.

А. А. АХМАТОВОЙ, *‹25 августа 1928 г.›*

Дорогая Анна Андреевна,

пишем вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой; хочется видеть вас. Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Никола‹ем› Степановичем и с вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется.

В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено.

Мы уговорили П‹авла› Н‹иколаевича› остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам.

127.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА», *‹до 12 декабря 1928 г.›*

Письмо в редакцию

> «Когда, бродя по толчку, я вижу, хотя и в переделанном виде, пальто, вчера унесенное из моей прихожей, я вправе заявить: "А ведь пальто-то краденое"».
>
> *А. Горнфельд*

Мне приходится выступать в непривычной для меня роли — отчитываться по обвинению в использовании чужого литературного материала. Дело идет о письме критика Горнфельда в № 328 «Красной Вечерней Газеты» по поводу моей обработки старых переводов «Уленшпигеля», заказанной мне издательством ЗИФ.

К столкновению с Горнфельдом меня привела дурная практика издательств, выпускающих в явочном порядке и анонимно десятки отредактированных и обработанных переводов, причем соглашение между издательством и переводчиком достигается неизменно задним числом.

Несмотря на это, считая себя морально ответственным перед товарищем по переводной работе, я, по выходе книги, первый известил ничего не подозревавшего Горнфельда и заявил, что отвечаю за его гонорар всем своим литературным заработком.

Горнфельд об этом почему-то умалчивает.

Ответом его явилось письмо в редакцию «Красной Вечерней Газеты».

Оставляя на совести Горнфельда тон и выпады его письма с попытками изобразить дело в уголовном разрезе и с упоминаниями о «толчках» и «шубах», отвечу почтенному критику-рецензенту по существу.

Позволю себе заговорить с Горнфельдом на несколько неожиданном для него производственном языке — мой переводческий стаж — свыше 30 томов за 10 лет — дает мне на это право. У нас нищенская смета на перевоплощение тех колоссальных культурных ценностей, которые мы должны протолкнуть в читательскую массу. Переводы иностранных классиков по плечу лишь крупным художникам слова. Издательства пока что не в состоянии их мобилизовать. Мы вынуждены работать на кустарном станке и все-таки выпускаем тексты лучше прежних. Педантическая сверка с подлинником отступает здесь на задний план перед несравненно более важной культурной задачей — чтобы каждая фраза звучала по-русски и в согласии с духом подлинника. Нам важно, чтобы молодежь не путала Тиля Уленшпигеля с Вильгельмом Теллем, а книжникам-фарисеям — «безгрешная книга» на полке и пустое место в умах и сердцах читателей. Поэтому я не смущаюсь, если при перечислении частей характерного костюма вместо чулок и юбок в текст проскользнут чепцы, ничуть не обидные для Костера и как следует надетые на голову фламандки.

«...А король Филипп пребывал в неизменной тоске и злобе. В бессильном честолюбии молил он господа...» (перевод Горнфельда). Неужели так говорит Костер? Не верю: канцелярское «пребывал в неизменной тоске», славянское «господь», двойное построение на одном предлоге с мертвящим параллелизмом прилагательных. Послушайте так: «...между тем, король Филипп тосковал и злобствовал. Честолюбивый недоумок молился богу...» Два разноустремленных глагола («тоскует» и «злобствует»), один ударный эпитет («честолюбивый») и брошенная вскользь характеристика Филиппа («недоумок»). Строением фразы определяется строй мысли (пример мой). Моя правка, вернее ломка, Карякина, из которой возникла подавляющая масса текста (18 листов), заключалась не в механическом лавировании между его текстом и текстом Горнфельда, а в сознательном оживлении почти каждой фразы.

Я много и долго боролся с условным переводческим языком. Он страшен, въедлив, уродлив и всегда заслоняет авто-

ра. Кашеобразный синтаксис, отсутствие ритма прозы, резиновый язык — все это не считается у нас отсебятиной. Лишь бы не обиделся словарь Макарова. «Мохнатые ноги с раздвоенными копытцами» — (о черте) — это нельзя, а «раздвоенные ноги» — это можно, как поправляет меня даже Горнфельд, стоящий на целую голову выше большинства переводчиков, но давший в своем Уленшпигеле слишком грузный текст.

Но неважно, плохо или хорошо исправил я старые переводы или создал новый текст по их канве. Неужели Горнфельд ни во что не ставит покой и нравственные силы писателя, приехавшего к нему за 2000 верст для объяснений, чтобы загладить нелепую, досадную оплошность (свою и издательства). Неужели он хотел, чтобы мы стояли, на радость мещан, как вцепившиеся друг другу в волосы торгаши? Как можно отделять «черную» повседневную работу писателя от его жизненной задачи? Из случайной безалаберности делать черный «литературный скандал» в духе мелкотравчатых «понедельничных» газет доброго старого времени?

Неужели я мог понадобиться Горнфельду, как пример литературного хищничества?

А теперь, когда извинения давно уже принесены, — отбросив всякое миндальничанье, я, русский поэт и литератор, подъявший за 20 лет гору самостоятельного труда, спрашиваю литературного критика Горнфельда, как мог он унизиться до своей фразы о «шубе»? Мой ложный шаг — следовало настоять на том, чтобы издательство своевременно договорилось с переводчиками, — и вина Горнфельда, извратившего в печати весь мой писательский облик, — несоизмеримы. Избранный им путь нецелесообразен и мелочен. В нем такое равнодушие к литератору и младшему современнику, такое пренебрежение к его труду, такое омертвение социальной и товарищеской связи, на которой держится литература, что становится страшно за писателя и человека.

Дурным порядкам и навыкам нужно свертывать шею, но это не значит, что писатели должны свертывать шею друг другу.

О. Мандельштам.

128.

М. А. ЗЕНКЕВИЧУ, *‹20-е числа января 1929 г.›*

Дорогой Михаил Александрович!

Только что Лившиц мне переслал твое письмо, где говорится о приостановке печатанья Майн-Рида со всеми его последствиями. Кроме того, тот же Лившиц мне сообщает, что из десяти оставшихся помеченных в плане названий у него имеется только пять. Он не потрудился объяснить — английские они или французские, а также каков их листаж, а вещи Майн-Рида колеблются от 6 до 18, причем грамотный перевод нередко из 14 делает 7, а в плане все это называется огульно томами и сопровождено взятыми из головы цифрами — 14—15—16 листов.

Итак, вместо половины всего издания, которое как-никак могло и может содержать по смете плана 160 листов, мы рискуем остаться вдвоем с Лившицем с 40—50 листами, если не будут найдены отсутствующие книги. Каждая английская книга означает для нас сокращение заработка на ⅔ или даже больше. Между тем хороший перевод с французского лучше, чем плохой — а где взять хороший? — с английского.

Для того, чтобы дотянуть до осени, нам абсолютно необходимо восстановить настоящий объем работы.

Для этого я предлагаю следующие средства: 1) раздобыть все, что только можно Майн-Рида по-французски (берусь это сделать сам — частью в Киеве, частью через Эренбурга), 2) в сущности это не во-вторых, а во-первых, и без этого ничего не выйдет: дополнить план рядом новых названий, основываясь на требованиях композиции, на утечке материала и т. д.

Для этого лично приеду в Москву. Другими словами, предлагаю немедленно составить расширенный и измененный в смысле названий план издания, но с тем же количеством листов, какой указан в договоре. От этого зависит почти год нашей обеспеченности, а положение сам знаешь какое.

Все это не имеет ни малейшего отношения к Владимиру Ивановичу. Мое решение делиться с ним работой стоит *твердо,* но именно делиться с ним, а не с посторонними переводчиками. Я предлагаю следующее: перевести для Владимира Иван‹овича› любой том, а если нужно, то и 2 и 3 — без редактуры и без примечаний — по 35 рублей с листа, как всякий переводчик, высылая ему листы через тебя по

мере продвижения работы. Это избавляет меня от кропотливой возни с окончательным текстом и явится для меня настоящим отдыхом и облегчит работу Влад‹имира› Иван‹овича›, т. к. все ж таки я лучше других переводчиков. Кроме нормальной стилистической редактуры, на Влад‹имира› Иван‹овича› лягут также примечания — и можно будет устроить так, чтоб избежать вторичной переписки, если впечатывать все поправки на машинке, что всегда возможно, если основная фраза не ломается.

При этом отпадает, конечно, английский том «Мексиканские стрелки», которого мы с Надей перевести не можем.

Через три дня я кончаю работу над очередным томом, и в две недели мы можем перевести с французского 15 листов, которые нам вышлет Лившиц.

Если «Мексиканские стрелки» уже переведены, то, разумеется, ничего не поделаешь. Если же нет — то задержи их. Т. к. все эти перестановки Влад‹имира› Ив‹ановича› не касаются и на нем отразиться не могут и не должны, то лучше ему о них и вовсе не рассказывать — ведь ему в конце концов все равно, кто делает для него черновой перевод[1].

Дорогой Михаил Александрович.

Это письмо Нади под мою диктовку. Она приехала и сразу слегла. Похоже, что ее будут оперировать в Киеве. Лечит *В. Гедройц* — ставшая здесь хирургом-«профессором». Аппендицит. Какой неизвестно, и неизвестно, есть ли что кроме аппенд‹ицита›. Но резать нужно.

Прошу тебя, **отчаянно** *слезно* предупреди Лихова, что в январе подлежит оплате том «Охотн‹ики› за растен‹иями› — Гаспар Гаучо» — это **один** том, а не два — 14—15 *листов*.

Мы сидим без гроша. У стариков нет кредита. Раздобывают на жизнь по 3 рубля. Хуже всего, что **нет на лечение.** Хорошо еще, что Гедройц здесь.

Привет Ал‹ександре› Ник‹олаевне›.
Отвечай срочно.
Твой Осип

Киев, Новая ул., 1
кв. 18 Хазину
для меня

‹Вверху приписка Н. Я. Мандельштам:›
Привет всем. Н. М.

[1] *Предыдущий текст — рукой Н. Я. Мандельштам. Далее рукой самого О.Э.Мандельштама.*

129.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹конец января 1929 г.›*

Доброе утро, родная!

Я здесь. Сегодня меня пустят немного позже — после 10 ч. У нас все благополучно.

Не *пиши*: скажи t°.

Скоро увидимся, Надинька моя.

Твой Н‹яня›.

Говорил с Женей. В Зифе все хорошо. *Рукопись пришла.* Предлагают сейчас В‹альтер›-Скотта, а М‹айн›-Рида в начале февраля. Нам следует 300 за В‹альтер›-Скотта.

130.

И. И. ИОНОВУ, *‹конец января — начало февраля 1929 г.›*

Уважаемый т. Ионов!

Только что я получил извещение, что Вы, во-первых, объявили договор на Майн-Рида со мной и Лившицем расторгнутым, а во-вторых, заявили Лившицу, что работать с нами впредь вообще отказываетесь. Я не уполномочивал Лившица о чем бы то ни было Вас просить и отнюдь не считаю, что вопрос о том или ином договоре может быть разрешен расторжением его в явочном порядке издательской стороной. Независимо от того, насколько этим затрагиваются мои и Лившица личные интересы, Ваше выступление в той форме, как мне о нем передавал Лившиц, является грубейшим общественно-литературным промахом. Я пишу Вам именно в этом плане.

Напоминаю Вам, что переводчик тот же писатель и что, заявляя переводчику о нежелании с ним работать, закрывая перед ним двери крупнейшего, едва ли не монопольного советского художественного издательства, Вы берете на себя тяжелейшую ответственность, точно такую же, как если бы Вы принципиально закрыли Зиф или Госиздат тому или иному оригинальному автору. Для этого должны быть серьезнейшие основания. У Вас их нет и быть не может.

Постановку переводного дела в Зифе и других издательствах нельзя назвать иначе, как вопиющим хроническим безобразием. Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают все от них зависящее, чтобы снизить качество продукции. Вместо того, чтобы озаботиться

подбором кадра квалифицированных переводчиков, использовать их по специальности и создать для их труда минимально благоприятную атмосферу, издательства — и ‹в› первую очередь Зиф — набирают переводчиков с бору по сосенке, превращая огромную отрасль производства не то в «собес», не то в хаотическое кустарничество на потребу рынку.

Специфическое отличие в профессиональном положении переводчика от оригинального автора сводится к тому, что переводчик — лицо пассивное, то есть вынужден ждать, пока ему предложат ту или иную работу. Он не торгует Бальзаком или Майн-Ридом, а предлагает свой труд вообще. Всякого рода разговоры о том, что переводчик в условиях нашего производства выбирает себе работу, являются миндальничанием и лицемерием. Даже пять-шесть (да и стольких-то не наберется) заслуженных и квалифицированных переводчиков-писателей, случайно затесавшихся ‹...› Несмотря на безобразно низкую оплату труда и полное равнодушие издательства к качеству работы, несмотря на грозившую заново после каждой сделанной книги безработицу (в связи с нежеланием маклерствовать и самому доставать «новиночки» с Запада), моя переводческая деятельность сохраняла черты литературы на протяжении ряда лет исключительно благодаря высокой культурности А.Н.Горлина, крупнейшего специалиста по переводческому делу в нашей стране, сумевшего поднять переводческий отдел Ленинград-Гиза на должную высоту.

Уже в Ленинград-Гизе начинались халтурные тенденции издательств, параллельно с настоящей работой уже там по инициативе некоторых товарищей, своеобразно экономивших копейку, делались предложения «приспособить» за пять или десять рублей к печати абсолютно безграмотные переводы классиков, вроде Альфонса Доде, и находились люди, выполнявшие подобные заказы.

После Ленинград-Гиза с Госиздатом лучший в стране переводческий аппарат захирел и был фактически разгромлен. Для старых опытных работников наступила безработица. Центр тяжести переводного дела временно переместился в «Прибой».

Халтура «Прибоя» в иностранной литературе была беспримерна. Нельзя найти достаточно резких слов, чтобы заклеймить отношение т. Шунявского и его сотрудников к литераторам-переводчикам и к самому производству. Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатилистных книг в десять дней, гонорар цинично задер-

живался вплоть до того, что ряд переводчиков вынужден был продать все свое имущество до последнего стула; с квалифицированными переводчиками велся рыночный торг, чтобы оттянуть у них копейку — с тенденцией снизить оплату за перевод, «не требующий редактуры», до двадцати пяти рублей с листа; в издательство, наконец, хлынула целая масса псевдопереводчиков, никому не ведомых безграмотных дилетантов, готовых на все условия.

Несмотря на безобразную постановку дела в «Прибое», моя работа в нем удерживалась на той же высоте, что и ‹в› Ленотгизе. Упомяну хотя бы книгу Даудистеля «Жертва» или «Тартарена» Доде — работы во многих отношениях показательные. Между закрывшимся «Прибоем», омертвевшим Ленотгизом и Зифом протянулась полоса абсолютной безработицы. Так осуществлялось право специалиста на труд.

В Зифе я впервые столкнулся с так называемой «массовой» работой, то есть с механизированным выпуском полных собраний сочинений иностранных авторов в до смешного маленькие «военные» сроки методом обработки или правки старых переводов, большей частью датированных самыми упадочными десятилетиями прошлого века. Это был модус производства. Нужно только удивляться, как это Зиф не заказал в месячный срок перевода и обработки Божественной Комедии Данта по сорок рублей с листа, с уплатой через месяц по представлении рукописи и с удержанием переписки. Впрочем, Рабле по сходной цене был кому-то заказан. К чести моей и Лившица, нужно сказать, что мы не соблазнились Рабле и Дантом, а занялись несравненно более скромным и в условиях Зифа единственно здоровым делом — обработкой для юношества устаревших по форме авторов, но сохранивших крупное историческое значение, как Вальтер-Скотт, или научно-воспитательное, как Майн-Рид ‹...› Самые договора Зифа являлись хитроумными юридическими ловушками, во избежание ответственности издательства перед тружениками 90-ых и 900-ых годов из договорных формул тщательно вытравлялось самое имя переводчика, замененное казуистическим термином — «редактор-переводчик». Само издательство выродилось в бездушную, уродливую канцелярию, на что я неоднократно указывал т. Нарбуту. Редакционного сектора, по существу, не было. Пораньше получить рукопись и попозже за нее заплатить — к этому сводилось все. Законом было полезное и удобное для издательства, а литературная продукция рассматривалась как собачье мясо, из которого все равно вый-

дет колбаса. Качество работы катастрофически снижалось. С одной стороны — террор квартальных планов, с другой — сопротивление никуда не годного сырья. Даже заикнуться о коренной ломке договора, то есть о заказе издательством новых переводов, и о том, чтобы растянуть годичный срок издания до трехгодичного, — было немыслимо. Вообще с нами разговаривали только через прилавок: «Поскорее, молодцы, поторапливайтесь». За каждый лист обработанного Вальтер-Скотта уплачивалось наличными по 36 рублей; я утверждаю, что за эти деньги можно получить, заказав «охотникам» новые переводы, лишь дрянь и галиматью, хуже сойкинской или сытинской, не поддающуюся даже правке. Издательство это знало и не могло не знать, но сознательно закрывало глаза и, спекулируя на литературном умении и опытности Мандельштама и Лившица, все же получало по меньшей мере удовлетворительные тексты, переделанные из старинки.

Вы расторгли — точнее, выразили желание расторгнуть с нами договор на Майн-Рида, потому что мы якобы нарушили его, переводя с французского. Не мешало б Вам, еще до экспертизы, которая решит, является ли наш труд халтурным и не достойным Майн-Рида, заглянуть в самый договор, о котором идет речь, и сделать вывод, не ярчайшим ли образцом халтуры издательства является этот самый договор.

Издание Майн-Рида, автора с нулевым литературным значением, лишенного намека на самостоятельный стиль или форму, утопающего на каждом шагу в слащавости и банальной красивости, было задумано исключительно ради его жанровых, приключенческих достоинств, все выявление которых падало на обработчиков. Оно оправдывалось лишь богатством естествоведческого и этнографического материала и волевым жизненным подъемом, которые нужны нашей молодежи, пока у нас нет своего Майн-Рида. За переделку Эдгара По можно казнить без суда, но относиться с пиететом к тексту Майн-Рида может только дореформенный учитель чистописания. Позволю себе заметить, что мои и вообще современные представления о прозе, даже для юношества, несколько расходятся с Майн-Ридом.

Неужели же блестящие по точности, авторизованные французские переводы в руках Мандельштама и Лившица могли дать худший результат, чем случайная стряпня с английского? Кто этому поверит? Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. То, что они мне представили, и то, что мне

пришлось потом обламывать с громадной потерей времени и труда, было убогим лепетом, полуграмотной канителью, кишащей нелепостями, и в результате правки было несомненно бледнее и беднее моего перевода с французского. Но это и есть то не вызывающее сомнений «сырье», из которого у нас изготовляются переводные книги: сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом «редактор» корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж, конечно, не заглядывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом. Я утверждаю, что так у нас выходят сотни книг, почти все; это называется «переводом с французского» или «переводом с английского» под редакцией «такого-то». Впрочем, имя редактора чаще всего опускается.

Возвращаюсь к нелепой структуре майн-ридовского договора. Издательство выплачивало пятьдесят пять рублей наличными с печатного листа. И этим обязательства его кончаются. Тираж издания неограниченный, астрономический. А вот список наших обязанностей: «редактора-обработчики», в понимании договора низведенные до подрядчиков, обязуются, во-первых, заказать и оплатить <...>

131.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *<середина февраля 1929 г.>*

Дорогой папочка

За это время случилось столько событий, что не знаешь, о чем писать. Во-первых, я страшно по тебе тоскую и при первой возможности вырвусь в Петербург. Впрочем, как увидишь дальше, возможно, что мы тебя пригласим пожить в Киеве... История Надиной операции тебе, наверное, известна от Лившица. Похоже, что здесь, в Киеве, положен конец застарелой медицинской ошибке. Как только мы приехали, даже еще в дороге, начались обычные боли и температура. Я обратился к женщине-хирургу проф<ессору> Гедройц. Это моя старая знакомая, случайно оказавшаяся в Киеве царскоселка. Член «Цеха поэтов» в давние времена. Придворный хирург. Когда-то оперировала Вырубову. Теперь ей простили прошлое и сделали здесь профессором. Около месяца она продержала Надю в постели, подготовляя

к операции. Сразу сказала: аппендицит, но была уверена, *что есть и туберкулез*. До того была уверена, что перед самой операцией предупредила меня: если очень далеко зашло, то отростка удалять не будем, а вскроем и зашьем. Не стоит повторять, что тебе уже известно. Скажу только, что Надя проявила такую редкую силу воли, такое спокойствие и самообладание, что красота была смотреть. Все в клинике ее полюбили. Редкая больная. Они только таких уважают. Сначала все шло хорошо. Потом, на 7-ой день, вдруг сильный жар. Перепугались осложнений, но через три-четыре дня прошло. Видно, заразили гриппом. Девять дней назад Надя вернулась домой, проведя 17 дней в клинике. Всего, вместе с домашним лежанием, она пролежала 6 недель. Мне приходилось очень круто. Денег почти не было. Родители Нади люди совсем беспомощные и нищие. В квартире у них холод, запущенность. Связей никаких. Мать очень плохая хозяйка. Каждая чашка бульона, какую я таскал в больницу, давалась мне с бою. У меня был постоянный пропуск в клинику, и так как я получил отдельную палату, то проводил там целые дни и даже ночевал, заменяя сестру и санитара. Самое трудное было подготовить Надино возвращение домой, вытопить печи, согреть комнаты, раздобыть на хозяйство, на прислугу. В сильнейший мороз я перевез Надю. Она была такая слабенькая, еле ходила. Но теперь ее не узнать. Силы прибывают. Жизненный подъем. Здоровый аппетит. Только шов еще побаливает. Мы с ней гуляем немного, пешком, конечно. У нас довольно уютно. Обеспечены вперед недели на три, т.е. на весь период выздоровления. Температура нормальная. В Киеве до самой операции мы работали над М‹айн›-Ридом, и за минуту до отъезда в клинику Надя сложила и упаковала сама рукопись. Лежа в постели, она помогала мне: составляла примечания, рылась в научных книгах, переводила. Вот это помощница! Настоящий человек!

Зиф, как тогда летом в Ялте, не хотел выслать денег. Но, мерзавцы, все же выслали. Это оказался последний гонорар. Договор, ты знаешь, расторгнут. Вернее, Ионов объявил его расторгнутым. Попроси Лившица показать тебе копию письма, которое я отправил этому самодуру. Ты поймешь, что я затеял серьезную борьбу. Дело не в М‹айн›-Риде, которого мы, должно быть, бросим, но я — обвинитель. Я требую реорганизации всего дела и достойного применения своих знаний и способностей. Возможно, мы с Лившицем начнем судебный процесс. Или же дело решится в общественном и профессиональном порядке. Скажу толь-

ко, что я глубоко спокоен, уверен в себе, как никогда. Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле — вопрос громадной общественной важности, — и поверь, я хорошо вооружен.

Но, милый папочка, все это уже потеряло для меня насущную остроту. Выяснилось, что можно бросить эту каторгу и перейти на живой человеческий труд. Сам не верю — но это так. Я приехал в Киев — чужой город. Маленькая русская газетка, и больше ничего. Ради 5 червонцев пришлось устроить вечер. И представь: есть друзья, есть какие-то корни, зацепки, есть преданные люди. Проживающий здесь писатель Бабель свел меня с громадной украинской Кинофабрикой Вуфку. Он умолял меня бросить переводы и не глушить больше мысли и живой работы. Пользуясь интересом, который вызвал мой приезд, и теплыми заметками в местных газетах, Бабель, очень влиятельный в Кино человек, вызвался определить меня туда редактором-консультантом. Сегодня от него пришла записка: директор фабрики дал принципиальное согласие. Он уехал на 2 дня в Харьков. Вернется и оформит. Это будет очень легкая и чистая работа: выезжать на 2—3 часа ежедневно на фабрику, на Шулявку, в загородном трамвае и что-то писать (кажется, отзывы о сценариях) — в своем кабинете. Жалованья рублей 300. Мы с Надей боимся верить такому счастью. Конечно, останемся в Киеве. Здесь чудесная весна и лето. В мае переедем на дачу, поближе к Кинофабрике, может, в Святошино. Съездим в отпуск на лиманы, куда зовут на баснословную дешевку новые знакомые. Кроме того, по моей мысли киевские советско-литературные организации затеяли единственный на Украине русский журнал. Его должна разрешить центральная власть в Харькове. Не желая прослыть дельцом, я только издали направляю это дело; сегодня составил для них докладную записку, которую сам *не подпишу*. Киевский партийный центр поддерживает. На меня очень рассчитывают как на литерат‹урного› редактора; намечают рубл‹ей› 200 в месяц. Вот, папочка, какие дела. Как видишь, я не боюсь житейских невзгод. А в Москву все-таки по делу Зифа съезжу на несколько дней: подать в Суд, в Р.К.И. и поднять газетную кампанию.

132.

В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,

‹февраль — март 1929 г.›

В Федерацию Писателей

Уважаемые товарищи!

То, что случилось у меня и Лившица с Ильей Ионовичем Ионовым, я не могу назвать иначе как катастрофой. Выпад Ионова переворачивает все наши представления об уважении к писательскому труду: грубый окрик, град тяжелых безответственных обвинений, абсолютное презрение к личности и заслугам двух работников, которые отдали годы труда советской книге. Это была крутая домашняя расправа — в четырех стенах, без свидетелей, но с таким результатом, как ломка жизни, конец профессии, уничтожение в одну минуту писательской репутации. Ионов выдал мне и Лившицу волчий билет. После его декларации мне и Лившицу остается стать в очередь на Биржу Труда. Впрочем, Ионов разрешил Лившицу подать на него в суд или куда угодно, не считаясь с его положением. Разрешение излишне. Напрасно Ионов думает, что мы нуждаемся в подобной санкции ‹...›

133.

В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,

‹февраль — март 1929 г.›

В Федерацию Сов‹етских› писателей.

‹...› Не думайте, товарищи, что я ограничусь вопросом о повышении гонорарных ставок для переводчиков-редакторов. Как ни важен этот вопрос, но он далеко не все. Но оплата задает тон всей работе. Оплата постыдно снижает качество. Оплата, самый ее способ, вызывает дикую спешку. Оплата отшибает от дела все талантливое, живое и нужное. Выходит так, что громадная культурная функция, как правило, выполняется калеками, недотепами, бездарными и случайными искателями заработка.

Хотя так называемые переводчики и зарегистрированы в писательских союзах, образуют даже специальные секции, к этим случайным группам случайных людей нельзя апеллировать в таком важном деле. Соблюдая всю мягкость и осторожность, надо провести переквалификацию действующих работников, щадя их самолюбие, считаясь с возмож-

ностями личных трагедий на почве судьбы этих работников, соблазненных издательствами, которые не постеснялись вовлечь их в невыгодную сделку, выставив на позорище перед обществом и читателями, в поисках дешевого мозга и дешевого труда.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о гонорарах, изображу вам выпукло и наглядно, во что выливается оплата переводческого труда. Возьмем среднюю ставку 35 рублей. Предположим, что переводчик получает наличными 20. Он работает не по конвейеру — том за томом. Сплошные перебои, безработица, поиски книжки, хлопоты, мытарства. Недоплаченные 15 рублей для него манна небесная. Из бюджета они выпадают. В них переводчик не верит. Но у него есть еще тяжелые производственные траты, в которых издательства, начиная с Гиза до последнего частника, с циничным упрямством отказываются участвовать. Из нищенского гонорара, похожего скорей на подачку, переводчик вынужден по букве договора оплачивать переписку на машинке (минимально 3 рубля с печатного листа). Значит, у него остается, считая расход на бумагу, а также ленту, которую его заставляют оплачивать машинистки, всего 16 наличных рублей. Но это еще не все. Никакой переписки на самом деле не бывает: на самом деле бывает диктовка, а диктовка стоит гораздо дороже — уже не 3, а 5—6 рублей с печатного листа. Таким образом, «подачка» наличными <...> К самому переводу относятся как к пересыпанию зерна из мешка в мешок. Чтобы переводчик не утаил, не украл зерна при пересыпке текста, по методу лабазного контроля оплачивается с русского текста, а не с подлинника, и вот — годами по этой ничтожной причине книги пухнут, болеют водянкой. Белые негры нагоняют «листаж», чтобы как-нибудь свести концы с концами. Вся трудовая атмосфера в данной области насквозь больная. Деморализация отчаянная. Как позорно, как больно видеть взрослого человека, семьянина, иногда с сединой в волосах, униженно лебезящего в редакторской приемной, домогаясь «работки». Не один, так другой. Дублеров сколько угодно. Переводчик — это попросту безработный. Вдумайтесь только, что означает выражение «дама-переводчица». Ведь только на базаре у нас еще говорят «мадам». Но вокруг иностранной книги кормятся сотни никому не ведомых полуграмотных женщин, имеющих заручку, знакомство, связи в издательствах. Переводят «дамы», домашние хозяйки, имевшие в детстве гувернантку-француженку, спекулянтки-негродержательницы, наконец, жены, родственницы, протеже влиятельных работников.

Перевод — один из самых трудных и ответственных видов лит‹ературной› работы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряженного внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вчувствоваться в прозаический ритм, схватить рисунок фразы, передать ее ритм, движение, походку — все это при строжайшем самообуздании. Иначе — отсебятина. В самом акте перевода — изнурительная нервная разрядка. Эта работа изнуряет и сушит мозг больше, чем всякая другая. Хороший переводчик, если его не беречь, быстро изнашивается. Перевод — это в точном смысле слова вредный цех. Профессионалы, вынужденные, благодаря нищенской оплате, печь, как блины, без отдыха и передышки, книгу за книгой из года в год, нервно заболевают... Им грозит афазия, размагничивание речевых центров, расстройство речи, острая неврастения. Здесь нужна трудовая профилактика. Здесь нужно изучать и предупреждать профзаболевания ‹...›

134.

В РЕДКОЛЛЕГИЮ ГОСИЗДАТА, *26 апреля 1929 г.*

В Редколлегию ГИЗа

Сделанное мне через т. Усиевич предложение — дать пробу или подробный конспект содержания задуманной прозаической вещи (как условие для заключения договора), — считаю для себя *неприемлемым*.

Интересующихся тем, что я могу сделать, я отсылаю к тому, что уже дал в области прозы («Шум времени», «Египетская марка», изд. Ленотгиза).

Полагаю, что вопрос о *доверии* к совершенно определившемуся писателю не может быть поднимаем заново при каждом новом с ним контакте.

В связи с этим полученный мною ответ я вынужден рассматривать как ничем не мотивированный отказ от совместной работы.

О. Мандельштам

26 апр‹еля› 1929
Адр‹ес›: Москва, Страстной 6, кв. 14
Хазину для Мандельштама.
тел. 3-12-31

135.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ», *10 мая 1929 г.*

Уважаемый тов. редактор!

Не откажите поместить в ближайшем номере «Литературной газеты» следующее:

Присвоение авторства называется плагиатом.

Присвоение материальных благ именуется кражей.

Опубликование же всякого рода заведомо ложных, неполных, неточных или подтасованных сведений, а также порочащих человека немотивированных сопоставлений называется клеветой в печати.

Так называется поступок со мной гр. Заславского (см. его статью «Скромный плагиат и развязная халтура» в № 3 «Литературной газеты»).

С приветом О. Мандельштам.

10 мая 1929 г.

136.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»,
‹около 10 мая 1929 г.›

‹...› Третья подтасовка З‹аславского› в том, что ‹он› затушевывает *‹нрзб.›* допускает удаление от подлинника.

Даже таким мастакам, как З‹аславский›, не позволено реценз‹ировать› книги путем пере‹ведения?› чужих писем в редакц‹ию› (кусками) на ‹свежий› картон.

Далее З‹аславский› выкрал из дела, утаив от читателя, мое ответное письмо Г‹орнфельду› в «В‹ечерней› Москве». Это было ему нужно, чтобы создать иллюзию, будто я пойман З‹аславским›, и пойман с поличным[1].

«Возьмем за шиворот» и т. д.

Между тем в письме сказано, что я *первый* известил Г‹орнфельда› об использов‹ании› его ‹и› карякинского текста, взял на себя моральную и материальную ответств‹енность› за дурную практику издат‹ельств›, настоял на поправке ЗИФа и т‹ак› далее.

Статья З‹аславского›, не приводящая ни единого нового факта, выкрадывающая из дела почти весь опублик‹ованный› материал и сплошь состоящая из передержек,

---

[1] *Слева на полях против этого абзаца — запись: ‹1 нрзб.›* и обязан все помнить.

подозрит‹ельна› отсутствием всякой целевой установки. Но эта установка есть.

Позорный фельет‹он› З‹аславского› — это публ‹ичный› *шантаж,* направленный против моей статьи в «Известиях», открывающей кампанию по оздоровлению переводческ‹ого› дела. О статье брошено вскользь два слова: «собственно, ничего нового» и «вызвала некоторую полемику». Это сказано о статье, призывающей революционизировать все переводческое дело, всколыхнувшей всю изд‹ательскую› общественность, о статье, из которой уже сделаны Гизом **важнейшие организ‹ационные› выводы.**

‹Далее следует фраза, не поддающаяся связному прочтению›.

137.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»,

‹около 10 мая 1929 г.›

‹...› взять чужое письмо в редакцию, отрезать от него кусок, содержащий упоминания о документе, совершенно меняющем положение вещей, утаить само существование этого документа, хотя адрес его дается полностью, и построить свои обвинения вопреки оговорке, сделанной тут же автором письма, который решительно и недвусмысленно отказывается поддерживать обвинение в данной плоскости, — вот что сделал Заславский...

Может, такие приемы и годятся для «травли лиц в печати» по чьей-либо темной указке, но советский журналист, работающий на совесть, должен был устыдиться подобной сноровки...

[Мы клеймим поступок Заславского и выражаем недоумение по поводу того, ‹чей?› заказ он выполняет в своей статье, не приводя ни единого нового факта и лишь сталкивая извращенный и подтасованный материал с цитатой из статьи О. Мандельштама в «Известиях».

Право О. Мандельштама на почин в кампании по оздоровлению переводческого дела в нашем Союзе неоспоримо: он заслужил его многолетней и блестяще выполненной в самых тяжелых условиях работой, в которой «Уленшпигель» — лишь незначительное звено.

Нам совершенно непонятно утверждение З‹аславского›, что статья М‹андельштама›, «собственно говоря, не содержит ничего нового», т. к. она впервые на страницах нашей *‹1 нрзб.›* намечает с должной силой и глубиной организационно-общественный и творческий подход к столь важному делу.]

138.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, *14 мая 1929 г.*

В Исполбюро Федерации писателей.

В редакционном примечании к письмам в редакцию, помещенным в № 4 «Литературной газеты», говорится, что «по просьбе редакции разбором дела займется конфликтная комиссия ФОСП, решение которой будет опубликовано в одном из ближайших номеров нашей газеты».

Я оспариваю право редакции «Литературной газеты» давать дальнейшее направление тому «делу», которое поднял при ее содействии Заславский. С самого начала редакция «Литературной газеты» вела себя как заинтересованная сторона. *Крайне резкий по тону и по выражениям* фельетон Заславского был напечатан без всякой проверки и без каких бы то ни было редакционных примечаний. Между тем мое письмо и письмо группы писателей редакция сочла нужным сопроводить оговоркой: «редакция оставляет на ответственности авторов писем допущенные в них *резкости тона и выражений*». Допуская подобное неравенство, газета фактически солидаризуется с Заславским и предрешает заключение конфликтной комиссии.

Кроме того, я заявляю, что случай с Уленшпигелем в издании ЗИФа не может служить предметом *отдельного разбирательства* в конфликтной комиссии. Этот случай составляет часть *широкой* практики издательств, выпускавших старые переводы без указания имен переводчиков в переработанном виде — с точно таким же титульным листом, с каким (учитывая поправку ЗИФа) вышел Уленшпигель. В эту ненормальную практику был вовлечен *ряд крупнейших редакторов и литературоведов*. Вопрос о способе использования старых переводов должен быть обсужден Исполбюро Федерации с учетом всего богатого материала, имеющегося налицо. Лишь после того, как Исполбюро вынесет общее суждение по этому вопросу, дело, в котором конфликтующими сторонами являются — Заславский, поддерживаемый редакцией «Литературной газеты», с одной стороны, и авторы писем в редакцию — с другой, — может быть передано на рассмотрение компетентного органа Федерации.

О. Мандельштам

14 мая 1929.

139.

В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
‹середина мая? 1929 г.›

Прошу Фед‹ерацию› вызвать и допросить:

1) переводчиков: Екатерину Георгиевну Рожицыну (Москва, Смоленский б‹ульвар›, д. 55) и Александра Ильича Ромма (Москва, Пятницкая ул., д. 10)

2) редактора ЗИФа Михаила Александровича Зенкевича (Москва, Остоженка, д. 41)

3) б‹ывшего› редактора ЗИФа Александра Ильича Зонина (Москва, Тверская ул., д. 34).

Осип Эмильевич Мандельштам

Москва, Общежитие Цекубу.

140.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹27 мая 1929 г.›*

Передаю точно сегодняшние разговоры Зелинский двоеточие писатели не хотят разрыва Канатчиковым дальше постановления Исполбюро своих требованиях не пойдут Фадеев двоеточие Канатчиков оскорблен моим заявлением как председатель редактор газеты точка Фадееву он обещал не настаивать комиссии напечатать постановление после секретариата когда неизвестно точка словам Фадеева новое выступление писателей обострит положение Федерации точка вмешательство Комсомольской находит желательным точка выписка находится редактора Комсомольской который пожелал запросить товарищей Федерации порядке воздействия точка статья идет независимо всего очевидно среду точка выписку вернут телеграфирую завтра точно подробно информируй писателей воздержись всяких советов таком деле важна абсолютно свободная инициатива телеграфируй Страстной 6 Целую

Ося

141.

В МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СУД, *8 июня 1929 г.*

В Московский Губернский суд
(по гражданско-судебному отделению)
Соответчика Мандельштама
Осипа Эмильевича

Заявление.

Совершенно исключительное значение для дела в связи с заявлением юрисконсульта ЗИФа имеют свидетельские показания тов. Шойхета Абрама Моисеевича, проживающего Б. Грузинская ул., № 19, кв. 14, и Колесникова Леонида Иосифовича, находящегося в редакции «Вечерняя Москва», бывших — первого — пом. зава редиздата ЗИФа, второго — штатного редактора ЗИФа. Эти свидетели могут подтвердить, что ЗИФу было известно, что я при своей редакторской работе при обработке «Уленшпигеля» пользовался переводом Карякина, тогда как ЗИФ теперь это отрицает. Поэтому прошу вызвать указанных свидетелей в суд, выдав мне повестки на руки.

8 июня 1929 г.

О. Э. Мандельштам.

142.

А. А. АХМАТОВОЙ (письмо Н. Я. Мандельштам и О. Э. Мандельштама), *[11 июня 1929 г.]*

‹Письмо Н. Я. Мандельштам:›

Милая Анна Андреевна!

Несмотря на постановление Исполбюро, прекратившего дело, Канатчиков и Заславский самочинно созвали отмененную конфликтную комиссию для суда над О. Э. О. Э. на комиссии не было. Писатели были вызваны. О. Э. позвонили по телефону в день комиссии и сообщили уборщице из Цекубу, что «сегодня в 2 часа дня состоится К‹онфликтная› К‹омиссия›». Из писателей, подписавших письмо 15‹-ти›, присутствовали Олеша, Пастернак и Зелинский. Были также представители ЗИФа — член нового правления ЗИФа Яковлев и др. Они заявили, что издательство *не знало, что заказана обработка старых переводов, и повторили обвинение в обмане* с Майн-Ридом. История с М‹айн›-Р‹идом› — первая попытка снять с работы — известна Федину, Слонимскому, Козакову и др. Заявление 3 писателей, что у О. Э. имеются на руках договоры, показания *всего старого редактора‹та› ЗИФа* (Шойхет, Зонин и Колесников) о том, что Уленшпигель заказывался *как обработка старых переводов,* принято во внимание не было.

На этом основании 15 писателям, подписавшим письмо-протест, *вынесено порицание*. Никто из 3 присутствующих на заседании писателей не догадался *объявить недоверие* Конфликтной Комиссии. Сообщите об этом безобразии *Федину, и Козакову, и Зощенко*. Укажите на то, что председатель Конф‹ликтной› Ком‹иссии› — заинтересованная сторона (редактор газеты). Кроме того, вынесено порицание: 1) издательствам; 2) О. Э.; 3) писателям (15); и 4) Заславскому (резкость тона!!!). За что О. Э. — не знаю. Сегодня или завтра постановление будет сформулировано. В понедельник появится в *«Литгазете»*. Нужны экстренные меры, хорошо, если бы кто-нибудь выехал в Москву, пусть Ленинград требует *следственной комиссии*.

Все дело находится в бюро расследований «Комсомольской правды» как травля ЗИФом работника. Речь идет о привлечении некоторых членов правления ЗИФа к уголовной ответственности за травлю.

В портфеле «Комсомольской» лежит чудовищное письмо Заславского. *Возможно, они вынуждены будут его напечатать* с призывом от издательства о привлечении О. Э. к уголовной ответственности. Нужны экстренные меры, нужно скрутить Федерацию.

Когда все это кончится, не знаю. Сегодня был суд по делу Карякина к ЗИФу. О. Э. *вызван был соответчиком*.

Не доверяя юрисконсульту, пришел член нового правления Яковлев. Повторил все свои подлые выпады, заявил, что издательство ничего не знало и т. д. Но это суд настоящий — в нем были и наши свидетели (Шойхет). Зачитаны письменные показания других. Яковлев, уходя, заявил, что *во всем согласен с Заславским*. До О. Э. выступал представитель бюро расследований «Комсомольской». Решение в пятницу. По всему течению суда можно сказать (общее мнение), *что ЗИФ проиграл*. Еще. Писатели не объявили недоверия Конфликтной Комиссии, но это сделали переводчики. У Нейшта‹д›та (один из лучших переводчиков, случайно услыхавший о К‹онфликтной› К‹омиссии› и явившийся на нее) вышло столкновение с Заславским.

15 писателей обвиняют, что они не знали материалов. Это наглая ложь: письмо Горнфельда — единственный материал Заславского — было целиком прочитано на собрании у Всев. Иванова. Там же были оглашены и все существующие документы, но они до сих пор неизвестны мерзавцам из Федерации.

Тот назвал Нейшта‹д›та — идеологом халтуры. Бюро переводчиков подало заявление *о недоверии* и *о некомпетентности* Комиссии в 14 пунктах. Я его не видела. Немедленно сообщите обо всем Ленинградской Федерации, Слонимскому, Федину и др.

Ждем немедленного вмешательства.

Н. Мандельштам

‹Приписка О. Э. Мандельштама:›

Я подтверждаю каждое слово этого письма. Все, что происходит, позорно и страшно. Это — последнее разложение. Трусость, ложь, подхалимство. Пусть мне перегрызают горло, но я призываю товарищей спасти *честь свою,* честь литературы — вырвать оружие у черной шайки, выступить *властно,* немедленно.

О. Мандельштам.

143.

ЛЕНИНГРАДСКИМ ПИСАТЕЛЯМ, *‹11 июня 1929 г.›*

Дорогие товарищи!

Если теперь сразу собрать Исполбюро, я прошу ленинградцев потребовать *смены* редакции «Литгазеты», которая *казнила* меня за 20 лет работы, за каторжный *культурный* труд переводчика, за *статью в «Известиях»,* за попытку оздоровить преступно поставленное дело, — казнила пером *клейменного клеветника, шулера, шантажиста,* выбросила из жизни, из литературы, наказала варварским шемякиным судом.

Я требую —

вырвать «Литгазету» из рук захватчиков, которые прикрываются

ВАШИМИ

ИМЕНАМИ.

Федерация с ее комиссиями превращена в бюрократический застенок, где издеваются над честью писателя, над его трудом и над *советским* — да, над советским делом, которое мне дорого.

Я призываю вас немедленно *телеграфно* объявить недоверие, резкое осуждение редакции «Литгазеты» и исполнительным органам Московской Федерации. После того, что со мной сделали, жить нельзя. Снимите с меня эту собачью медаль. Я требую следствия. Меня затравили как зверя. Слова здесь бессильны. Надо действовать. Нужен суд над *зачинщиками травли,* над теми, кто попустительствовал из трусости, из ложного самолюбия. К ответу их за палаческую работу, скрепленную ложью. Я жму руку вам всем.

Я жду.

О. Мандельштам

144.

С. И. ЛИПКИНУ, *‹лето 1929 г.›*

Уважаемый товарищ Липкин!

От И. Аппеля я узнал, что Вы собираетесь в Москву. Милости прошу ко мне.

‹М.?› Бронная, ‹?›.

О. Мандельштам

145.

В. М. САЯНОВУ, *24 августа 1929 г.*

24 августа 1929 г.

Дорогой товарищ Саянов!

Пишу вам в подкрепление телефонного звонка. «Московский комсомолец» широко развертывает литературный отдел. Нам необходимо тесное сотрудничество с ленинградской молодежью. Вы знаете ее лучше, чем кто-либо. К вам настоятельная просьба: подбирайте материал и шлите его на адрес редакции. Я всецело полагаюсь на ваш выбор, и все, что вы возьмете у авторов, они могут считать принятым.

Если вас не затруднит, переговорите с Тихоновым. Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того, необходима проза Тихонова. Ведя борьбу со всякого рода цеховщиной и варкой в собственном соку, мы сразу берем установку на культурный подъем. Комсомольский литературный молодняк нуждается в старших союзниках. Нельзя предоставлять его собственным силам. Я не представляю себе, чтобы вы не откликнулись немедленно на наш призыв.

Еще одна просьба: вы отказались по телефону взять неблагодарное дело распределения денег. Гонорар можно высылать и непосредственно из Москвы. Но если б вы указали в Ленинграде человека, способного взять на себя материальную часть, мы бы перевели в его распоряжение сумму в отделение издательства «Рабочая Москва».

Собираюсь написать вам частное письмо.

С приветом О. Мандельштам.

146.

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ ВКП(б) (?),
‹конец 1929 — начало 1930 г.›

Федерацию обвиняю в том, что

1) *злоупотребляя* правом общ‹ественного› суда над писателем — инсценировала *сканд‹альный› уголовн‹ый› процесс,* который вели под видом К‹онфликтной› К‹омиссии› орг‹аны› ФОСПа [с нарушением самых элементарных гарантий, как то:

1) предв‹арительная› пров‹ерка› и точн‹ая› форм‹улировка› обвин‹ений›

2) вызов свид‹етелей›[, очная ставка, допрос]
3) сбор и оглашение материалов
4) соответствие пунктов решения пунктам обвинения и т. д.]

[2) подменяла в течение самого процесса одно обв‹инение› — другим — от плагиата к халтуре, от халтуры к ‹негровладельчеству›, от ‹негровладельчества› — к «моральной ответственности» за практику изд‹ательств› и т. д.]

3) в минуту острой перегруппировки писательских сил выбила, подняв клеветн‹ическую› камп‹анию›, меня из литстроя, заранее обесценила подготовлявшие‹ся› мною полит‹ические› выступления и заставила временно от них воздержаться. (Прошу допросить Л. Авербаха о моих с ним переговорах в апреле 1929 г.)

147.

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ ВКП(б) (?),
‹конец 1929 — начало 1930 г.›

Зажим самокритики «Литгазетой» вижу в следующем:

I. В ответ на выступление М‹андельштама› в «Изв‹естиях›», безусловно всколыхнувшее советскую общ‹ественность›, Канатчиков на первой полосе «Л‹итератерной› г‹азеты›» печатает статью, где говорится:

1) *«В сущности, в статье в «Изв‹естиях›» М‹андельштамом› не сказано ничего* нового» (З‹аславский›);

2) извращается самая мысль статьи и снижается вся ее установка;

3) автор обливается грязью.

II. В закрытии страниц «Литгазеты» для письма 22-х ленингр‹адских› писателей и письма Ромма и ‹В›енедиктова, напечатанного в «Комс‹омольской› правде».

III. В замалчивании «Л‹итературной› г‹азетой›» выступления писателя А‹к›сенова на последнем общем собрании Вс‹ероссийского› Союза Писателей. Весьма резкая речь Аксенова «о деле, порочащем ФОСП», не была передана по существу в отчете «Л‹итературной› г‹азеты›» о данном собрании, хотя все остальные речи переданы по существу.

Травлю со стороны Исполбюро и К‹онфликтной› К‹омиссии› усматриваю в том, что, констатируя ‹...›

148.

СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ, *‹начало 1930 г.›*

‹...› пройти мимо подобной гнусности. Неужели вы могли подумать, что я буду дальше разгуливать с этим пятном в вашей среде только потому, что зачинщики травли оставили меня в покое?

Если бы вы потрудились меня запросить, вы бы узнали о грязных махинациях издательства ЗИФ, о чиновниках-лжесвидетелях, исполнявших волю начальства, о том, как Федерация писателей, то есть вы сами, длительно и упорно подготовляла против меня уголовный процесс, покрывая негодяя Заславского, и получила пощечину от Губсуда и от Верховного Суда республики; вы бы узнали о жалкой роли 15 писателей, тихонечко и «на всякий случай» отступившихся от этого чудовищного дела.

Я удивляюсь, как вы терпели меня столько лет в своей среде. Очевидно, это было недоразумением. Я спрашиваю в упор: за кого вы меня принимали? Какая цена вашим рукопожатиям?

Теперь я с горечью оглядываюсь на весь свой жизненный путь. Собачий юбилей был мне наградой. Какой пример уважения к труду и к личности работника даете вы, писатели, нашей стране? Не в том беда, что вы надвое преломили мою жизнь, варварски разрушили мою работу, отравили мой воздух и мой хлеб, а в том, что вы умудрились этого не заметить.

Я договариваю за вас: я делаю то, что вы поленились или побоялись сделать. Больше вам не придется «защищать достоинство советской литературы от Мандельштама» (подлинное выражение из всесоюзной писательской грамоты, изготовленной в Доме Герцена) ‹...›

149.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ, *‹начало 1930 г.›*

Я заявляю в лицо Федерации Советских писателей, что она запятнала себя гнуснейшим преследованием писателя, использовав для этой цели неслыханные средства, прибегла к обману и подтасовкам, замалчивала факты, фабриковала заведомо липовые документы, пользовалась услугами лжесвидетелей, с позорной трусостью покрывала и покрывает

своих аппаратчиков, замалчивала и покрывала своим авторитетом издательские безобразия и на первую в СССР попытку писателя вмешаться в издательское дело ответила инсценировкой скандального уголовного процесса.

Писательская общественность, допуская превращение своих органов в застенок, где безнаказанно шельмуют работу и честь писателя, становится тем самым реальной угрозой для каждого писателя.

Я не принадлежу ни к одному из литературных объединений и не вхожу формально в ФОСП. Я никогда не прибегал к органам Федерации с просьбой рассудить меня с кем-либо и не давал никакого согласия на разбирательство моих гражданских дел в конфликтных комиссиях ФОСПа. Теперь я вижу, что доверять свою честь судебным и третейским органам ФОСПа было бы по меньшей мере опрометчиво. Сделавшись невольным клиентом этих судилищ, я убедился, что они отличаются такой малограмотностью, такой юридической и общественной бездарностью, такой подозрительной гибкостью и восприимчивостью ко всякого рода давлениям, что любой профессиональный суд, любую судебную инстанцию нашей несовершенной и строящейся страны следует предпочесть писательскому трибуналу.

Мне и в голову не приходит смотреть на писателя как на высшее существо и видеть в нем образец гражданских добродетелей, но никто не давал права писателю стоять ниже среднего уровня культуры и эпохи, никто не позволял ему оскорблять правосознание современника и глумиться над здравым смыслом.

Между тем со мной, например, поступили как с проституткой, долгие годы гулявшей по желтому билету и наконец-то пойманной за дебош. Проституция же заключалась в многолетнем труде, а дебош в хорошей и по закону исполненной работе. Разбойное нападение среди бела дня на страницах «Литгазеты» — обвинительный акт, шулер-фельетонист в роли прокурора, редактор запачканной газеты — председатель суда, лабазные молодцы из издательской лавки ЗИФа — услужливые свидетели, наемные стряпчие-крючкотворы из приказов того же ФОСПа — юридические закройщики незамысловатого суда.

Когда писатель требует, чтобы его судили сообразно с законами страны, с обычными нормами данной отрасли промышленности и теми условиями, в которых протекает труд его товарищей по профессии, когда писатель требует, чтобы ему ответили, почему именно он и вот эта, а не

другая работа заносится на черную доску, — Федерация бормочет: «Данный инцидент является следствием не частного, а общего явления, характеризующего положение в СССР...»

Когда издательство, внезапно меняя точку зрения на свой договор, начинает легонько по сигналу «Литгазеты» подталкивать своего сотрудника к скамье подсудимых, Федерация деликатно ему помогает.

Далее Федерация прибегает к бесчестнейшему трюку, подменивая уголовные обвинения литературной критикой по Горнфельду. Дело принимает вид фонарика с разноцветными стеклами: когда нужно — плагиат, когда нужно — халтура.

Когда Федерацию спрашивают, почему за плохие повести, не сверенные с действительностью, и за плохие стихи, развращающие вкус, она не судит своих членов, а за плохую, пусть ужасную обработку Уленшпигеля находит возможным судить «товарищеским» судом, Федерация лепечет что-то невнятное о «сверке с подлинником».

Мне известно, что на конфликтной комиссии от 21-го июня говорилось о позорном пятнышке на моих ризах и о том, что с меня за мое лирическое сладкогласие следует взыскать построже. Я слов не нахожу, чтобы заклеймить всю лицемерную гнусность этих ханжеских речей. Я, дорогие товарищи, не ангел в ризах, накрахмаленных Львовым-Рогачевским, но труженик, чернорабочий слова, переводчик. Я чернорабочий, и глыбы книг ворочал своими руками. Какие там к черту ризы! Я чернорабочий, я издательский негр, но не вам клеймить меня плоским именем халтурщика, которое вы с такой легкостью выговариваете и которое означает не просто плохой работник, не просто обманщик и лентяй, но означает — холоп, батрак, наймит, работающий сдельщину на ненавистного хозяина и случайно оступившийся, не сумевший потрафить, перепутавший свой каторжный урок. Мой труд никогда не был рабьим трудом, и я с пеной у рта отстаиваю свое право на плохую работу, право на неудачу, право на срыв.

Матерщина — это детский лепет в сравнении с тем, что вытерпели стены Дома Герцена и пасторские седины Канатчикова. Зифовские молодцы не были вытолкнуты в шею, когда с их грязного языка слетело имя жены писателя в сочетании с абортом. Уличенные во лжи молодцы изворачивались под руководством старца Канатчикова:

«...Халтура... скрывается от милиции... не прописывается...»

Стенографистки не было, в протокол не занесено, но свидетели были, были... Мне кажется, что целесообразнее доверить управление делами Федерации королю из свежей карточной колоды, нежели гражданину Канатчикову.

За несколько месяцев фельетон Заславского дал молодые побеги. Радуйтесь, советские писатели, Мандельштам не только литературный вор и плагиатор, но также маклер, жучок, посредник, ловкий проныра, затащивший к себе в трущобу Горнфельда и Карякина. Отпустив с миром ловких скупщиков краденого в их издательскую хазу, именуемую ЗИФом, Федерация выдает мне справку, что я не халтурщик. Я сохраню эту справку. Я бережно ее пронесу. Я буду заглядывать в нее каждый раз, когда, очнувшись от тошнотного угара, в котором как бред мелькают совесть, труд, письма в редакцию, суды, чиновничьи маски столоначальников из страшного и последнего департамента литературы — Заславские, Канатчиковы, Рогачевские с мочалкой, я найду в себе силы приняться за прерванный жизненный труд. И тогда неизменно мне представится одна картина — Заславский, Горнфельд и Канатчиков, склоненные над красным комочком — над сердцем Уленшпигеля — и над моим, писатели, сердцем.

Судопроизводство в руках ФОСПа я вынужден признать социально-опасным орудием. Ваша организация, присваивая себе функции настоящего суда с уголовной амплитудой, пренебрегает всеми нормами и гарантиями нормального процесса.

1) Тягчайшие обвинения предъявляются человеку публично, в печати, без всякого предварительного расследования — в форме бранного шулерского фельетона.

2) На основе этого фельетона человек путем оглашения в печати предается публичному суду без формулировки обвинения, без обвинительного акта, уже после разоблачения клеветника.

3) Абсурдное обвинение Исполбюро отменяет «дело» ценой полного игнорирования фельетона и характера предъявленных мне обвинений.

4) Несмотря на отмену дела Исполбюро, под каким-то казуистическим предлогом созывается судебная комиссия под председательством заинтересованной стороны, в задачи которой входит в чем угодно обвинить Мандельштама, чтобы спасти престиж «Литгазеты».

5) Трибунал, именующий себя «конфликтной комисси-

ей», строится по методу: «Все, кроме подсудимого, — полноценные прокуроры», фиксирует хулиганские поклепы специально вызванных работодателей, не замечает грубейших противоречий в их показаниях, отказывает в вызове свидетелей, не требует фактов, не формулирует обвинений и выносит юридически безграмотный, инсинуирующий приговор.

6) Высший орган ФОСПа — Исполбюро — заслушав это решение, принимает его к сведенью, утверждает и запрещает печатать.

7) Из приговора не делают никаких общественных выводов относительно осужденного, не исключают его из организации и не сообщают о его деяниях прокурору.

(Для характеристики «общественной» установки Федерации: когда в «Правде» появился фельетон Заславского «Жучки и негры», комментирующий решение конфликтной комиссии ФОСПа от 21 июня, причем в фельетоне всеми словами утверждалось, что все переводческое дело в СССР построено на эксплуатации полуграмотных негров, которых нанимают за себя писатели с крупными именами, Федерация обошла этот фельетон полным молчанием и не сделала из него никаких общественных выводов.)

8) В августе Федерация объявляет печатно о пересмотре дела ввиду наличия «формальных» к тому поводов, но в течение 5-ти месяцев от пересмотра уклоняется.

9) В декабре Федерация внезапно выделяет комиссию, именуемую уже не конфликтной, но «комиссией для разбора обвинений, предъявленных Мандельштаму "Литгазетой"». Эта комиссия, так же как и первая, отказывается от всякой следственной процедуры, от формулировки обвинений, от оглашения материалов и от вызова свидетелей. Упоминая вскользь о травле и о «тягчайших обвинениях, лишенных всякого основания» (формулировка комиссии), комиссия признает помещение фельетона в «Литгазете» ошибкой, но на Мандельштама возлагает моральную ответственность за производственную практику советских издательств, о которой ни одним словом не упоминалось в фельетоне.

Все ваши постановления шиты гнилыми нитками, не сводят концов с концами, сами себе противоречат. В них нет настоящего товарищеского голоса, нет настоящего, честного, прямого осуждения, ни рукопожатия, ни удара, ни оправдания — ничего этого в них нет. Ваши постановления — это настоящий блуд, приправленный кисленькой

размазней прописной морали. Мне стыдно за вас. Мне стыдно уличать старых людей в безграмотности и недобросовестности, мне стыдно за молодежь, которая не имеет мужества в нужный момент возвысить голос и сказать свое слово.

Какой извращенный иезуитизм, какую даже не чиновничью, а поповскую жестокость надо было иметь, чтобы после года дикой травли, пахнущей кровью, вырезав у человека год жизни с мясом и нервами, объявить его «морально ответственным» и даже словом не обмолвиться по существу дела.

Вы произносите в своем постановлении страшное слово «травля» — так, между прочим, как какой-то пустячок. Где травили, кто травил, когда, какими способами?.. Укажите виновников или молчите, или вы не смеете говорить о травле...

Мне стыдно, что я, как нищий, месяцами умолял вас о расследовании. Если это общественность, я бегу от нее, как от чумы. Вы умеете не слышать, вы умеете не отвечать на прямые вопросы, вы умеете отводить заявления. Если собрать все, что я вам писал за эти месяцы, то получится настоящая книга — убийственная, позорная для нас всех. В историю советской литературы вы вписали главу, которая пахнет трупным разложением.

Я ухожу из Федерации Советских писателей, я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответственен за то, что делаете вы.

Спасибо, товарищи, за обезьяний процесс. А ну-ка поставим в дискуссионном порядке, кто из нас вор... Выходи, кто следующий!.. Но меня на этом вороньем празднике не будет.

Дорогие товарищи, в этом деле нет никакой розовой водички, никакой литературности, никаких тонких самолюбий, никаких изощренных цветочков писательской этики. Это тяжелое и трудное, громоздкое и страшное общесоветское дело, то, о чем мы ежедневно читаем в газетах, — это злостный удар по работнику, это сворачиванье ему шеи — не на жизнь, а на смерть, где все средства хороши, где все пути дозволены: клевета, лжесвидетельство, крючкотворство, фельетонная передержка, где все для безнаказанности сдобрено разговорчиками о «писательской этике», — это одно из бесчисленных дел, когда неугодного работника снимают с поля деятельности бесчестными способами...

Для полноты картины я должен вас информировать о том, что «товарищеское» разбирательство в Федерации

было лишь мостиком к уголовному преследованию писателя, о чем было отлично известно ФОСПу. Издательство ЗИФ по сигналу «Литгазеты» привлекло меня соответчиком по гражданскому делу, причем само спровоцировало этот иск. В гражданских камерах Губсуда и Верховного Суда издательство всеми способами добивалось моего привлечения по 177 ст. Уг‹оловного› Код‹екса›, ссылаясь как на главный аргумент на статью «Литгазеты» и на решение ФОСПа от 21-го июня. На судах дело сорвалось, и поведение «Литгазеты» было заклеймено особым пунктом в решении Верх‹овного› Суда.

Итак, товарищи, дело, которое вы называете «претензией ЗИФа и Горнфельда к Мандельштаму» и которое вы сводите к фельетону Заславского, явилось травлей довольно крупного масштаба и от начала до конца делом рук самого ФОСПа.

В данную минуту Федерация готова признать, что травля писателя Мандельштама нанесла объективный ущерб издательской реформе, которой добивался Мандельштам. Но Федерация стыдливо умалчивает о том, что травила Мандельштама она сама, а не кто-нибудь другой, и что преследования были прямым ответом на общественное выступление Мандельштама. Такого рода «увязка» травли с тем, что у нас называется самокритикой, является тягчайшим с советской точки зрения преступлением, но для Федерации Советских Писателей советский закон, очевидно, не писан, и никакой ответственности за свои позорные деяния она не чувствует и, надо думать, не понесет.

Злоупотребление так называемой юрисдикцией, то есть правом организации судить своих членов, — граничит в данном случае с моральным убийством и с общественным вредительством. Предание меня суду Федерацией Писателей в тысячу раз серьезнее, чем самый фельетон. Именно это предание суду я считаю преступлением Федерации по отношению ко мне. Поведение всех моих товарищей — советских писателей, — которые, скрестив руки, готовились к интересному зрелищу — как Мандельштам будет изворачиваться перед Федерацией по обвинению в краже и мошенничестве — и пальцем не шевельнули, чтобы предотвратить эту гнусную комедию, я считаю полным основанием для разрыва со всеми вами.

Для Мандельштама Федерация Советских Писателей оказалась полицейским участком, куда его потянули, как ‹...› никаких объяснений, настойчиво повторяя ‹...› Мандельштама публично обыскивали в Доме Герцена, и руки

всех советских писателей, в том числе и ваши, раз вы входите в Федерацию, шарили по его карманам.

20 лет работы не застраховали меня от нападения организованного писательства. Я допускаю, что ‹...› ‹иммунитет› для меня лично начинается с 40 лет работы. Но советское писательство остается по-прежнему организованным, а я, будучи только Мандельштамом, не располагаю аппаратом для самозащиты на второе двадцатилетие — до наступления предполагаемого ‹иммуни›тета, считаю благоразумным выключить себя ‹...› из организованной писательской общественности ‹...›

150.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ, *‹начало 1930 г.?›*

‹...›

Устойчивого материального быта я не имел и ‹не› имею. Работать привык на тыке в самых диких условиях... К моей необеспеченности и полубездомности давно привыкли в литературе, и я сам этому не удивляюсь.

Я никогда, и это признано критикой всех направлений, не снижал уровня своей работы, даже тогда, когда вынужден был заниматься таким изнурительным для поэта делом, как переводы. Жил трудно, мучительно, нуждаясь в ‹...›

151.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹середина февраля 1930 г.›*

‹...› все как было. И легче стало. Дай мне, деточка, горе твое понести. Моя бесстрашная, светленькая моя.

Твой новый голос, Надинька, слышу, узнаю тебя снова. Не плачь, горькая моя Надинька, не плачь, ласточка, не плачь, желтенький мой птенчик.

Береги маму, побудь дома сколько надо и привези маму к нам. Мы ее никуда не отпустим. Скажи ей, что никуда не отпустим.

Пиши сразу: когда приедете, сколько денег надо. Я все достану. Христос с тобою, жизнь моя. Нет смерти, радость моя. Любимого никто не отнимет. Твой. Твой.

Сейчас приду домой, родная — напишу все подробно.

152.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *24 февраля 1930 г.*

24/II/30

Родной мой птенец, Надик маленький! Тяжко мне без тебя, но стыдно жаловаться. Ничего, родненькая. Вот главные новости. У моего Жени — процесса пока нет. Никаких злоупотреблений. Но травля и шельмование грандиозные. Пока — домашняя склока. Приехала из Москвы вторая комиссия — для углубленной ревизии. Вот, к примеру, обвинения: вводил в заблуждение правление о действительном положении вещей (ложь), маневрировал с отчетностью (ложь), подписался на заем в ½ размера оклада (правда) — и, наконец, «подтасовка кассы»: Григорьева и он взяли зарплату на 2 дня раньше срока. Пришла ревизия, и Григорьева по-мальчишески пыталась это скрыть, но он об этом заявил и взял на себя ответственность. Далее: подменял собой Бюро, зажимал сотрудников, ссорил Москву и Ленинград, недостаточно ревизовал агентуру (злоупотреблений нет — но, говорят — *могли* быть) — и это все. В заключении первой ревизии: «исключ‹ительная› бесхозяйств‹енность›», которая «неизбежно *должна* была повлечь финанс‹овую› катастрофу». Исхода углубленной ревизии не знаю. На днях по телефону Наташа сказала — *ничего нового,* ничего агрессивного. Он *исключен* из Модпика. Без всяких средств. Хочет по врачебной линии, когда все выяснится. Пошел было в Совкино (его пригласили *после* начала травли — дружески — демонстративно) — но под чьим-то давлением сняли.

Таня уехала на работу по специальности в Ростов. Наташа работает(???) в Модпике(??). Это — характерно для склочной природы дела... Вся шайка писателей Женю предала, разбежалась... Слабо поддерживают лапповцы. Ячейка — дрожит за себя, пассивна...

Дед здоров. Я пока ничем ему не помог. Буквально *нечем.* Комната пожирает всю зарплату. Как быть, Надик? Как быть?..

Ближайшая получка: 15 подотчетных — вычет (остаток старого) — 30 (долг и буфет) — Литфонд(?). — Что я сделаю с 90 рублями минус 60 за комнату (не считая недоплаты в 25 р., образовался «хвост»). Научи, Надик, посоветуй, как быть.

В газете положение улучшилось. Прилив «уважения». Начинают понимать, что дали мне маниловское задание невыполнимое. Хотят теперь, чтоб я учил и поднимал аппарат. Веду рабкор‹овский› кружок в «Веч‹ерней› Москве».

Дружу с рабочей молодежью. Как раз вчера *после* телегр‹аммы› отв‹етственный› секрет‹арь› наговорил мне комплиментов — они от меня ждут, чтоб я вклинивался в работу отделов и помогал им органически. Но товарищей в газете — нет. Бюрократизм и бездарность отчаянные. Сделал громадный монтаж о Кр‹асной› Армии (23 февр‹аля›). Это укрепило, и очень сильно, позицию. Показал, что *могу*.

Юрасов уезжает 1-го. Твердо зовет с собой, т. е. — вызвать с подъемными через месяц. Это абсолютно серьезно. Там большие возможности. «Комс‹омолец› Востока» в центре всей краевой полит‹ической› работы. Хлопок, Турксиб и т. д. Очень увлекательно. Но *можем* ли мы на это решиться? Тебе работа там тоже обеспечена. Помещение тоже. Но ведь мы не можем бросить стар믂еньких! Ведь не можем, Надик? Научи же, как быть...

Теперь дело «Дрейфуса». Сразу по приезде — вызов на пленум комиссии. 4-х-часовый допрос, вернее, моя непрерывная речь. Был ужасно собой недоволен. Наутро: «Вы нам дали много ценных указаний, не волнуйтесь, не требуйте с себя невозможного. Мы это дело затягивать не собираемся». Дальше: дело разбито на сектора. Каждый следователь работает со мной отдельно. Был вызов по линии Фоспа. Допрос — 3 часа. След‹ователь› — женщина, старая партийка, редакт‹ор› «Мол‹одой› Гвардии». Тянула с меня формальные пункты обв‹инения›. Вытянула, как зубной врач, — 17 штук. Осталась недовольна. Велела сорганизовать себя дома и дослать почтой. Сделано. (У Березнера на комиссии прорвалось: «Имейте в виду, что фельетон был *заказан*».) Третьего дня 4-х-часовый допрос по Зифу. Метод: письменные ответы на месте — в строгих рамках вопроса. Терпенье — колоссальное. До чего я не умел до сих пор сказать главное! Любопытно: я не взял бумаг, послали меня домой, дождались (слетал на такси). Дважды списал твою копию протокола К‹онфликтной› К‹омиссии›. Важнейший документ. Третьего следователя отослали обратно: «очередь» — «вы нарасхват», — говорит Березнер.

Ну вот, моя родненькая, наиболее существенное. Нигде не бываю (зашел к Шифриным). Он говорил в Озете. *Там готовы подумать*. Но о чем? Хорошо бы в Сев‹ерный› Крым? Да, мой Надик? Зайду опять к Ниссону. Здесь Моргулис.

Да, забыл: писателям не подаю руки: Асеев, Адуев, Лидин и т. д. Асеев *не обиделся*. Смутился. Долго расспрашивал: «Ну пока не подаем руки друг другу». Адуйка был неподражаем. Встретил Лившица у Жени — и повернулся спиной.

В Ленинграде ни с кем *не встречался*. Письмо сейчас рассылать нельзя.

Сейчас придет Шашкова (я пишу в редакции), и я тебе выправлю мандат на очерковые изыскания.

Если хочешь поговорить со мной по телефону, телеграфируй (узнав переговорные часы), когда будешь на квартире у Иваницкого (у жены Длигача). Это всего удобнее.

Не зайти ли мне в «Пионер» — поговорить о твоих делах?

Надик мой! Поскорее бы вместе быть... Подумай, как быть. Твой брат очень долго не сумеет вернуться в Киев. Ты это пойми. Надо принять решение. Иначе начнется развал: или мне отказаться от комнаты, а тебе надолго остаться в Киеве — или взять под Москвой 2 комнаты и тебе с мамой сюда приехать. Это надо сделать к 15 марту — не позже. Пиши мне, мой родненький. Целую твою маму. Господь вас храни.

Ося.

153.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹13 марта 1930 г.›*

Родная Надинька! Я совсем потерялся. Мне очень тяжело. Надик, я должен был быть все время с тобой. Ты моя сильная, моя бедненькая, моя пташечка. Целую тебя в лобик твой, старенькая моя, молоденькая, ненаглядная. Ты работаешь, ты что-то делаешь, ты чудесная. Надик маленький! Я хочу в Киев к тебе. Я не прощу себе, что покинул тебя одну в феврале. Не догнал тебя, на твой голос по телефону сразу не приехал — и не писал, не писал ничего почти все время. Как ты бродишь, родной, по комнате нашей, все родное и вечное с тобой. Держаться, держаться за это милое, за бессмертное до последнего дыханья. Не отдавать никому ни за что. Родная, мне тяжело, мне всегда тяжело, а сейчас не найду слов рассказать. Запутали меня, как в тюрьме держат, свету нет. Все хочу ложь смахнуть — и не могу, все хочу грязь отмыть — и нельзя.

Стоит ли тебе говорить, какой бред, какой дикий тусклый сон все все все.

Мучили с делом, 5 раз вызывали. Трое разных. Подолгу: 3—4 часа. Не верю я им, хоть ласковые. Только Рузер по Фоспу верю вполне: откровенна, серьезна, и большая теплота человеческая. Зачем я им? Опять я игрушка. Опять ни при чем. Последний вызов к какому-то доценту: рассказать всю свою биографию. Вопрос: не работал ли в белых газе-

тах? Что делал в Феодосии? Не было ли связи с Освагом??? Ведь это бред. Указал на феод‹осийских› коммунистов. Прочел я ему стихи про Керенского и др., указал ему сам все неладное в стихах. Шум Вр‹емени› он изучил. На машинке цитаты принес — мне показывает, просит объяснений. Тон дружеский. Говорит, мы знаем все про Ионова и др. Должны и про вас все знать. Не позже чем через 10 дней будет созвано заседание для оглашения выводов комиссии. Пригласят всех — Зиф, Фосп и т. д. Дадут высказаться: «Пусть узнают свое место на общем фоне и сделают свои замечания; у нас не Федер‹ация›; полемики между ними не допустим». А решение вынесет другой состав — высший — и напечатают. Потребовал прислать ему все мои книги и хронолог‹ический› листок биографии. В заключение — «мы достаточно авторитетны, вашим прошлым (писательским?) (или вроде того) никто вас не попрекнет. Плюньте на княгиню М‹арью› Алексеевну». О самом деле — ни слова. Вызывали Зенкев‹ича›: о деле ни слова («все и так ясно»). Только общ‹ую› характ‹еристику› и особенно период у белых (прямо анекдот). Похоже, что хотят со мной начисто договориться: кто я, чего хочу и т. д. Если бы так — то это хорошо. Но знаю одно: я не работник. Я — дичаю с каждым днем. Боюсь своей газеты. Здесь не люди, а рыбы страшные. Мне здесь невыносимо скандально, не ко двору. Надо уходить, давно опоздал. Хочу отдохнуть. Иду завтра в амбулаторию. Попробую отпуск? Но это — не то. Надо уйти. И сейчас же. Но куда уйти? Кругом — пустота. Жалко книги остановившейся. Жалко. Со мной один Апель ходит. За комнату 1-го ничего не мог уплатить. Как быть 15-го? Буфет — 20 р. Останется 100 р. М‹ария?› Ром‹ановна› возьмет 10 р. = 90 р.

Надик родной! Надо решать. Минута такая! [Сегодня в Фоспе запрос Асеева. Сутырин «пишет» резолюцию. Канатчиков снят (почему?)]

Я один. Ich bin arm[1]. Все непоправимо. Разрыв — богатство. Надо его сохранить. Не расплескать. Твой Женя задержится. Наверное — так я думаю.

Но, друг мой милый — ты не спеши приездом, он *ничего не изменит*. Маму свою береги. Напиши мне только, как быть, помоги взять твердую линию, помоги уйти от всякой лжи и нечисти. Мне люди нужны, товарищи, как в Моск‹овском› Комс‹омольце›. Мы еще найдем друзей, найдем опору. Совсем не обязательно Ташкент. Попробуем в Мос-

---

[1] Я беден *(нем.)*.

кве. Возьмем маму. Решай — подходит ли мне газетн‹ая› работа. Не иссушит ли мой старый мозг вконец? Но работа нужна. И — **простая**. Не хочу «фигурять Мандельштамом». Не смею! Не должен!

Родная, Господь с тобой! Не покинет тебя любовь! Родненькая! Узнаешь меня? Слышишь?

Твой Ося.

Привет от Апеля!

154.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[14 марта] ‹1930 г.›*

Поводу устройства санаторию был направлен амбулатории невропатологу психиатру считают острое психастеническое состояние требующее перемены обстановки самочувствие удовлетворительное выезжай не ожидая брата деньги телеграфом

Ося

‹Приписка Е. Э. Мандельштама:›
Присоединяюсь Женя Мандельштам

155.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹14 марта 1930 г.›*

Надик, я пошел в амбулаторию. Врач по внутренним нашел некоторое ослабление сердечной мышцы, — в сущности, сказал он, — «миокардит».

Некомпенсированных дефектов не нашел. Предписал санаторий — по соглаш‹ению› с невропатологом. Тут же направил к нервному врачу. Этот отнесся очень серьезно. Знает, кто я(?). «6 недель minimum спец‹иального› санатория», и направил к профессору-невропатологу для совещания с ним (после моего осмотра) о способах лечения. Завтра пойду к проф‹ессору›. «Потом, — сказал врач, — *мы раскачаем всю громоздкую машину* для получения срочного санатория». Рассказал секр‹етарю› газеты. Он — «ничего — мы все сделаем». Я ни на что не жалуюсь. *Ничего не* болит. Здоров. Честное слово, Надик — я здоров как всегда.

Может, родная, надо и вправду отдохнуть?

Родная моя! Оставайся в Киеве! Там тебе лучше!

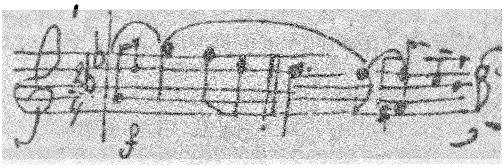
Целую.

Твой Няня

156.

И. Д. ХАНЦИН,
‹конец декабря 1930 г. — начало января 1931 г.›

Дорогая Иза Давыдовна,



эту музыкальную фразу, весьма коряво здесь начертанную, и еще очень многое хотелось бы услышать от вас и Ал‹ександра› Осиповича.

‹Приписка В. А. Мануйлова:›

И я бы тоже очень хотел и слышать и видеть Вас. И еще многое другое. И Александра Осиповича!

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Иза, обязательно приезжайте и тащите с собой Терезу.
А старику привет.
А вообще кланяюсь и целую.

‹Внизу, в рамке, рукой В. А. Мануйлова:›

Адрес: Старый Петергоф. Заячий Ремиз.
Садовая 14. Санаторий Цекубу.

‹Вокруг рамки — подписи:›

О. Мандельштам
Н. X.
Виктор.

‹Слева на полях приписка В. Мануйлова:›

Ночлег и все удобства (и пропитание) обеспечены. Поезда с Балтийского каждый час.

157.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹после 7 января 1931 г.›*

Милый папочка!

Я уезжаю до послезавтра. Ты уж прости мне мою грубую и глупую выходку. Не должен был я так тебе говорить... Ты-то здесь при чем? А с Женей у меня плохо. Очень, очень плохо. Он сильно виноват. Ему — стыд.

Твой Ося.

158.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹после 7 января 1931 г.›*

Убедительно прошу не волновать Над‹ежду› Як‹овлевну›, *у которой сейчас и все дни жар* и которую я вынужден был положить в спокойной и сухой комнате. В маленькой — *зверская* сырость, *в столовой ты разбудишь* и не дашь заснуть больной.

Уезжая завтра, остаемся последнюю ночь на старом месте, чтоб не переносить кровати.

Ося.

159.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[20 марта 1931 г.]*

Дорогой папочка,

посылаю тебе этот более чем скромный тючок: в нем лишь малая доля того, в чем ты нуждаешься... Обо всем прочем и главном — в письме...

Твой Ося.

160.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[10 апреля 1931 г.]*

Дорогой папочка,

До сих пор я не ответил на твое письмо (Шуре), а **часто** его перечитываю. Будет ответ мой. За прекрасное же письмо, хоть и не мне оно, — спасибо. Хлопочем о квартире. Шансы есть. Никуда не едем.

Целую. Ося.

161.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[11 мая 1931 г.]*

Милый Женя!

Если хочешь оказать мне серьезную услугу, то немедленно исполни следующую мою просьбу: возьми в вашем ленингр‹адском› Гизе справку о состоянии моего личного авторского счета (с балансом) — и, получив ее *сразу* на

руки, — вышли *спешным* письмом на адрес Шуры в Москву. Без этой справки мне не могут здесь выплатить 40% за собр‹ание› соч‹инений› — т. е. тысячи полторы... Деньги на исходе. Бюджета — никакого... Гладкое ровное место. Литература моя — весьма убыточное и дорогое занятие...

40% (без упомянутой справки их не выдают, а на запрос Москвы о сост‹оянии› моего счета — Ленингр‹ад›, конечно, не ответил) — это все, что у нас остается — на устройство, переезд, жизнь...

Конечно, на этом я не успокоюсь (да и удастся ли еще комбинация?), — но пробить себе дорогу так *неслыханно трудно,* что мы проживем и эти деньги, пока наладится бюджетный заработок (лит‹ературный›). А служить грешно, потому что работается мне сейчас здорово. Так ты немедленно помоги. Гони сюда справку: это «валюта». Особенно-то не разбалтывай, что мне хотят сделать такую поблажку. В иных, впрочем, мне деликатно отказывают пока...

Ни о чем больше не пишу. Отчет о жизни моей в письме к папе.

Целую всех вас.

Твой Ося

162.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹середина мая 1931 г.›*

Дорогой папочка! Отвечаю тебе сразу на все твои письма — и мне, и Шуре с таким чувством, будто они пришли только сегодня утром. Я только что все их снова внимательно перечел, и теперь, чтобы поговорить с тобой, я отодвигаю всю гору суеты, ложного беспокойства, все грубые хлопоты, на которые мы обречены. Ты говоришь об отвратительном себялюбии и эгоизме своих сыновей. Это правда, но мы не лучше всего нашего поколения. Ты моложе нас: пишешь стихи о пятилетке, а я не умею. Для меня большая отрада, что хоть для отца моего такие слова, как коллективизм, революция и пр., не пустые звуки. Ты умеешь вычитать человеческий смысл в своей Вечерней Газете, а я и мои сверстники едва улавливаем его в лучших книгах мировой литературы.

Мог ли я думать, что услышу от тебя большевистскую проповедь? Да в твоих устах она для меня сильней, чем от кого-либо. Ты заговорил о самом главном: кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям

ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет, и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее.

А семейный чайный стол мы, пожалуй, все-таки соорудим, как он ни устарел. 99% шанса на квартиру превращаются мало-помалу в периодическую дробь (99,999(9)). История с квартирой такова: наши знакомые выезжают в новый дом, и в деревянном флигельке, недалеко от центра, освобождается квартирка в 3 комнаты с кухней. Первый этаж. Окна в палисадник (одно дерево). Еще год назад некоторые руководящие работники надумали обеспечить меня квартирой. Но где ее взять, они сами не знали. И вот мы сами же указали им на эту крошечную квартирку, больше похожую на уездную идиллию, чем на Москву. Три месяца мы ждали, пока старые жильцы откажутся от квартиры и вернут свою площадь в Руни. Руни было сделано соответствующее внушение, нам условно все обещали, любезно морочили и не далее, как третьего дня, когда мы вооружились справочками, бумажками и привели в Руни старую хозяйку, возвращавшую площадь... с площадью, так сказать, на руках, скромный, но упрямый зав Руни неожиданно отказал в выдаче ордера, ссылаясь на 2 тысячи красноармейцев, ожидающих очереди на площадь. Не вступая ни в какие пререканья с жилищными работниками, мы сообщили о таком повороте авторитетным товарищам, которые полагают, что я по-своему тоже мобилизован и тоже в какой-то очереди состою. Там от благого почина не отступились. В настояниях своих идут дальше, нажимают, звонят по телефону. Со сдачей площади наши знакомые, к счастью, могут повременить, т.к. не готовы еще к переезду. В ближайшие 2—3 дня недоразумение разъяснится, а здесь, безусловно, недоразумение.

С Надинькой мы все время жили врозь: я у Шуры, она у брата — Евг‹ения› Як‹овлевича›. Как ни странно, Шуру с Лелей я почти не видал. В девять они исчезали на службу, а приходил я всегда к ночи, когда они уже спали. Старался поменьше их стеснять. Леля нервна, переутомлена. Постоянный гость для них — сущая мука... Недавно я перебрался на Страстной б‹ульвар› к Евг‹ению› Як‹овлевичу› (жена его, Лена, уехала на две недели). Шура же с Лелей собираются в месячный отпуск. Только что они пришли домой (пишу я у Шуры). Уже взяты билеты на Ростов (потом на море, куда-нибудь, или в деревню на Сев‹ерный› Кавказ). Билеты у Шуры на 23 число.

С нашим приездом на 1 мая разладилось из-за квартиры, развязка с которой пришлась на май, а также из-за глубокого безденежья. На этом фронте, скажу прямо, скверно. Денег — только на *завтрашний* обед. Есть ли планы? виды? Конечно, есть... Я познакомлю тебя с моими литературными мытарствами. Большой цикл лирики, законченный на днях, после Армении, не принес мне ни копейки. Напечатать нельзя *ничего*. Хвалят много и горячо. Сел я еще за прозу, занятие долгое и кропотливое, — но договоров со мной по той же причине — не заключают и авансов не дают. Все это выяснилось с полуслова. Я вполне примиряюсь с таким положением, ничего никуда не предлагаю, ни о чем нигде не прошу... Главное, папочка, это создать литературные вещи, а куда их поставить — безразлично... Пера я не сложу из-за бытовых пустяков, работать весело и хорошо...

Друзья мои, люди более смелые и с более широкими взглядами, чем издательские завы, сумеют определить меня на службу. Лишь бы квартира удалась. Не исключена также возможность и получения издательских договоров, месячных выдач от Гиза и т. д. Спасибо за справку Гиза (она не та, между прочим: я просил состояние *общего* счета, а не на данный текущий договор, но сейчас уже не к спеху). С 40% лопается. Отказывают... Надя до последних дней была здорова. Нынче опять начались схватки в кишечнике, тошноты, слабость, похудание... Мама ее, В‹ера› Як‹овлевна›, одна-одинешенька в Киеве, голодает, беспомощна... Когда получим квартирку, возьмем ее к себе. Да всю мебель и утварь оттуда же перевезем. Лишнее продадим. Там еще сохранились остатки хазинской обстановки: кровати, столы, буфет, кастрюли, занавеси, стулья... На перевозку и чтоб Надю послать за мамой, нужно рублей 500... Где взять? Уповаю на друзей и благожелателей. Мы здесь не так одиноки, как в Ленинграде. С людьми водимся, к себе пускаем тех, кто нам мил или интересен, и в гости выходим...

Итак, в квартирке нашей (а я в нее верю) — три комнаты: твоя, Веры Як‹овлевны› и наша с Надей. Там и летом хорошо. Рядом большой парк Армии и Флота... Впрочем, рано я, дурак, размечтался... Как бы не подвела проклятая периодическая дробь...

Лично я, получив ордер и первые же деньги, моментально перекидываюсь в Ленинград — побыть с тобой и Женей. Танюше привет. Татиньку целую. Славный ты ей подарил стих... О пятилетке же просто и глубоко и сильно при всей

старомодности, которую я люблю... На племянничка хочу поглядеть... Напиши, как Юрик растет... Милый папочка, чтоб нам скорее зажить вместе, сделай вот что: упроси Женю выхлопотать мне у Старчакова 40%... В них спит все наше с тобой скромное богатство... Пиши мне, дорогой папочка, не скучай...

С молчаньем кончаю.

Твой Ося.

163.

В ПРАВЛЕНИЕ ГИХЛа, *8 июня 1931 г.*

В правление ГИХЛа
тов. Шендеровичу
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление:

Ввиду крайней необходимости прошу вашего распоряжения о выплате мне 500 (пятисот) рублей в счет 40% по договору № 79/Х с ГИХЛом в Ленинграде. Ссылаюсь при этом на наши предыдущие переговоры, — на основе которых вопрос согласован с Ленинградским правлением.

Прилагаю: 1) бухгалтерскую справку,

2) копию договора,

3) письмо т. Старчакова (у вас на руках)

8/VI/31 О. Мандельштам

164.

В. П. ПОЛОНСКОМУ, *3 июля 1931 г.*

3 июля 31 г.

Уважаемый Вячеслав Павлович!

Позавчера я передал М. А. Зенкевичу 10 (десять) стихотворений для оглашения их в редколлегии «Н‹ового› Мира». Однако зачитаны из них были только 2 (два), а принято — одно. Это стихотворение даст читателю, с которым я и без того достаточно разобщен, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу.

Ваш О. Мандельштам.

165.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹июль — август 1931 г.›*

Милый Женя

Картина моей жизни, нарисованная папой, довольно фантастична.

Я вынужден был взять на себя тяжелое и несвойственное мне обязательство (3 очерка за 1500 р.). Больше половины денег растрачено. Выехать нечем.

От Нов‹ого› Мира после квартирных 2500 я имел 70 р. заработка. Реально: я напечатаю еще в больших журналах 5—6 вещей, может быть, мою прозу (цена ей по договору 750 р.: половина погашает кварт‹ирный› аванс в Н‹овом› Мире). Получу еще 800—1500 р., и затем глубокая пауза — может, на год или больше, т.к. я, конечно, не стал ходовым автором, пишу очень мало и медленно, и 90% не печатается даже в самых благоприятных условиях. Основной работник по-прежнему Надя. Она выбивается из сил. Берет дополнительную работу в Известиях. Не знаю, выдержит ли?

Папа и В‹ера› Як‹овлевна› живут не «в одной комнате», а *в целой квартире,* и прекрасной,— до 1 окт‹ября›. Никто их не тревожит.

Пиши мне, дорогой, о своей жизни, о детях.

Целую. Твой Ося

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Квартиру получим, очевидно, в ноябре-декабре. Надеемся на 2 комнаты. До сентября или октября мы обеспечены для мамы и дедушки временной комнатой. Привет Тане и Тате. Маленького Юрика целую. Прошу прислать его карточку. Хочу его видеть хоть на карточке.

Надя.

166.

А. Б. ХАЛАТОВУ, *‹19 сентября 1931 г.›*

Уважаемый Артемий Багратович.

Прошу вас меня принять *хотя бы на 2—3 минуты.* Вы сделали для меня очень много, но деньги (приходится это сказать) по-прежнему для меня *недоступны.* На дворе осень. Меня скрутило. Если принципиальный вопрос затягивается, — я хочу вам предложить одну ‹...›

167.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹17—18 ноября 1931 г.›*

Надинька, у меня небольшой грипп. Ничего не болит. Чувствую себя хорошо, t°=37,7. Решил денек полежать, чтобы скорей к тебе выбраться. Не вздумай, пожалуйста, обо мне беспокоиться.

Вчера заходил в бухгалт‹ерию› З.К.П. Деньги тебе приготовлены: в любой момент по бюллетеню можно получить. Д-р Рабинович больна, и придется без нее восстанавливать. О квартире тебе расскажет Евг‹ений› Як‹овлевич› (Колесникова не поймала еще Ляшкевича).

Вчера, простившись с тобой, говорил с Делигенским. Он дал самый *блестящий отзыв* о твоем состоянии.

Напиши, родная моя, чем закончились сегодня исследования. Как температурка? Все все напиши. Не болит ли что? Не скучаешь ли?

Если верить вчерашней беседе, то через 3—4 дня тебя отсюда выпроваживают с аттестатом на утонченный организм. То, что я посылаю: сливки, компот — тебе позволено вчера Делиг‹енским›. Впрочем — переспроси сегодня.

До скорой встречи, дружок мой.

Няня тебя целует.

168.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹19 ноября 1931 г.›*

Родная Надинька, солнышко мое, отпускаю к тебе маму.

Я уже здоров, t° нормальная. Только что звонил Шура: Леля рожает. Он ночью отвез ее на Арбат. Все идет хорошо.

Друг мой, отпиши мне с мамой подробнейшим образом о результате *каждого исследования в частности,* о том, *какие* исслед‹ования› уже проделаны, какие повторяются, какие и когда предстоят.

Пиши абсолютно все, ничего не утаивая, о t°, о самочувствии. Каков вес? На руках ли у тебя история болезни? Читаешь ли ее, моя умница? Все, все мне расскажи. Сегодня в 3 ч. к тебе собирается Шенгели.

Родная моя! Каждое слово от тебя для меня драгоценно.

Пиши правду, жду, целую.

169.

И. М. ГРОНСКОМУ, *‹весна 1932 г.›*

Тов. Гронскому.

В течение последних лет литературные организации оказывают упорное сопротивление моему жилищному устройству.

1) С января 31-го года по январь 32-го, то есть в течение года, бездомного человека, не имеющего нигде никакой площади, держали на улице. За это время роздали сотни квартир и комнат, улучшая жилищные условия других писателей.

2) Несмотря на тяжелую болезнь жены, принимавшую в то время угрожающий для жизни оборот, в январе 31-го года отменили решение жилищной комиссии горкома писателей о предоставлении мне даже одной комнаты.

3) Когда это решение под давлением извне было восстановлено, упорно саботировали въезд в дом, так что физическое вселение удалось осуществить лишь благодаря энергичному вмешательству председателя горкома — т. Ляшкевича.

4) Помещение мне отвели в сыром, негодном для жилья флигеле без кухни, питьевой кран в гниющей уборной, на стенах плесень, дощатые перегородки, ледяной пол и т. д...

5) Назначенной мне в этом флигеле комнаты я сразу не получил, а был временно вселен в каморку в 10 метров, где и провел всю зиму. Когда назначенная мне комната освободилась, она была по чьей-то инициативе опечатана, к ней приставили караул из дворника и мне объявили, что я эту комнату не получу. Лишь благодаря вмешательству авторитетных организаций мне удалось переменить первоначальную каморку на соседнюю с ней, несколько более сухую и просторную комнату.

6) В ответ на мои многократные заявления, что жизнь кучей в одной комнате исключает всякую возможность работать, я был наконец на этих днях приглашен на заседание жилищно-хозяйственной тройки в составе Россовского, Павленко и Уткина, причем эта комиссия в моем присутствии вынесла постановление предоставить мне вторую соседнюю комнатку в 10 метров. Однако это постановление было сейчас же вслед за этим взято обратно со ссылкой на «объективные причины» ‹...›

170.

В ГОРКОМ ПИСАТЕЛЕЙ, *‹около 13 сентября 1932 г.›*

В Горком Писателей.

Выслушав позорящий советскую общественность приговор товарищеского суда от 13/IX/32 над Саргиджаном и приняв во внимание, что этот суд организован Горкомом, считаю своим долгом немедленно выйти из Горкома как из организации, допустившей столь беспримерное безобразие. При сем прилагаю ‹...›

171.

В НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ АДРЕС,
‹после 13 сентября 1932 г.›

‹Начало текста не поддается связному прочтению.›

Расправа, достойная сутенера или охранника, изображается как дело чести. Человек, истязавший женщину, был объявлен защитником женщины. Были приложены все усилия, чтобы представить суд закономерным актом.

Если осмыслить происшедшее, то постановщики саргидж‹ановского› дела в Д‹оме› Герцена превратили С‹аргиджана› в юридического палача, действующего согласно *неписаному*, но уважаемому кодексу.

[При этом избиение моей жены рассматривалось как *‹нрзб.›* к избиению меня самого, а двойной задачей преступного суда было *поднять вторую часть расправы на принципиальную высоту, а первую — вынуть из дела.*]

‹...›

172.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹конец декабря 1932 г.›*

Дорогой папа!

Прежде всего спасибо за твое замечательное письмо или послание, которое мне дал Шура. Не так давно жил я в Узком с поэтом Сельвинским и говорю ему: получил от отца замечательное письмо, в котором он призывает меня к социалистической перестройке, — и в нем есть места большой силы. А Сельвинский отвечает: если когда-нибудь это будет напечатано, то обратится в слишком сильное оружие про-

тив вас самих. Я все более убеждаюсь, что между нами очень много общего именно в интеллектуальном отношении, чего я не понимал, когда был мальчишкой. Это доходит до смешного: я, например, копаюсь сейчас в естественных науках — в биологии, в теории жизни, т. е. повторяю в известном смысле этапы развития своего отца. Кто бы мог подумать!

Это письмо я пишу на подмосковной станции Переделкино, из дома отдыха Огиза, где осенью жил Шура. До этого мы месяц провели в Узком и лишь неделю между тем и другим домом на Тверском бульваре. Нам бы не хотелось возвращаться в Дом Герцена. Сейчас мы книжки свои сложили в сундук и пустили жить у себя Клычкова. Кирпичную полку Надиной постройки разобрали, о чем я очень жалею.

Постройка нового дома неожиданно остановилась. Снаружи все готово: кирпичные стены, окна, а внутри провал: ни потолков, ни перегородок — ничего. Теперь говорят, что въедем в апреле, в мае. Нам отвели квартиру не в надстройке, а в совершенно новом лучшем здании, но на пятом этаже. Общая площадь — 48 метров: 2 комнаты (33 метра), кухня, ванна и т. д. При этом из нас выжали еще одну дополнительную тысячу, которую пришлось внести из гонораров Гихла.

9 января кончается наш срок в Переделкине. Сильно пошатнувшееся было в Москве Надино здоровье: резкая худоба, температура, слабость — сейчас восстановилось. Она прибавила 15 ф‹унтов› веса, тяготеет к лыжам и конькам. Все это далось нам нелегко — с неизбежной помощью сверху — иначе не получили бы ничего — ни Узкого, ни Переделкина. Каждый шаг мой по-прежнему затруднен, и искусственная изоляция продолжается. В декабре я имел два публичных выступления, которые организация вынуждена была мне дать, чтоб прекратить нежелательные толки. Эти выступления тщательно оберегались от наплыва широкой публики, но прошли с блеском и силой, которых не предвидели устроители. Результат — обо всем этом ни слова в печати. Все отчеты сняты, стенограммы спрятаны, и лишь несколько вещей напечатаны в Литгазете без всяких комментариев. Вот уже полгода, как я продал мои книги в Гихл, получаю за них деньги, но к печатному станку не подвигаются. Да, еще: непосредственно после моей читки ко мне обратился некий импресарио, монопольно устраивающий литературные вечера, с предложением моего вечера в Политехническом музее и повторением в Ленинграде. Этот субъект должен был зайти на следующий день, но смылся, и

больше о нем ни слуху ни духу. Тем не менее я твердо решил приехать в Ленинград в январе с Надей, чтобы всех вас повидать и вообще, т‹ак› ск‹азать›, на побывку на родину, без всяких деловых видов. Должен тебе сказать, что все это время мы довольно серьезно помогали Шуре. О более широких планах, если мне позволено их иметь, я расскажу тебе лично, когда приеду. Вот что еще — нельзя ли нам снять на месяц комнату в Ленинграде, по возможности в центре? Очень прошу узнать и поискать, если можно. Деньги вышлю телеграфом, как только комната найдется (получаю в начале января). Из этой же получки вышлю тебе.

Целую дорогого папу и всех родных.

Ося.

Как Татя и Юрик? Напишите.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый деда! Я толстею и внезапно обнаружила, что могу читать по-немецки. Когда приеду в Ленинград, буду вашей чтицей. Очень скучаю. Хочу вас видеть.

Целую. Надя. Привет Тане, детям и всем!

173.

М. С. ШАГИНЯН, *5 апреля 1933 г.*

Дорогая Мариетта Сергеевна!

Эта вещь, которую я вам посылаю и хочу, чтобы вы прочли, еще не напечатана (будет в «Звезде» и в Ленингр‹адском› изд‹ательстве›); но случилось так, что эта вещь — эта рукопись — уже работает и дышит, как живой человек, отвечает, как живая за живых, и вместе с ними борется. Помните, в Эривани я брал у вас томик Гете, и читали статейку в З.К.П., где я поклонился и от вас и от себя «живой» природе? Тематика наших беглых встреч с вами и даже через Якова Самсоновича, который умеет и любит слушать, для вас — всегда была защитой действительности от мертвых ее определителей. Вы всегда бранили меня за то, что я не слышу музыки материализма, или диалектики, или все равно как называется.

Эти же разговоры продолжаются в моем «Путешествии». Материальный мир — действительность — не есть нечто данное, но рождается вместе с нами. Для того, чтобы данность стала действительностью, нужно ее в буквальном смысле слова воскресить. Это-то и есть наука, это-то и есть искусство.

Дружба с героем моей полуповести — она-то и помогла мне эту воскрешающую работу проделать. Самое личное из наших качеств помогло мне сделать такой прыжок в объективность, который мне даже не снился. Кто я? Мнимый враг действительности, мнимый отщепенец. Можно дуть на молоко, но дуть на бытие немножко смешновато. Но для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, — бытие Аристотеля и Ламарка, бытие Гегеля, бытие Ленина.

Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой? Так случилось с моим другом — Борисом Сергеевичем Кузиным — московским зоологом и ревнителем биологии. Личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Ему, и только ему, я обязан тем, что внес в литературу период т‹ак› н‹азываемого› «зрелого Мандельштама».

Из прилагаемой рукописи — лучше, чем из разговоров со мной, — вы поймете, почему этот человек неизбежно должен был лишиться внешней свободы, как и то, почему эта свобода неизбежно должна быть ему возвращена. Замечу в скобках, как скучное и само собой разумеющееся, что каждый шаг жизни Бориса Сергеевича мне известен, что круг его деятельности и интересов только по домашним признакам и научной специфике разн‹и›тся от моего. У меня всегда было о нем дурное предчувствие, но там, где другой сказал бы о нем «плохо кончил», я хочу сказать — как бы внешне ни обернулось для него — он сейчас начинает, и начинает хорошо. У меня отняли моего собеседника, мое второе «я», человека, которого я мог и имел время убеждать, что в революции есть и ‹энтелехия›, и виталистическое буйство, и роскошь живой природы.

Я переставил шахматы с литературного поля на биологическое, чтобы игра шла честнее. Он меня по-настоящему будоражил, революционизировал, я с ним учился понимать, какую уйму живой природы, воскресшей материи поглотили все великие воинствующие системы науки, поэзии, музыки. Мы раздирали идеалистические системы на тончайшие материальные волоконца и вместе смеялись над наивными, грубо-идеалистическими пузырями вульгарного материализма. Большинство наших писателей думают, что идеология — это дрожжи, которые завернуты в пакетик и без которых никак нельзя. Им бы хоть сотую долю Энгельсовой бурности и познавательной страсти молодого марксизма. У нас между наукой и поэзией пошлейшее разделе-

ние труда. (Хороша была смычка у Леонова в «Скутаревском».) Полное отсутствие взаимного интереса и любострастия, какие-то спецы, ведущие переписку из этажа в этаж.

Мариетта Сергеевна! Я хочу, чтобы вы верили, что я не враждебен к рукам, которые держат Бориса Сергеевича, потому что эти руки делают и жестокое и живое дело.

Но Борис-то Сергеевич не спец, и поэтому-то сама внешняя свобода, если наша власть сочтет возможным ему ее вернуть, — окажется лишь крошечным придатком к той огромной внутренней свободе, которую уже дала ему наша эпоха и наша страна.

Ваш О. Мандельштам

Простите, что писано не моей рукой: не умею; диктовал жене.

5 апр‹еля› 33 г.

174.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ и Т. Г. ГРИГОРЬЕВОЙ,

‹середина апреля 1933 г.›

Милые Женя и Таня!

Устроить в дом отдыха за несколько дней — даже в самый плохой — немыслимо. Женя как врач должен же это понимать. К тому же непосредственно мне доступные писательские дома поставлены так небрежно и плохо, что о них в данном случае не может быть и речи. Мы с Надей дожидались Узкого ровно три месяца и попали в него благодаря исключительному стечению обстоятельств, причем Оргкомитет фактически отказался помочь. Скорее поможет Ленинградский Оргкомитет в Петергофе. Поговори от моего имени со Свириным и телеграфируй, если это подходит. Я приму все меры для устройства папы в более подходящий дом, в чем мне обещает помочь здешний Горком. Для этого им нужно медицинское удостоверение (хотя бы частное) и точное указание, чего мы хотим. Сильно сомневаюсь в успехе этих хлопот, потому что все сведется к одному из массовых домов Наркомздрава, которые по всему своему укладу для папы не подходят.

Какой же мой реальный план? Если не удастся Гизовский дом Переделкино, который очень хорош и подходящ, — то все-таки Голицыно, и вот почему. Дом на 20 человек, 1½ часа от Москвы. Близко от станции. Там крошечные комнатки и нет никаких общих помещений, где можно си-

деть. Керосиновые лампы, холодная уборная, отвратительный и скудный беспорядочный стол. Почему же все-таки Голицыно? Во-первых, потому что оно маленькое и в нем домашняя обстановка, тихо сравнительно. Во-вторых — *летом* недостатки компенсируются солнцем, воздухом. Но в Голицыне одному отцу жить нельзя, придется с ним поехать или жить с ним по очереди. А все питание наладить там на свои средства: молоко, яйца, масло, крупы, варить каши и т. д. (там это можно). Все это имеет смысл только *с начала июня, в глубокое тепло.* Кроме того, с 1-го июня по самую позднюю осень я беру отца к себе на квартиру. Прошу вас, дорогие мои, поухаживать за отцом еще 6 недель. Как вам ни тяжело, но вы сумеете это сделать, т. к. деньги я даю и буду и впредь давать. Поберегите его как ребенка. Главное, чтобы все деньги, какие я могу дать, шли только на него, несмотря на разруху и т. д. Давайте думать сейчас только о нем. Мне кажется, что 10 р. в день обеспечат его молочной диетой, сахаром и т. д. Только чтобы он сам не ходил на базар и не хозяйничал. *Умоляю сохранить его покой и продлить его жизнь.* Не заставляйте его бродяжить, **волноваться.** (Ведь **опасно** же!)

Сейчас же отвечайте. Пишите, *что нужно сделать, прислать* и т. д. У нас все благополучно.

Ваш Ося

Детей целую.
Наташе привет!

175.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ, *‹1933 г.?›*

‹...›

Книжка моя говорит о том, что глаз есть орудие мышления, о том, что свет есть сила и что орнамент есть мысль. В ней речь идет о дружбе, о науке, об интеллектуальной страсти, а не о «вещах».

Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан. Величайшая награда для художника — подвигнуть к деятельности мыслящих и чувствующих иначе, чем он сам.

‹...›

176.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ, *‹начало 1930-х гг.›*

‹...› ‹в› маленькой книжке, которая страстно рвется к содержанию, к мировоззрению, воюет и полемизирует, вы начали говорить *только о вещах,* т. е. о несуществующем в искусстве. Право смотреть на солнце и на картину — одного порядка; художник, как и всякий, оплачивает его рожденьем и смертью. То, что вы называете *вещью,* — ужасная терминология, — давно пора ее в архив, — применимо лишь к серийному производству ублюдков ‹...›

177.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹десятые числа апреля 1933 г.›*

Дорогой папочка!

Груздев пишет, что ты слишком рано встал и простудился. Прошу тебя и умоляю: береги себя, не выходи в переходную весеннюю погоду. Уж как-нибудь проскучай две недели в комнате, а потом выходи только на прогулку и не придумывай себе никаких дел. Следующий платеж по моим векселям на твое имя состоится в начале мая. 350 р., переданные тебе Груздевым, опоздали на целых 13 дней. Нужно учесть, что и следующие деньги могут на несколько дней опоздать. А потому не вкладывай свои средства ни в какие предприятия, кроме своего личного питания и *своих* других нужд. Хотя ты окружен домашними врачами и мне смешно давать тебе медицинские советы, но, насколько я слышал, тебе полезна молочная диета и вредно мясо. Ты должен иметь каждый день 1—2 кружки молока (литр), молочную кашу, немножко творогу или сметаны и каждую шестидневку покупать для себя 1 ф‹унт› масла. Утром хорошо было бы регулярно 2 яйца. Коммерческого сахару по 15 р. сейчас сколько угодно в магазинах. На это должно уходить в день 10—12 р., и они должны уходить именно на это. Хоть раз в жизни научись тратить на себя так же твердо, как это делается для детей. Эти 12 р. в день я тебе гарантирую до самого переезда к нам в Москву в квартиру — но не могу же я специально поселиться у вас для того, чтобы присматривать за твоим режимом. Я уверен, что Таня и Женя сумеют это сделать лучше, чем я. Мы с Шурой решительно возражаем против весеннего дома отдыха для тебя. На эту тему я подробно писал Жене. Летом ты поживешь на писательской

даче в Голицыне, и не один, но при тебе все время будет кто-нибудь из нас в течение месяца. Наша квартира почти готова. Дом выстроен. Заканчивается внутренняя отделка. Въезд назначается примерно 1 июня. Это прелестная миниатюрная солнечная квартирка из двух комнат на 5 этаже с газовой плитой и с ванной. Мы дадим тебе максимальные удобства. Надя уступит тебе свою комнату. Избавившись от надоедливых посетителей, которые лезут ко мне на Тверской бульвар, — я смогу уделять тебе гораздо больше времени, чем прошлым летом. Лишь бы ты восстановил свои силы к тому времени. Ты слишком избалован своим здоровьем. У тебя замечательно сильный организм, редчайшее в наше время здоровье — здоровье Льва Толстого, но в твоем возрасте нельзя злоупотреблять такими дарами природы. Ты должен научиться бояться за свое здоровье и сознательно себя беречь.

Теперь о нас самих. Сегодня мы уезжаем на несколько недель — до переезда в квартиру — в городок Старый Крым около Феодосии — в гости к нашим друзьям, у которых там дом, но, разумеется, на свое хозяйство (все, даже хлеб, везем с собой из Москвы). Для нас это последняя возможность отдыха. Через 6 недель по ряду причин это будет уже невозможно, и очень надолго. Для меня эта поездка имеет также рабочий смысл: запасы кончились и бездельничать надоело. Мне предстоит большой рабочий год. Пожинать лавры скучно и не всегда выгодно.

Дорогой мой папочка, покажи это письмо Жене и Тане, скажи им, *что я думаю о них, жалею и хочу быть с ними*. Из Крыма я думаю проехать *прямо в Ленинград за тобой*. Адр‹ес›: Феодосия, Старый Крым, ул. Либкнехта, 40, Нине Николаевне Грин, для Мандельштамов. Обещаю писать хоть по несколько слов, но через день. Прошу отвечать тем же.

178.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹около 20 мая 1933 г.›*

Дорогой папочка! Получил телеграмму от Шуры, что ты хочешь приехать в Москву. Очень встревожен этим. Квартира, как сейчас говорят, будет готова в июле. Мы возвращаемся 17 июня в Москву на Тверской бульвар. В деньгах летом мы будем очень и очень стеснены. Дом отдыха тебе я устрою по приезде — лично и в кредит. Но мне кажется, что

первое время ты сам предпочтешь пожить с нами на квартире. Следующий месяц я смогу тебе предоставить не больше 150 р. Поэтому прошу тебя тратить только на еду для себя и больше ни на что. Все необходимые для тебя вещи, кроме этих 150 р., я возьму для тебя в Москве в нашем распределителе. Ни в коем случае не покупай ничего из одежды. Если ты приедешь, скажем, к концу мая в Москву, а мы вернемся 17 июня — то мы очутимся с тобой втроем в одной комнате, а это значит, что я не смогу работать, а от этого зависит наше общее благополучие. Требуй от Шуры точных сведений, когда будет готова квартира. Ведь ему ближе узнать, чем мне. Если ты раздумаешь сейчас ехать в Москву, попроси *Варковицкую* (ее телефон в телефонной книжке; она живет против Казанского собора, и зовут ее Лидия Мойсеевна), чтобы она пошла с тобой вместе к *Лаганскому* в Ленгорком Писателей с прилагаемыми бумагами. Такие же точно бумаги я на всякий случай посылаю в Москву, чтобы ты получил обеды. Во всяком случае — ни в коем случае не приезжай в Москву, пока Шура тебя не вызовет телеграммой и не сообщит, что обеды устроены.

179.

В ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ,
3 сентября 1933 г.

В Издательство писателей в Ленинграде.

Прошу вернуть Л. М. Варковицкой рукопись «Разговора о Данте», отклоненную издательством.

3/IX/33 О. Мандельштам

180.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹середина ноября 1933 г.›*

Дорогой папочка!

В начале декабря мы переезжаем на свою квартиру в две комнаты. Приглашаем тебя надолго в гости, а если понравится, то и навсегда. Худо, что Надя опять хворает. Женя тебе расскажет. Приехала из Киева Вера Яковлевна, будет жить с нами, ухаживать за дочкой. Живем последние дни ничего... Спасает паек. Наде предписан покой, режим, работать ей нельзя, а работала она не щадя сил и надорва-

лась. Сейчас у меня одна мысль: помочь ей — всем, чем сумею.

Собирался я в Ленинград — да теперь из-за Нади уже не поеду. А тебя ждем крепко. Прости за молчание. Кошки скребут на сердце, как подумаю, что ты ждешь от меня хоть слова, болеешь и ничего не получаешь. Вот заставлю себя хоть по открытке через день тебе писать, переломаю свою натуру... Сам я здоров, тряхнул стариной, начал снова писать... Дал себе большую передышку от суеты и возни (спасибо Наде). Сейчас — долг мой снова взяться за житейский труд — для тебя и для Нади.

Твой Ося.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый деда! Жду с нетерпением нашей встречи. Квартира — я думаю, уже реальность — и мы возобновим старую детскосельскую жизнь. Целую вас, милый деда.

Ваша Надя.

181.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ, *21 марта 1934 г.*

1934 март 21

Уважаемый Владимир Дмитриевич!

Поскольку наш телефонный разговор вышел из обычных деловых границ, я считаю необходимым заявить, что в этом были повинны исключительно Вы. Назначать за мои рукописи любую цену — Ваше право. Мое дело — согласиться или отказаться. Между тем Вы почему-то сочли нужным сообщить мне развернутую мотивировку Вашего неуважения к моим трудам. Таким образом покупку писательского архива Вы превратили в карикатуру на посмертную оценку. Безо всякого повода с моей стороны Вы заговорили со мной так, как если бы я принес на утильпункт никому не нужное барахло, скупаемое с неизвестной целью. Все это прозвучало тем более дико, что Литературный музей обнаружил в данном случае самую простую и наивную неосведомленность.

Мне как писателю, конечно, неприятно, что ошибки, подобные этой, могут подорвать авторитет Литературного музея Наркомпроса, но Ваш способ заставлять выслушивать Вами же приглашенное лицо совершенно ненужные ему домыслы и откровенности — вызывает во мне справедливое негодование.

О. Мандельштам.

182.

Е. Я. ХАЗИНУ, *[16 июня] ‹1934 г.›*

Едем Казань пароходом местожительство Воронеж состояние хорошее

183.

В. Я. ХАЗИНОЙ и Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ (?), *[16 июля] ‹1934 г.›*

Деньги получены здоровы Нади мое самочувствие хорошее

Ося

184.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹не позднее 18 апреля 1935 г.›*

Родная Надинька

Вот доверенность. Скучаю. Жду. Скорей скорей скорей приезжай. Ну я работаю Мопассана очень сильно. Как ты, мой дружок. Когда я работаю, ты как будто здесь.

Приезжайте же скорее.

Вот радость большая!

Здоров. Целую.

185.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹май 1935 г.›*

Родная Надинька,

Сегодня я здоров. Только слабость осталась. Я был у Стоичева и сказал ему все, что я думаю о своем положении. Он вызвался написать Марченко как председ‹атель› союза и впервые проявил подлинное участие и интерес.

Посылаю справку д-ра Глаубермана (крупнейший здесь ларинголог). Он сказал: «Если у вас не пройдет через 3—4 дня — вы ляжете у меня, если ничего не имеете против, и я вас поскоблю». Только тогда я попросил справку. Никто не может сказать, когда понадобится операция. И насколько срочно. Во всяком случае, последний припадок был самый сильный.

Целую тебя, мой дружок. Приезжай скорей. Все будет хорошо.

Ося.

186.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹25—26 мая 1935 г.›*

Надик мой родненький!

Только что говорил с тобой. 8½ вечера. Вот тебе 4 чистовика вещей, сделанных без тебя. Как это грустно. «Стрижка детей» вчера. Нынче купался. Клопы завелись. И третьего дня в ванну ходил. Вот. Все у меня складно. Вчера по телефону взывал к Стоичеву. Все не знаю, брать ли службу. Неудобно бросать. И занят сочинением. И мало дадут. Ай радио запущено! Помоги. Дай материалы: *к Шервинскому* (молодость Гете).

Сейчас иду в кино.

Но совершенно жеребенок.

Надик, поиздевайся над Ахматовой по телефону. Так еще не ехал никто. Или: митрополит — он же и еврей, боящийся *судьбы*.

Целую тебя, родная.

Твой Ося.

‹К письму приложены автографы ст-ний (листы ненумерованные): «Мне кажется, мы говорить должны...», «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» *(ранняя редакция),* «Идут года железными полками...», «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» *(III, №№ 99, 103, 109, 110); на отдельном листе записано ст-ние* «Мир должно в черном теле брать...» *(III, № 116) и приписано:›*

Надик! Я уже очень, очень скучаю. Так хочу, чтоб приехала — не сказать.

Ося.

187.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹конец мая 1935 г.›*

Надинька, дитя мое

Посылаю исправленные стихи в начало цикла (2, 3, 4). «Каменноугольный — добровольный» — сохранить. Готовую рукопись (без добавочного) кончил Черноземом, сдал Плоткину. Это было естественно и нужно. Скучаю по тебе, мой друг, но живу спокойно. Еще на *несколько* дней терпенья моего хватит.

Целую тебя, мой милый хороший дружок Надик.

А под дружком написано почему-то «верный», верно?

О. М.

Хорошо ли: «железясь»?

188.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹конец мая 1935 г.›*

Надюшок! Прости за тревогу. Телефонистка — буйная дрянь — сказала «по инструкции», что *ошибок не бывает.* Я, дурак, поверил. Вот фефела! Ей досталось от товарок. Ночью не ложился. Черт знает что. Ты прости, Надинька.

В Подъем сдал то, что на машинке. Тут есть тенденция благожелательно снижать мою работу. Сказал: ни буквы больше не изменю. Все или ничего. Денег пока не беру. Поступать ли на службу в библиотеку?

К «подборке» прибавь «Стансы» плюс «Железо». Выясни печатание. Для Москвы условие: **все** или ничего. Широкий показ цикла. Хорошо бы в Литгазете. Все варианты окончательные. Только в начале Стансов могут быть изменения, но давай так.

Мне сейчас необходима прямая литературная связь с Москвой. Передай стихи, между прочим, Левину. Скажи ему: нельзя честно писать прозу в моем теперешнем воронежском положении. Абсурдно!

Вот что: предлагаю принять командировку от Союза или Издательства на Урал *по старому маршруту.* Напишу замечательную книгу (по старому договору). Это чудесная мысль.

Детка моя, будь совершенно спокойна. Я живу хорошо. **Правду о твоем здоровьи.**

Целую тебя, родная моя.

Ося

Подумай о структуре цикла. Скажи о телефону.

189.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹6 июня 1935 г.›*

Я у врача. Разыгрался гейморит. Ждите.

190.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹7 июня 1935 г.›*

Я в клинике рядом с Первомайским садом или в Поликлинике ул. Энгельса (по Комиссаржевской и направо).

У горловиков. Зайдите туда. Надо срочно показать снимки.

191.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹середина июля 1935 г.›*

Дорогой папочка

Скучаю по тебе. Хочу как можно скорей тебя видеть. Ты не смотри, что я не пишу: думаю о тебе каждый день. Хочешь верь — хочешь нет... Да что толку от такого беспутного сына? Лучше не думай об отце да пиши ему...

Приезжай в середине января. Надя тогда в Москву собирается. Комната у меня большая, хорошая. Вообще тебе понравится мой воронежский образ жизни.

Все очень ладно — и быт, и содержание жизни.

Я занимаюсь литературной консультацией. Веду работу с здешней молодежью. Участвую в разных совещаниях, вижу много людей и стараюсь им помочь.

На днях вместе с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил за 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра.

Предстоит еще поездка в большой колхоз и знакомство с одним из воронежских заводов.

Никаких лишений нет и в помине. Мы ходим обедать в отличную столовую газеты Коммуна. Надя делает перевод для Москвы, а я готовлюсь писать прозу на новом материале.

Впервые за много лет я не чувствую себя отщепенцем, *живу социально,* и мне по-настоящему хорошо.

Надя сейчас не хворает, но очень худа. Ей нужен глубокий отдых, а она много работает. Необходимо ее разгрузить — у меня же заработок, пока, всего 300 р.

Временем располагаю свободно. Пользуюсь им пока *нерационально.* Еще не организовался. Хочу массу вещей видеть и теоретически работать, учиться... Совсем как и ты... Мы с тобой молодые. Нам бы в Вуз поступить...

Пиши. Целую детей, Таню, Наташу, Мар‹ию› Ник‹олаевну›.

Твой Ося.

Скоро начну посылать тебе деньги. Как только расширю работу.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый деда! Приезжайте к Осе в январе. Мы с вами увидимся, когда вы будете проезжать через Москву. Я буду радоваться, что вы с Осей. Целую вас, милый деда. Ждем вас.

Надя.

По дороге поживите в Москве — повидаетесь со мной и с младшими сыновьями. Что у вас?

Как Таня, Юрка?

Привет всем.

Поцелуйте от меня Марью Николаевну. И детей. И Таню с Наташей.

192.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹конец ноября 1935 г.›*

Дорогой Сергей Борисович,

как-то вы расскажете о своем больничном житии? Вы там с ребятами? Да? А я в театр хожу на репетиции. Горького ставим. Дома книжки читаем да чай кипятим. Ой, скучно. Передайте — чем бы вас утешить.

Привет сердечный

Ваш О. М.

193.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹около 1 декабря 1935 г.›*

Дорогой Сергей Борисович.

Без вас ничего делать не хочется, вся жизнь переменилась.

Пришел к нам Троша.

Привет от всех нас.

Вы самый большой молодец на свете.

О. Мандельштам.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый Сергей Борисович!

Все идет хорошо, а потому я думаю написать, а дня через 2—3 позвонить Лине Самойловне. Вы ей тоже дня через два сможете написать. Передайте через врачей, как вы себя чувствуете, чего вам можно прислать из еды (икру? вино? масло? печенье?), чего вам хочется.

Сестрам тоже напишу дня через два. Будьте молодцом и поправляйтесь. Н. Манд‹ельштам›.

194.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹не позднее 4 декабря 1935 г.›*

Дорогой Сергей Борисович.

Разговор с Линой Самойловной вчера не состоялся из-за порчи линии. Перенесли на сегодня. Вчера предупреждение *не было* дано. Сегодня добьемся обязательно хоть сроч-

ным — лишь бы линия работала. Колли принес замечательные фотографии. Вы здорово вышли в двух видах.

Скучаю! Сердечно приветствую

Ваш О. М.

Что нужно? Чего хочется?
Сообщайте желания!

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Сегодня попробуем дозвониться, если исправят линию. Письма — подробные — успокоительные — я написала и Лине Самойловне и Алле Борисовне. Завтра опять напишу, чтобы они не волновались. Колли принес фотографии — чудные. Что вам прислать из еды? Скажите Стефе и Богомолову. Я с ними по утрам разговариваю. Есть ли еще одеколон или вышел?

Н.М.

195.

С. Б. РУДАКОВУ, *17 декабря 1935 г.*

17.XII.35.

Дорогой Сергей Борисович.

Что сказать о себе? Устал очень. Настроение твердое, хорошее.

Сдружился с Театром. Кое-что там делаю (не канцелярия).

Затеял ехать на месяц в санаторий (областной). Денежно театр все оборудовал, будто я старый работник. Поеду, кажется, 20-го. В нервный в Тамбове не хочу. Выбрал Липецк общий. Лишь бы отдельную комнату дали. С Союзом писателей и через Союз (начиная с Воронежа) начал большой разговор. Сказал свое слово. Они отвечают. Это очень важно и весело, хорошо. Завтра получаю 3-х-годичный паспорт. Получил письмецо от Эйхенбаума, который остановился в Москве у нас.

Надя везет в Москву все воронежские стихи.

Концерт был хороший. Виолончель — Цомык. Играл на Страдивариусе. Скажите врачам, чтобы наушники радио у вас устроили. Это для выздоравливающих полезно. А я похлопочу в Радио-К‹омите›те.

Если у вас другого отдыха не предвидится — не хотите ли «ко мне», в санаторий. Это вам можно. Окрепнуть надо. Пишите Л‹ине› Сам‹ойловне›. Там вместе 2 недели — поработаем.

Ид‹е›я?

Привет сердечный
Ваш О. М.

196.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[26 декабря 1935 г.]*

Родная Надинька! Прости за грубый отвратительный разговор по телефону. Я чего-то требовал от тебя. Петушился. Вот причина: одно мне важно — когда тебя увижу? Ты сразу говори: надеюсь приехать тогда-то. Если этого не слышу, то сам не свой становлюсь.

Надюша: никого ни о чем не проси. *Никого.* Но постарайся узнать, как отвечает Союз, т. е. Ц.К. партии, на мои стихи, на письмо. Для этого достаточно разговора с Щербаковым.

Больше ничего не надо. Я не хочу, чтобы ты сделалась искательницей работы. Не морочит ли тебя Детгиз? Куда девалось предложение Эфроса? В крайнем случае встретимся в Воронеже к 20-му январю. За Воронеж мы ведь спокойны. А жаль! Здесь вдвоем — зимний рай, красота неописанная. Слушай, как я сюда ехал: ты на вокзал, я — в театр. Сказал дельную «режиссерскую речь». Актеры ко мне начали тяготеть. Режиссеры всерьез у меня спрашивали. 2–3 дня держался на посту. Потом расклеился. Произошел обычный старинный «столбняк» на улице. Меня подхватил заслуженный комик и доставил в театр. Вольф при мне звонит Генкину: «У нас работает такой-то; его здоровье внушает *мне лично* серьезные опасения... мы должны» и т. д. Это Вольф-то... Дальше я бродил тенью, но вполне благополучно. Дал консультацию в Радиоком‹итете›. Получил 100 р. у Горячева, а 50 — прибавил Вольф. За полчаса до поезда ко мне приехала машина с заместителем директора и управляющим. Машину они взяли в Н.К.В.Д., и шофер был военный. Усадили в вагон. Несли чемодан. Трогательная забота. В вагоне было скверно, т. е. гадко. Без плацкарт. Проводник взял в свое купе. В Мичуринске телеграмма тебе и сразу пересадка. Тамбов в 2 часа ночи. Трескучий мороз. Сказочно спокойный, с виду губернский город. Меня везут куда-то бесконечно на дровнях (это здесь извозчики) — и привозят в палаццо, напоминающее особняк Ксещинской, увеличенный в 10 раз и охраняемый стариком с ружьем и в тулупе. По мраморным лестницам ведут в подвал и сажают в теплую (холодноватую) ванну. Тут же нянюшка забирает белье в стирку, поят чаем и укладывают в огромном кабинете. Здесь живут бригадиры и трактористы, испортившие сердце, 2—3 летчика, учителя. В общем — неплохо. Ежедневно сосновая ванна и 2 вида электризации через день: «франклин» и

электр‹изация› позвоночника. Директор позволяет мне привередничать (с помещением). Пока — вдвоем в пустой палате на 10 чел‹овек›. Это счастье временное. Комплекты — ужасны. 5 чел‹овек› — это привилегия (без вентиляции, но с зеркальными окнами). (В моей палате окно растворяется.) Наутро я снял в двух шагах, полминуты ходу, чудесную комнату — с коровой, диваном, чехлами, граммофонной трубой и кактусами. Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслажденье. Очень настоящие места. До центра — 10 м. автобусиком. Каланчи, одичавшие монастыри, толстые женщины с усами.

У меня было письмо от Горячева к директору музтехникума Реентовичу. Сегодня после завтрака поехал в город. Два старика (скрипка и рояль) сыграли мне ужасную сонату местного композитора, назначенную к исполнению в Воронеже. Они плакали. Жаловались. Реентович — заслуж‹енный› артист. Явился и Сметанин — живой композитор области. Знает меня. Сговорились на вечер. Сейчас еду к ним. Письмо пишу из *своей комнаты,* куда еще не переехал.

Надик, скучаю по тебе безумно. Сделай какую-нибудь глупость и приезжай ко мне. Надик, я так тебя люблю, что нельзя сказать. У меня нет твоей карточки. Где ты, родная? Скорей ко мне. Ау, детка?

Надик, люблю тебя. Отвечай.

Няня твоя

Скажи, можно ли тебе звонить утром в *8.30?*

Адр‹ес›: Тамбов, Набережная, 9, Нервный Санаторий. Тел‹ефон›: 1-55.

197.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[27 декабря 1935 г.]*

Родная Надинька!

Вчера я чуть было не решил возвращаться в Воронеж. Кормят хуже, чем в маленькой дешевой столовой. Скучно. — И все-таки за 4 дня я прибавил кило и хорошо отдохнул. Надо терпеть. Главное — это остановка невероятного движения, в котором я находился. Переход к «статике».

Консультация состоялась. Директор (не врач) и два доктора. Тема: «как вам сделать лучше» и «как бы вам не сделать хуже», — приняв во внимание, что «мы очень мало можем, но все-таки» и т. д. Сделают рентген сердца и легких. Хотят вызвать консультанта из города. А насчет «справки» жмутся.* Старая история! Думаю, что надо уехать отсюда к 5-му январю, когда начинается официальный срок моей путевки, сговорившись о получении обратно денег с вычетом прожитого. Если у тебя к 5-му что-нибудь выяснится, хорошо бы бросить это неуклюжее место. Получил второе письмецо. Спасибо! Пиши каждый день. Если будут новости — телеграфируй. Имей в виду — тамб‹овский› санаторий — лишь полумера. Лучше Воронежа (без тебя) — и только.

Температура у меня по-прежнему немного подпрыгивает. Мерил вчера вечером: 37,2. Возбудимость сердца велика. Пульс иногда ускоряется. При этом я вполне бодр, хочется гулять. Но встречи с людьми волнуют. Разговоры утомляют. Чтение — тоже. Надо ставить вопрос серьезно, — вплоть до особого заявления в Н.К.В.Д. о необходимости лечения в полноценной обстановке. Воронеж больше *не может* возиться со мной. Они сделали *все — от силы...*

Я думаю, после свидания с Щербаковым не затягивай пребывания в Москве. Положение слишком простое. «Да» и «нет» обнажены. Если будет «нет», продержимся в домашней обстановке. Я вернусь в театр (очень дружеский, берегущий, неутомляющий) и на мое *родное* радио (чуть-чуть), а ты возьмешь работку. Главное — быть нам вместе. Твое возвращение для меня огромное, ничем не измеримое счастье.

А пока, моя деточка — до свидания!

Я отпросился с мертвого часа в красный уголок. Написал письмецо и снесу его на почту.

До свидания, дружок. Целую Шуру и Шурика и В‹еру› Я‹ковлевну›!

Няня.

P.S. Невзирая на все нытье — я здесь лучше, чем в Воронеже.

Наш тел‹ефон›: Тамбов, 1-55.

---

* Понаблюдаем... дней через десять... сразу неудобно...

198.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[28 декабря 1935 г.]*

№ 3

Родная Надинька!

Получил твое письмо № 3. Скажи, тебе не холодно в шубке? У вас тоже мороз? Выходи в маминой: обе одинаково уродливы, т. е. мамина шуба и твоя (маме не показывай).

Если Щербаков тебя не примет? Может это быть? А?

Дни идут хорошо. Привыкаю. Сегодня был голубой мороз. Я достал Пушкина. Это у меня редкость. За него, знаешь, никогда почти не хватаюсь.

Рентген вчера состоялся. Сердце — возрастная норма. Никаких, говорят, аномалий. В легких — уплотнение желез. Спрашивали: не перенес ли *недавнего* гриппа или воспаления?

Внимательны очень. Самое серьезное наблюдение. Слушают, стукают каждый день. Диету дали особую. Ванны ежедневно. Электричество тоже. Скучно мне, дружок, без тебя — слов не найду. Ты обо мне брось тревожиться. Я капризник. И все. А ты-то как живешь? Ты себя, радость моя, береги. И пиши мне каждый, каждый день. И позвони разок.

Надик, до свиданья.

Твой Няня.

Можно ли мне написать Лупполу 20 строк «о Мопассане и франц‹узской› метафоре и дураке-редакторе»? Теоретически? А?

Вишневскому привет.

199.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *[29 декабря 1935 г.]*

№ 4

Родная моя

Сегодня от тебя письма не было. 40 р. телеграфом получил. Всего у меня 50 р. Между прочим: договорился с директором, если захочу уехать до 5 янв‹аря› — он «покупает» у меня путевку (месячную), удерживает за прожитые дни и выплачивает разницу. Эта воображаемая сделка сразу меня освободила. Ох и нудно же здесь! Спать не дают. Деликат-

ные молодые люди, на цыпочках, в русских сапогах с 3 часов ночи ходят через палату.

А вчера слегка отморозил уши и синим светом, кварцевой лампой был исцелен. Вот и все новости. В нанятую комнату не решаюсь переехать: холод там. Дал десятку задатку и отбираю молоком. Хожу туда, когда невтерпеж. Все-таки что-то свое — на час-другой.

Надик, не кажется ли тебе, что я должен обратиться к Щербакову или Горькому с письмом или телеграммой, т. е. просьбой ответить на мое далеко не шуточное обращение? Это не исключит твоего прихода, мой друг. Но дело, как бы его ни обернули, слишком известно, чтобы разговаривать по-домашнему. Если это мое предложение не запоздало, немедленно телеграфируй, как ты смотришь на него. Я имею в виду *только вопрос.*

Хочется тебе сказать еще раз, какое для нас счастье быть вместе. Неужели после пятого мы встретимся? Похоже, что *да.*

Надик бесконечно мой родной, слышишь меня?

Няня

200.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *1 января 1936 г.*

1 янв‹аря› 36 г. № 5

Деточка моя родная

С Новым годом, ангел мой! За наше несчастное счастье, за что-то новое, что будет, за вечно старое, что моложе нас! Да здравствует моя Надинька, жена моя, мой вечный друг! С Новым годом, дитя!

А я, дурной, два дня тебе не писал: третьего дня на радостях от телефона, а вчера от бестолочи.

У нас вчера ночью гремел военный оркестр и были разные игры: Чехов в больничном халате, удочки с кольцами.

Я тут брожу с одним пареньком. Он тракторист. Способный, открытый, но думает, что во Франции Советы и что Францию переименовали в Париж. Я его крою, а он ко мне привязался, большевиком меня зовет. ‹...›[1]

Здесь так плохо, что очень многие уезжают до срока. Неизбалованные работники районов. Все за счет организаций. Чай без сахара. Шум. Врачи — вроде почтовых чиновников.

---

[1] *Нижняя половина листа (приблизительно семь строк) оторвана.*

Главный мне вчера сказал: вам нужно заведение закрытого типа, где лечат средние формы легких психопатий (там-де комнаты на одного и двух). Честное слово, он так сказал! — послушав меня две минуты. За 10 первых дней я прибавил 600 гр‹аммов› веса (для младенца недурно). За месяц здесь многие теряют в весе. Похоже на школу-пансион из Диккенса. Другой врач говорит: «Вес для невротиков неважен». Да, еще: гл‹авный› врач меня спросил: в каких клиниках я был до Тамбова. Завтра я должен оформить с директором продажу путевки. Выезжаю 5-го или даже раньше. С блаженством! Эти дни вроде дурного сна. Какой-то штрафной батальон... Денег мне в В‹оронеже› до 20-го хватит. 15-го жалованье в Театре. 15-го же вернусь на работу.

Физически я здоров (думаю, что *не только* физически). Надо лишь окрепнуть. Я лишь *могу* заболеть, если *придавленность* не будет устранена.

Д‹...› у меня нет ‹...›[1]

Стоичев мне сказал, что письмо переслано 20-го дек‹абря›. Подобедов утверждал, что — с какой-то припиской об отношении Обл‹астного› отд‹еления› Союза к моей деятельности («уж плохого мы не напишем»).

Где письмо? Кем получено? Выясни точнейшим образом. Если оно затерто — передай копию: 1) Марченко, 2) в Секцию Поэтов и 3) в Ц.К. партии. Вообще это *хорошо* сделать. О стихах: что такое «принципиально»? Надо конкретно об **этих** стихах. Почему давала без отбора? Я *против* Наушников. Марченко прав. Вспомни и скажи ему. Я требую ответа на стихи *действенные.* Они — целое. Качество же иным снится, иными — делается. ‹В› Тамбов — пиши и *телеграфируй.* Обо всем кратко. Поговорим из Воронежа. Друг, до свидания.

Твой Няня.

201.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹2 января 1936 г.›*

Родная Надинька

Все письма твои получил. Посылаю спешным два заявления, справку. Врачи меня отказываются здесь держать. Говорят: вас по ошибке к нам формально загнали. Со мной

[1] *Нижняя часть листа (приблизительно пять строк) оторвана.*

ничего худого нет, но мне *не лучше.* Буду объективен. *То же самое,* а обстановка здесь просто вредна (мнение врачей).

Если будет билет, уезжаю завтра (3-го). Деньги возвращают. Попутчики есть до Воронежа. Я очень доволен. Радуюсь Воронежу, как родному.

Так или иначе — ты скоро приедешь. Это — все.

Будь весела. Спешу с почтой. Пишу завтра.

Твой Няня.

202.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *3 января ‹1936 г.›*

3 янв‹аря› № 7

Родная Надюша!

Спасибо за звоночек. Д‹...›[1] проще простого успоко‹ить›[2]. Что со мной? Что бо‹лит›? Ничего не болит. Кишечник здоров, как никогда. Катар горла прошел. Как настроенье? Неровное. Санаторий вызвал депрессию. Ожиданье обострено. Обстановка не переваривается. Ассоциации протекают болезненно (как и обычно без тебя). Физическое самочувствие? От ходьбы сердцебиение (не сразу; иногда приступ ускорения пульса, с которым справляюсь, сознательно борюсь и побеждаю). Вчера съездил на вокзал с письмом — освежился, купил Кр‹асную› Новь с дрянными стихами доброго Зенкевича и Талмудом Зощенки. Температуру мерил 2 раза наугад: 37,2 как вылитые. Очевидно — это норма. Сон — хороший, когда не мешают. Ночью самовольно перебрался в пустую комнату на пятерых. Закрепил ее за собой. Гораздо лучше. Днем подремываю. Могу уехать в *любой* день *и после 5-го* с возвратом денег (заверение главврача, сегодня).

Я все же думаю выехать пятого. В Воронеже как-то ближе к тебе. И перемена будет полезна. Дальше. Вес — 66 кило, и ни с места. Слабостью я называю «комнатную легкость в теле» — и только. Внешний вид — довольно дрянной. Вот, Надик мой, *вся, вся* правда.

Надик, надо все время помнить, что письмо мое в воронежский Союз бесконечно обязывает, что это не литерату-

---

[1] *В подлиннике дефект: не поддаются восстановлению приблизительно два слова.*

[2] *Далее, возможно, было еще одно слово.*

ра. После этого письма разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор. Для автора *такого* письма всякое ее решение обязательно. Мне кажется, ты еще не сделала достаточных выводов из данного моего шага и не научилась продолжать его в будущее. Сейчас, что бы ни было, я *уже* свободен. Воронежа мне очень жалко, но я боюсь, что мое дальнейшее там пребывание окажется вредным **не только** для меня. Пятого утром я тебе позвоню. Еще о Старом Крыме: чтоб не было уходом, бегством, «цинцинатством». Я не Плиний Младший и не Волошин. Объясни это кому нужно. Еще вопрос на первый взгляд мелкий: свобода передвижений *по тому району в целом.* Без нее — будет ужасно. Выясни обязательно.

Ну вот, Надик, целую тебя несчетно и радуюсь и горжусь своей женой. Надик мой, до свиданья.

Твой Няня.

203.

Е. Я. ХАЗИНУ, *‹начало апреля 1936 г.›*

Простите, Евгений Яковлевич, что вас тревожу: положение таково, что я должен вас известить.

Во-первых, Надя уже 2 недели болеет печенью. Она не выходит. Боли не унимаются.

Во-вторых, наше денежное положение очень плохое, а в основе этого вообще и реально очень плохое положение. В театре я ‹не› получаю почти *ничего.* У меня удерживают 100 р. и еще касса взаимопомощи хочет 50 в месяц, а вся зарплата 225 р. в месяц. Потом я болен, все время волнуюсь, делаю очень много лишних шагов. Но в буквальном смысле я ходить без провожатого не могу. Так напряжены мы оба, что больше не можем.

Мы совсем одни. Союз Писателей говорит, что дал мне работу в театре, а я там не работаю. Все время страх и тревога и страшная мертвая точка. На днях с трибуны облпленума писателей было здесь произнесено, что я «пустое место и пишу будуарные (бу-ду-ар-ны-е) стишки и что возиться со мной довольно». Наде дали в газете письма писать, но перестали платить, пока не отработает 200 р. за мою болезнь. Надя написала две статьи и один очерк (ходила в школу) — все не подошло. Она написала уже 150 писем, и у нее кру-

жится голова. Это такой ад, что нельзя больше выдержать и не с кем сказать слова. Помогите, потому что нам будет очень худо. Дайте независимый домашний заработо‹к›. Просите. Мы больше не можем.

О. М.

Отвечайте что угодно, телеграммой дайте любой ответ.
Адр‹ес›: ул. Энгельса, д. 13б, кв. 5.
У Нади нет обуви.
У меня тоже.

204.

Б. Л. ПАСТЕРНАКУ, *28 апреля 1936 г.*

Дорогой Борис Леонидович.

Спасибо, что обо мне вспомнили и подали голос. Это для меня ценнее всякой реальной помощи, то есть — *реальнее*. Я действительно очень болен, и вряд ли что-либо может мне помочь: примерно с декабря неуклонно слабею, и сейчас уже трудно выходить из комнаты.

Тем, что моя «вторая жизнь» еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу — моей жене.

Как бы ни развивалась дальше моя физическая болезнь — я хотел бы сохранить сознание. Должен вам сказать, что временами оно тускнеет, и меня это пугает. Вынужденное пребывание в Воронеже, в силу болезни превратившемся для меня в *мертвую точку,* может оказаться в этом смысле роковым. Одной из наиболее для меня тягостных мыслей является то, что я не увижу вас никогда. Не приходит ли вам в голову, что вы могли бы ко мне приехать? Мне кажется, это самое большое и единственно важное, что вы могли бы для меня сделать.

Привет Зинаиде Николаевне.
Ваш О. Мандельштам

28/IV/36. Воронеж.

205.

Е. Е. ПОПОВОЙ, *‹3 мая 1936 г.›*

‹...› Лиля, если Вы способны на неожиданность, Вы приедете ‹...›

206.

С. Б. РУДАКОВУ, *‹конец августа 1936 г.›*

Дорогой Сергей Борисович.

Спасибо за весточку. Я сейчас не болен, но очень тяжелое самочувствие. Не знаешь, что делать с собой. С Над‹еждой› Як‹овлевной› гораздо хуже: она очень слаба, резко изменилась. В городе нам жить не придется: во-первых, нечего делать, а во-вторых, нам недоступны городские комнаты. Может, в Сосновку переедем. Пишите о себе как можно чаще. Присылайте нам книги.

Хочу читать испанских поэтов. Достаньте, если можно: *1) словарь, 2) хрестоматию, 3) лучших авторов — лириков или эпиков и грамматику.* Нас допекают мелкие заботы: обувь для обоих нас, зимн‹ее› пальто для Нади. Вряд ли справимся с этой проблемой. Она же затрудняет передвижение.

Пишите теперь до востребования: где будем жить и как, мы не знаем. Только пишите.

Ваш О. М.

207.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *12 декабря 1936 г.*

12 дек‹абря› 1936 г.

Дорогой папочка!

Давно я так не радовался, как получив твою записочку, радовался твоему почерку, твоим словам. Кому другому — а тебе я не хочу жаловаться: мы с тобой старики и понимаем оба, как мало человеку нужно и в чем вообще суть. Больше всего на свете хочу тебя видеть. Зову к себе. Но зимой дорога трудная. Боюсь, ты простудишься. Весной — другое дело. Благодари Таню за ее посылку. Все вещи подошли. Я знаю, что они были подобраны с хорошим чувством, — как привет. Как твои глаза? Бережешь ли их? Нам с тобой без глаз худо. Я всегда люблю тебе хвастать (старая привычка). И сейчас не могу себя сдержать: во-первых, я пишу стихи. Очень упорно. Сильно и здорово. Знаю им цену, никого не спрашивая; во-вторых, научился читать по-испански (книги взял здесь в университете). Но довольно хвастовства.

Положение наше — просто дрянь. Здоровье такое, что в 45 лет я узнал прелести 85-летнего возраста. Я очень бодрый старик. Недалеко от дома с палочкой и женой могу еще

ходить. Так хочу очутиться в твоей комнате с зеленым диваном и нашим шкапчиком.

Но скорее ты приедешь ко мне, чем я к тебе. Целую тебя, мой дорогой отец. Обещаю часто писать. Жду твоего письма.

Милой Тане, Наташе, племяннице моей — очень гордой и хорошей девушке, труженику Юрке и М‹арии› Н‹иколаевне› сердечный привет.

Твой Ося.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Милый дедушка! Целую вас, родной. Скучаю. Хочу видеть. Поблагодарите за меня Таню. Это очень мило с ее стороны.

Надя.

Ул. 27 февраля, № 50, кв. 1.

208.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА», *19 декабря 1936 г.*

В редакцию «Звезды».

Разрешите сообщить вам две поправки к присланным мною на этих днях стихам, а именно:

1) в стих‹отворении› «Сосновой рощицы» стих *седьмой* должен читаться:

...«И бросил, о корнях жалея,»...

2) в стих‹отворении› «Детский рот жует» стих *шестой* должен читаться:

...«Ниже клюва красным шит»...

Не откажите мне в любезности *нанести эти поправки на рукопись,* находящуюся в вашем распоряжении.

О. Мандельштам.

В‹оронеж›, 19/XII/36.

209.

Н. С. ТИХОНОВУ, *31 декабря 1936 г.*

31/XII — 36 г.

С Новым годом!

Уважаемый Николай Семенович!

Посылаю Вам еще две новых пьесы. Одна из них «Кащеев кот». В этой вещи я очень скромными средствами, при помощи буквы «ща» и еще кое-чего, сделал материально кусок

золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся.

Как любой язык чтит борьбу с ним поэта, и каким холодом платит он за равнодушие и ничтожное ему подчинение! Стишок мой в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу. Вам, делегату VIII-го съезда (я слышал по радио Ваше прекрасное мужественное приветствие съезду), я сообщаю: я тяжело болен, заброшен всеми и нищ. На днях я еще раз сообщу об этом в наше НКВД и сообщу, если понадобится, правительству. Здесь, в Воронеже, я живу как в лесу. Что люди, что деревья — толк один. Я буквально физически погибаю. Чего я жду от Вас? Добейтесь до разрешения общего вопроса, что может затянуться, — немедленной конкретной помощи — не частной — ну ее к черту — но скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел, и даже работа над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков.

Избавьте меня от бродяжничества (я еле держусь на ногах), избавьте от неприкрытого нищенства. Телеграфируйте мне о получении этого письма, примите самые решительные меры, потому что нет имени тому, что происходит со мной в Воронеже. Дальше так продолжаться не может.

Ваш О. Мандельштам

Адрес: Воронеж, ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1.

‹*К письму приложены ст-ния*: «Как подарок запоздалый...» *и* «Оттого все неудачи...» *(III, №№ 132, 133), записанные рукой Н. Я. Мандельштам*›.

210.

Б. Л. ПАСТЕРНАКУ, *2 января 1937 г.*

С Новым годом! 2.1.37

Дорогой Борис Леонидович.

Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват — для благодарности не найдешь слов.

Я хочу, чтобы ваша поэзия, которой мы все избалованы и незаслуженно задарены, — рвалась дальше к миру, к народу, к детям...

Хоть раз в жизни позвольте сказать вам: спасибо за все и за то, что это «все» — еще «не все».

Простите, что я пишу вам, как будто юбилей. Я сам знаю, что совсем не юбилей: просто вы нянчите жизнь и в ней меня, недостойного вас, бесконечно вас любящего.

О. Мандельштам.

211.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *4 января 1937 г.*

Здравствуй, брат!

Впрочем, — кажется, уже не брат.
Это — уже не брат.
Это — что-то другое.

Ося.

Воронеж.
4/I/37.

212.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *8 января 193‹7› г.*

8 янв‹аря› 3‹7›.

Евгений Эмильевич!

Ты мою жизнь давно оценил, и для тебя она предмет далеко не первой необходимости.

Но у тебя есть дети. Когда-нибудь они поймут, *что* ты делаешь. Им придется краснеть за отца.

Узнай следующее: в *конечном* счете мне предложено жить на средства родных(?) или убраться в любую больницу, откуда меня вышвырнут в дом инвалидов (к бродягам и паралитикам).

Чтобы остаться на свободе, *я последнее время просил милостыню.* Ты понимаешь, *что* ты делаешь?

Ося.

Денег я у тебя не прошу, но запрещаю тебе где бы то ни было называть себя моим братом.

213.

Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, *‹январь 1937 г.›*

Слушай, Женя: дело не в том, пришлешь ты эти деньги или нет. Такой вид помощи, такое безбрежное равнодушие становится чудовищным. Ты скажи: тебе просто плевать на

меня? Так, что ли? Далеко он, не видно брата... «Наглядности» нет. Поставишь свечечку за 60 р. на три месяца и еще умиляешься своему благородству.

На меня — нет у тебя. Значит, я для тебя лишний. Давай скажем просто: моя жизнь для тебя *не стоит* того, чтобы систематически урезывать **свой** бюджет, бюджет всей своей семьи на 10%, а то и меньше. Против фактов не пойдешь. Разные бывают братья. Но очень редко, очень редко любовь к своей семье (понимая под ней *только* жену и детей и себя самого) выражается в форме такой малодушной и *постыдной* судороги, такого зажмуриванья глаз. Пока я скажу тебе: ты ведешь себя как скверный мальчишка, надеющийся избежать ответственности. Вряд ли я заставлю тебя спасти меня от голода и болезней,* (ты ведь сам болен и тяжело работаешь: жалею тебя), но знай, что ты перешел границу **простой** небрежности.

Я рад, что ты не испытал и не испытываешь и сотой доли того, что суждено мне. (А как бы я тебе помогал! Здорово! Сам знаешь. Я бы *бредил* такой помощью.) Но ты человек трезвый. И найдешь себе оправдание. Тяжко иметь брата-врача.

Прощай, доктор.

Ося.

P.S. Не посоветуешь ли ты мне разумное *нищенство?* Этот месяц мы «живем» на 100 р. на двоих.

214.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА», *13 января 1937 г.*

В редакцию «Звезды»

Сообщаю вам продолжение моей работы над новой книгой стихов, которую я пишу в Воронеже.

Прилагаю «контрольный списочек» стихотворений за декабрь — январь. Предшествующая работа (воронежская), хотя и войдет в книгу, — в данную минуту меня не интересует. Начатки ее имеются в «Кр‹асной› нови». Остальное — у меня.

Стих‹отворение› «Рождение улыбки» — только сейчас доработано. Старый текст прошу считать вариантом.

О. Мандельштам

13 янв‹аря 19›37 г. В‹оронеж›.

---

* По мнению врачей я могу еще немного «протянуть» при условии «полного покоя». Мы дошли до черной нищеты.

‹К письму приложен список из 19 ст-ний (рукой Н. Я. Мандельштам):

1) Из-за домов, из-за лесов; 2) Рождение улыбки; 3) Мой щегол, я голову закину; 4) Нынче день какой-то желторотый; 5) Не у меня, не у тебя — у них; 6) Внутри горы бездействует кумир; 7) Я в сердце века; 8) Сосновой рощицы закон; 9) Пластинкой тоненькой жиллета; 10) Ночь, дорога; 11) Вехи дальнего обоза; 12) Где я? Что со мной дурного?; 13) Шло цепочкой в темноводье; 14) Как подарок запоздалый; 15) Оттого все неудачи; 16) Улыбнись, ягненок гневный; 17) Твой зрачок в небесной корке; 18) Когда в ветвях понурых; 19) Дрожжи мира дорогие *(см. III, №№ 118, 119, 124, 122, 120, 121, 127, 129, 128, 130б, 131, 130 (строфа 3), 130в, 132, 133, 135, 134, 136, 138)›.*

215.

Ю. Н. ТЫНЯНОВУ, *21 января 1937 г.*

Дорогой Юрий Николаевич!

Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное.

Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе.

Не ответить мне — легко.

Обосновать воздержание от письма или записки — невозможно.

Вы поступите как захотите.

21/1 — 37 г.

г. Воронеж.

216.

В НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ АДРЕС, *‹начало 1937 г.›*

‹1›

‹...›

Я тяжко и неизлечимо болен и лишен всякой возможности лечиться. Мне нечего есть. Я живу в нищете. Все общественные организации, в том числе ‹Союз Писателей,› держат меня под абсолютным бойкотом.

Вся эта картина сложилась за последние несколько месяцев, причем вся моя воронежская деятельность не дает к

этому ни малейшего повода. Все, что мне открыто, — это возможность после многомесячной волокиты получать рублей двадцать ежемесячной собесной пенсии как бродяге без всякого трудового стажа. С‹оюз› Пис‹ателей› заявляет (в лице проф. литерат‹уры› Стоичева): «Пусть Манд‹ельштам› осуществляет свои труд‹овые› права где угодно и как угодно помимо Союза Писателей». Обл‹астной› же Н.К.В.Д. советует обращаться в Союз Писателей.

‹...›

‹2›

‹...› заявил моей жене:

«Пусть М‹андельштам› осуществляет свои трудовые права и право на лечение где ему угодно и как ему угодно. Ставский нам запретил вмешиваться в дела не членов Союза и, в частности, начинающих...» Как ссыльный я, конечно, членом Союза Сов‹етских› Пис‹ателей› быть не могу. [Правление Союза Пис‹ателей› (Москва) ни на какие письма и заявления не отвечает.] Н.К.В.Д. в течение целого года не отвечает ни на одно мое заявление.

Все мною описанное представляется мне какой-то чепухой или дурным сном, до такой степени это не похоже на закон Советского Союза и лишено здравого смысла. Я не понимаю, почем‹у моя›[1] адмвысылка в конце третьего, и последнего, ‹года› перерастает в осуждение на голод и ‹бездом›ность. Не понимаю, почему моя [новая] ‹работа› не создает мне искупительного стажа, но только бьет по мне.

Но система невмешательства в мое положение превратила уже меня в полунищего и в полубродягу, и мне стыдно ходить по улицам с провожатой (один я ходить не могу), т.к. меня узнают прохожие. И я прошу вас прекратить этот позор.

‹...›

‹3›

‹...› литературный стаж, мне было отказано Обл‹астным› С.С.П. по соглашению с Правлением С.С.П. в какой бы то ни было материальной поддержке и было предложено лечиться в общем порядке, что явилось невыполнимым, по-

---

[1] *Здесь и в следующих двух строках в угловых скобках дается предположительное чтение утраченного текста (край листа оборван).*

скольку общий порядок осуществляется через посредство того или иного частного модуса, а такового никто не мог и не может мне указать.

Я продолжал работать и в первую половину ‹19›36 г., падая от слабости на улице и подбираемый прохожими. Сотрудники различных культурных учреждений гор. Воронежа были свидетелями целого ряда со мной припадков, полуобморочных состояний, остановок сердечной деятельности и т. д. Ни одна организация ничем мне не помогла. Медицинская помощь выразилась лишь во впрыскиваньи камфары в самые острые минуты. Городская амбулатория в обычном порядке направила меня как признанного инвалида на освидетельствованье, а по месту моей службы — Вор‹онежский› гор‹одской› Театр снял меня 1 августа с работы ввиду того, что я практически уже несколько месяцев не мог работать.

С осени ‹19›36 г. мое положение в Воронеже резко изменилось в худшую сторону. Вот точная характеристика этого положения: независимо от того, здоров я или болен, *никакой, абсолютно никакой работы* в Воронеже получить я не могу. В равной мере никакой, абсолютно никакой работы в Воронеже не может получить и моя жена, проживающая вместе со мной.

‹...›

‹4›

‹...› Нормальным состоянием для меня является тяжелая одышка, мучительно затрудненное дыхание и неустойчивость пульса при всяком напряжении или усилии, начиная от просто ходьбы.

В благоустроенном советском городе — в Воронеже, на глазах у множества пассивных свидетелей я выпадаю из всяких социальных рамок и фактически являюсь уже не адм. высланным гражданином, хотя бы потерявшим работоспособность, но человеком-призраком, гибель которого санкционирована всеобщей пассивностью.

Я должен вас предупредить, что в случае моего пассивного отношения к этой ситуации она разрешится опять-таки механической перевозкой меня в больницу, но уже в состоянии, близком к агонии. Нужно называть вещи своими именами.

‹...›

217.

К. И. ЧУКОВСКОМУ, *‹около 9 февраля 1937 г.›*

Дорогой Корней Иванович!

Я обращаюсь к вам с весьма серьезной для меня просьбой: *не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег.*

Я больше ничего не могу сделать, кроме как обратиться за помощью к людям, которые не хотят, чтобы я физически погиб.

Вы знаете, что я совсем болен, что жена напрасно искала работы. *Не только не могу лечиться, но жить не могу: не на что. Я прошу вас, хотя мы с вами совсем не близки.* Что же делать? Брат Ев‹гений› Эм‹ильевич› не дает ни гроша. Здесь на месте нельзя предпринять *абсолютно ничего.* Это — только место, чтоб жить, и *ничего* больше.

Вы понимаете, что́ со мной делается?

Только одно еще: если не можете помочь — телеграфируйте отказ. Ждать и надеяться слишком мучительно.

О. Мандельштам

Воронеж областной,
ул. 27 февр‹аля›, д. 50, кв. 1

‹К письму, вероятно, были приложены ст-ния: «Вооруженный зреньем узких ос...» *и* «Были очи острее точимой косы...» *(III, №№ 160, 161), записанные рукой Н. Я. Мандельштам›.*

218.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ», *11 марта 1937 г.*

В редакцию «Знамя».

Посылаю стихотворение «Неизвестный солдат» в доработанном и развернутом виде.

Прилагаемым текстом *отменяется ранее мною присланный.*

Прошу редакцию учесть эти изменения при обсуждении моих стихов.

О. Мандельштам

11 марта 37.

‹К письму приложена машинопись ст-ния «Неизвестный солдат» *(III, № 164г)›.*

219.

Н. С. ТИХОНОВУ, *‹середина марта 1937 г.›*

Николай Семенович!

Скрывать от Вас мое положение было бы нехорошо и неестественно. Все попытки мои и моей жены наладить способ жизни без частной поддержки ни к чему не привели. Никакой работы *ни я, ни моя жена* получить не можем. Кроме того: я по-прежнему болен и к работе, службе не способен. Когда я писал Вам о крайней нежелательности частной поддержки, я надеялся на постановку вопроса в другой плоскости. Не перестаю надеяться до сих пор.

Жить не на что. Даже простых знакомых в Воронеже у меня почти нет. Абсолютная нужда толкает на обращение к незнакомым, что совершенно недопустимо и бесполезно. Все местные учреждения для меня закрыты, кроме больницы, — но лишь с того момента, когда я окончательно свалюсь. Этот момент еще не наступил: я держусь на ногах, временами пишу стихи и живу на случайную помощь людей, которая каждый раз является неожиданностью и добывается путем судорожного усилия. Сейчас я оглядываюсь кругом: помощи ждать неоткуда. Это — за два месяца до истечения моего трехлетнего срока, когда в буквальном, не переносном смысле решится вопрос о моей жизни.

На этот раз я прошу Вас лично помочь мне деньгами. С огромной радостью я верну Вам этот долг, если когда-нибудь будет принята к печати моя новая книга стихов.

Пока что мое физическое «я» оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. Между тем без него обойтись нельзя.

На днях я отослал Ставскому несколько стихотворений с просьбой об отклике и оценке их Союзом Советских Писателей.

В эту посылку вошли совершенно новые неизвестные Вам стихи.

В напряженном ожидании Вашего ответа — жму Вашу руку.

О. Мандельштам

Воронеж, ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1.

220.

К. И. ЧУКОВСКОМУ, *20 марта 1937 г.*

Сердечный привет
Корнею Ивановичу!

О. Мандельштам

20/III/37
В‹оронеж›

‹К письму, вероятно, было приложено ст-ние «Заблудился я в небе — что делать?..» *(III, № 171), записанное рукой Н. Я. Мандельштам›.*

221.

В. Я. ХАЗИНОЙ, *‹начало апреля 1937 г.›*

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить по неотложным делам. Ехать ей придется на этот раз надолго. Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное *нервно-физическое* заболевание. Оно сводится к следующему: за последние годы у меня развилось астматическое состояние. **Дыхание всегда затруднено**. Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать — я начинаю буквально задыхаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью. Один не могу сделать шага. Привыкнуть нельзя. В прошлый отъезд (7 дней) со дня на день делалось хуже. Остаться со мной некому. Успокаивают меня только *свои* люди. А у нас и чужих знакомых почти нет. В прошлый раз я перенес это как острую болезнь. Дошел накануне Надиного приезда до того, что хотел явиться в любую больницу. Цеплялся за людей. Сидел часами в чужих местах (в учреждении, среди рабочего дня) — лишь бы быть около кого-нибудь.

Я тогда закаялся, что больше этого не перенесу. Потом остается глубокий след.

Это заболевание имеет много глубоких причин. Что делать? Вся надежда на ваш приезд. В остальном — я совершенно нормальный человек. Поверьте, что я не буду вам в тягость и вы даже не догадаетесь, не поверите мне, какую услугу вы оказываете мне и Наде.

Побыть со мной придется **минимум** две недели. Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Все близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с вами поедем.

А без вас — болезнь и невыносимое по остроте и физическое, и психическое состояние.

Я прошу вас не замалчивать моего письма. Прошу ответить на него немедленно телеграммой. Письмо покажите Евг‹ению› Як‹овлевичу› и Шуре. Они вам помогут выехать.

Крепко верю в ваше желание нам помочь.

Ваш Ося.

222.

Е. Я. ХАЗИНУ, *10 апреля 1937 г.*

10/IV/37.

Дорогой Евгений Яковлевич!

Еще раз вам сообщаю, что Надя больна. Ежедневная температура 37,6 — 9, очень резкое исхудание. Кроме того, ежедневно по нескольку часов резкие боли в области печени, принуждающие лежать.

Как это ни странно, врачу Надя не показывалась. Чуть ей лучше — забывает. А большей частью нет 20 рублей на профессора, а в амбулаторию ходить не стоит: мы знаем, как там внимательны.

До последнего дня Надя температуру от меня скрывала или неправильно объясняла.

Денег у нас на 2—3 дня еще есть. Т. е. попросту 25 рублей. Какое же тут лечение? 10 р. в день на двоих — это минимум, *исключающий* всякую диету, режим, платного врача и т. д. Что же делать?

Завтра я думаю свести Надю к профессору. Что же касается до Москвы — страшно ее отпускать. Боюсь, как бы не расхворалась, не слегла и мы бы не очутились отрезаны друг от друга. Прежде всего я выясню, *что* с Надей и что ей *объективно* требуется, и срочно вам сообщу — без всяких «скидок» на наше положение. А пока что сообщаю одно: больничная клиническая помощь в Воронеже *неприемлема* (кроме хирургической). Больницы (терапевтические) переполнены. Как мне говорил пр‹офессор› Герке — иногда

дают в день до *12 отказов* острейшим больным (восп‹але-ние› легких и т. д.) и *ни одного приема*. Лежат в коридорах. Индивид‹уальный› уход — минимальный. Значит — или дома, в воронежск‹ой› комнате, — или отправить куда-нибудь на серьезное настоящее лечение. Я прошу вас немедленно поговорить с кем-нибудь из Надиных подруг, нельзя ли *ради нее,* забыв обо мне, серьезно ей помочь. Сделайте это не дожидаясь диагноза. Состояние так или иначе очень плохое. Образ жизни исключает всякие шансы на поправку. Виды на будущее — скорее *отрицательные*. Не лишнее вам сообщить, что на днях получил письмо от «Знамени», письмо вполне товарищеское, но с отклонением стихов. Это весьма отрадно. Потому что явилось просветом в беспредельной покинутости. *Может, это хоть немного подымет ваше настроение и поможет вам что-нибудь предпринять для Нади*. Поговорить *только* о ней.

В Воронеже мы начисто изолированы. С 13 числа средства на жизнь, т. е. чай, хлеб, кашу, яичницу, — иссякают. Занять не у кого. Надо думать только о Наде. Я готов, как вам уже говорил по телефону, расстаться с ней на какой угодно срок ради подлинного ее лечения, но не ради деловой поездки, *которая ей не под силу и может кончиться нашим с ней разобщением*. Т. к. Надя похожа сейчас на свою тень. И я *не преувеличиваю*. Прошу вас поговорить с кем-нибудь из авторитетных людей. И дать мне телеграмму, получив это письмо. Я знаю, вы и в Москве беспомощны. *Но все-таки это Москва*. И этим все сказано.

На Надю же сейчас нельзя возлагать никакого бремени. Ее активность сама собою прекращается.

Жду вашего ответа: предварительной ориентировочной телеграммы.

Ваш О. Мандельштам

P. S.

Еще **сегодня** я просил Шуру ускорить Надин отъезд и выезд В‹еры› Як‹овлевны›. Но после этого узнал о *постоянном* повышении температуры — и в связи с общей слабостью Нади понял, что ехать ей *нельзя*.

Эта *непоследовательность* не должна снижать в ваших глазах серьезности моих сообщений. Здоровье Нади, вернее, ее болезнь весьма и весьма запущена, потому что все кажется: ничего нельзя сделать (она же *все* и делает?!). Но сейчас надо сделать для нее буквально невозможное.

223.

К. И. ЧУКОВСКОМУ, *‹около 17 апреля 1937 г.›*

Дорогой Корней Иванович!

То, что со мной делается, — дольше продолжаться не может. Ни у меня, ни у жены моей нет больше сил длить этот ужас. Больше того: созрело твердое решение все это *любыми* средствами прекратить. Это не является «временным проживанием в Воронеже», «адм‹инистративной› высылкой» и т. д.

Это вот что: человек, прошедший через тягчайший психоз (точнее, изнурительное и острое сумасшествие), — сразу же после этой болезни, после покушений на самоубийство, физически искалеченный, — стал на работу. Я сказал — правы меня осудившие. Нашел во всем исторический смысл. Хорошо. Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я все-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Через 1½ года я стал инвалидом. К тому времени у меня безо всякой новой вины отняли все: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса...

Я — тень. Меня нет. У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. В Союз писателей — не обращайтесь, бесполезно. Они умоют руки. Есть один только человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. Ему пишут только тогда, когда считают своим долгом это сделать. Я — за себя не поручитель, себе не оценщик. Не о моем письме речь. Если вы хотите спасти меня от неотвратимой гибели — спасти двух человек — пишите. Уговорите других написать. Смешно думать, что это может «ударить» по тем, кто это сделает. Другого выхода нет. Это единственный *исторический* выход. Но поймите: мы отказываемся растягивать свою агонию. Каждый раз, отпуская жену, я «нервно» заболеваю. И страшно глядеть на нее — смотреть, как она больна. Подумайте: *зачем* она ездит? На чем держится жизнь? Нового приговора к ссылке я не выполню. Не могу.

О. Мандельштам.

Болезнь. Я не могу минуты остаться «один». Сейчас ко мне приехала мать жены — старушка. Если меня бросят одного — то поместят в сумасшедший дом.

224.

Н. С. ТИХОНОВУ, *‹около 17 апреля 1937 г.›*

Дорогой Николай Семенович!

Повторяю: никто из вас не знает, что делается со мной.
Сейчас дело пахнет катастрофой.
Вмешайтесь, пока не поздно.
Верьте каждому слову моей жены.
Спешите. Иначе все кончится непоправимо.

О. Мандельштам.

225.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *19 апреля ‹1937 г.›*

19/IV/

Надюшенька!

Утром получили твое вокзальное письмо. Почтальон невероятно громко постучал в окно. Потом кошка прогнала Тому. Утром мама говорила о врожденности характеров детей. Вчера историю семьи Корнгольдов. Вчера мы оба, понадеявшись друг на друга, вышли в лавку без денег: дошли и вернулись. Бабушка погасила свет выключателем. Я нечаянно исправил.

Вчера мы с мамой пошли в Дом Красной Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2 р. 50 к. Концерт оказался бесплатным, по особым пропускам. Я взял два: себе и маме. Но пришла Наташа — и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив свой Наташе) очень неохотно: так ей понравился Дом Красной Армии. Себастьян плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей. А играли очень хорошо.

Сейчас заказал с утра срочный телефон Жени на 12 ночи с предупр‹еждением›. И то не наверное. Надик, ты живи у нас дома, а то устанешь по гостям. Я буду стараться звонить по утрам от 8½ до 9. Если это невозможно — телеграфируй. Дедушке скажи, что я хочу его видеть. Пусть он мне напишет. Болезнь быть без тебя протекает довольно мирно (благодаря маме), но все-таки болезнь. Считаю дни и минуты до возвращения твоего. Если обстоятельства на это укажут, зайди в «Знамя». А то и нет? Буду писать каждое утро. А ты телеграфируй, если звонок не удастся. Зайди к врачу. *Обязательно*. Целую тебя, моя родная.

Ося. Няня. Твой.

Родной мой, люблю тебя и так хочу быть с тобой. Ау? Надинька! Дай лобик, солнышко мое!

226.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *22 апреля 1937 г.*

22/IV/37

Родная Надинька!

Это второе мое письмо. Я, конечно, дурак — не так ли? — но я не понимаю, чего ты ждешь в Москве. Ну и пусть не понимаю. А если ты сидишь в Москве, значит, нужно. Этот раз твой отъезд переношу трудно, но спокойнее. Мама твоя очень помогает — всем своим существом, вплоть до раздражающих моментов. Все это отрезвляет и прикрепляет к жизни. Мы не ссоримся. Я очень молчалив и ничего не могу поделать, хотя знаю, что ей это неприятно. Много времени на воздухе. Хожу один возле дома. Стихи мои, наверное, гораздо хуже прежних. Ты не скрывай. Беда не велика. Перескочим через них. Будем жить — так и стихи будут. Здоровье мое хорошо, если бы не одышка. Но это настолько серьезно, что я могу *только* с тобой и при тебе. Вторая поездка меня очень смущает. А при тебе и одышка гораздо легче. Впрочем, от воздуха облегчение несомненное. Читать почти не могу. Всякая книга неприятна. И читать могу только при тебе. Вопрос ясен: можем ли мы быть вместе? Остальное, по-моему, неважно. Никто не заходит. И Наташа была всего 2 раза.

Снова я равнодушен ко всему, кроме твоего приезда. Выясни свою болезнь. Как можно тщательнее. Неделя кажется мне огромным сроком. Писем твоих нет. Голос твой звучит так, будто из недели выйдут две и т. д.

Не считай моего письма упадочным. Просто ты уехала, и я притих. Все, что мы с тобой говорили, правильно. Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так, как нужно. Не рассчитывай на телефон. Москвы почти не дают. Каждый звонок — случайность. В случае заминки — телеграфируй несколько слов. Шуре скажи: то, что он **не** ответил на мое письмо — непоправимо — может больше не тревожиться. Обязательно точно передай.

Ну до свиданья, мой родной друг. Жду тебя и только тебя.

Твой Ося. Няня.

227.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *26 апреля ‹1937 г.›*

26 апр‹еля›

Надик, здравствуй!

Мои новости: утром купаться ходил. От петуха раму вставили. Мама уступила мне заварку чая и обещала не трогать электр‹ическую› машинку, которая в великой опасности: трещит и пахнет разноцветным жареным. Подметку мне армянин гвоздиками подбил. Держится. Не верь, когда хвалят гладкие стишки. Хвалитель у них мелкий. Сады у нас зеленеют. Очень хорош — через задворки — соседний. Я там много брожу. Вообще стал сильный ходок. Небольшие маршруты гуляю один. Внешность — послекурортная. С деньгами: осталось 40 р. Долгов нет. Пел‹агее› Гер‹асимовне› дал вперед 30 р. Девочка Рая пришла с жалобной запиской. Ей — 5 р. Из 4 телефонов — 3 — срочные. Утром — всегда срочно. Вот почему мало денег. Да еще прачке 5 р. Да сапожнику 4 р. Да, признаюсь, у Эмминой мамы взял вначале 15 р. — так и не отдал. Вот это плохо.

Надик, ты кроме дел в Москве живи. Смотри картины. Все, что я хочу видеть, — ты смотри. Даже в театр для курьеза пойди. Не скучай. Так или иначе, чтоб приехала освеженная. Ты что написала: «здесь» и зачеркнула? Кто, что — здесь, т. е. в Москве?

Вчера снова водил маму в концерт. Она сидела в ложе бенуара и была горда. Удивлялась, что дали легко контрамарку. Последние дни она совсем спокойна и уютна.

Извел бутылку одеколону (с мамой вместе). Ячмень в сухом виде остался. Глаза здоровые (если без очков). Теперь нет пыли. А то висели над степью космические тучи. Мама сегодня чинила брюки. Интересно и безобразно. Прошу тебя ничем не обольщаться. За подарки спасибо. Целую мою родненькую. И жду ее.

Ося.
Няня.

Мама кричит: «Вы мне надоели!» и рвется одна опускать письмо. Я стремлюсь за ней.

Шурика целую. Ему подарок чтоб — от меня. Спроси его наедине. Он скажет — что.

228.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *28 апреля ‹1937 г.›*

28 апр‹еля›

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи, и целую тебя сонную, уставшую или вымытую, свеженькую, деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным, хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наизусть знаю, и ты всегда новая, и всегда слышу тебя, радость. Ау? Надинька!

А у нас тишь да гладь. И только я тихо киплю. Мне весело. Я жду тебя. Я ничего не хочу, кроме тебя.

Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 — до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегает. И вербочки зеленые.

Подметка чуть отстает уже на гвоздиках. Но дня 3 прохожу. Долгов у нас нет. Мы не растратчики. Только телефон много съел. Продержимся до 2-го мая. Вчера я гулял с Наташей в парке. Очень далеко забрались, дальше того павильона. Оттого подметка отвалилась.

Я видел на улице «дядю Леню», который воскрес и задыхаясь бегает. Я ему давал медиц‹инские› советы, как товарищ по болезни.

На самом же деле я сейчас на редкость здоров и готов к жизни. Мы ее начнем, куда бы и где бы ни бросила судьба. Сейчас я буду сильнее стихов. Довольно им помыкать нами. Давай-ка взбунтуемся! Тогда-то стихи запляшут по нашей дудке, и пусть их никто не смеет хвалить. Целую твои умные ясные глаза, твой старенький молоденький лобик. Мама временами остроумна. Ей начинает нравиться наша жизнь. Какой ужас! Надик, приезжай к нам и не отпустим маму. Целую детку мою и жду.

Няня.

Ты не обидишься, что лобик стареньким назвал?

229.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹30 апреля 1937 г.›*

Родная моя Надинька!

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому.

Я здоров и спокоен. Ты приедешь, как только сделаешь все необходимое. Думаю, что дольше 5-го оставаться не надо. В крайнем случае приедешь без денег. Не все ли равно? Лишь бы маму отправить.

Заявление свое в Союз Сов‹етских› Пис‹ателей› я считаю крайне важным.

Но если Ставский найдет, что не стоит подымать вопроса по вздорному поводу — я соглашусь. Я — не склочник. Во всяком случае — покажи ему.

Важно то, что *после* этого в Воронеже оставаться *физически* невозможно. Это — объясни.

Целую тебя, мой родненький. Спешу отправить.

Твой Ося.

230.

В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, *‹около 30 апреля 1937 г.›*

В Секретариат Союза Советских Писателей

Уважаемый тов. Ставский!

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания воронежского областного отделения Союза.

Вопреки утверждениям Обл‹астного› Отд‹еления› Союза, моя воронежская деятельность *никогда* не была разоблачена Обл‹астным› Отд‹елением›, но лишь голословно опорочена **задним числом.** При первом же контакте с Союзом я со всей беспощадностью охарактеризовал свое политическое *преступление*, а не «ошибку», приведшее меня к адмвысылке.

За весь короткий период моего контакта с Союзом (с октября 34 г. — по август 35 г.) и до последних дней я настойчиво добивался в Союзе и через Союз советского партийного руководства своей работой, но получал его лишь урывками, при постоянной уклончивости руководителей обл‹астного› отделения.

Последние 1½ года Союз *вообще* отказывается рассматривать мою работу и входить со мной в переговоры.

Если как художник (поэт) я могу оказать «влияние» на окружающих — то в этом нет моей вины, а между тем это **единственное**, что мне ставится обл‹астным› отд‹елением› в вину и кладется в основу убийственных политических обвинений, выводимых из моей **воронежской** деятельности поэта и литработника.

Располагая моим заявлением к минскому пленуму, содержащим ряд серьезных политических высказываний, — Союз, который это заявление принял и переслал в Москву, до сих пор не объявил его двурушническим, что является признаком непоследовательности.

Принципиальное устранение меня от общения с Союзом никогда не имело места. Летом 35 года мне было заявлено: «Мы вас не считаем врагом, ни в чем не упрекаем, но не знаем, как относится к вам писательский центр, а потому воздерживаемся от дальнейшего сотрудничества». *После этого* Союз рекомендовал меня (протоколом правления) на работу в городской театр.

Считаю нужным прибавить, что моя работа по другим линиям (театр, радиокомитет) не вызвала никаких общественных осуждений и была неоднократно и серьезно использована после соотв‹етствующей› политической проверки. Пресеклась она моей болезнью.

Называя три фамилии (Стефан, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разбираться: кто из трех троцкист. *Три* человека не дифференцированы, но названы: «троцкисты и другие классово-враждебные элементы».

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым.

В результате меня позорят не за мою прошлую вину, а за то положительное, что я пытался сделать после, чтобы искупить ее и возродить себя к новой работе.

Фактически мне инкриминируется то, что я хотел себя поставить под контроль советской писательской организации.

О. Мандельштам

Выписка из статьи О. Кретовой в газете «Коммуна» от 23 апреля 37 года (отчет о пленуме Областного отделения Союза Советских Писателей и статья о задачах литературы):

«...За последние годы в организацию (воронежское обл‹астное› отд‹еление› союза сов‹етских› писателей) пыта-

лись проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены.*

Совсем другим было отношение Союза к людям, имевшим ошибки в прошлом, но исправляющим эти ошибки честной работой (воронежские писатели Завадовский и Песков)...»

О. Мандельштам.

Воронеж. 30 апр‹еля› 37 г.

231.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *‹30 апреля 1937 г.›*

Родная доченька Надик,

Сейчас пришли твои 100 р. А у нас еще было все на 1 мая и уже куплено. Новость: курица клюнула маму в щеку и поцарапала. Чуть-чуть. Сегодня я сам стоял в бакалейной очереди, а маму усадил на улице на скамейку.

Утром отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой в Коммуне от 23 апреля и заявление мое Ставскому в Союз Пис‹ателей› по поводу воронежцев.

На всякий случай посылаю в адрес Евг‹ения› Як‹овлевича› вторую выписку и сокращенное заявление в Союз Сов‹етских› Пис‹ателей›.

Не знаю, как быть с обувью? Спрошу тебя. Будущее меня не смущает.

Приезжай не позже 6-го. Можно и без денег. *Совершенно все равно.* Бесконечно тебя жду.

Твой Ося.

232.

В. П. СТАВСКОМУ, *30 апреля 1937 г.*

30 апр‹еля› 37 г.

Тов. Ставскому.

Прошу вас обратить внимание руководства Союза Сов‹етских› Писат‹елей› на безответственное обращение с моим именем Воронежского Обл‹астного› Отд‹еления› Союза.

Союз напрасно приписывает себе мое разоблачение. Этого разоблачения *никогда* не бывало.

---

* Второй абзац привожу суммарно, первый — буквально.

Союз отказался от сотрудничества со мной 1½ года тому назад, мотивируя это «отсутствием директив».

Одновременно он выдал мне *общественную рекомендацию* (пост‹ановление› правл‹ения›: протокол) для получения мной работы. Выпады (второй печатный) — происходят задним числом.

Вор‹онежское› Обл‹астное› Отд‹еление› Союза инкриминирует мне фактически то, что я искал в Союзе и через Союз советского и партийного мнения и руководства.

Включение же трех имен в одни скобки — с тем, чтобы читатель *произвольно* в них разобрался, — абсолютно недопустимо.

О. Мандельштам

30 апр‹еля›
37 г.

Выписка из статьи О. Кретовой в газете «Коммуна» (Воронеж) от 23 апр‹еля› 37 г. (Отчет о Пленуме Обл‹астного› Отд‹еления› и статья о задачах литературы)

«...За последние годы в организацию (воронежск‹ое› обл‹астное› отд‹еление› союза сов‹етских› писат‹елей›) пытались проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены...

*[1] Совершенно иным было отношение Союза к людям, совершившим ошибки в прошлом, но старающимся честной работой их исправить (воронежские писатели Песков и Завадовский)».

О. Э. Мандельштам.

233.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *2 мая ‹1937 г.›*

2 мая

Родная Надинька!

Прости, что пишу на обороте твоих списков. Сохрани листки и привези. Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру, а также постулировать характер будущего мужа. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж — это вполне реально.

---

[1] *Так в подлиннике.*

Как видишь, я занимаюсь вздором и далек от мрачных мыслей. Впрочем, день на день не похож. Сегодня утром мы с мамой пошли искать туфли на улицу Сити (Syty Streat)? Так? Я купил страшные синие — 25 р. К ним я хотел купить зеленые носки (при коричневых брюках), но мама не позволила. При этом старик-приказчик поговорил со мной о музыке (концертный знакомец).

Неужели нашлись любители на «Солдата»? Я хочу поблагодарить лично этих добряков. У нас испортился штепсель от машинки, и Адр‹иан› Фед‹орович› приделал к ней сложную висюльку, которая тоже портится. Но свет вообще отсыхает, и я пишу при лампе и свече.

Родненькая, прости, что я болтаю, когда ты накануне напряженья и т. д. Мне кажется, что мы должны перестать *ждать*. Эта способность у нас иссякла. Все что угодно, кроме ожиданья. Нам с тобой ничего не страшно. (Свет зажегся.) Мы вместе бесконечно, и это до такой степени растет, так грозно растет и так явно, что не боится *ничего*. Целую тебя, мой вечный и ясный друг. Услышу тебя скоро, увижу и обниму.

Твой муж. Няня.

‹*К письму был приложен автограф ст-ния* «Клейкой клятвой липнут почки...» *(III, № 182), датированный* 2 мая 1937 г., *с пометой на полях против строфы 6:* Хорошо!?›.

234.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *4 мая ‹1937 г.›*

4 мая.

Надик родной!

Приезжай поскорей. Дышать без тебя трудно. Весна не в радость. Приезжай скорей. Сегодня пришли два твоих письма от 29 и 30. У тебя сразу трое гостей. Почти как дома. Казалось, что я тоже? Да? И что я ругаю Эмму? Ты меня дураком не ругай: я все понимаю — только очень глупый. Детка моя, ты минуты лишней не останешься, в крайнем случае еще поедешь(?). Нет, *не* поедешь! **Неопределенно** ты сидеть не будешь. Если переговоры примут бесформенный характер. Мне кажется: то, что можно и хотят — сделают *сразу*.

Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайно выкрался, и пошли в Бристоль. Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку

Бордо. Я принес маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая. Она *не заметила,* что я уходил. Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?), что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии? Да?

Сейчас был в книжном магазине — большом. Там изумительные «Металлы Сассанидов» Эрмитажа. 50 р. Добрая продавщица мне отложила. Как видишь, я сумасшедший дурак. А эти блюдечки персов мы все-таки купим. Такие уж мы уроды. Деточка, приезжай скорей — Няня без тебя задохнется. Он больше не может мотаться и ждать. Ау? Надик? Ау? Скорей.

Няня.

Надик, не смей отнимать у себя денег. Нам нужны гроши. Сейчас я перешел на другую сторону улицы и увидел мамину фигурку — она трогательная. Она — вся твоя. Она крошечный Дант-старушка.

‹*Приписка В. Я. Хазиной:*›

Привези Эммочке книжечку, она еще безграмотная, она заботится о нас.

235.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *4 мая ‹1937 г.›*

4 мая./второе письмо.

Надик солнышко!

Только пришел домой и сочинил безделицу. Ее прилагаю. Горько и пусто мне сочинять без тебя. Мама — равнодушна к «Квакушам», «Наташу» хвалит, «Черемуху» промолчала.

Дней 10 назад я поссорился с нашей хозяйкой из-за петуха [я кричал о петухе в пространство: она приняла пафос на свой счет] (очень деликатно, но все же она говорила кислые слова). Все это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брала. Терпенье сверх меры.

По поводу же нападенья курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает какой вздор пишу. Гоголь такого не выдумает.

Солнышко мое, если тебя неудача постигнет, умоляю тебя, приезжай веселая. Помни, что нам с тобой отчаиваться стыдно. Кто его знает, что будет? Что-нибудь... Переживем... Вот как, дитя мое.

И еще умоляю, если задержишься: не отказывай себе. Не балуй нас. Целую тебя, мой родной.

Няня твоя.

236.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, *7 мая ‹1937 г.›*

7 мая

Надик, дитя мое родненькое!

Вчера пришло твое письмо от 4-го, сегодня от 2-го. Детка, да тебе там делать нечего. У тебя Москва пустая? Куда ты тычешься? Как время тянешь?

А я совсем скис. И стихи побросал. И места себе не нахожу. Телефон взяли сегодня вечером под радио, а то бы услышал голос твой. Не хочу новостей. Хочу Надин голос. Последние дни я почти свободно выхожу один, изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае № 3 чуть-чуть испугался. На сватовские стихи Наташа говорит, что они «что-то знакомое — вроде Лермонтова», т. е. вторичны, литература. Маленький парк ценит. А «Железо» — это и есть железо. Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит. Мы с мамой абсолютно одни. Мы да кошка с сыном. Мама разучилась со мной ссориться. Царапина от куриной лапы почти исчезла. Мама постирала мне синюю рубашку и твое бельишко. На персов я только облизываюсь. Ничему хорошему не верю. Так лучше. А твоя звездочка — чу-чу — очень как хороша. Все больше. Надик, привези мою прозу. Если будем жить — выучи меня англичанам. 75 р. пришли сегодня. Прошлый раз телеграфист пил у нас чай. Надик, от письма легче: начинаю болтать и улыбаться.

Я жду тебя, моя жена, моя дочка, мой друг. Скорей, скорей.

Твоя Няня.

Сейчас пойду *сам* опущу письмо около «Коммуны».

237.

Е. Я. ХАЗИНУ, *[15] ‹мая 1937 г.›*

Возвращаемся домой Надя Ося мама дошлите денег

238.

В. П. СТАВСКОМУ, *‹июнь 1937 г.›*

Уважаемый тов. Ставский!

Вынужден вам сообщить, что на запрос о моем здоровьи вы получили от аппарата Литфонда *неверные* сведения.

Характеристика: «средне-тяжелый хронический больной» не передает состояния. По существу это значит *«не безнадежный»* — и только.

Эти сведения резко противоречат письменным справкам *пяти* врачей от Литфонда и районной городской амбулатории.

Прилагаю подлинные документы и ставлю вопрос: хочу жить и работать; стоит ли сделать минимум реального для моего восстановления?

Если не теперь — то когда?

О. Мандельштам.

P. S.

Фактически по медицинской линии Литфонда произошло следующее: меня обследовали (в течение трех недель), причем врачи нашли *тяжело* больным и — постановили воздержаться от лечебной помощи.

Даже ряд исследований, предписанных проф‹ессором› Роменковой (терапевт), не был произведен. Окончательный диагноз не поставлен. Меры к лечению не указаны. В лечебной помощи отказано.

239.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ, *‹июнь 1937 г.›*

По заключению *городской (районной амбулатории,* необходимо помещение немедленно в нервный санаторий.

Ни одно из исследований, предписанных проф. Роменковой от Литфонда, *не сделано.*

Сердце ослабело. Задыхаюсь. Держится температура. Растет психическое возбуждение. Боюсь один ходить и физически не могу. Прилагаю бумаги присланных вами врачей.

240.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[10 июня 1937 г.]*

Дорогой папочка!

Я в Москве все время болел. Сердце ослабело. Сейчас лучше. Меня собираются лечить. Союз Сов‹етских› Писателей предложил мне помощь. Назначена в Союзе читка моих новых стихов. Настроение хорошее. Очень хочется работать. Для этого у меня хватит сил. Скоро выедем за город. Страшно хочу тебя видеть. При первой возможности выпишу тебя к нам. Горячо целую тебя и детей. Тане и Жене — привет.

Ося.

‹Приписка А. Э. Мандельштама:›
Целую крепко. 15/VI вышлю деньги. Жду письма.

Твой Шура

241.

Е. Е. ПОПОВОЙ, *[26 июня] ‹1937 г.›*

Дорога легкая короткая слушал Щелкунчика смотрел Волгу Москву большой привет Яхонтову

Мандельштам

242.

Б. С. КУЗИНУ, *26 февраля 1938 г.*

Дорогой Борис Сергеевич!

Хочу написать вам настоящее письмо — и не могу. Все на ходу. Устал. Все жду чего-то. Не гневайтесь. Пишите сами и простите мою немоту. Очень устал. Это пройдет. Скучаю по вас.

О. М.

26.II. 1938

243.

В. П. СТАВСКОМУ, *‹начало марта 1938 г.›*

Уважаемый тов. Ставский!

Сейчас т. Луппол объявил мне, что никакой работы в Гослитиздате для меня *в течение года* нет и не предвидится.

Предложение, *сделанное мне редактором*, т‹аким› о‹бразом›, снято, хотя Луппол подтвердил: «мы давно хотим издать эту книгу».

Провал работы для меня очень тяжелый удар, т. к. снимает всякий смысл лечения. Впереди опять разруха. Жду Вашего содействия — ответа.

О. Мандельштам

244.

Б. С. КУЗИНУ, *10 марта 1938 г.*

Дорогой Борис Сергеевич!

Вчера я схватил бубен из реквизита Дома отдыха и, потрясая им и бия в него, плясал у себя в комнате: так на меня повлияла новая обстановка. «Имею право бить в бубен с бубенцами». В старой русской бане сосновая ванна.

Глушь такая, что хочется определить широту и долготу.

Сборы были огромные. Очень трогательное расставание с калининскими хозяевами.

С собой груда книг. М‹ежду› п‹рочим,› весь Хлебников. Еще не знаю, что с собой делать. Как будто еще очень молод. Здесь должно произойти превращение энергии в другое качество. «Общественный ремонт здоровья» — значит, от меня чего-то доброго ждут, верят в меня. Этим я смущен и обрадован. Ставскому я говорил, что буду бороться в поэзии за музыку зиждущую. Во мне небывалое доверие ко всем подлинным участникам нашей жизни, и волна встречного доверия идет ко мне. Впереди еще очень много корявости и нелепости, — но ничего, ничего не страшно! Чуть-чуть не сделался переводчиком. Давали дневник Гонкуров. Потом раздумали. Ничего пока не дали.

Любопытно: как только вы написали о Дворжаке, купил в Калинине пласт‹инку›. Слав‹янские› танцы № 1 и № 8 действительно прелесть. Бетховен‹ская› обработка народных тем, богатство ключей, умное веселье и щедрость.

Шостакович — Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я

симфония. Нудное запугивание. Полька Жизни Челов‹ека›. Не приемлю.

Не мысль. Не математика. Не добро. Пусть искусство: не приемлю! Здравствуйте(?) же и до свидания.

Еще поговорим.

10.III.1938 О. М.

245.

Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ, *[16 апреля 1938 г.]*

Дорогой папочка!

Мы с Надей уже второй месяц в доме отдыха. На два месяца. Уедем отсюда в начале мая. Отправил сюда Союз Писателей (Литфонд). Перед отъездом я пытался получить работу, и ничего пока не вышло. Куда мы отсюда поедем — неизвестно. Но надо думать, что после такого внимания, после такой заботы о нас придет и работа. Здесь очень простое, скромное и глухое место. 4½ часа по Казанской дороге. Потом 24 километра на лошадях. Мы приехали, еще снег лежал. Нас поместили в отдельный домик, где никто, кроме нас, не живет. А в главном доме такой шум, такой рев, пенье, топот и пляска, что мы бы не могли там выдержать: чуть-чуть не бросили и не вернулись в Москву. Так или иначе — мы получили глубокий отдых, покой на 2 месяца. Этого отдыха осталось еще 3 недели. Мое здоровье лучше. Только одышка да глаза ослабели. И очень тяжело без подходящего общества. Читаю мало: утомляюсь быстро от книги и очки неудачные.

Надино здоровье неважно. У нее болезнь печени или желудка. И что-то вроде сердечной астмы. Последнее — новость. Часто задыхается, и все боли в животе. Много лежит. Придется ее исследовать в Москве.

У нас сейчас нет нигде никакого дома, и все дальнейшее зависит от Союза Писателей. Уже целый год Союз не может решить принципиально: что делать с моими новыми стихами и на какие средства нам жить. Если я получу работу, мы поселимся на даче и будем жить семьей. *Сейчас же приедешь ты,* и еще возьмем Надину сестру Аню. Она очень больна. Квартиру в Москве мы теряем. Но главное: работа и быть вместе.

Крепко целую тебя. Горячо хочу видеть.

Твой Ося.

Жду немедленного ответа о твоем здоровьи, самочувствии.

Сейчас же пиши о себе.

Остро тревожусь за тебя. Если не ответишь сразу — буду телеграфировать.

Лучше всего дай телеграмму: как здоровье.

Адрес мой: Ст. Кривандино Ленинской Ж. Д., пансионат Саматиха. Отвечай, сообщи о себе в тот же день.

‹Приписка Н. Я. Мандельштам:›

Целую вас... Пишите...

Надя

246.

А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ и Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ,

[30 ноября 1938 г.]

Дорогой Шура!

Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за К. р. д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей.

Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои, целую вас.

Ося.

Шурочка, пишу еще. Последние дни я ходил на работу, и это подняло настроение.

Из лагеря нашего как транзитного отправляют в постоянные. Я, очевидно, попал в «отсев», и надо готовиться к зимовке.

И я прошу: пошлите мне радиограмму и деньги телеграфом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА[1]

247.

В ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ЦК РКП(б), *‹до 9 мая 1924 г.›*

Мы, писатели, узнав, что Отдел печати ЦК РКП организует Совещание по вопросам литературной политики, считаем нужным довести до сведения Совещания нижеследующее:

Мы считаем, что пути современной русской литературы,— а стало быть, и наши — связаны с путями Советской пооктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, — в которой мы живем и работаем, — а с другой стороны, созданием индивидуального писательского лица, по-своему воспринимающего мир и по-своему его отражающего. Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе — две основные ценности писателя: в таком понимании писательства с нами идет рука об руку целый ряд коммунистов — писателей и критиков. Мы приветствуем новых писателей, рабочих и крестьян, входящих сейчас в литературу. Мы ни в коей мере не противопоставляем себя им и не считаем их враждебными или чуждыми нам. Их труд и наш труд — единый труд современной русской литературы, идущей одним путем и к одной цели.

Новые пути новой, советской литературы — трудные пути, на которых неизбежны ошибки. И наши ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких журналов, как «На посту», и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции

и деморализует писательские и читательские массы. Писатели Советской России, мы убеждены, что наш писательский труд и нужен, и полезен для нее.

П. Сакулин, Н. Никандров, Валентин Катаев,
Александр Яковлев, Михаил Козырев,
Бор. Пильняк, Сергей Клычков, Андрей Соболь,
Сергей Есенин, Мих. Герасимов, В. Кириллов,
Абрам Эфрос, Юрий Соболев, Вл. Лидин,
О. Мандельштам, В. Львов-Рогачевский,
С. Поляков, И. Бабель, Ал. Толстой, Ефим Зозуля,
Михаил Пришвин, Максимилиан Волошин,
С. Федорченко, Петр Орешин, Вера Инбер,
Н. Тихонов, М. Зощенко, Е. Полонская,
М. Слонимский, В. Каверин, Вс. Иванов,
Н.Никитин, Вяч. Шишков, А. Чапыгин,
М. Шагинян, О. Форш.

Москва, 9 мая 1924 года.

248.

В МОСКОВСКИЙ ГОРКОМ ПИСАТЕЛЕЙ, *25 сентября 1933 г.*

В Мосгорком писателей.

Просим принять в члены Горкома поэтессу В. А. Меркурьеву.

Тов. Меркурьева родилась в 1876 г., и у нее имеется 30-тилетний стаж лирической работы. Несомненное дарование т. Меркурьевой было в свое время оценено рядом крупных поэтов прошлого. Поэзия М‹еркурьев›ой всецело принадлежит переходному до-Блоковскому периоду русской лирики, кот‹орый› подготовил символизм. Она является одним из тех немногих, оставшихся в тени, поэтов, кот‹орые› по мере сил способствовали подъему русской лирики после глухого реакционного периода 90-х годов.

Будучи связана условно-символической литературной манерой, т. М‹еркурье›ва все же сумела дать ряд выдающихся по мастерству лирических пьес, в которых найден своеобразный и здоровый язык для передачи сильных и зрелых переживаний.

Отрыв т. М‹еркурьев›ой от текущей литературы объясняется рядом биографических обстоятельств: до 1917-го г. проживала в гор. Владикавказе, занимаясь педагогической

деятельностью в качестве учительницы. С 20-го года снова вернулась во Владикавказ, где и находилась по 33-й г. Мы полагаем, что принятие т. М‹еркурьев›ой в члены Горкома явится бесспорно положительным культурным актом по отношению к профессионально работающему даровитому поэту и поможет т. М‹еркурье›вой, поскольку она, несмотря на исключительно тяжелые материальные условия, не прекращает работу, развить наиболее ценные стороны своего дарованья.

Матвей Розанов
В. Вересаев
Георгий Чулков
О. Мандельштам
Б. Пастернак
Бор. Пильняк

25.IX.33 г.

ДОПОЛНЕНИЯ

Том I

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

218[1].

В половине второго,
Честное слово,
Тяжело пииту
По алфавиту
Идти к ответу —
Но выхода нету...

Весна 1913

Том 2

ПЕРЕВОДЫ

Из французской и бельгийской поэзии

ЖЮЛЬ РОМЭН

114[1].

КРОМДЕЙР-СТАРЫЙ

Пьеса

Действующие лица

Эммануил.
Тереза.
Пьер Дамас.
Клод-рыбак.
Разносчик.
Фома Пибуй.
Настоятель монастыря.
Бабушка Агата.
Маленький Жан.
Мать Эммануила.
Старейшины: Дидье, Яков-каменщик, Жеро, Элье, Фульгентий, Батьен и шестеро других.
Ансельм.
Парни из Кромдейра.
Люди из Кромдейра: две группы.
Хромой.
Пятнадцать девушек из Лоссоны.

АКТ ПЕРВЫЙ

Ганьские ущелья в области Планта. Дорога, вдоль потока, уходит к верхним ступеням долины. Под отвесной стеной скалы гостиница. Снаружи, справа от дверей, стоит стол. Действие происходит на дороге перед гостиницей, внутренность которой просвечивает сквозь ставни. Однообразный, мерный шум потока и ветра. Цвета и оттенки соответствуют началу весны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пьер Дамас, Клод-рыбак, Разносчик.

Пьер Дамас

Эй, ты, пискарщик! Эй, ты, форелыщик!
Что ты проходишь мимо моей двери,
Не замедляя походки викария,
Глаза обратив в сторону вод?
Или вино мое тебе разонравилось?
Или вздыхает твоя возлюбленная
В низинах, под редкой сосной?

Клод-рыбак

Нет, вино твое мне еще нравится.
Белое чуточку больше красного.
Хочешь знать — где моя милая?
Опоздала она, замешкалась:
Банта никак не найдет атласного.
А продать тебе мне нечего:
Даже малютки-пискарика нет.
Стоит ли мне к тебе входить,
Чтобы печь твоя раскрытым зевом
Глумилась над бедным рыбаком?

Пьер Дамас
(выходя на дорогу)

Хитрый рыбак — это басни:
Ты утаил королеву форелей,
Самую розовую из потока.
Знаю: ты хочешь ее просватать
За толстяка из коровьих барышников —
То-то ты его высматриваешь,
Когда он покажется из Фая

В своей блузе, с своей тростью,
С своей мошной и своей флягой.

Клод-рыбак

Пощупай сумку — убедись!

Пьер Дамас

А зачем под курткой топорщится ящик?

Клод-рыбак

Сними с него крышку, сделай милость, — обшарь!

(Разносчик показывается на дороге.)

Пьер Дамас

Чорт! А мой обед для тех двух купцов!
Разиня-рыбак, где же мои форели?

Клод-рыбак

Какие купцы? Два коровьих барышника,
Что возвращаются из Фая,
В своей блузе, с своей тростью,
С своей мошной и своей флягой?

Пьер Дамас

Они опрокинули по две кружки
Вчера по дороге в гору, на ярмарку;
Спустятся к нам сюда через час.
Перетряхнут в сердцах весь дом!
Эх, горе-поставщик, бессовестный рыбак, —
А я-то им наобещал форелей!

(Минуту раздумывает, понурив голову.)

Ну, это все хорошо и прекрасно;
Клод, я жду твоих объяснений, —
Или это работа жандарма,
Что петрушкой выскочил из воды?

Клод-рыбак

Я предпочел бы напороться на жандармов.
Аминь! О рыбе говорить нельзя.
Мир рыбаку и вечный отдых печке:

Люди из Кромдейра кроют нас почем попало,
А если к нам на шею спрыгнет Кромдейр,
Таким, как мы, лишь пятиться осталось.

Пьер Дамас

Они спустились в наши долы?
Зрение тебе затуманило зарей.
К чему поход трехверстовый
За тем, что лежит под рукой?

Клод-рыбак

Уже не первую ночь они слазят.
Уже не первую ночь, Петр.

Пьер Дамас

Я знаю людей из Кромдейра,
Кромдейрский волчий аппетит, —
Но сейчас позволь мне не верить.

Клод-рыбак

Быть может, форели от них ускользнули.
А может быть, просто им лакомо блюдо
Из наших форелей.
Шесть ночей или семь, как они увязались
Из речного мешка тащить мою рыбу.
Сначала помалу, не зная приманки,
Ни речных колдобин, ни пряток под камнем,
Но каждый раз забирали все глубже, —
Сегодня ж хлебнули весь улов.

Пьер Дамас

Вот кого нам не хватало.
Трудно им усидеть дома.
Что за напасть беспокойный ум!
Однако они довольно громко
О древней крови своей говорят.
Людей называют мурашами, —
Подумаешь, ветер им двоюродный брат.

Клод-рыбак

Не велика беда их презренье, —
До нашей рыбы опасно их рвенье.

14 192

Пьер Дамас

Хе! Беспокойного духа люди:
Хорошие вещи их больно ранят,
В чужом владеньи — чужое веселье.

Разносчик

Я не здешнего ущелья,
Но знаю Кромдейр.
Возил туда тележку
Один разок, и баста.
Обычная прогулка
Моя на Сен-Жюльен.

Если мне случается ехать в Фай на холоду,
Я Мейгаль пересекаю коридором Двух Черепах
И держу по плоскогорью на подошву Большой Сосны.
Это страшная дорога, но блаженная все ж тропа, —
Там легко дышать в июле, там знобит в сентябре.
Солнце чадное там светит еле-еле в сшибке ветров
И не ярче звезд молочных, — не пришлось бы думать о нем, —
Если б на воде замерзшей луж продрогших не плясал
Круглый огонек-прыгунчик, пламя горькое глазам.

Раз, выбравшись из Фая,
Я нащупал Кромдейр.
Дорога, словно обруч,
Прибита к скале.
Идешь по твердым плитам, —
Лоснится отвес, —
Вдруг: вид на Кромдейр.

Сначала растеряешься: гадаешь — откуда войдешь.
Деревушка замешана, как ржаная квашня.
Ты скажешь, что причесан блестящий гранит
Лепешкой из теста круглого, что печется на нем?
Я тебе не советую различать дома:
Они как бы проникли один в другой.
Внутри одна-единственная уличка спешит,
Как прорытый гусеницей под корень ход.
Лишь посередке раздаются
Строенья вкруг глухой площадки,
Где можно сесть на вытесанный камень.
Едва палатку я разбить успел,
Над головою просвистел булыжник, —
Один, другой и целый серый дождь.
Ну, полдник мой недолго продолжался.

Клод-рыбак

В толк не возьму — чем вы их раздразнили?

Разносчик

Этот день, я смекаю, был особенный день,
Когда никто не смеет вести торговый счет.
Тогда, не оскорбляя общинный нрав,
Нельзя полушки вынуть, гроша передать.
В те дни деревня лишь мену признает:
Круг сыра меняют на масла брус,
Меняют цыпленка на меру зерна.

Клод-рыбак

Вот где, хозяин, — ни сегодня, ни завтра —
Тебе не придется гостиницу держать.

Пьер Дамас

Какая уж там гостиница,
Если нету и кабачка, —
Кабачок или гостиница —
Все одно: дом чужака.
У Кромдейра на вершине
Нет крыши для чужака.

Разносчик

У него лишь ветер да камень за пазухой.

Клод-рыбак

А если им захочется выпить,
Посидеть, прочистить в компаньи глотку?

Разносчик

Говорил мне один бродяга,
Что у них кутежи в приходской церкви.
Чорт возьми, пирушки в знаменитой церкви,
Чья слава гремит от Пюи до Валенты,
Где пуста колокольня, священник в бегах, нет мессы

Кто бочонок вина,
Кто старую водку,
Кто коричневый ставит мед.
А еще пахучих трав отбор,

Горьких, горных трав они с собой приносят,

Чья полынь известна только им.
И еще, бог весть, каких приправ
И каких снадобий прибавляют.
Сыплют, подливают
В медный головной котел.
Сами в кружок садятся,
Зажигают брагу,
И, когда смесь готова,
Потушив огонь, пьют
Деревянными черпаками,
Погружая их разом
В чрево котла.
Минута передышки —
И черпаки снова
Дымящиеся разворачивают недра.
Так пьют, пока не стукнет дно.
Тогда они поют, горланят,
Танцуют страшным хороводом,
И можно видеть черных бабок
Смеющихся беззубым ртом.

Пьер Дамас

Кто не помнит ясновидящей
Ихней матери Агаты?
Вереницы путешественников
Из заречной Маргериды
Шли полакомиться чудом.
Ныне заваруха с церковью
Этих дел отшибла память.

Фома Пибуй, держа на привязи собаку, появляется из глубины ущелья и выходит на дорогу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Фома Пибуй.

Фома Пибуй

Здравствуйте!

Клод-рыбак

К нам браконьерствовать явился, старый чорт!
Что у тебя там — перья или шерстка?

Фома Пибуй

У меня на привязи дрожит собака.
Пьер Дамас, мне нужен опыт твой:
Я глядел за ней внимательно, однако
Она не ест, не пьет, как следует борзой.
Может быть, она одержима хворобой,
Но я люблю ее сильно, Пьер Дамас.
Семерых собак воспитал я с детства —
Эта последняя, и стоит она семерых:
Лежит в траве, как ни в чем не бывало,
И с глупой скотины не сводит глаз, —
Чуть заколобродит, заплутает корова,
Она встряхнется на все четыре лапы
И спокойным шагом за ней в камыши.
Ни праздной шумихи, ни грозного лая,
А если непослушная все-таки медлит —
Спокойная верная хватка зубов.
Ей также известна выгона площадь,
И сколько подвинется пастбище в сутки,
Насколько за день и насколько за ночь.
Я не позволю ей умереть.

Пьер Дамас

Дай взглянуть на твою собаку.
Мы пощупаем, поглядим.

Фома Пибуй

С человеком она не злая,
Только крепче ее привяжи.

Пьер Дамас

Я сведу ее в сарайчик.

(С порога, обернувшись.)

Если нужно, кликну: помоги.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же, без Пьера Дамаса.

Фома Пибуй

Из старинной деревни Кромдейра,
Древней расы, без помеси собака.
Года три, как ее мне подарили.

Клод-рыбак

Я скажу, Фома, что вы счастливчик:
  Кромдейра древнее отродье
  Брать умеет лучше, чем дарить.
  Здо́рово! Подарок с Кромдейра, —
  Не мешает протереть глаза.

Фома Пибуй

Я ведь был когда-то им полезен:
В дни церковной, знаменитой их затеи,
В дни, когда они тесали церковь,
От которой чуть не сдох епископ, —
Им понадобился мой песок для стройки.
Ведь для выработки вечного цемента
Чудо-щебень в старину они толкли;
Ни с одной его не вывезешь земли, —
Только у меня и есть, в Риульском поле.
Вел тогда я под сурдинку дружбу
С Жаком Тергезом — каменотесом,
Распорядителем постройки,
А еще с самим Элье-маловером,
Элье, чей сын Эммануил
Был намечен советом старейшин,
Был отправлен в Пюи, в семинарий,
Чтоб священником церковь отворить.
Из могучих — это семейство,
Гордецы: кусок Кромдейра.
Третий год у меня от них собака.

Клод-рыбак

Ничего не пропишешь — вы счастливчик.

Фома Пибуй

И сейчас Элье — мой приятель,

Нам случается вместе покалякать.
Он намедни говорил о сыне:
Дело скрипит, монастырь недоволен.
Видно, голову Эммануила
Не под всякую спрячешь шапку.
Он в божественной смыслит науке
Больше игумна и больше братьи, —
Сам не прочь их доучить.

Клод-рыбак

Стало быть, указка Кромдейра
Дотянулась в Пюи, к монахам?

Фома Пибуй

Нынче пора ему вернуться.
Эти дни, зевая при скотине,
Я высматривал Эммануила —
Вдруг покажется: все ж развлеченье.

(Указывает в сторону моста, которого не видно.)

И заразительное ожиданье
На собаку перекинулось мою.

Клод-рыбак

Где вы коров своих, Фома, пасете?

Фома Пибуй

Я на Буленскую опушку их гоняю.

Клод-рыбак

И с верхушки вы распознать беретесь,
Какой случится на мосту прохожий?
Вы, Фома, как мальчик, дальнозорки.
Но, конечно, нам лишнее сболтнули.

Фома Пибуй

Я берусь распознать с моей вышки,
Мужчина или женщина — прохожий,
Из Кромдейра или из Лоссоны.

Клод-рыбак

Из Кромдейра или из Лоссоны?
Ну нет, Фома, вы нам в лицо смеетесь.

Разносчик

Что до меня, я узнаю их тоже,
Но по запаху их кожи, не по виду:
Все они воняют навозной гарью.

Клод-рыбак

А вот это сказано здóрово,
Ловко сказано, Фома Пибуй!
Что называется, правильно сказано.
Можно сказать, чудесная мысль.
Я за нее перегрыз бы горло!
Старый Кромдейр, твои люди воняют —
И чем бы вы думали? — навозной гарью.
Друг Фома, если вам так приятно,
Кромдейрский дух навозный на расстояньи
слышен.
Но навряд ли на Буленской вышке.

Фома Пибуй

А мне довольно распознать
Чужое их телосложенье...
Да, Клод, вы смыслите в форелях,
Пожалуй, более, чем в людях.
При нашем туловище все мы —
Коротконожки, коротышки,
А кромдейрская порода
Под длинноногую посадку
Короткий подгоняет торс.
У нас, когда мы на ходу,
Едва сгибаются колени,
И получается раскачка
В бедрах — вправо и налево.
А кромдейрские, напротив,
Втягивают и выбрасывают тело,
Как лошадь на крутом подъеме.

Клод-рыбак

А этого я не приметил.

Фома Пибуй

Ну, вы покуда новичок.

Пьер Дамас показывается с собакой.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Те же и Пьер Дамас.

Пьер Дамас

Вот я дал ей хлебнуть лекарство,
Всю глотку у ней разворотило.
День-другой ее не тормоши.
Спать не мешай, если спать захочет.

Фома Пибуй

Спасибо, Пьер Дамас, спасибо!
Ужо я принесу тебе —
Чем богат — два славных козьих сыра.

(Фома прощается и уходит вверх в гору.)

Оставшиеся провожают его взглядом. Потом Клод поворачивается в сторону моста. Что-то замечает, становится напряженно-внимательным. Смеется, хлопает по плечу разносчика и на кого-то ему указывает. Потом делает два-три шага, переваливаясь с ноги на ногу. Все смеются. Клод повертывается к подъему дороги.

Клод-рыбак

Эй, Фома! Эй, Фома Пибуй!
Поворачивай-ка назад:
Видно, выгорело твое дело —
Через мост махнул пешеход
В эту самую минуту
И шагает на двух пружинах,
Как ты давеча нам объяснил.

Фома медленно спускается и выходит вперед. Останавливается, внимательно смотрит. Молчанье. Собака волнуется и тянет привязь.

Фома Пибуй

А ведь малый-то из Кромдейра.

Клод-рыбак

Если он мой забавник-вор,
Без восьми дней рыбак,
Любопытно мне, каков он спереду и сзаду.

Фома Пибуй

А ведь малый, не шутя, из Кромдейра.
Я скажу вам правильное слово —
Это Кромдейр сам месит пыль.
Дряхлое мое взыграло зренье, —
Это сын Элье, Эммануил,
Это их первенец Эммануил.
Он сказал «прости» своим монахам, —
Это его мешок, это его трость
Из орешины, срезанной на дорогу.

(Собака волнуется.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же и Эммануил.

Эммануил

(ни на кого не глядя)

Здравствуйте!

(Наклоняется над собакой и говорит ей быстро, вглядываясь в ее морду.)

Ага, приятель!
Горячий хрящ, уши трубкой —
Узнаю тебя. А ну, зевни, осклабься,
Куси мой палец. Что, нет сил? Ты болен?
Ну, поворчи, дружок, ну, порычи, старик!

(Пьеру Дамасу.)

Мне кружку вина, только белого, хозяин.
...Куда подать? На любой стол.

(Глядит на собаку.)

Я не узнаю лоснящуюся шерсть.

(Тащит клок шерсти.)

Собака ленива, шерсть клочьями лезет,
Собака не в теле: спина — ребром.
Это капризная порода:
Она разборчива на корм.

Клод-рыбак

Вы, Фома, из молодых да ранний,
И я скажу вам в свой черед:
Что на людей у вас собачий нюх, а на собак —
невважный.

Эммануил

Вино с кислинкой; в нем есть приятность.
Но лучшим вином из погреба тянет.

Пьер Дамас

Это вино завсегдатаи хвалят,
Хвалят компаньи и одиночки,
Не морщась пьют за моим столом.
Но можно сойти, нацедить из бочки:
За то, что получше, мы дороже берем.

Эммануил

Дайте другого.
Да не троньте стакана.
Раз я пригубил, значит, плачу.

Фома Пибуй

Что ж у монахов там, перевелась латынь?

Эммануил

Я думаю, там все идет по старине:
И латынь, Фома Пибуй, и вся карусель.

Фома Пибуй

Но ты вернулся?

Эммануил

Да, я вернулся.

Фома Пибуй

Ты надолго сюда иль на побывку?

Эммануил

Если ветер подует на северном взгорьи

И нахохлится певчая птица на мертвой сосне,
Птица в серых перышках — память:
Это может случиться надолго, затянуться на много
дней.
Если петь она будет чересчур хорошо —
Это может случиться на годы.

Фома Пибуй

А как же господа проповедники?
Признайся, они довольны тобой?

Эммануил

Я уходил — о чем тогда я думал?
О чем угодно, только не о них.

(Задумывается на мгновенье.)

Эх, дедушка Фома, ты у меня спросил бы,
Каково-то доволен ими я?

Фома Пибуй

Эммануил, они тебя обидели?

Эммануил

Я никогда так не смеялся! Нет людей,
Чье ремесло — судить о божестве
И всякой твари щупать селезенку!
Холодный нос ищейки богословской —
И все-таки короткое дыханье.

Клод-рыбак

Если б вы пришли не из-за Пюи,
Вы б держали передо мной ответ
За мою пропажу, за форелей.

Эммануил

Каких форелей? О чем вы мелете?

Клод-рыбак

Рыба моя! Мой рыбный пай!
Из ночи в ночь, уже семнадцать лет,
От мельницы Симона до Черного Горла.

Эммануил

На здешнюю мерку, вы — богатей.
И по той же сходной цене
Вы прикупили парочку жандармов:
Ведь жандармы, при старом владельце,
Как духи потока ютились в нем.

Клод-рыбак

Полно, мальчик, какая покупка!
Я семнадцать лет правлю рыбное ремесло,
Я семнадцать лет торгую свежей рыбой.

Эммануил

Рыбак — молодец. Счастливый купец.

Клод-рыбак

Вы еще в свивальничке лежали,
Когда я ворочался в потоке
Между полуночью и рассветом.
Я вольготный дал срок — семнадцатилетний —
Ганьским форелям — узнать мою руку.

Эммануил

В толк не возьму я твоих жалоб.
Рыба твоя от тебя убежала?

Клод-рыбак

Это ваши кромдейрские люди.
Каждую ночь приходят с гор.
Не пропускают ночи с новолунья.
Заграбастали, черти, весь мой улов.

Эммануил

А ваши улики?

Клод-рыбак

Мое убежденье.

Эммануил

Недурно!

Однако, кто дал вам право
Этих людей ворами честить?

Клод-рыбак

Они берут у меня — мое.

Эммануил

Рыбак, форели-горемыки
Твои не с рожденья, а после поимки,
Скажем, когда, затрепыхавшись,
Прыгают, зажатые, в твоих ладонях.
Пока форель скользит, она ничья.
Ты думаешь — ей умирать больнее
В ладонях кромдейрских рыбаков?

Клод-рыбак

Что — им нечего жрать у себя на вышке,
Что они приходят соседей грабить?
Может, я разжирел на их кормежке?
Видел ли кто, чтоб я улепетывал полем,
Таща добычу за собой на веревке?
Или прятался с награбленным скарбом?

Эммануил

Если б, не чета твоим, под чешуей форелей
Жили сила, смелость и коварство,
Честный мой рыбак, я не уверен,
Чтобы ты отважился в их царство.
Если б, скажем к слову, не случилось
Сторожей на вышке Кромдейра,
Ты не вышел бы на маленькую горную разведку?
Защищай же, береги своих форелей.
Если ты услышишь — по речному илу
Вдруг захлюпают чужие сапоги,
На весу держи тяжелый свой кулак.

Клод-рыбак

Раньше меня приходят гости.

Эммануил

А ты не спи, будь на месте.

Клод-рыбак

До полуночи они слезают с гор.

Эммануил

Раньше полуночи слезай с нар.
Если б Кромдейр с гор
За вашими девушками спустился,
Ваши парни, готов поручиться,
Дали б им лучший отпор.

Фома Пибуй

Кромдейр любит чужой хлеб.
Мы же, дети щедрой долины,
Избалованы ее добром.
Не к лицу за плетеную корзину с рыбой
Ссориться нашим деревням:
Если он голодает — старый Кромдейр, —
Пусть Кромдейр ест наш хлеб.

Пьер Дамас

Правильно сказано, Фома Пибуй.
Мы не снимаем ружья с гвоздика,
Если прохожий сбивает яблоко,
Но знаем, где висит ружье.

Эммануил

(обращаясь к нему)

Взведенный курок — лучший товарищ,
Когда кругом нет жилья;
И всегда под озорной угрозой
Девушки и запас вина.
Что ж, и вы по-своему чести сторожа.
Но какая грусть, какая смелость —
Разбить дом в этой глуши.
Вы не здешний, не деревенский?

Пьер Дамас

Говорят обо мне — липовый лоссонец;
Я деревня сам по себе.

Эммануил

Сам деревня — золотое слово.

Пьер Дамас

На две ленты рвется здесь река,
И скрестились вилкой две дороги, —
Стало быть, должна стоять деревня.

(Указывает на дом.)

Вот она.

Эммануил

Она мне по душе.

Пьер Дамас

С виду она невзрачна, как маленький шалаш,
Но, как и все, просторна, как все, населена.
Ты видишь только корень и сухорукий ствол,
Незримою листвой ее насельники шумят.
Тело моей деревни разбросано вокруг,
Движется по дорогам, шагает, бредет;
Человек, который только что ел за этим столом
И медленно спускается с Кустетской горы,
Человек, который, стоя на пороге, выпил стакан,
Встряхнулся и поплелся по аллее тополей,
И толстяк, который выспался в лучшей комнате с
ковром,
И в зеленой двуколке берет гору Сен-Фрон.

Эммануил

Ловлю себя почти на вожделеньи открыть гостиницу.

(Смотрит по сторонам, поворачивается к подъему и вдыхает запах ветра.)

Но запах огня родимый
С гарью сюда долетел.
Запах земли, обреченной
Сгореть за своих сыновей.
Это он скользит, наплывает
По теченью ветра долины —
Захватить меня, спеленать.
Значит, мне пора идти. До свиданья.

(Делает несколько шагов.)

А ведь я уже не верноподданный
Твоего чудесного народа.
Что, трактирщик?

(Идет дальше.)

Мой Кромдейр могуч и ревнив.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же, без Эммануила.

Клод-рыбак

(Приближается к столу и протягивает руку.)

Если ваше вино ему не по вкусу,
Оно как раз придется по вкусу мне
И забулькает у меня в тепле желудка
Ничуть не хуже, чем здесь, на столе.

Фома Пибуй

Чур тебя, не пей, голубчик.
Плесни его наземь!
Вот так!

(Выплескивает вино. Минута молчанья.)

Пьер Дамас

На подбородке пух, а чванства целый лес.
Учеба священников не пошла ему впрок.
Как был он отпрыск черствого колена,
Так и остался сухой корешок.

Фома Пибуй

Кромдейр — старик, говорят крестьяне,
Он старейшина всех деревень.
Это общий голос, и я ему верю.
Но есть другой Кромдейр:
Молодой, подвижный хлопотун —
Точь-в-точь мезенский жеребенок.
Если б все по прежней колее,
Если б не жандармский хищный клюв,
Если б не окружный город Пюи,
А за ним другие города,
А за ними чудовищный Париж,
Что ладонью может нас накрыть, —
Показал бы вам себя мой резвый Кромдейр.
Ваша память коротка — мой длинен век.
Помню разные дела — теперь таких нет.
В дни моей весны двадцатой,
Было жарко в наших деревнях:
Повелись тогда по воскресеньям

Молодежи жаркие бои.
Бывало, после праздничной службы в Лоссоне,
Засядем мы, мальчишки, в своем кабачке.
Веером служанка раздвигает стаканы,
Посередине ставит бутылку на круглый стол.

(Роется в кармане.)

Перво-наперво у себя в кармане каждый щупает нож,
Вынимает его, разворачивает, подушечкой мизинца щупает сталь.

(Вынимает нож.)

И за шуткой, прибауткой, за веселой болтовней,
Под столом втыкает живо в деревянное мясо доски,

(Втыкает нож под стол.)

Чтоб потом уже спокойно разговаривать, петь,
Широко расставив локти, горланить, кричать.
Подходи к нам, кто хочет, о чем хочешь проси:
На невежливую просьбу
Под рукой сверкнет ответ.

(Вырывает нож и бросает его на стол.)

Отчего у меня не хватает пальца?
Его отхватил один из Дейнаков.
Я знавал человека из Сен-Пьера,
У него лишь половина уха,
А другая в чужих руках осталась.
В это время мы тихонями сидели.
Вот ребята из Фая были забияки.
Кромдейрские тяжелы на подъем:
Но, раскачавшись, не любили шуток.

Разносчик

Из-за чего же вы друг друга грызли?

Фома Пибуй

Ба! Старинное беснованье из-за девок.
В те времена уже считалось худо,
Если милая девушка переглянется с соседним парнем.
Что ни деревня, то свой запас девичий,

То своя — чужестранцу обидная десятина, —
Для копыт чужого стада общинные луга под
запретом.
Нет-нет, да и стукнет чужой человек,
Выхватит одну да и женится на ней.
Он знал, чего стоила затея:
Мочка уха, полпальца, да мелочь передних зубов —
Считалось дешевой покупкой.
Я, конечно, недавно топчу эту землю,
Но в старину, — рассказывал мой дядя,
Не болтун и не лгун, прямой старик, —
О чудно́й проделке Кромдейра.
Дело пахнет почти столетьем.
В те дни у них стоял девичий недород:
Им на роду написано рожать
Не девочек, а мальчиков, такая уж порода.
Не напасешься жен на столько-то мужей.
То был, наверное, мучительный извод.
В один прекрасный день, на улей ярмарки с
пчелою-королевой,
На Монтусклат, они скатились с гор,
И в сердце праздника, как банда южных туч,
Ударили грозовою ватагой.
И сколько было милых девушек-плясуний
На седла подняли, верхами увезли.
Раз лезут на рожон, не обошлось без сшибки:
Брошенные тела и пролитая кровь.
Но девчонки остались за ними, за сволочами.

(Минута молчанья.)

Клод-рыбак

Вы, Фома, хороший рассказчик,
И недаром вас вокруг
Хитрым дедушкой зовут.
Рассказать бы вашу сказку
Кружевницам у огня.

Фома Пибуй

Можете думать что угодно,
Эта обуза не по мне:
Я отвечаю за скотину,
Девушек выбросил из головы.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ганьская долина у нагорья Планки; ни ложбин, ни складок, — глубокий, цельный амфитеатр; сбоку вьется дорога; на горизонте четкие зубцы серых гор.
Между первым и вторым актом прошел час.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эммануил один.

Эммануил

Ручей изломанным коленом
Светло бежит на дне долины;
Так молния в траву живая,
Но охлажденная ушла.
И обруч горизонта стянутый
Так неожиданно расширился,
Как будто винный пар гостиницы
В плеча поднялся мощных гор.
О Гань, твоей струи журчанье
Меня могло глушить и нежить;
Вот ты ушел и закатился,
Как мысль в раскрытые зрачки.

Здешний ветер молодит и щекочет кожу.
То сверчком забивается в ухо, то раздувает мехами
Воспоминанье о песне старинной в голове тяжелой
от шума.

Но, кажется, чиркнул башмак о песок —
Я не один карабкаюсь на эту кручь:
Я ли, взбираясь, замедлил шаг,
Или тот — другой, за мной, скороход?

(Снова глядит в глубь амфитеатра.)

Эта кровля, сползающая в Гань,
Еле приметная кровля,
Чуть приподнятая, как ноготок.

(В глазах его полуулыбка.)

Кухня — четыре шага,
Две балки в глубоком квадрате окна
На двух перекладинах, крепко сбитых и старых.

Крест-накрест в окошке распятый свет,
И крестовидная тень на столе.
Я поджигаю валежника ворох,
Огромный очаг зияет,
Как вход в потусторонний мир.

(На мгновенье умолкает.)

Или на почве отлогой
Подобравшийся в гору дом пастуха;
Нежно выструганные тонкие планки,
Четвероногий сундук.
Солома. Расстеленные одеяла
И милый пар твоих уст.
Эта горячая струя в ночи
И спящая бок-о-бок с тобой собака.

(Оборачивается и смотрит.)

Бредущий в гору человек — куда он?
Земляк?
Нет — преподобие, кюре.
Из-под сутаны выпирает брюхо.

(Отводит взгляд. Смыкает глаза.)

Я рукавом задел отвес, и потянуло затхлой прелью —
Сквозняк, пробившийся из черной глубины,
Из тех, что хлопают дверями чадных келий...
О нет, я не хочу! С меня довольно!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Эммануил и Настоятель монастыря.

Настоятель

(Останавливается, снимает шляпу, вытирает лоб.)

Здравствуйте, друг мой.
Вы отдыхаете?
Пятнышки снега в колдобинах и рытвинах
Не мешают солнцу чересчур усердствовать.

(Садится. Молчанье.)

По всему заметно, вы — местный житель
И лучше меня знаете путь.
Я не охотник до горных обителей.

(Молчанье.)

Сколько ходу отсюда до Кромдейра будет?

Эммануил

Как, вы, значит, идете в Кромдейр?

Настоятель

Туда, мой сын, как и вы, надеюсь.
Быть может, вы даже тамошний житель?

Эммануил

Ровно час ходьбы хорошим шагом,
А если с прохладцой и с расстановкой,
Тогда пройдете часа полтора.

Настоятель

Полтора часа по свирепому зною —
Екнуло сердце, подкосились ноги.

Эммануил

Ничего, наверху вас ветерком обдует.

Настоятель

Ветерком? Знаменитым вашим ветром?
Ну, спасибо, не знаю, что еще хуже:
После испарины сквозняк в горах,
А потом — доктора, припарки, грелки.

(Через секунду.)

Но величье церкви поможет мне
Отважно пройти голгофский путь.

(Смотрит на Эммануила, который не двигается.)

Если вы из Кромдейра, друг,
Вам нетрудно будет смекнуть,
Кто я таков и зачем иду.

(Эммануил не шевелится.)

Трудное дело, как ржавый гвоздь!

(Молчанье.)

О, тут нечего кутаться тайной, —
Шила в мешке не утаишь!

Вы уже догадались, сын мой:
Моя сутана говорит за себя.

Эммануил

По церковному делу? Вы? К нам?

Настоятель

Этот мальчик свалился с туч.
Собирают сенат свой кромдейрские старцы.
Сегодня, в день седьмой от рождения луны,
Я должен там быть, согласно обещанью,
Чтоб нелепую распрю убить.
Монсиньор вручил мне ключи убежденья:
Я надеюсь посеять разумный совет.

(Воодушевленно.)

Дивлюсь, откуда только взялся
Их еретический уклон, —
Они себе забили в темя
Своею церковью обзавестись.
И вот — скребут и роют землю,
И кучи щебня и седые валуны!
Величиной с быка обтесывают камни
И трудятся, как некогда языки
Над вавилонской башнею своей.
Что на уме у монсиньора? Что говорят у нас?
Ба, смех и горе нам!
Мы не хотим их самодельной церкви,
Они ж решаются спиною к мессе стать,
Из списка дней вычеркивают воскресенье,
Как патагонцы-дикари.
Все или ничего! — заладили одно:
В Кромдейре или хоть нигде!
Не сгибается у них, как видно, шея!
Легче им оскотиниться, чем уступить.
А кирпичу извели! А щебню!

(Обрывает. Продолжает более спокойно.)

О, бунтовать они не новички,
Ибо достойный мой предшественник
Ел тот же горький хлеб неразумья.
В те памятные дни стон стоял в воздухе
От видений матери Агаты.
Людская память коротка.
Надеюсь, старая карга
Калачиком свернулась в лоне Вельзевула.

Эммануил

Но еще недавно в Пюи, в семинарий,
Снарядили они первенца из старинной семьи,
Он вернется и откроет церковь.

Настоятель

(пожимая плечами)

Между нами, он в монастыре не уживется —
Вылетит в трубу его латынь.
И потом какие гордецы —
Выбирать священника на свой вкус.
Иерархам навязывать земляка!
Разве можно, как дерюгу,
Церковную ризу в клочья рвать?

Эммануил

(кротко)

Эту речь вы приготовили
Для совета кромдейрских старшин?

Настоятель

Поймите: я спасаю души из капкана —
Бог даст мне ударный и сильный глагол.
Если дьявол-хитроумец не изловчится,
Он потеряет и последнюю дичь.
О, если б елей послушанья и смиренья
Пролился на гордую волю Кромдейра!

(Снова воодушевленно, но растроганно.)

Не жалейте пары башмаков
На пять верст за мессой в воскресенье!
Не ленитесь дать вторую жизнь
Новорожденным младенцам
Из купели чистой Иордана!
Монсиньор — безоружная крепость
Для кротких помыслов своих овец.
Не возьмешь его силой: нелепость
Огорчать его доброе сердце.

Эммануил

Мой совет: идти вам не нужно,
Идти вам незачем: подъем крут.

Настоятель.

Что вы сказали, мой мальчик? Я не расслышал.

Эммануил

Я немножко терся в Кромдейре:
Знаю, как стучат клюки старейшин.
Возвращайтесь, ваше преподобье.

Настоятель

Почему же?

Эммануил

Что им церковь? Гранитная рубашка.
Месса без Кромдейра для них не месса —
С прошлого лета молочная крынка.

Настоятель

Святая дева! Небесная роза!
Какая странная мысль!
Как будто разный Бог и разная бывает месса.

Эммануил

Сказать вам правду — разбираясь в Боге,
Они находят разные оттенки.

Настоятель

Но ведь это черное безумье.
Страшное пустое бормотанье!

Эммануил

Нужен долгий срок для пониманья:
Я понемножку к нему привыкаю.

Настоятель

И по-вашему, они христиане?

Эммануил

Я так думал еще недавно,
Но теперь, подумав еще раз,
Я, пожалуй, скажу иное.

(Настоятель отступает на шаг и молча смотрит на Эммануила.)

Настоятель

Кто вы такой?

Эммануил

Я? Кто такой я?

Настоятель

Я скажу вам, кто вы такой:
Эммануил, сын Элье,
И возвращаетесь из семинария.

(Они умолкают и наблюдают друг за другом.)

Эммануил

Значит, мы — попутчики, прекрасно!

Настоятель

Значит, в замшелые уши старейшин
С вами вместе мы будем кричать?

Эммануил

Что ж, иногда они принимают
Совет молодого петушка.

Настоятель

Если так... Сегодня день неподходящий —
Мне придется дело отложить.

Эммануил

Рассказать ли мне там о встрече?

Настоятель

Скажите, что я хотел прийти,
Но...

Эммануил

Что было немного жарко
Для такого трудного пути.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Площадь совета в центре Кромдейра-старого. Сплошной пояс домов из базальтовых глыб, скрепленных темно-красным цементом. Все кажется плотно пригнанным, неколебимым, непроницаемым. Лишь внимательный глаз различает кой-где отверстие: то ли вход в жилище, то ли проход в уличку. Мостовую образует сама скала, зернистая и блестящая. На равных промежутках — каменные скамьи, точно пограничные вехи. На них сидят старейшины, числом тринадцать.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Совет старейшин. Дидье, Яков-каменщик, Жеро, Элье, Фульгентий, Готьен и еще шестеро. Дидье — справа, Яков — слева, в глубине — Ансельм, Элье — справа от Ансельма.

Дидье

Сперва нам Яков все доложит, как следует.

Яков-каменщик

Церковь готова. Вы сами видели,
До совершенства довел я кровлю;
Я вымостил большой корабль и хоры.
Остается добыть у стекольщика несколько футов
Для трех круглых окошек, где еще гуляет ветер.
Но с этим не спешно, и время терпит.
Сентябрьские деньги, что Дидье мне сдал на руки,
Я расходовал исподволь, до конца зимы.
Сорок франков задатку ушло на ореховые кафедры.
Да еще Жану Мулену мы должны десять рабочих дней.

Дидье

Теперь отвечу я: спасибо вам, каменщик Яков,
Окончена церковь своими средствами.
Она стоит, пусть монсиньор епископ злится,
А с ним наш добрый приятель-кюре из Сен-Фрона.
То-то ему не спится восемь лет и четыре месяца,
То-то недоволен аббат, наш добрый друг,
Обещавший проведать нас сегодня.
Вы исполнили точно, мастер Яков,
То, что мы приказали, что замыслил Ансельм, —
Ему же первое место средь нас.
И для постройки вы брали камни,

Выкорчевывая их, разборчиво —
В пределах двух тысяч шагов
В окружности от сердца Кромдейра.
Вы брали сосны в лесах неделимых от века,
Где ни один корень, ни одна шишка
Никому ничего не могут быть должны.
Мы владеем этими деревами
Не по какой-нибудь хитрой купчей,
Не колдовством нотариальных перьев,
А потому владеем, что деды
Вывели на свет их зеленые кроны
На земле девственных угодий,
Где Кромдейр — единственный держатель.
Вы могучий матерьял связали,
Мастер Яков, старинным цементом,
Чей состав у вас в семье известен:
После ста прорезываний лунных
Он прочней, чем после десяти,
После тысячи — несокрушим.

Жеро

Предлагаю старейшинам созвать праздничный сход —
Почтить весельем конец работ.

Фульгентий

И я тоже.

Дидье

Одобряю.

Ансельм

(слабым голосом)

Что ж вы предлагаете, Жеро?

Жеро

Если будет солнце, то хоть здесь поставить
праздничный стол,
А не то в самой церкви, как в праздник Грачей.

Дидье

Ансельм, вы у нас почетный старик,

Все голоса покрывает ваш правый суд,
Но сейчас нужно подумать, как порадуется Кромдейр.

Ансельм

(понемногу воодушевляясь)

Друзья, пирушка, как в праздник Грачей,
Вряд ли сможет насытить весельем Кромдейр.
Скажите, как бы отпраздновали люди старинных лет
Таких трудов огромных величавый конец?
С самых глубоких, незапамятных времен,
С тех пор как на этом месте Кромдейр увидел свет, —
Ибо здесь, где мы стоим, он продырявил гранит, —
Это самый большой, самый торжественный миг.
Жеро, чего вы хотите? Пирушку, как все?
Жареный ягненочек, румяный барашек в соку...
Тысяча лун родится и приблизится срок:
Не забудьте, мы празднуем сразу и заодно
И труд свежеоконченный и начало грядущих дел.
Я требую крутого пира,
Столов, ломающихся от снеди,
Неистовства жажды,
Пьянства, текущего в жилах, —
Чтоб на испарину не меньше двух дней!
Не ради голода, не ради жажды,
Жеро, — а ради насыщенья,
И совсем не ради насыщенья,
А ради веселья Кромдейра!

Дидье

К вашему совету, Ансельм,
Мы охотно склоняем слух
И подумаем, как устроить пир.

(Запинается.)

Но меня смущает другой вопрос:
Церковь кончили тесать,
Но священник еще не достроен.

Готьен

Что нового с сынком Эммануилом?

Дидье

Чудится мне, он скоро вернется.

Мы получили нехорошее письмо:
Молодой человек с порядочным норовом
И будто бы всем против шерсти идет
И во что вгрызается, зубов не разожмет.
Еще говорят: завел, голубчик, воркованье
С какой-то девчонкой из соседних деревень.

Элье

Всего, что случилось, могли мы ждать заранее,
У меня на ладони мой сынок Эммануил:
Будь он служка церковный в кружевной пелеринке,
Осторожный крысенок с душой слизняка,
И тогда б себе нажил он врагов не меньше!
Ах, не нужно им, поверьте мне —
Ни священника, ни нашей церкви!
Эти попы долинного народа
Над ней смеются всем в глаза.
Еще намедни этот козел из Лоссоны
Чердаком для соломы ее обругал.

Готьен

Вот ужо подойдет господин настоятель,
Мы тогда узнаем, на котором мы свете.

Элье

Что говорить: болотный народ
Ненавидит Кромдейр от века;
Если Кромдейр упадет ниц,
Его приласкают, как собаку.

А почему ненавидят нас болотные недомерки?
Потому что Кромдейр еще не выбит из седла,
Потому что старинный хозяин Севенны
Еще цепляется за последний свой утес.
В старину мы держали всю эту гать,
Наша власть упиралась краями в горизонт
На запад, насыщенный голубизною гор.
Кромдейр был держателем трех долин,
В четырех потоках омывал ступни, —
Но однажды, как мусор под пятой южных ветров,
Недомерки вылезли из земляных дыр;
Они навалились со всех сторон,
Облапили множеством, клешнями толп,
И медленно мяли и плющили нас.

Что осталось?
                    Орешек: одно ядро.

Дидье

Хладнокровно, обдуманно наш выбор пал
Ни на кого другого, как Эммануил.
Ансельм его наметил, зная насквозь.
Из всех своих сверстников — самый складный он.

(К Элье.)

Он сын ваш.
                    В нем течет превосходная кровь!

Ансельм

Он лучший из юношей и стариков,
Самый крепкий мыслью и быстрый умом;
Он твоя дозорная башенка, Кромдейр,
А Кромдейр — именинник славы своей.
Пока мы мужали, он томился без сил,
Но проснулся для жизни десять лет назад.
Выждав наступленье тысячной луны,
Кромдейр выпрямляется и снова цветет.
Ныне вся его сила ушла в молодняк,
И нас затмевает уже молодежь.
Когда они исполнят умыканья обряд —
Для них справедливость награду зовет, —
Власть должна перейти к ним из наших рук,
И если правит над миром везде
Держава жестоких и грустных стариков,
Кромдейр значит — праздник и хоровод:
В этом слове народная радость поет.

Готьен

А толстому аббату какую скажем речь?

Элье

Мы ему скажем, что нет перемен
И что, если пришел он наше право скрепить,
Без ущерба он может вернуться домой.

Голоса из собранья

— Постойте, слышите:
                    человек идет!

Уж не наш ли это любезный друг?
— Нет, это шаг молодой стучит.
Этот шаг по каменьям не тащит ног.
— Это шаг Эммануила,
это он идет!

(Несколько мгновений молчанья.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же, Эммануил, потом мать с больным ребенком.

Элье

Эммануил, ты?

(Появляется Эммануил на переднем плане, слева. Он одет по-дорожному.)

Дидье

Раньше времени ты возвращаешься,
Эммануил. Другого мы ждем сюда.

Эммануил

Другого? Толстую рясу с одышкой?

Элье

Ты его встретил, святого апостола.
Дорогого пастыря, что любит нас слишком?

Эммануил

Встретил, хоть и не знаю его.

Элье

А что он сказал?

Готьен

А как он сказал?

Эммануил

Он лез, пыхтел и здорово сопел.

Элье

Куда же он делся, наш добрый пастырь?

Эммануил

Он слезает, пыхтит и отирает пот.

(Смех.)

Готьен

Он показал нам спину, а мы-то тут ждем его!

Эммануил

Я решился отправить его на покой;
Это был, я думаю, христианский долг:
Такой тучный человек! Такой крутой подъем!

(Собранье громко хохочет.)

Дидье

А тебя какой ветер сюда принес?

Эммануил

А вы еще не знаете?
Вот так раз!

(Молчанье.)

Еще не получили их письма?

(Молчанье.)

Ваш ребенок притомился,
Нельзя ли, старейшины, ему присесть?

(Он опирается на выступ скалы.)

Дидье

В том письме, что мы получили,
Лесть не вяжет строки.
Говорят, с какой-то резвушкой
Ты завел шашни на стороне.
Я молчу. Но разве это подспорье
К изученью алтарного ремесла?
Или так опасна девичья прелесть?
Или нам солгали в письме?

Эммануил

Это правда — хоть невеличка.
Настоящую — скрыли отцы.

Дидье

Говорят, ты спорщик, — петух!
Что в тебя вселился дух зла
И что ты не в ладу с наукой.

Эммануил

Я внимательно слушал, напрягши слух,
Не за страх, а за совесть долбил латынь;
Но тонзурщики меня не могли убедить:
Я согласен с грамматикой, с папой — нет!
Я склоненья знаю — Рима знать не хочу!

Дидье

Усумнился птенец желторотый
В уме почтенных людей?

Эммануил

Эти люди хранят уверенный вид.
На собеседника брызжут слюной,
У них своя правда, своя голова —
Мой череп другими нитками сшит.

Дидье

А возможно ли это, мое дитя?

Эммануил

Трезвоном разных печальных слов
Они колоколят о Боге из Пюи,
О Боге для Рима, быть может.
Но для Кромдейра — никогда.

Ансельм

(с большим волненьем)

Эммануил, наш первенец, Эммануил,
Избранник, отмеченный высоким лбом.

Эммануил

Ансельм! Когда мальчишкой в башмаках деревянных
Я жизни учился под вашей рукой,
Я был переимчив: мне чудился в мире порядок,
Хоть таинственный мир чудесами кипел.
А с ними нет мочи: смешок иль зевота.

Готьен

Значит, ты нам обедню не будешь служить?

Эммануил

На что мне, старейшины, священный сан?
Но если вам так нравится и так хочет Ансельм, —
Так и быть, буду священником для вас одних.

Дидье

Тут что-то неладно!

Ансельм

Говори, сынок!
Будь сердцу подсказчик там, где оно молчит.

Эммануил

Зачем притворяться народом, как другие,
Зачем притворяться детьми одного отца?
Что здесь возвышенного? Печаль и униженье —
Искажать вечным притворством черты своего лица.
Чужестранцы и мы — нас всех крутило время.
Где твой Бог, Кромдейр? Где общий римский Бог?
Мы забыли, и еле помнит мать Агата.
Но десять лет бредем обратною тропой.
Уже слава — спиной повернуться к их мессе,
Уже очарованье — не стоять с ними в одной толпе.
Для того ли мы тесали и гранили нашу церковь,
Чтоб сказать: научите нас кланяться и бормотать
И о земле и о небе, о входе и выходе мира —
Распевать небылицы, к которым глух Кромдейр?

Дидье

Я подавлен согласьем одного и другого:
Но случайно сговорились старик и молодой;

Мнится, опираясь на одну ошибку,
Столько лет они прошли вместе, рука с рукой.

Ансельм

Да будет хвала вам, отцы семинария!
Ты ушел неплохим, а вернулся — куда как хорош;
Они тебя заперли в бессолнечной келье,
Ты ж веселился мыслью и в грязной тюрьме.

Эммануил

Это бросилось мне в голову во время подъема,
Выстукивая палкой дробь по камням.
Да что говорить! Миг родил решенье;
Я тут сам ни при чем, меньше всех — монастырь.
Я был скверным мальчишкой: во время занятий
Я вырезал на парте перочинным ножом
Портрет учителя с мордочкой лисьей,
Что долбил нам Писанье и греческий язык.
А ночью меня бесил в дортуаре
Один из Бриуды, толстый мужлан,
Краснощекий невежа, раздутый домашней снедью;
Я ненавидел его поросячий храп.

(На мгновенье задумывается.)

А я бы ушел, все равно,
К годовщине тысячи лун.

Фульгентий

А зачем, сынок Эммануил,
Ты понадобился тысячной луне?

Эммануил

Что, Фульгентий: тесно вам, мужчинам?
Иль, может, девичья коса
Темной прядью застит божий свет?

Жеро

На что вы жалуетесь, Фульгентий?
Что наш священник в любви не профан?
То-то будет нам, старым дьяволам рыжим,
Исповедываться у него лафа.

Эммануил

Постная рожица, шопоток исповедальни —
Баста! Кромдейрский невежливый Бог
Не любитель римских бирюлек.

(Смеется.)

Мы их выкинем, отец Ансельм.

Дидье

Ты, юноша, спешишь, зарвешься,
Сам не заметишь, как споткнешься.

Эммануил

Полно вам, я шагнул вперед —
Чувствую: опыт мощно растет.
Только что был я глупый школяр,
Но дышит мне разумом шершавая скала.
Ансельм, нам нужно выбелить, вымыть Кромдейр,
Чтобы он всеми гранями сверкал
И с весельем озирал свой законный женский надел.
Вы колеблетесь, Яков, и вы, Готьен?
Значит, вы не знаете, как могуч Кромдейр.

(Выпрямляется.)

Терпенье!

(С минуту раздумывает. Лицо его меняется, голос тоже.)

На сегодня — короткая притча,
Легкое поученье, как жужжащая оса.

(Снова думает. Потом, с внезапной силой.)

Когда я поднимался ребром котловины,
Сухой воздух потрескался от детского плача.
Задыхался больной ребенок Берты,
Пусть его принесут сюда.

(Он властно протягивает руку. Один из старейшин встает и уходит за ребенком. Совет мгновенье безмолвствует, . жадно вглядываясь в Эммануила, который исполнился молодым величьем.)

Старейшины, старцы, кромдейрская кость!
Встаньте, прошу вас, и глядите на меня:

(Они повинуются.)

Да прольется в меня ваш темный Бог из погребов
сознанья!

(На мгновенье умолкает.)

Вам говорю, я исцелю ребенка!

Старейшина возвращается с женщиной, которая несет больного ребенка. Лицо ребенка сводит судорога. Он непрерывно и тихо стонет.

Старейшина

Мальчика принесли, он с утра лихорадит,
И внутри у него, говорит, раскаленные угли.

Эммануил

Дитя мое! Мальчик! Холодные ручки!
Вложи свои лапки в мои большие ладони.
Дитя!
Я сильней, чем мезенский бык,
Ты понял? Я сильней, чем южный ветер-свистун.

(Ребенок волнуется и тихо плачет.)

Ты плачешь?
Хорошо!
Ты будешь здоров.

(Ребенок перестает плакать. Не отрываясь, он глядит в глаза Эммануилу.)

Боль тебя отпустит.
Руки твои потеплеют.
В твоем нутре потухнет жаровня.

(Лицо ребенка понемногу светлеет.)

Тебе говорю я: ты не умрешь.

(Ребенок улыбается. Эммануил отпускает его ручки, все время глядит на него и как бы благословляет широким движеньем руки.)

Ступай.
Спи крепко.
И дай выспаться матери.

АКТ ТРЕТИЙ

Поросший травою склон в долине Лоссоны. Обломки скал. Пихты и лиственницы. Дальше — изрытые ручьями ложбины, русла потоков. Кой-где искривленные сосны с развороченными корнями; набухшие сыростью пригорки. От земли до облаков — все оттенки глубокого и живого серого цвета.

СЦЕНА ПЕРВАЯ (и единственная)

Тереза, Эммануил.

Тереза сидит на траве, шьет. Возле нее лежит собака. Время от времени она бросает взгляд в сторону стада; оно близко, но его не видно. Сверху приближается голос Эммануила, поющего песню. Он подходит. Собака встает, потом лает.

Эммануил

На меня окрысилась твоя собака.
Разве она меня не узнает?

Тереза

Эммануил, конечно, она тебя знает,
Но лишь наполовину признает.
Это совсем не одно и то же:
Любить и знать — две разные вещи.
Чужой человек для нее — иностранец,
Полный опасной и темной силы.
Разве она глупа для собаки?

Эммануил

Но скажи, хорошо ли, по крайней мере,
Кружит она и гоняет стадо?

Тереза

Недурно, если нет другой забавы, —
Она, ведь, шалая, игрун.
Вечно у нее в голове играет
Всякая разность — не по ремеслу.
Долго скребет лапами землю,
Буравит ее до глубоких дыр
И принюхивается носом,

Словно учуяла зарытый клад.
А еще муравьев не любит,
Рада с ними вести войну,
Разворачивает муравейники
И свирепо их ворошит.
Возвращается — вся горит в укусах,
Муравьями облеплена до ноздрей,
Дух переведет, и опять за работу...
Ах, если б она захотела —
Могла бы папой собачьим быть!

(Молчанье.)

Эммануил

Когда я спускаюсь с горной площадки,
Тереза, я вижу с ветряной вышки
Стада, ползущие по долине.
Если твое передвинется стадо —
Я узнаю его сразу
По размерам пятна и форме клина.
Так лицо меняет выраженье,
А под ним постоянное имя.

Тереза

Так повелось у меня от барана
И от этой черной овечки,
Что гуляют вокруг черешни,
И всегда на одном расстояньи,
Без отводу и без приводу,
Как луна и звезда, ее спутник.
А по ним равняются другие.

Эммануил

Замечательно стойкое стадо.
А еще хорошо на свете
Быть бараном и черной овечкой.
Я сейчас подумал, Тереза,
Что вы, деревенские люди,
Разнобоем живете, в одиночку
И вразбивку, друг друга чураясь.
Вы соседи только поневоле,
Да еще по старой привычке.
Ваш народ никогда не смыкался
В одно пестрогрудое стадо.

Тереза

(смеется)

Я сейчас умру от огорченья.
Как же мы от зависти не лопнем,
Что кромдейрские пасутся стадом!

Эммануил

Будь я вашей деревенской крови,
Я бы выучился вашей жизни:
Хорошо закрытая коробка,
А внутри детеныши под крышкой,
Сердце твердое и заячье ухо.
Или постоялый двор открыл бы
На каком-нибудь ужасном месте,
Как безлюдная излука Планки.
Или, как Фома Пибуй, поставил
Для себя шалаш, от человека
Тысячу шагов кругом отмерив.

Тереза

Эммануил, скажи, что это значит?

Эммануил

(как бы не слыша, на мгновенье смолкает, потом, не глядя на Терезу, продолжает)

Кромдейр, со всеми углами, — единый дом,
Стена Элье не встанет Якову поперек.
Кромдейр повис на вышке, как пористый известняк,
И в ноздреватом камне пламя старинных лет.
Выщербленные переулочки теснятся в сводчатой тесноте.
Камень теплый и блестящий от службы вековой.
Синий обрезок неба тает между рядами крыш,
Потом все сжимается и вытягивается в длинный коридор.
Где-то за дверью слышно: человек храпит.
Ступеньки. Подымаешься. Срезает голову косяк,
И вдруг ты натыкаешься на качающийся свет —
Это семейство ужинает за круглым столом.

(Молчанье. Он встает.)

Человек из Кромдейра свой дом перешагнет
Лишь через все пороги и то в последний миг,

И когда подкатит к его горлу ветров равнинных ком,
Ибо со всеми углами Кромдейр — его дом.

(Молчанье.)

Таким коридором в зимний день
Иногда мне случается бродить
По щербатым лазейкам без конца.
Одинаковый всюду очажный дым,
И отеческий кров нерасторжим.
Это горячий и нежный путь,
Тереза, это — любовный круг.

(Молчанье.)

Но лишь в Кромдейре или нигде.

Тереза

Опять ваша гордость, Эммануил.
Значит, вы лучше других людей?

(Короткое молчанье.)

Эммануил

Да, мы лучше других людей,
Но не об этом сейчас речь.
И сбоку и сзади торчит сосед:
К нему справедливая ненависть кипит, —
И я ненавижу соседский тын:
Сосед на вас смотрит, сощурив глаз,
И дурно пахнет, как хорек;
Хорошо, что он кой-чем прикрыт,
Не хотелось бы видеть его нагим.

Тереза

А что же, в Кромдейре не так живут?

Эммануил

Тереза, Кромдейр — один человек.
Человек не брезгает сам собой,
Не боится блеска своих зрачков.

Тереза

Наши люди говорят,
Что в союзе вы крепыши.

Неужели злой человек
Не сумел затесаться к вам;
Злоязычник, хитрый шептун,
Иль завистник чужого добра,
Или сладкоречивый ханжа:
Мягко стелет, а жестко спать?

Эммануил

Люди у вас с бору по сосенке, собирались невесть откуда,
Из далеких окраинных скважин ручьями текли,
Против нас заключили союз — для воровского набега,
Чтобы загнать Кромдейр на оселок горной земли,
Много враждующих рас угнездилось в ваших селеньях,
Тысячелетья брачных прививок даром прошли.
Сборная плоть не дала единого сплава,
И свояки друг на друга исподлобья глядят.

Кромдейр — кусок мяса
На солнцепеке скалы,
У него особый запах.
Много гордости, много коварства,
Много ненависти и много лукавства.
Умный зверь бережет для других свой яд,
И никогда сам себя не укусит.

(Молчанье.)

Тереза

Тяжела тебе, видно, была монастырщина,
Если так сильна к Кромдейру любовь.

Эммануил

Я вернулся... и вот — я на старой земле стою.

(Молчанье.)

Тереза

Значит, ты раздумал у нас быть священником?

Эммануил

Я высоко забрался — мне трудно слезть.

Тереза

Ты будешь пахарь или виноградарь?

Эммануил

Тереза милая, не то, не то.

Тереза

Так что же?

Эммануил

(подумав)

Я, кажется, буду, как твой баран, —
Собиратель стада и формовщик.

(Молчанье. Протяжный звон колокола.)

Уже без четверти двенадцать бьет.
В путь пора, я отдохнул.
Кромдейрское сердце наверху...

(Подымается.)

Но я спускаюсь из года в год
По крутосклонам, и долина меня манит.

(Улыбается.)

Ты с горы меня сманила, Тереза.

(Молчанье.)

Когда я на горной площадке гоняю табун,
Я невольно спускаюсь пониже, сюда.
Ах, мне трудно здесь, мне недужно,
Как лисе, заманенной в капкан.

(Долгое молчанье.)

А мне бы вырвать тебя наверх!

Тереза

Полно баять, полно баять, —
Я совсем не кромдейрка.
Кто я? Бедная лоссонка
И — орел или малиновка —
Я не горная жилица.

Эммануил

Это правда, а не выдумка.
Без тебя — хоть удавиться.

Тереза

Вот так раз — ишь рассмешил:
Нашел дурочку, краснобай!
Скажет еще, что ради Терезы
От монахов удрал: какой любезный!
А еще проповедник!

Эммануил

Ты послушай,
Какие мысли мне спать не дают:
Скоро ты станешь мне насущней хлеба;
За тобой, скрепясь сердцем, я сойду с гор,
Приду к отцу и матери-старухе;
Скажу: у вас дочка — мне нужна жена!

Тереза

(глядя ему прямо в лицо)

Говорят, что в наши дела девичьи
Никогда не мешался Кромдейр.

Эммануил

Неужели, Тереза?
Кто говорил?

Тереза

Я у матери спросила, она мне сказала.

(Молчанье.)

Да о чем говорить: ни за что на свете
Старики не отпустят дочку в Кромдейр.

Эммануил

Значит, был разговор, Тереза?

Тереза

Быть может.

(Молчанье.)

А я ведь посватана, чуть-чуть, немножко,
Кое-кому, кого ты не знаешь,
Если тебе не наболтали только.

Эммануил

Нет, не слыхал.
Впрочем, мне что за дело?

(Молчанье.)

Тереза

Вот ты как — глазом не моргнул.

(Молчанье.)

Видно, все влюблены в тебя девчонки.
Наверху — ждут тебя, не дождутся!

(Молчанье.)

И уж, наверно, ни одной дурнушки
Не сыскать в хваленой вашей деревне.

Эммануил

(изменившимся голосом)

Тереза, нам нужно сговориться:
Ты должна меня слушать, а не смеяться,
А потом держать язык за зубами.

(Сначала запинается, потом тихо, неуверенно и срываясь.)

Мучит нас в Кромдейре один изъян.
Мы — исконный народ самцов.
Урожайный или не урожайный год —
Мальчиков много, а девочек недобор.

Тереза

Я не знала, верить мне или нет —
Мало ли что про вас говорят.

Эммануил

А по-моему, в этом скрыт намек,
Что Кромдейру властвовать — рок.
Глубоко коренится суть вещей.
Кромдейр всегда вниз глядел.
Припадал к долине и видел в ней
Для себя рассадник дочерей.

(Воодушевляется.)

Но отвращенье выклянчивать нам
Для себя вразбивку будущих жен.
Поглядел бы я, как наши молодчики друг
за дружкой спускаются с гор,
Гладко выбритые, причесанные, сердечком
губы сложив:
— Батюшка, коньячку не хотите ль, не хотите ли,
матушка, табачку?
Нет.
Времена переменились, и Кромдейр уже не тот,
Но из старинных вольностей кой-что он сберег.

(На мгновенье умолкает, Тереза вглядывается в него.)

В Лоссоне, на ярмарочном хороводе,
Ты не будешь?

Тереза

Нет... я надеюсь быть...

Эммануил

(медленно)

Ты придешь, ты там будешь, Тереза,
Ты глазами наметишь меня в толпе;
Не удивишься там ничему, Тереза,
Не испугаешься, на дрогнешь!

Тереза

Как вещун говоришь ты
Глухим голосом.

(Он хранит молчанье и кажется рассеянным.)

Знаю.
Ты хочешь меня испугать.

(Молчанье.)

Я должна знать всю правду.

(Молчанье.)

Ты хочешь проучить молодчика?

Эммануил

Какого молодчика?

Тереза

Ну... молодого человека,
С которым я помолвлена... немножко.

(Быстро.)

О, ничего серьезного, просто
Отец придумал — и только всего.

Эммануил

Но, прежде всего, ты его не любишь.

Тереза

Ты почем знаешь?

Эммануил

(Молчит несколько мгновений, погрузившись в какую-то мысль. Потом вдруг вскрикивает.)

А, это справедливость!
Двадцать племен слетели с четырех ветров
И свой шатер разбили пред Кромдейром,
Чтобы выбить из седла хозяина земли.
Но за нами ответное право и возмездье
В первоначальной чистоте нас пожирающей крови.
Хорошо, когда любящая жертва веселит себя согласьем.
Спору нет.
Но Кромдейр подождет.
А согласье придет не сегодня, так завтра.
Кромдейр когтит так сильно
Чужую, дорогую плоть,
Что прозрачным соком рябиновки она течет
у него в жилах.

(Тереза глядит на него с некоторым страхом. Он подходит к ней.)

Тереза, на тебе кромдейрское тавро.
Отлучи себя понемногу от лоссонских деревень,
С их запутанной жизнью по указке землемера.
Воспитай свою волю для родины с кряжистой выей,
Для земли, взошедшей опарой, как королевский пирог,
И для радости нашей, что свистом питается горным.

Тереза

(внезапно разрыдавшись)

О, ты злой. Ты сильнее меня!
Я только бедное дитя.

(Продолжает рыдать.)

Но за меня постоят.

Эммануил

(тихонько лаская ее плечо)

Нет, Тереза, готовься и жди.

Долгое молчание. Тереза бесшумно рыдает, затем понемногу успокаивается. С колокольни доносится полуденный звон, наполняющий всю долину. Эммануил выпрямляется и прислушивается.

До чего вы солнечный народ —
Ваши колокольни по солнцу звонят.

(Молчанье.)

Не по солнечным часам мы живем.
Мы — другие:
Нас больно томит
Смена лун. Три лунных перемены:
Как луна выходит на подножный небесный корм,
Как откормленной телкой потягивается потом,
А потом, голодая, идет на ущерб!
Я боюсь: у вас в колоколах
Я почти отреченье от родины пью.
О чем вещает их чудный звон?
Когда ветер, заряженный ими, плывет в горах,
Во мне просыпается тяга блаженных долин.
Мое сердце уносится, как ячменное зерно,
Туда, где Лоссона нежная на отлете равнин,
К черепицам красным Грива и к свайным мостам —
Туда, где Пюи на солнцепеке в виноградных
зеленях.
В Лоссоне колокола звонили,
Когда я уходил в монастырь.
Бывают такие деревни-шалаши,
Что звонят в своей горной тюрьме,
Чтобы доказать свое существованье.
Приходилось тебе слышать о Беаже,

Одиноком стороже своей земли?
Я знаю: один человек
Пробирался в грозу через лесные кряжи
И разрыдался, как ребенок,
Услышав заглушенный, с подветренной стороны,
звон:
Что не пыль Беажа у него на башмаках,
И что не бросил он свой очаг,
Свою постель и жену с детьми
На попеченье колокола в Беаже.
А зимой гудит на Большой Сосне
Колокол, как мохнатый шмель,
Пробиваясь сквозь сон и метель.
Наплывая на горную скатерть,
Пешехода целует в лоб,
Или, как ослабевший ветер,
Тихо ложится в сугроб.
Бесколокольная деревня Кромдейр,
Но на стропила звонницы втянуть
Наш мастер Яков колокол хлопочет.
Не нужно нам! Не нужно нам!
Мы никого к себе не зазываем.
Молчит Кромдейр, насторожившись,
Оседлав скалистого коня.
Кромдейр ждет, стиснув зубы,
Когда его голос созреет для крика.
Это не будет протяжный звон —
А скорей пороховая вспышка,
Раздирающая недра земли.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Внутренность дома в Кромдейре. Дом — очень старый и как бы оголенный. Большой очаг. Слева — оконце, выбитое в плотной стене. Немного света лишь в центре комнаты. Клочья соломы валяются на полу, спаянном со скалой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ (и единственная)

Мать Агата и маленький Жак. Посреди комнаты мать Агата сидит в соломенном кресле, повернувшись к оконцу.

Мать Агата

Где ты, Жак, где ты, внучек?

Маленький Жак

(В руке у него ореховая палка.)

Бабушка Агата, я здесь.

Мать Агата

Подвинь мне грелку
И соломенную вынь затычку
Из отдушины, что свет мне застит.

(Маленький Жак пододвигает грелку и, взобравшись на табурет, вынимает заслонку.)

А теперь чуточку присядь.

(Ребенок берет скамеечку и хочет примоститься справа возле старухи. Она останавливает его движеньем руки и показывает на другую сторону.)

Не сюда, сам должен знать.

(Ребенок усаживается. Мать Агата подставляет ему ухо.)

И расскажи, как уехали верховые.

Маленький Жак

Все уехали, бабушка Агата,
Все уехали, вскочив на лошадей.

Мать Агата

В котором часу?

Маленький Жак

По-моему, в десять.

Мать Агата

А где же они сговорились встретиться?

Маленький Жак

У водопоя, на водокачке.

Мать Агата

А было ли их пятнадцать?

Маленький Жак

Ну, уж конечно.

Мать Агата

А ты считал их, внучек?

Маленький Жак

Нет, бабушка Агата:
Я считаю только до десяти.

(Молчанье.)

Мать Агата

Ох, как дует из-под двери!
Подложи, внучек, в щель соломы!

(Маленький Жак встает, собирает немного соломы и засовывает ее под дверь.)

Маленький Жак

(кончив возиться)

Всего осталась горсточка, охапка.

(Снова садится на свое место.)

Мать Агата

А большая куча народу
Поглядеть на них пришла на площадку?

Маленький Жак

Ах, бабушка Агата! Умора!
Симона старшего лошадь
Чуть кубарем по земле не покатилась.
А он все ложился набок.
А потом...

Мать Агата

Да много ли ты видел народу?

Маленький Жак

Нет, бабушка Агата.

Мать Агата

А ты припомни!

Маленький Жак

Я видел, много людей стояло
И на высокой стене и на лесенке,
Но на лужайке никто не стоял.

Мать Агата

Видел ли ты Эммануила?

Маленький Жак

На высокой стояли стене
Старейшины и махали руками —
Дидье и Фульгентий рядышком.
И все к нему протягивали руки.
А еще там стояли на лесенке
Женщины и быстро, быстро говорили
И все цеплялись за камни,
Чтоб не поскользнуться, не полететь кувырком.

Мать Агата

А Эммануил, что он там делал?

Маленький Жак

Это он схватил за уздечку
Старшего Симона лошадь.
Потом пришел дедушка Ансельм
И с высокой стены говорил речь.
Я держал сам стремя, бабушка,
Когда Эммануил садился на лошадь.
И все они уехали вместе,
Напылив на дороге.

(Молчанье.)

Эту палку, бабушка Агата,
Мне подарил Эммануил.
Не правда ль, хороша палка?

(Мать Агата с жадностью схватывает палку, которую ей протягивает маленький Жак.)

Если хотите, я вам одолжу ее, —
Но вы мне вернете ее, бабушка Агата?

(Мать Агата долго безмолвствует. Черты ее лица и взгляд 'разительно меняются.)

Почему вы так долго молчите?

'Мать Агата опускает веки. Она исполнена какого-то немого волненья. Наконец она начинает говорить, вначале голосом слабым, идущим издалека, с долгими паузами.

Мать Агата

Они остановились; кругом деревья, как трубы органа.
Большой замшелый утес прорезался из земли,
В отраженьи воды мнутся кисти рябины,
И крупы лошадей дымятся, как испарина ручья.
Какая прелесть этот жаворонок с трепещущим горлом,
Что на вершине бука гомозится и поет!
О, как мужские лица, побледнев, похорошели,
И как особенно бледен и светел Эммануил!
Сквозь густой покров листвы
Хороводы из Лоссоны, —
Плеск и шарканье башмаков,
Девичий крик, девичьи стоны;
И волынки разговор:
То туда, то сюда,
Как головка саламандры,

И лукавых мыслей рой
Улетает в воздух бандой.

Маленький Жак

Но я не вижу ничего,
Бабушка Агата. Покажи мне,
Я хочу на жаворонка поглядеть,
Я хочу волынщиков послушать.

(Молчанье.)

Мать Агата

Кое-кто прошел вперед
И втираются в Лоссону,
И улыбка во весь рот,
И по-ярмарочному ходят.
Вот они, лисички мои, бродят.

(Берет ребенка за руку.)

Слышишь, как Эммануил рассмеялся?

(Молчанье.)

Маленький Жак

Ничего я не слышу, бабушка Агата.

(Молчанье.)

Мать Агата

Разливается молочный свет.
Кажется, большое пламя
Из разбитой брызжет лампы.
Это сердце Эммануила,
Это горит Эммануил.

(Вдруг умолкает и учащенно дышит.)

О, какой неожиданный сдвиг!
В смуте лиц не могу разобрать, —
Бьет в глаза слишком белый свет...
Есть горючих чувств порошок,
И трещит, сохраняясь, страсть,
Как щепотка соли в огне.

(С возрастающим подъемом.)

Хороводы? Их нет, —
Им свернули шею.
Волынки? Беда!
И балы уже не воркуют...
Волосатая рука
В голубятнике шарит.
Как, скажите, пройдет
Эта обида Лоссоны!
Но все подхватил смерч,
Все рванулось, все двинулось.
Лошади! Жак, внук!
Разве ты не видишь: лошади!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Большая комната в доме Элье. Громадные стены. Мебель, утварь, форма и цвет каждой вещи указывают на родовитость, силу, изобилье. И, однако, нет ничего блестящего, бросающегося в глаза. Всему дает тон скала, служащая полом. Единственное окно — довольно узкое, но много ясно различаемых дверей.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Элье, Эммануил, Тереза, мать Эммануила.

Занавес открывается, когда в комнату входит Тереза, растрепанная, простоволосая, рыдающая. Эммануил поддерживает ее и ласково успокаивает. Элье держится вначале в стороне, в глубине комнаты. Мать прядет.

Эммануил

(к матери)

Дайте ей посидеть у огня.
Подвиньте большое плетеное кресло.

(Усаживает Терезу и ждет возле нее, чтобы она успокоилась.)

Ты еще плачешь, Тереза?
Не хочешь со мной говорить?

(Матери.)

Мать, коза привязана в стойле,
Схлопочите нам парного молока.

(Мать Эммануила берет крынку и выходит.)

Тереза
(плача)

Что на вас нашло?
Я думала, они нас всех убьют.
Пустите меня, откройте дверь, —
Дайте мне вернуться домой.

(Молчанье.)

Я не хочу оставаться здесь, —
Иль будут меня силком держать?

Эммануил молчит. Входит мать Эммануила и ставит возле Терезы крынку молока и жбан. Эммануил наполняет его. Мать смотрит на них с молчаливой улыбкой. Потом она делает знак мужу и выходит через другую дверь, нежели в первый раз.

Эммануил

Пей молоко.

Тереза
(спокойнее)

Я не буду пить.

(Молчанье.)

Вы яду могли подсыпать в него.
Может статься и это с вас.

(Эммануил делает глоток и снова протягивает ей жбан.)

Я от вас ничего не приму.

Эммануил

Выпей немного молока, Тереза,
Лучшего тебе нигде не найти:
Вкус у него горной полыни
И пенится оно, как поток.

Тереза

Нет, только чуть-чуть пригублю.

(Она пьет. Молчанье. Она озирается вокруг.)

Куда вы дели моих подружек?

Эммануил

Для каждой теперь открылся
В Кромдейре надежный дом.

Они сидят у огня в креслах,
И пестуют их, как тебя.

Тереза

Я видеть хочу их.

Эммануил

Ну, конечно...
Завтра... и вообще... всегда.

Элье

Малютка, не нужно, не плачь,
Брось страхи прясть.
Грубые кромдейрские ухватки
Ошарашили тебя:
Но таков уж обычай наш, —
В народе могуч и жив.
Не нов твой отчаянный трепет;
Тот же самый вкусила опыт
Прабабка твоя,
И сто лет назад просохли слезы,
Которыми ты плачешь в три ручья.

(Молчанье. Тереза все еще плачет, но уже тише.)

Одни только парни-ублюдки
Улещивают, обхаживают девок;
Нам так поступать не свычайно —
На крутых дрожжах наши свадьбы:
Мы путь к браку расчищаем дубинкой
И мостим его кулаком.

(Молчанье.)

Будешь ты кромдейрская дочка, —
Нечего тебе, девушка, плакать.

Тереза

Значит, сын ваш возьмет меня в жены?

Элье

Да, дружок, по большому чину,
При старейшинах и всем народе;
Даже — в свежеосвященной церкви, —
В честь таких прекрасных гостий,
Нежных полонянок Кромдейра!

Тереза

Беспоповская ваша церковь —
Без священника не бывает свадьбы.

Элье

Нет у нас ни в чем недостатка, —
Есть священник и вино для обедни,
И вина особенно много, крошка.

(Элье и Эммануил хохочут. Элье смотрит на невыпитый Терезой жбан молока и полную крынку.)

Я вижу, невестка молока не любит, —
Добрый знак: в ней что-то кромдейрское бродит...
Бог дал молоко для младенцев и старых дедов.
Мы чтим старейшин древних, не стариков по крови;
Молока не оспариваем у грудного народца.

(Смеется. Берет с полки кувшин, потом три больших стакана и ставит их на стол; выплескивает остаток молока из жбана, продолжает говорить.)

Ты попробуй, невестка, какое вино у нас:
Это не виноградное, хотя на купеческих мулах
Виноградную выжимку осенью нам шлет Обенас.

(Наполняет стаканы.)

Это старинный настой — старше библии, — жгучая смесь;
Он мудреный — разглаживает морщины.
Выпьешь — отца и мать позабудешь, в родной заблудишься деревне.

Тереза

Не забуду, молчите, не хочу забывать их!

Элье чокается с Терезой, которая решается взять стакан. Потом с Эммануилом. Они пьют.

Элье

Пейте вместе, — ставлю на стол кувшин.
Я еще вернусь поглядеть, хорошо ли
Вы спасаетесь, дочь моя и мой сын.

(Выходит из комнаты.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Тереза и Эммануил.

Тереза осушила стакан и кажется немного оглушенной.

Тереза.

Это и есть ваш дом?

(Она долго глядит вокруг себя.)

Эммануил

Он самый.

(Показывает на стену, в сторону окна.)

Позвоночник деревни — один из стержняков.
Здесь бывают камни непомерной толщины —
Кулак отскакивает и в толще вязнет звук.
Не для себя одних мы взгромоздили эту стену:
Это общинный щит, одежа и броня народа.
Да, наружная броня против ветра, снега и стужи.

Тереза

Но куда ведут все эти двери?

Эммануил

Эта вот — в конюшню,
Эта вот — к нам наверх,
Эта вот — к Сабасам,
А эта — к Аньяну,
Старшему сыну Кристины.

Тереза

И так просто вы к ним заходите?

Эммануил

Ну да, мы свободно входим друг к другу,
Мы не привыкли мокнуть под ливнем,
Покуда щеколду с звоном
Сдвинет заспанной рукой сосед.
Живой общительностью вся изрыта,
Вся проникнута кромдейрская толщь.

Тереза

О, как мне не по сердцу это:
Низколобые двери глядят на меня.

(Задумалась.)

Значит, нельзя ключ повернуть в скважине,
Довериться прочным, глухим стенам?
Значит, я одна останусь в комнате,
А кто-нибудь вдруг сюда войдет?
Мнится, можно, ткнув мизинцем,
Продырявить каменный — нет, паутинный! — дом!
И снаружи хлынет на вашу голову
Целый ушат холода и беды.

(Вздрагивает.)

Эммануил

Ты так думаешь, моя чужая дочка,
Ты заранее не трепещи.
Скоро, скоро ты у нас освоишься,
Будешь с нами радость делить и очаг.
Ты полюбишь эти смежные двери,
Ты полюбишь этот длинный коридор,
Эти своды, эти темные закуты
И нежный порхающий сквозняк,
Уже ничем не похожий на ветер,
Не коробящий гусиной кожей холодок,
Но близкий и домашний свидетель,
Как дыханье короткое сна.

Тереза
(все еще дрожит и всхлипывает)

Ни за что, ни за что на свете
В этом ужасе я не буду жить!

(Долгое молчанье.)

И потом какой противный
От очага несется дух.

Эммануил

Это запах жженого навоза, —
Мы всю зиму топим кизяком

(Молчанье.)

Мы лопатой его снимаем с выгона,
Каждый год по началу летних дней,
И слоим на солнце кучей,
Как могилу, как алтарь.

(Указывает на очаг.)

А вот здесь он горит, потрескивая,
В долгие зимние, Тереза, вечера.
Много дыма от него и легкий треск.

Тереза

Но отчего вы не жжете дерево,
Как поступает весь божий люд?

Эммануил

Дерево? Оно идет в подспорье
Мастеру Якову, чтоб церковь тесать.
Ведь у нас только краешек леса —
Все наперечет именные стволы,
Словно козочки размечены по кличкам.
И драгоценная эта вязанка
Здесь пылает лишь в твою честь.

Тереза

Значит, я пропахну тоже
Перегаром жженого навоза?
Стыдно будет в люди показаться.

Эммануил

Что же тут худого, малютка?
Иной человек пахнет конюшенной прелью,
А другие пахнут творогом.
Неужели нам краснеть и стыдиться,
Если мы землею нашей пахнем?
Это ведь ее всамделишный запах,
Это — сенокосная испарина июля,
Когда землю мучит высокое солнце,
Прославляемое звоном ваших колоколен.

Тереза
(после долгого молчанья)

Все равно, здесь жить не смогу я.

Эммануил

Но совсем не здесь мы будем жить сначала.
Наш отец Элье нас переводит
В светлый дом, на выгоне в Мезене:
Это — целое царство и больше, чем деревня.

(Тереза насторожилась и просветлела.)

Послушай: большое низкорослое жилище

Глубоко осело в степной котловине;
И широкая, приземистая крыша, навесом
касающаяся земли,
И одно-единственное дерево, ветвями опутавшее крышу,
А вокруг, насколько хватает глаз,
Лишь прошлогодняя трава, стриженная под гребенку.
И густые заросли волохатых кустарников —
Весь широкий простор, уходящий в ничто.
Ни намека, ни признака межи или вехи.
Кой-где камень засел, кой-где тополь растет.
В сентябре наплывают медленные туманы.
Ты — один, как разметавшийся во сне человек,
И вдруг выскакивает и мчится в тумане
Бесшумный жеребенок, несущийся дичком.
А после падают снежные хлопья,
Нежный снег к полудню тает совсем,
Оставляя росу на игольчатых травах.
Но однажды октябрь велит ему оставаться.
Глохнет жесткий ковер травы, глохнет черный луг,
И скуластые камни, и волохатый кустарник.
Новой корой набухла земля, обновляется очерк вещей,
Словно кожу меняет линючий зверь,
И земле не уступит в прочности первозимняя кора,
А сияньем она небесной тверди равна.
А там и дом запорошит. Разгребают
Кой-какую дорожку под ступеньками крыльца,
И растут и наваливаются стены сугроба.
А там пойдет ночная пороша.
Ночь переспав, выйдешь в сени
И только рукой махнешь на лопату.
Нужно подпорками заставить двери:
Наверх перекладину, вниз перекладину,
А две другие с упором в землю —
По одной на каждую створку окна.

Тереза
(наполовину улыбаясь, наполовину трепеща)

Ты хочешь меня в тюрьму упрятать?
По горло в снегу, на Мезенской горе?
Да я умру, Эммануил!

Эммануил
(еще ближе подходит к ней)

И так уединенно дом отмалчивается в пустыне,
Что если на сто локтей в подполье уйти,

Лишь расслышишь, как внутренний ключ лепечет
И бесконечно журчит в щели гранитных пород.
Вот когда гулять душе от кухни до конюшни.
На прокопченных крючьях качаются под черным
потолком
Окорока, сырные круги и сало — шестимесячный
припас;
Связки колбас привешены к нёбу очага;
Хрустящим, мерзлым картофелем кладовый ларь забит;
Два дубовых комода хранят в порядке тысячи плодов;
Мешки с мукой рассыпчатой закинуты на чердак,
И сарай напихан сеном до слухового окна.
Дом тогда наполняется живым конюшенным теплом,
И вода течет между пальцами, теплая, как овечья шерсть.
Только через высокую отдушину едва просачивается день
На уровне дерева, куда снег не достает;
Эта узкая пробоина, щель, глубокая, как ручей, —
Свет через нее процеживается, как затея богача,
И его лучи скупые благодарный глаз бережет.
А вечером лампы пузатой
Гудящий круг на столе,
Пока не осилит дрема.
Сами постели заделаны в деревянный короб стены
И проложены вглубь, как ходы насекомых в дупле
старинного дерева.
В них размывчивый сон опьянительней чем где-либо
И свободнее от земли и внедреннее в мир небожителей.
Дрема, Тереза, и сон.
Дрема и любовь.

Он целует ее в волосы, потом выпрямляется и прислушивается. Глухой шум, голоса за стенами жилья. Кругом растет волненье и приближается. Внезапно дверь от Сабасов и дверь от Аньянов разом распахиваются.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же, Элье и несколько кромдейрских парней.

Парни врываются в комнату разом в обе двери. С ними Элье.

Парни

Эммануил, Эммануил!
— Поди сюда!
— Ты нам нужен!

— Недомерки собрались внизу.

— За ними пешком увязались парни.

— Вон они лезут всей оравой
По тропинке на подъем в Дируоль.

— Лезут драться из-за девчонок!

— Поскорее! Поскорее!

(Тереза в страхе забивается в угол комнаты и прижимает руки к груди.)

Эммануил

Где они там?..

Парни

— За четыреста шагов от перевала.

— Наши ребята все начеку.

— Нужно встретить их в каменья,
До того как сравняются они с грядой.

Эммануил

Я иду.

(Он подходит к Терезе и сжимает ее руки.)

Тереза

Боже мой, куда вы?
Эммануил! Эммануил!

(Он отрывается от Терезы.)

Элье

(громким голосом)

Выбирайте, детки, покрупнее камни
Да спустите с привязи собак.
Пусть Кромдейр рассвирепеет:
Мы готовим вам славный зверобой.

(Парни шумно выходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Внутренность новой кромдейрской церкви — строгая нагота. Архитектура напоминает старинные церкви в Велэ. В диком орнаменте стен — мощь и огонь Кромдейра. Алтарь о шести ступенях в виде жертвенного камня. Соломенные сиденья. Скамьи.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Совет старейшин. Старейшины разместились полукружьем у подножья алтаря на соломенных сиденьях, в том же порядке, как во второй картине второго акта.

Дидье

Радостной вестью делюсь с вами:
Наши парни, с поддержкой собачьей своры,
Орудуя круглыми камнями,
Деревенским дали по шапке.
Умыканье в тысячное новолунье
Увенчалось видимым успехом,
И пятнадцать требуемых девок
В нашу кровь претворятся без помехи.
Мы еще займемся напоследок
Брачной канителью для Парижа,
Но покуда нам необходимо
Брачующихся освятить обрядом.
Ибо эта девичья добыча
До конца останется за нами.
Лишь пролив на наших полонянок
Сок могущества и сок веселья,
Мы срастим их с мясом Кромдейра,
Чтобы им вовек не оторваться
От земли, чтоб цепкими руками
За нее они держались сами.

Элье

Вы сказали, как мудрый староста.
Вот что нужно нам, Дидье,
Поначалу обсудить.
Установим праздничный чин.

Дидье

Церковь есть, но священника нету.
Что вы скажете, отец Ансельм?

Ансельм

Мы — старейшины в народе,
А наше рожденье еще не просохло
У вчерашнего дня на губах.
Здесь бы нужен люд старинный,
Чтобы в них полыхал еще Кромдейр.

Дидье

Где же мы таких отыщем?
Или вы у нас не самый древний,
Многопомнящий старик?

(Долгое молчанье.)

Ансельм

Я хочу услышать Эммануила.

Жеро

Эммануил сейчас на дороге,
Он с товарищами играет
В какую-то детскую лапту.
Давеча, когда сюда входил я,
Они смеялись и кричали все зараз.

Ансельм
(к Дидье)

Позовите его сюда.

Дидье подходит к Фульгентию и посылает его за Эммануилом. Фульгентий уходит. Минутное молчанье.

Готьен

Ансельм, если мы новички зеленые —
Чего же от мальчика ждать?

Ансельм

Эммануила выслушать впору нам.

Молчанье. Появляется Эммануил в сопровождении Фульгентия, который ему что-то горячо втолковывает.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Эммануил.

Эммануил
(еще смеясь)

Привет старейшинам Кромдейра!

Ансельм

Сынок, нам хочется сыграть прекрасный свадебный обряд,
Чтоб изъявил господь согласье на девичий полон,
Но мы не умеем... Мы начисто ничего не помним.

Эммануил
(стоя в полукружьи старейшин)

Что же вы забыли, дедушка Ансельм?

Ансельм

Старую погудку Кромдейра.

Эммануил

А обычай Пюи вам разве плох?

Ансельм

Для кого хорош, а нам — противен.

Эммануил

Где же нам припомнить, дедушка Ансельм,
Если вы сами забыли все,
Если в земле рассыпались косточки
Тех, кто раньше вас стариковствовал.

Ансельм

Кромдейр-старик еще жив
И не смешался с трухой,
Он еще корежится и стоит;

Над быть, он только припрятал
Старинную память своих лет.
И, когда я вызвал тебя к ответу,
Я знал, что ты-то помнишь больше, чем
какой-нибудь дед.

Эммануил

Если так, я вам скажу:
Позовите бабку Агату.

Готьен

Бабку Агату! Вот человек,
Который помнит бабку Агату.

Эммануил

Дедка Ансельм, она старше вас:
Между вашими рожденьями поместится семилетка.

(Умолкает, потом опять говорит.)

Вы забыли, какие у нее чудесные виденья?
Пространство и время не властно над ее душой.
Она глядит сквозь мир, как сквозь наслоенье
прозрачных толщ,
И в прошлое входит непринужденно, как мы в
свой дом.
Череп ее хранит нерушимо все, чем некогда жил
Кромдейр.

Дидье

Хорошо, но как она сюда доковыляет?

Эммануил

Мы поднимем ее с креслом и принесем.

Совет безмолвно соглашается на предложенье Эммануила. Долгое молчанье.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же, без Эммануила.

Ансельм

(очень медленно)

Не нарадуюсь я на воспитанника:
Он моложе щегла,
Но мудрость старая, испытанная
На него снизошла.
На плеча к нему садится
Сам кромдейрский бог.
От него исходит дар врачеванья
И чудесный ветерок наитья
За бабкой Агатой его послал.

(Умолкает, потупив голову. Потом разражается смехом.)

Дидье, мы жили до отказу!
Пора подумать о передаче власти
В молодые — из наших узловатых рук.
Мы вытянули Кромдейр
Из отвратительной трясины,
Но не нам, а другим подобает
Править руль новых времен.

Дидье

(кивает в знак согласья, потом обращается к Фульгентию)

Что-то долго не видно Эммануила.
Фульгентий, встаньте на дозор.

Фульгентий встает и направляется к выходу. Он исчезает. Слышен его голос.

Фульгентий

Я ничего не вижу.
Я слышу хохот.

(Долгое молчанье.)

А, наконец-то он показался
И бежит сюда на резвых ногах.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Те же и Эммануил, потом бабка Агата, с нею люди из Кромдейра.

Эммануил
(вбегает, смеясь)

Я застал мать Агату смеющейся и отдыхающей на солнце;
С нею рядышком Антон — ее внучатый племянник —
Рассказывал ей, захлебываясь, про умыканье и
каменный град.
И как бабушка Агата слева не так туга на замшенное ухо,
Внучек к ней примостился с левой стороны.
Когда мы вошли, она весело притопнула
И встретила нас проклятьями — шутливыми и нежными.
Ей хотелось узнать, не продешевили ли, часом,
добытчики,
И хороши ли девушки, и дразнят ли лакомый вкус.
Говорила, что парни слишком часто малым
довольствуются:
Выберут себе личико, разглядев одни глаза,
И что нужно смотреть и на грудь и на шею,
И что в спокойной походке двадцатилетней девушки
Самое главное — разглядеть, как покачивается таз.
Мы порадовались ее старческой мудрости.
Вот и она сама.

Мать Агату вносят на кресле трое юношей. Ее сопровождает женщина. Старуху усаживают среди собрания, которое она весело оглядывает.

Мать Агата

Ты здесь, Ансельм, мой младшенький?
К вам на собранье меня сынок привел, —
В чем же дело?

(Смеется.)

Дидье

Сами знаете, бабушка,
Как хорошо были нынче похищены девушки
И что церковь готова до последнего камушка.

Мать Агата
(оглядев спокойно стены, украшенья и своды)

Да, спасибо Якову, что на руках моих куксился,

Когда мать уходила на речку полоскать белье.
Этого самого Якова я кормила шлепками горячими.

(Обернувшись к нему.)

Ты рыгал молоком, чудак, и был крикун и плакса.

Дидье

Быть может, вы не знаете, бабушка, —
Нам в священнике отказано и отказано в обедне.

Мать Агата
(к Эммануилу)

На тебя мне люди добрые указали, мальчик:
Дескать, ты будешь священник, подходящий для нашей обедни.

(Подмигивает и смеется.)

Но, не потупив глаз своих, ты проходил намедни.

Эммануил

Не без этого, — винюсь, бабушка Агата.

Мать Агата

А еще, говорят, выхватил девчонку из Лоссоны.

Эммануил

Я вам ее, бабушка, приведу на смотрины.

Мать Агата

Где же тут «Отче наш» читать и «Четьи-Минеи»,
Если на руках обуза нежного ребенка.

(Смеется.)

Эммануил

Бабушка, как нам устроить свадьбу, —
Посоветуй нам брачный обряд.

Мать Агата

Чудаки! Подумаешь — спешка!
Но ваша правда, чорт возьми:
Кромдейр не любит мешкать.

Много, много потребуется ласк,
Чтобы тело холодных полонянок
В милых, теплых женщин превратилось.
Много радости и много смеха —
И с сегодняшнего вечера
К делу приступить не грех.

Эммануил

Вы не бойтесь: вы лучше скажите,
Где обрядчика мы найдем?

Мать Агата

Ах, бедный, бедный Кромдейр!
Нахлобучил на лоб свою церковь,
Разогнал чужих богов,
А своего найти не умеет.

(Трясет руку Эммануила.)

Дал Ансельм тебе немало уроков.
Я хочу тебя, сынок, доучить.
В солнечный день приходи посидеть
Рядом со мной на каменном пороге;
В прозрачных омутах твоего сознанья,
Яблоком сна отяжелив твои глаза,
Покажу тебе старинных людей собранья,
Как они кружились за руки под луной,
Как они на землю бросались ничком
И, вскакивая, хлопали в ладоши.

(Умолкает.)

Впереди стоят года, ждут, чтоб их прожили.

(Снова задумалась. Потом изменившимся голосом.)

Дитятко! Нечего время терять:
Собери немедленно парней и девушек,
И пусть приходит кромдейрский народ.

Эммануил и трое старейшин уходят — выполнить приказание матери Агаты. Снаружи слышны их голоса. Потом, внезапно — неизвестно откуда: гобои и волынки. Музыка крепнет. Отовсюду льются веселые и дикие звуки. В широко распахнутые церковные двери понемногу входят: пятнадцать лоссонских девушек во главе с Терезой, пятнадцать юношей с Эммануилом, разные люди, трое старейшин. Все размещаются в корабле церкви. Музыка становится властной, возбужденной и величественной.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же, девушки, юноши, люди из Кромдейра.
Музыка понемногу стихает.

Мать Агата

Вот они, нежные, все пятнадцать.
Кажется, выбраны хорошо:
Сколько я помню, в сырой долине
Розы еще не цвели так свежо.
Поговорим. Подойдите ближе.

(Девушки садятся.)

Мы вас не чествуем пышной встречей,
Сквозняк новоселья дом холодит.
Новый порядок придет с детьми.
И нынче в Кромдейре починка бога.

(Смеется.)

Трудное дело и кутерьма.
Скажут, что вы пришли невпопад.
Но, малютки, — да подвиньте же к ним мое кресло,
Чтобы я не брехала, как заблудившийся пес!
Вы оправились, надеюсь, от первой встряски.
К кромдейрским суровостям привыкнуть легко.
Нужно по нему равняться — у него старые привычки.
На нашей почве прорастает лишь мужественное зерно.
Раз внизу есть девушки — что нам делать? Нужно взять их!
Так было во времена, когда дрожали горы,
И раньше, чем ключами от веры стал звякать Рим,
До того, как возник Париж, многолюдный законник.
И верен себе старик Кромдейр.
Если б мы остались втроем на утесе,
И тогда б мы сохранили особую стать —
Нашу веру, нашу повадку, нашего бога.
Всех других стоит племя, вам открывшее свое лоно.
Ему принадлежала в незапамятные времена
Вся земля, доступная человеческому глазу.
И однажды оно вернется к славе своей.
Радуйтесь, нежные: ваши будущие дети —
Прямые потомки высоких отцов,
И мужья, обновители вашей крови,
Возвышают ее, зачиная детей.
Вольно вам привередничать и рожицы строить:
Вон та и вон эта смахнули слезу.

Подумать, вам грезился томный воздыхатель...
О, грубая неожиданность внезапного пробужденья
В шершавых руках и поперек седла.

(Умолкает и грезит мгновенье.)

Так и быть, расскажу вам забвенную повесть.
Я — последний обломок умыканий старинных лун.
Я жила в Прадетте, мне было пятнадцать лет.
Однажды, когда ярмаркой пестрел Монтусклат,
Глубоко и укромно запрятанный в скалах горной земли,
Ворковали волынки, щелкали ногами плясуны, —
Вдруг скатился к нам на голову конник Кромдейр,
Кромдейр, как лавина, как банда южных туч.

(Запинается.)

Дольше, чем вы, я плакала, трепетала дольше, чем вы.
Кто из вас полуребенок, пятнадцатилетнее дитя?
А теперь на меня взгляните, — я без примеси Кромдейр.
Муж вдохнул мне в тело обновленную жизнь;
Силой древней напитаны мышцы моих сыновей.
И покуда печеным яблоком не сморщилось мое лицо,
На меня ребятам показывали и приезжих водили
смотреть —
Кромдейра осанку вылитую, кромдейрских
женщин смех.

(Улыбается.)

А теперь, Ансельм, мой младшенький, станьте с
правой стороны:
Пусть голубки к нам подходят одна за другой.
Их ведут тихонько за руки страшилища-мужья.
Мы с тобой их поцелуем и всех благословим.

(Ансельм становится справа возле нее.)

Ты, Эммануил, первым подойди,
Смело покажи избранницу свою.
Будем ее чтить выше всех подруг.
Этого молодого учителя плоть,
Нашего избранника — милая жена.

Эммануил берет Терезу за руку и подходит с ней к матери Агате.

Как тебя зовут?

Тереза
(немного раздраженно)

Тереза.

Мать Агата

Покажись. Хороша.
Эммануил не ошибся.
И нежна, как пушок,
Нежная Тереза.
Дай, поцелую тебя.

(Медленно целует ее в висок. Тереза, наконец, улыбается.)

Видишь, она уже не плачет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Площадь совета, как во втором акте.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Люди из Кромдейра, в двух группах.

Первая группа
(выбегает слева на самую площадь, в то время как другая появляется в глубине проулка)

Три человека! Там лезут трое
Прямо на кручь, вдоль виадука!
Надо пойти сказать старейшинам!

(От кучки отделяется человек и исчезает между домами.)

Вторая группа

Три человека? Люди из деревни?

Первая группа

Чорт возьми!

Вторая группа

Запасемся камнями.

Лезем на стену.
Спустим собак.

Человек из первой группы

Вы не в уме! Неужели скажут,
Из-за трех человек Кромдейр бьет тревогу?

Другой, из первой группы

Три человека?

(Он протягивает руку влево к выходу на площадь.)

И того нет — взгляни-ка:
Троица — ребенок, старик и калека.

(К нему подходят другие и, образуя цепь, разглядывают пришельцев.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Группа людей из Кромдейра, Фома Пибуй с собакой, Хромой, ребенок, потом Элье и другие старейшины.

Фома Пибуй

(останавливается, вытирает лоб и обращается к спутникам)

Вот сюда.
Кто здесь уполномочен
От народа и от деревни?

Человек из первой группы

Немного терпения, люди из Лоссоны, —
Вы найдете, с кем договориться.

Новоприбывшие подходят к группе. В глубине площади показываются четверо старейшин. Группа расступается перед ними надвое.

Фома Пибуй

(очень громко)

Я хочу говорить для начала
С дедушкой Яковом, что строил церковь,
И с Элье, отцом Эммануила.

Услыхав, Яков и Элье выходят вперед, а остальным подают знак отойти.

Элье

Фома Пибуй, говори, в чем дело.

Фома Пибуй

(горячо)

В чем дело? Знаете сами.
Я нож оставил дома, не поднял камня, забыл палку.
Для ровного счета нас три человека —
Троица: старик, ребенок и калека.

Элье

Фома Пибуй, мы умеем слушать.
Сядьте сюда, наберитесь дыханья,
Приготовьтесь говорить. Вы найдете благоволенье.

Фома Пибуй

Элье! Я не питал к вам враждебного чувства.
Вы меня называли товарищем и кумом,
И вы, Яков Тергез, кирпичных дел мастер,
На Риульском поле вы брали мой песок,
Когда чуть шевелилась на фундаменте церковь.
И собака, что вот ерзает и нюхает воздух,
Осматривает землю, как будто родину узнает,
И каждая межа земли ей друг старинный, —
Вы мне сами ее подарили в лучшие времена.

Элье

Я без лести скажу — из всех деревенских
Вас почтил уваженьем кромдейрский народ.
Ваш приход нам приятен, Фома Пибуй.

Фома Пибуй

(помолчав)

Гм! Ваши дети скатились на ярмарку в Лоссоне,
Растолкали музыкантов, опрокинули хоровод,
Пятнадцать девушек, самых лучших, подняли на седла и рванулись назад.
Наши парни за ними, отбить полонянок.

Вы же заняли для встречи высокую крепь,
Оглушили их каменьями, затравили их собаками.
О, печаль! Я видел возвращенье побежденных!
Сколько доброго мяса изодрано в клочки!
О, печальные сгустки крови в полосах и на куртках!
Наши парни решились на правильный ход, —
Вы их ткнули ногой: они зашипели.
Я нимало не думаю перевязывать раненых:
Самый лучший врач — здоровая кровь...
Но можно ли кончить на полуслове?

(Оба старейшины приблизились.)

К доброму сердцу старейшин пусть дойдет моя речь.
Там, в долине, родители бьются в слезах,
Дряхлые родители, кум Элье.
Ваши ровесники, Яков Тергез.
Бормочут и плачут, как по смерти зовут
Свое лучшее благо, свой дочерний клад!
Даже я, бездетный сухой бобыль,
С ними, стариками, сейчас заодно
И готов разрыдаться, глядя на них.

Элье

О чем они плачут? И вы, Фома?
У нас веселье: Кромдейр — именинник.

Фома Пибуй

Элье, что вы сделали с вашими пленницами,
Каким полотенцем их слезы осушить?

Элье

Откуда вы взяли, что девушки заплаканы?
Весь гудит Кромдейр, как улей, полный сот.
Мы пятнадцать свадеб сразу играем торжественно
И двойное уваженье и двойной почет.
Пышно взбитые перины ждут молодоженов,
И солнечная радость пробужденья впереди.
Мы бражничать будем еще сегодня;
Просим вас прийти на пирушку втроем,
Хотя гостеприимными у крестьян мы не слывем!

Фома Пибуй

Вы слишком любезны.

Покажите-ка лучше девчонок,
Хоть на минутку.

(Молчанье.)

Дайте взглянуть:
Я сумею выведать правду.

(Молчанье.)

Сами скажут, не таясь,
Чем довольны, чем недовольны.
Нечего обижаться тут.
Допускаю, каждая молвит:
«Да, мы нашли свое женское счастье.
Поцелуйте старых родителей —
Нечего им жалеть дочерей».

Элье

Мы даем вам эту поблажку:
Девчонки близко — рукой подать.

(Молчанье.)

Сбегай за ними, мальчик, живо!

Фома Пибуй

Будьте уж до конца любезны:
Отойдите немножко к сторонке —
Без свидетелей, с глазу на глаз,
Я хотел бы с ними говорить.

Молчанье. Элье размышляет, спрашивая взглядом остальных трех старейшин.

Элье

Хорошо, Фома: мы согласны.

Старейшины подымаются и уходят, уводя с собой людей из Кромдейра. Волынки. Подходят процессией пятнадцать девушек.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же, без старейшин и группы кромдейрских жителей; потом Тереза и девушки.

Фома Пибуй

Вот они, Хромой!
Вот они все вместе.

(Девушки размещаются в глубине площади. Фома подходит к ним.)

Красавицы!
Вас оплакивают горько.
В четырех долинах, в каждом доме
Нет человека, чтоб не сокрушался.
Плачут старики и маленькие дети.
Даже собаки грустными глядят глазами
И отворачиваются от подачки хлеба.
Каждый сочувственно разделяет
Вашу грубую долю, вашу обиду,
И многие парни, женихи-горемыки,
Презирая опасность, бросились в погоню.
Я видел кровь.
Щупал сломанные ребра.
Но висит закон и над Кромдейром:
Не бойтесь: криком изъявляйте волю!
Я стар и сед.
Но пусть убьют меня на месте,
Если, решив уйти, вы не уйдете!
Но вы молчите, вы боитесь. Тереза!

(Молчанье.)

Тереза, отвечай: ведь ты смелее всех!

Тереза

Что сказать вам, Фома Пибуй, не знаю.
Набухает сердце сырое
Соленым родительским горем.
Боже мой, скрипят ворота,
Плач стоит во дворах долины!
Тяжело, но лгать некрасиво:
Мы уже совсем не бедняжки
С тех пор, как нас взяли в жены.

19–192

Фома Пибуй

Тереза, вас взяли в жены?
Если так, то вор поженился
На кошельке, украденном ловко,
И волк женился на овечке!

Тереза

Нет, Фома, мы действительно жены,
И я жена Эммануила.

Фома Пибуй

А внизу матерей голошенье?

Тереза

Возвращайтесь. Именем Терезы
Осушите их слепые слезы.
Что бы начали они со мною мертвой?
Разве лучше рыдать над свежим дерном?
А еще, Фома Пибуй, скажите,
Что подруг оскорбили жесточе:
Ведь не всех выбирали свободно.

Фома Пибуй

Они им подсыпали зелья,
Хромой.
Это не наши девки:
Зелье им ударило в сердце
И отшибло у них всю память.

(Собирается уходить.)

Хромой

Все равно, Фома, попытайтесь!

Фома Пибуй

Нет, Хромой. Ничем не поможешь:
Они выпили вина колдовского,
Или сам Кромдейр — колдун и ворог.

Хромой

Разрешите мне на ваше место;
Я попробую с ними сговориться.

Фома Пибуй

Если хочешь быть осмеянным, пожалуй.

(Уходит с ребенком.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Хромой, Тереза и девушки.

Хромой

Красавицы, девушки, сядьте.

Девушки садятся. Иные сидят попарно на одном камне, обнявшись. Сам Хромой тоже садится, закрывает глаза и на минуту прячет лицо в ладонях, как бы мучительно собираясь с мыслями. Потом, полузакрыв глаза, с большими паузами, говорит.

Зеленеет дорога во рву
До сих пор в полях Ландриака.
Кромдейр, возьми мое сердце.
И зеленый орешник растет
На крутом повороте дороги.
Это горлинки жалобный крик,
Или небо меня зовет?
Кромдейр, вы со мной суровы!

(Лица девушек понемногу омрачаются.)

Ах, нас ждет не с вчерашнего дня
Вода серебрящейся плотины.

Тереза

(Грудь ее волнуется, она вздыхает.)

Хромой из Лоссоны, довольно!
Зачем ты хочешь нас мучить?

Хромой

Ты найдешь ли под корнем сосны
Прошлогодней сухой ежевики?
Потряси усыхающий клен,
Прошурши опавшими листами.

(Голос его понемногу крепнет.)

Нужно нам огромный костер
Разложить на середке пастбищ,
Чтоб до горных людей дошло,
Что не зябнем мы, а согрелись,
Чтобы в клочья майский туман
Разодрало горячее пламя.

(Девушки учащенно дышат. Они взволнованно опускают глаза.)

Тереза

Замолчи, Хромой, брось лукавить.

Хромой

(тихо, как бы никого не видя)

Дует ветер из Костаро, —
Ничего ему не нужно на дороге,
Но повозка полна до краев,
И, смеясь, мы садимся в лодку.
Дует ветер из Костаро, —
Не шелохнется озера гладь
Под заслоном глубокого леса;
Ни морщинки, ни складки на ней —
Только ветер на дальних деревьях.
Я домашнюю скрипку принес,
Чтобы вам поплясать на лужайке
Нежный танец. Приятный смычок.
И от озера шум еле слышный.
Дует ветер из Костаро.

(Тревога девушек возрастает, слышно сдержанное рыданье.)

Тереза

(взволнованно)

Пощади, жестокий хромоножка!

Хромой

Кромдейр — безголосый народ.

(Эммануил появляется в глубине площади. Его никто не видит.)

Что ты сделал с колоколами?
Где они, безголосый народ?
Дай-ка мне взглянуть со стены,
Сверху вниз, на круглую долину
И лоссонский говор поймать.

Тереза

(вся в слезах)

Эммануил! Эммануил!
Помоги мне! Сердце упало!
Защити нас от хромоножки!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же и Эммануил.

Тереза

Он с другого конца земли
Призывает любимые вещи,
Чтобы памятью мучить и жечь.
Ты скажи, что мы счастье найдем,
Что и он и колокол лгут.
Ты скажи, что не надо бежать.

Эммануил

А нельзя ли послушать мне
И под чары его подпасть?
Продолжай, хромоножка!
Как дальше?

Хромой

(не меняя голоса, не двигаясь)

Нежный колокол спозаранку,
Прозрачный, как роса, —
И немного тмину ягненку!

Нежный, колокол бьет семь раз —
Сосчитай шажки моего стада.
Десятины отцовского луга.
Захочу есть, захочу пить —
Как узнаю, если колокол не скажет?
И сумеет ли полдень встать,
Если солнце язык потеряет?
Кромдейр, где твоя колокольня?

Эммануил

(с подъемом)

Где колокольня?
Милые подруги!
Вы наши жены — в будущую ночь.
Она звонит во все колокола,
Без устали, с восхода до восхода.
Но хромоножка ничего не слышит:
Звучный гам — он внятен вам одним —
В глубокой тайне, как внутреннюю радость,
Для себя бережет свой звон Кромдейр.
Вы прислушайтесь, опустив ресницы,
Как ширится звучная волна вокруг.
Вот один, самый легкий и хрупкий —
Он поет не громче соловья.
Вот другой, чей звук льется гуще;
Вот еще один, как барабан.
Говори, хромоножка, что хочешь, —
Голос твой звучит издалека.
Можешь колокол качать, играть на скрипке
И в волынку можешь дудеть.

(Глаза девушек закрыты. Эммануил тихо продолжает.)

Хорошо вам, счастливые жены:
Вы отдыхаете под сенью пихт;
Как приятно щекочет пальцы
Хвойный навес золотистых игл.

(Девушки улыбаются.)

Гложет ветер бедное взгорье,
Но лес занавешен, как плотная кровать.
Хорошо в кромдейрской хвойной чаще,
Когда мезенский подует сквозняк.

(Голос его меняется.)

Я говорю вам: поддайтесь веселью.
Тягучим медом в вас входит Кромдейр.
Откройте мечтанья — и откройте вены,
Чтобы в них пролился огонь старинных лет.

(Девушки радостно оживлены. Эммануил подступает к Хромому. Говорит жестким голосом, не сводя с него глаз.)

А ты берегись, деревянный хромоножка,
Разозлить покровителя здешних высот.

(Хромой встает и пятится. Эммануил наступает на него.)

Если Кромдейру придет охота —
Эту гусиную дряблую кожу
Он на колодке своей разобьет.

(Хромой испуганно глядит на Эммануила и как бы прирос к земле.)

Словно чужие, недобрые гири,
Руки повиснут подвеском злым.
Тело твое загниет, почернеет,
Ты узловатой покроешься коркой,
Словно трухлявого дерева пень.
Это певучее гибкое тело
В низкий и злой превратится чурбан.

(Хромой роняет костыль, судорога пробегает по его телу.)

Эй! Берегися кромдейрского гнева,
Если хрупким дорожишь теплом
И перебоями розовой крови.

(Поднимает костыль и протягивает Хромому.)

Полно, успокойся! Дыши, как прежде!
Больно мне глядеть на побелевшие губы.
Только уходи без оглядки далече
И песни свои береги для овец.

ШАРЛЬ ДЕ КОСТЕР

114[2].

‹ИЗ РОМАНА «ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ»›

Часть 1

Из гл. XXVII. ‹ПЕСЕНКА ТИЛЯ›

Когда я вижу, что милая плачет,
Мое сердце болит.
Ее смех, как мед,
Ее слезы, как перлы.
И я вас прошу выпить
Доброго лувенского вина...
Я вас прошу выпить,
Когда Неле улыбается.

Из гл. LII. ‹НАДПИСЬ НА ИНДУЛЬГЕНЦИИ›

Будешь вариться в серной бурде,
Черти тебя поджарят;
Будешь шипеть на сковороде,
Гнус нечестивый, скаред,
Если не купишь в добрый час
Ты индульгенции у нас!

Из гл. LXVI. ‹ПЕСЕНКА ЛАНДСКНЕХТА›

Когда приходит месяц Манн
К своей подруге Зее,
Стакан горячего вина
Он выпивает с нею.
Она его уложит спать
На мягкую свою кровать,
Когда приходит месяц Манн
К своей подруге Зее.
И я с моей голубкой дружен,
Надеюсь на хороший ужин,
Когда приходит месяц Манн
К своей подруге Зее.

Из гл. LXXIX. ‹ПЕСНЯ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ ВЕСЕННЕГО ШАБАША›

В огне и в крови
И в стуке мечей
Ищи семерых.
Пройдешь через смерть,
Разруху пройдешь
И найдешь семерых
Свирепых уродов,
Страшилищ тупых.
Сожги семерых.
Смотри не робей,
Хоть не сладко тебе,
И найдешь семерых.
Будь спокоен и тверд.
Полюби семерых
И венец.
Когда сочетается
Северо-запад с востоком,
Лихолетью наступит конец.
Найди семерых
И венец.

Часть 2

Из гл. II. ‹ПЕСЕНКА НЕЛЕ›

Не встречали ль вы, прохожие,
Моего дружка шального?
Он блуждает и бродяжит,
Сам не зная, для чего.
Как орел ягненка кроткого,
Он мое похитил сердце.
Моложавый, безбородый.
Вы не видели его?

‹ОТВЕТ ТИЛЯ›

Твоего дружка видали
На повозочке трухлявой
Рядом с толстяком-раззявой.
Да, мы видели его.

Часть 3

Из гл. XXVIII. **‹ПЕСЕНКА ЖИЛЛИНЫ›**

Перебирая лютню,
Я день и ночь пою.
Я всех подруг беспутней
И нежность продаю.

Мне огненные бедра
Астарта создала,
Я грудью и плечами,
Как божество, светла.

Червонцев рыжих россыпи
Пусть хлынут из ларца,
Чтоб я топтала деньги
Влюбленного скупца.

Я дочь лукавой Евы
И змия-сатаны.
Все вожделенья мира
Во мне отражены.

Купи — все продается:
И глаз голубизна,
И судорога счастья,
И смерть — кому нужна.

Перебирая лютню,
Я день и ночь пою,
Я всех подруг беспутней
И нежность продаю.

Часть 4

Из гл. II. **‹ПЕСНЯ ТИЛЯ›**

Пепел стучит в мое сердце!
Пришли палачи;
Была потеха мечам и кинжалам.
Хорошо поработали шпионы.
Там, где вера и дружба цвели,
Там подлой рукою посеян раздор.
Бей в барабаны!
Долой живодеров!

Да здравствуют гезы!
Бейте в барабаны!
Уже отвоеван Бриль
И ключ от Шельды — Флиссинген.
С Божьей помощью взят Камп Веере.
Что ж молчали зеландские пушки?
Есть у нас пули, порох и ядра,
Железный горох и лущеный горох.
Бей в барабаны!
В барабаны славы!
Да здравствуют гезы!
Бей в барабаны!

Выпростан меч. Сердца воспрянули.
Руки тверды, как сталь. Меч обнажен.
Долой десятину — паучий налог!
Смерть палачу! Грабителю — петля!
Короля, нарушившего клятву,
Покарает восставший народ.
Меч обнажен за наши права,
За наши жилища, за жен и детей.

Меч обнажен.
Бей в барабаны!

Из гл. IX. ‹ПЕСНЯ ТИЛЯ›

Где твоя пехота, где твоя конница?
Заблудились в лесу, топчут хворост и ландыши.
Солнце золотит лица отважных воинов
И крупы боевых лошадей.
Граф Людвиг хватает рог и трубит.
В городе услыхали: насторожились.
Глухо бьют вдали барабаны,
Галопом скачут боевые кони,
Ураганом несутся, закусив удила.
Грузные всадники рвутся в город.
Скорее! Скорее! Мост поднимается!
Шпоры вонзились в бока утомленных коней.
Мост поднимают! Город потерян!
Вот уже близко... Неужели опоздали?
Но Гитуа де-Шомон напоследок
Придавил мост своим жеребцом.
Мост опустился: город захвачен,
Слышите топот по улицам Монса?

Грузные всадники вступают в город,
Кони храпят, бряцает оружье.
Слава Шомону и скакуну его!
Трубите в рог и бейте в барабаны!
Луга благоухают скошенным сеном,
И жаворонок заливается трелью.
Слава жаворонку — певцу свободы!
Слава Шомону и скакуну его!
Выпьем на радостях!
Да здравствуют гезы!

Из гл. XVI.

‹ПЕСНЯ ТИЛЯ›

Не рыжая копна волос,
А шлем на голове;
Простая кожа у людей,
А у меня их две.
Я смерти не боюсь силков:
Закован в панцырный покров.
Я не ханжа, не блюдолиз,
Жить и бороться — мой девиз.
И я дышу войною
Под шкурою двойною.
И смерти не боюсь силков:
Закован в панцырный покров.

Часть 5

Из гл. II.

‹ПЕСНЯ ТИЛЯ›

Небо сине, небо ясно.
Черным флером затяните
Рукояти шпаг, знамен,
Драгоценности снимите
И лицом к стене поставьте
Зеркала в парадных залах.

Я спою вам песнь о смерти,
О предательстве спою вам.
Вот изменник наступил на горло
Гордой Фландрии, Брабанту,
Антверпену, Люксембургу.
Духовенство и дворянство

Слушают, развесив уши,
Щедрые врагов посулы.
О предательстве спою вам.

Когда грабители-испанцы
Вторгаются в наш Антверпен,
Господа аббаты и офицеры,
Нарядившись в шелк и бархат,
Покидают бедный город.
Лоснятся их пьяные рожи
Подлостью и самодовольством.
Инквизиция шевелится;
Скоро новые Тительманы
Глухонемых хватать прикажут,
В ереси их обвиняя.
О предателях спою вам.

Будьте вы прокляты, трусы,
Вдохновители компромисса!
Где вы теперь — в час грозы военной?
За испанским кружится обозом
Воронье, почуявшее падаль.
Бейте в траурные барабаны!

Расползлись предатели по Бельгии,
Делят земли, должности, доходы.
Лень и жадность — их девиз священный —
Подрывают все сопротивленье.
Покрывайте крепом зеркала и шпаги!
Про изменников эта песня!

Объявили испанцев вне закона
Как мятежников и смутьянов.
Запретили укрывать их,
Помогать им порохом и хлебом.
А на деле: лишь возьмут испанца —
Тотчас вежливенько отпускают.

«Не сдаемся!» — восклицают в Генте.
«Мы крепимся!» — отвечает Брюссель.
Между молотом и наковальней,
Королем раздавленный и папой,
Мечется простой народ бельгийский.
И святым отцом уже объявлен
На фламанцев поход крестовый.

Алчная собачья свора
На свежую кровь устремилась —

Пить хотят продажные гиены,
Наемники требуют крови!
Видно, родина созрела
Для разрушенья и страданья!
Они ее к земле пригнули,
Приставив к горлу ей нож испанский;
Они над нею издевались,
Встречая с музыкой в Брюсселе
Неразговорчивого принца.
Глумились, в честь его приезда
Огни потешные сжигая
И в пышном выводя убранстве
Военный флот вождю навстречу.
Здесь, Бельгия, воскресла повесть
О том, как был Иосиф продан
Родными братьями в Египет.

ЭРНСТ ТОЛЛЕР

172[1].

ЧЕЛОВЕК-МАССА

Пьеса

Действующие лица

Женщина.
Безымянный.
Муж.
Рабочие, офицер, арестованные.
В сонных видениях: банкиры, красногвардейцы,
тени расстрелянных,
сторож-спутник.

Действие происходит во время германской революции девятнадцатого года, на фоне войны.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Первый рабочий

Листовки розданы.
В центральном зале общее собранье.
Завтра средь бела дня заводы скажут баста.
Массы ропщут. Завтра все рассудит.
Ты приготовилась, товарищ?

Женщина

Я готова.
С каждым дыханием моя решимость крепнет, —
Давно желанный час
Кровь претворяет в слово, слово в дело.
Бывало, тяжесть меня пригнет к земле,
Хрустнут пальцы от гнева, стыда и боли.
А как зальются, захлебнувшись победой, их газеты —
Миллионы рук потянутся ко мне
И стон звенит: виновна в нашей смерти!

И мнится, даже взмыленная лошадь
Дрожа боками, молча умоляет,
Чтоб прозвенела я фанфарой молодого дня.
Завтра, когда в собраньи вспыхнет моя совесть,
Зажгу ль опять в них стачечный огонь?
Человек бастует, баста ревет природа,
И даже пес ворчит, как забастовщик,
Ластясь к моим коленям,
Забастовкой поток бушует.
Я знаю твердо: массы
Растопчут юридическое иго
Ничтожных щеголей с судейского стола.
И человечество, разбухнувшее мощью,
Воздвигнет мира купол невесомый —
Красное знамя.
Знамя нападенья,
Кто тебя завтра развернет?

Второй рабочий

Ты, за тобой пойдут.

Женщина

Боюсь, что полицейские ищейки
Пронюхают, поставят караулы.

Первый рабочий

Полиция зевает, и к тому же
Ей непонятен тайный смысл событий.
Масса хлынет сначала в зал собраний.
Какой констэбль тогда преобразует
Поток бурлящий в парковые струи?
Притом слабеет полицейский натиск.
Расшатано слепое послушанье.
А строевые части будут с нами:
Куда ни глянь — солдатские советы.
Завтрашний день, товарищ, все рассудит.

(Стучат.)

Первый рабочий

Предательство!

Второй рабочий

Ты нам нужна, не отдавайся в лапы.

Первый рабочий

Но дверь одна.

Второй рабочий

Через окно.

Первый рабочий

Окно выходит в световой колодезь.

Женщина

Так вот она, борьба.

Стучат сильнее. Дверь открывается. Входит муж. Высоко поднятый воротник, приподнимает твердую фетровую шляпу.

Женщина

Всего лишь друг, и нечего бояться.
Ты пришел за мной
И вот меня находишь.

Муж

Я очень извиняюсь. Добрый вечер.

(Тихо.)

Ты никому меня не представляй,
Поговорить хочу я с глазу на глаз.

Женщина

Товарищи.

Рабочие

До завтра...
Покойной ночи...

Женщина

Покойной ночи. До завтра.

Муж

Мне кажется, себе ты уяснила, —
Я подошел сюда не как сообщник.

20–192

Женщина

Прости мгновенья радужный обман!

Муж

Угроза чести нудила мой шаг.

Женщина

При чем же я здесь? Странно.
Должно быть, это честь буржуазии —
Голосованье. Или большинство
Тебя грозится вычеркнуть из списков?

Муж

Оставь, мне не до шуток.
Я чту как заповедь общественное мненье,
Я мыслю честь как строгую систему.

Женщина

Что превращает вас в ходячие понятья.

Муж

Что учит строю, самообладанью.
Ты невнимательна к моим словам.

Женщина

В глазах твоих я потонуть боюсь.

Муж

Не подвергай меня соблазну.

Женщина

Ты...

Муж

Короче — мне претит
Твоих деяний круг.

Женщина

Тебе...

Муж

Займись общественно полезною работой
Хоть в мирном и порядочном кругу.
Ну, скажем, ясли для подкинутых младенцев,
Мысль плодотворная, вполне в рабочем духе.
Деторожденье служит чуждой вам культуре,
Ведь солоно приходится, пожалуй,
И у товарищей внебрачным матерям.

Женщина

Ну, дальше, дальше...

Муж

Хотя ты действуешь, ты несвободна.

Женщина

Я свободна.

Муж

Ты совестлива в глубине души...
Если не разум, такт тебя удержит.

Женщина

Я совестливость берегу для дела.
Ему служу, ему должна служить.

Муж

По существу вопрос я расчленяю:
Твой деятельный дух тебя толкает в мир,
Но ты во власти разных побуждений,
И я весьма далек от мысли
В них заподозрить низменный оттенок...

Женщина

Как щедро ты мне причиняешь раны.
Вспомни изображенья
Богоматери в мужицких избах —
Мечами прободенное, кровью исходит сердце
И трогательно-некрасивые черты,
Их величавая наивность.
Ты... ты...

Ты говоришь о заблужденьях.
Я знаю, глубокий ров ложится между нами;
Не выбор изменил мою судьбу, —
Необходимость — рок быть человеком,
Рок, внедренный в тело.
Не прихоть, не скучающая воля.
Необходимость, сущность бытия.

Муж

Необходимость, — и тебе не стыдно
Ссылаться на необходимость?

Женщина

Полно, муж, оставь меня.
Вот голову твою сожму в ладонях,
Вот поцелуями глаза покрою.
Ты...
          Брось говорить...

Муж

Мучить тебя мне и во сне не снится...
Но эти стены... кто-нибудь услышит...

Женщина

Пусть услышит товарищ.
Он не кичится честью,
Но природным дышит тактом.
Когда б ты чувствовал хоть легкое дыханье их заботы,
Которая должна стать нашей заботой.
Вы в грязь ее втоптали.
Унижая, унизились
И собственными стали палачами.
Открой глаза — дай хлынуть состраданью.
Нервы мои здоровы,
Я не сентиментальна —
Вот почему я с ними заодно.
О эти жалкие минуты, для дела общего
                                        назначенных часов.
Припадки слабости и самолюбья.
Товарищи краснеют друг за друга.
Когда они не могут брызнуть смехом
В лицо врагу, как я на вызов твой.

Муж

Узнай же неприкрашенную правду:
Власть догадалась, знает о тебе.
Я государственную приносил присягу, жена,
Как гражданин. Как деятель, я гибну.

Жена

И что же?

Муж

Не колеблясь,
Я извлекаю вывод,
Который, будь уверена, меня
Глубоко уязвляет:
Ты, не считаясь с положеньем мужа,
Явный ущерб наносишь государству,
Поддерживаешь внутренних врагов —
В наличности все поводы к разводу.

Женщина

Пожалуй, если я тебе врежу,
И поперек дороги становлюсь...

Муж

Еще не поздно, брось.

Женщина

Тогда, пожалуй, я готова,
Взять на себя вину.
Не бойся, процесс тебе не повредит.
Ты...
Руки мои протянулись к тебе
В безмерной истоме.
Кровь моя для тебя шелестит.
Я без тебя усыхаю, как лист прошлогодний,
Ты как роса даешь мне плодородье,
Как мужественная гроза
Бросаешь факелы в сухой кустарник.
Помню ночи — мальчик в утробе шевелился,
И первый голосок созревшей крови.
Унеси меня в луговины, аллеи,
Я глаза твои буду целовать покорно.

Мнится мне, я добычей стала
Слабости бесконечной.
Нет, то была лишь мгновенная слабость.
Трезво гляжу на вещи:
Твой образ действий оправдан —
Видишь ли, завтра я предстану массам,
Завтра я к ним обращаю слово...
Ты присягнул ему, а я срываю маску
С лица убийцы, с рожи государства.

Муж

Это государственная измена?

Женщина

Твое государство — зачинщик войн.
Твое государство — предатель народа.
Твое государство — аркан и плеть,
Глушитель народного права.

Муж

Государство свято.
Война еще корень.
Призрачный мир маячит слабонервным;
Война — разрыв вооруженного мира,
В котором государство пребывает.

Женщина

Можно ли плоть обречь пожару и чуме?
Кто видел государство обнаженным?
Кто разглядел убийц по нем кишащих,
Щупальцы бирж, бесстыдно рвущих
Человеческое мясо?
Ты ничего не видел. Государству
Ты присягнул, на том заснула совесть.

Муж

Решительно последнее слово?

Женщина

Последнее слово.

Муж

Покойной ночи.

Женщина

Покойной ночи.

(В то время как муж порывается уйти.)

Можно мне пойти с тобою,
Сегодня, в последний раз,
Или я шальная,
Или я шальная,
Или нет стыда в моей крови.

(Жена следует за мужем. Сцена погружается в мрак.)

КАРТИНА ВТОРАЯ
(Сонное виденье)

В тонах условной постановки. Зал валютной биржи. За конторкой главный маклер, вокруг банкиры и маклеры. Главный маклер — лицо мужа.

Главный маклер

Отмечаю.

Первый банкир

Оружейные триста пятьдесят.

Второй банкир

Набавляю четыреста.

Третий банкир

Четыреста.
Есть дело.

Четвертый банкир вытягивает третьего на передний план. В глубине жужжанье продавцов и покупателей.

Четвертый банкир

Слыхали? Фронт отброшен назад —
Большое наступленье сорвалось.

Третий банкир

Резервы?

Четвертый банкир

Человеческое мясо
Подвержено порче.

Третий банкир

Недостаточное питание?

Четвертый банкир

Допускаю.
Хотя
Профессор Удде полагает,
Что отруби
Девяностопятипроцентного помола —
Изысканное блюдо для обжор.

Третий банкир

Поведение?

Четвертый банкир

Безукоризненно.

Третий банкир

Быть может, недостаток в алкоголе?

Четвертый банкир

Водочные заводы
Пылают, как костры.

Третий банкир

Чего же не хватает?

Четвертый банкир

Командующий пригласил
В главную квартиру
Девяносто пять профессоров.
Среди корифеев
Тайный советник

Глаубер.
О результатах шепчут под сурдинку.

Третий банкир

На чем же порешили?

Четвертый банкир

Не подлежит огласке.

Третий банкир

Не ослабляет ли солдата
Мужской инстинкт?

Четвертый банкир

Вообразите, нет.
Самцы друг друга ненавидят.

Третий банкир

Не хватает?

Четвертый банкир

Удалось открыть пружину тайную
Всех жизненных процессов.

Третий банкир

Чего же не хватает?

Четвертый банкир

Массе нужна любовь.

Третий банкир

Довольно.
Значит, война,
Могущественный и послушный наш рычаг,
Под чьим нажимом
Цари и государства,
Министры и палаты,
Церкви и газеты
Пляшут
Через весь шар земной

И море,
Проиграна,
Отвечайте: проиграна?
Таков баланс?

Четвертый банкир

Вы подсчитали плохо:
Корень зла отыскан,
Теперь возможно все исправить.

Третий банкир

Каким путем?

Четвертый банкир

Интернациональным.

Третий банкир

Общеизвестно?

Четвертый банкир

Нет, пока боится света
И прячется в тени отечественных липок
Подальше от скачков валюты.

Третий банкир

Кто финансирует?

Четвертый банкир

Консорциум крупнейших банков
Взял на себя ответственность и руководство.

Третий банкир

Прибыль? Дивиденды?

Четвертый банкир

Вытряхиваются вполне исправно.

Третий банкир

Согласен, форма предприятья хороша.
Но сущность?

Четвертый банкир

Вывеска — санаторий
Для укрепления воли к победе...
Сущность —
Публичный дом под сенью государства.

Третий банкир

Грандиозно.
Иду в сто тысяч марок.
Еще один вопрос:
Кто управляет внутренним порядком?

Четвертый банкир

Генералы-боевики
С огромным знаньем дела.

Третий банкир

План утвержден?

Четвертый банкир

По уставу,
Как я уже сказал,
Три скалы,
Три категории:
Одна обслуживает офицеров, —
Срок пребыванья — ночь,
Другая — низший командный состав, —
Срок пребыванья — час,
Третья — нижних чинов, —
Пятнадцать минут.

Третий банкир

Спасибо.
Когда откроются торги?

Четвертый банкир

С минуты на минуту.

*(На заднем плане шум.
Третий и четвертый банкиры нырнули в толпу.)*

Главный маклер

Свежие акции:
Национальная подписка, —
Военный санаторий
А.Г.

Первый банкир

Воздерживаюсь.

Второй банкир.

Предпочитаю выждать.

Третий банкир

Иду в сто тысяч марок
Наличными.

Главный маклер

Отмечено.

Четвертый банкир

Гарантирую столько же.

Первый банкир

(второму)

Кюле подписался,
Как полагаете?

Второй банкир

Свежая телеграмма:
Битва на западе —
Проиграна...

Первый банкир

Господа.
Битва на западе проиграна...

(Восклицания. Крики. Вопли.)

Голоса

Проиграна.

Голос

Оружейные —
Предлагаю!
Пятьдесят.

Голос

Огнеметатель Труста —
Предлагаю.

Голос

Военные молитвенники —
Предлагаю.

Голос

Снаряды для ядовитых газов —
Предлагаю.

Голос

Военный заем —
Предлагаю.

Третий банкир

Иду еще раз в сто тысяч марок.

Голос

Ого!
При этом пониженьи!

Голос

Кто говорит, что битва проиграна?
Неправда.
Обыкновеннейшая биржевая утка.
Ведь дважды Кюле подписал
Сто тысяч марок.

Второй банкир

Вниманье.
Иду
В полтораста.

Голос

Набавляю двести.

Голос

Кто предлагает?
Четыреста.
Я покупаю.

Главный маклер

Отмечаю.

Четвертый банкир

(третьему)

Лисий нюх у пройдохи.

Третий банкир

Простите за нескромность.
Спасен ли могущественный наш рычаг —
война?

Четвертый банкир

Неужели вы усумнились?
Механика всей жизни
Так прозрачна;
Открылась течь —
И во мгновенье ока
Уже законопачена.
Скачок ли вверх,
Скачок ли вниз —
Второстепенно,
Существенна
Лишь механическая тайна бытия.
В результате
Система спасена.

Главный маклер

Отмечаю.

Входит спутник. Его черты являют смесь неподвижности покойника и напряженной жизни. Он ведет жену.

Спутник

Господа,
Слишком поспешны отметки вашей биржи.
Кровь и система,
Система и человек
Связаны слишком хрупко.
Неосторожный шаг, и вся механика —
Лишь вдребезги разбитая
Игрушка.

(к женщине)

Говори.

Женщина

(тихо)

Почтеннейшие господа.
Нет, люди!
Я повторяю еще раз:
Люди!

(Спутник и жена меркнут. Тишина.)

Третий банкир

Вы слышали?
Несчастный случай, очевидно, в шахте,
Как будто люди в опасности.

Четвертый банкир

Предлагаю —
Благотворительный базар,
Танец
Вкруг биржевой конторки,
Танец,
Заклинающий нужду,
Исцеляющий
Бедных.
Не угодно ли, господа,
Легонький танец?
Вот моя жертва —
Акция
Военного санатория
А.Г.

Голос

А женщины?

Четвертый банкир

Сколько
Угодно.
Прикажите
Швейцару:
Подать сюда пятьсот
Утонченных девушек.
А покуда...

Банкиры

Мы жертвуем!

Мы пляшем!

Мы исцеляем бедных!

Музыка звенящих золотых монет. Банкиры в цилиндрах танцуют фокстрот вокруг биржевой конторки. Сцену охватывает мрак.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена погружена в темноту.

Массовые хоры

(звучат как бы издалека)

Мы, замурованные
В глухие ящики небоскребов,
Обреченные в жертву
Механизму злорадной системы,
Мы, безликие в гуще заплаканной ночи,
Мы, навеки разлученные с матерями,
Из фабричных глубин подаем мы голос:
— Когда мы любовью жизнь измерим,
— Когда мы насытим первичную жажду воли,
Когда мы избавимся от ига?

Сцена освещается. Большой зал, на трибуне длинный узкий стол. В зале густо теснятся рабочие и работницы.

Группа молодых работниц

И сеет битва семя новой битвы —
Не подобает мешкать с господами, —
Прочь соглашательство, и колебанье прочь,
Заданье выполнит рабочая дружина:
Динамит в машины!
Пусть к чорту фабрики взлетят на воздух.
Мы скручены машинами, как скот на бойне,
Мы пригнаны к машинам, как винты и гайки,
Паровыми молотами тела наши сплющены.
Винты и гайки, —
Винт — три миллиметра, винт — пять миллиметров.
Глаза засушены, руки сухоточные,
А тело хочет жить...
Смерть машинам! Смерть фабрикам!

Восклицанья в зале

Смерть машинам! Смерть фабрикам!

За столом на трибуне встает женщина.

Женщина

В прошлом и я была слепой.
О, как меня пугали эти поршни
И воздух пашущие рычаги.
Какой-то сон туманит ваши взоры,
Но детский сон, — пугает ночь детей.
Взгляните, мы живем в двадцатом веке.
Доказано,
Что фабрика неразрушима.
Возьмите динамит всей земли,
В ночь действия все фабрики взорвите —
Все восстановятся до будущей весны
И заживут чудовищней, чем раньше.
Но фабрики отныне не владыки,
И не слепое средство человек.
Служанкой жизни быть —
Вот фабрики удел,
Фабрики, взнузданной человеком.

Группа молодых рабочих

Так суждено нам вместе с ними сгинуть,
Местью и желчью бушует наше слово.
Дворцы себе повыстроили бары,

А братья заживо гниют в окопах.
Где-то лепечет пляска на пестрой луговине.
Ночью об этом читаем и жалобно воем,
И недоступная нас манит роскошь знанья...
Цвет жизни вырвали из наших рук,
И все пошло недоброю дорогой.
Лишь иногда маячит нам в театрах
Так нежно, так умильно, так злорадно,
А школьной каторги тупые годы —
Учителями связанные души.
Наш громкий плач — прямая неизбежность,
Закон клокочущего, сдавленного пара;
Кто мы сегодня — кто мы?
Мы не согласны ждать.

Группа батраков

Нас оттолкнули от нашей земли-кормилицы.
Богачи скупают земли, как спелые ягоды.
Увеселяются от щедрот нашей милостивой
земли-кормилицы.
Наши грубые руки к снабженью войны
приспособили.
Усыхают наши корни, из чернозема выпростаны,
В безвесельи городов наши силы разбиваются, —
Мы все хотим земли —
Земля для всех.

Масса в зале

Земля для всех.

Женщина

Недавно я в квартирах побывала,
Серенький дождь стекал с убогой черепицы,
На стенках сырость развела грибы.
В одной каморке я застала инвалида,
Он заикался: «В поле, пожалуй, было лучше,
Ты погляди, какой у нас свинюшник.
Верное слово говорю — свинюшник».
И, говоря, стыдливо улыбался,
И вместе с ним я разделяла стыд.
К исходу, братья, вы стремитесь,
Один исход нам остается, слабым,
Нам, ненавистникам пушечной меди, —

Забастовка, и больше ни нажима,
Забастовка, чистое действие массы,
И наша слабость гранитом силы станет.
Еще не выковался меч, пред которым мы склонимся,
К нам, к нам, немые батальоны!
Я объявляю забастовку.
Шесть лет подряд Молох тела кромсает,
На улицах рожениц подбирают,
Голод их обессилил, и они
Нести не могут бремя нерожденных.
В ваших домах ощерилась нужда,
Мор, сумасшествие, зеленолицый голод.
А там, взгляните-ка туда, —
Вакхический обряд священной биржи,
Шампанское на голову победы,
Там чувственная чернь танцует в честь событий
Вкруг золотого алтаря. А здесь
Землистых лиц вы оценили вялость,
Чувствовали тело
Жалким обрубком
В сырости вечерней...
Вдыхали запах тленья.
Тревожный вы слышите гудок
Настойчивей, протяжнее сирены.
— Эй, — очередь за вами!
Прикованные к пушечному жерлу
Беспомощные,
Мы взываем к вам —
Спешите,
Вы нам нужны, нам нужен прочный мост.
Да, я зову вас к стачке,
Кто будет есть хлеб мастерских снабженья
Уже не брат, предатель, что́ предатель —
Братоубийца...
А женщины,
Вам должно вспомнить легендарных жен,
Они не знали страха,
Близко стоя у самой наковальни.
Зорко следите за мужской работой,
Мы будем бастовать.

Масса в зале

Мы будем бастовать!
Мы будем бастовать!

Выделившись из массы в зале к трибуне направляется Безымянный, становится справа около стола.

Безымянный

Кто хочет выстроить надежный мост,
Тот должен позаботиться о сваях.
Забастовка — гнущийся мост, — необходимы сваи.
Забастовка — лишь первая ступень, —
Для начала нужна большая смелость.
Положим: стачкой вы добьетесь мира.
Но это будет мир сегодняшнего дня,
Случайный мир, простая передышка.
Война должна иссякнуть,
Стать достояньем вечности.
Но прежде ярый и последний бой!
Что пользы шею свернуть войне?
Мир — дело ваших рук —
Ничем не переменит вашей доли.
Есть лицемерный мир и старый жребий,
Есть прямодушная война и новый жребий.
Не за ухом чесать — ломать фундамент надо.
Ломайте фундамент, говорю вам,
Тогда пусть половодье
Зловонный дом на золотых цепях,
Спасавшийся от разрушенья, прочь уносит.
Удобнее построим мы жилье,
А фабрики принадлежат рабочим,
Не капиталу в лайковых перчатках.
Прошли деньки, когда с горбатых наших спин
Он озирал заморские богатства
И, чужанина порабощая, — ткал паутину войн,
И глотку разевал лгунам бумажным:
«Добро отечества, благо родного края!»
А все проскальзывала песенка другая:
«Мое добро, благо моих карманов»;
Переменились времена, —
Международный клич рабочих масс:
Все фабрики принадлежат рабочим,
Вся власть рабочим,
Все за всех!
Бессодержательный я заменяю лозунг стачки,
Тяжелым, веским лозунгом — война,
И революции я открываю двери.
Враг наверху не внемлет

Затейливым речам прекраснодушным.
Мощь против мощи.
Действуйте насильем!

Голос

К оружию!

Безымянный

Да в пору вам подумать об оружьи,
Ломитесь всюду — ратушу разбейте,
Наш клич — победа.

Женщина

Дайте мне слово...
Я хочу сказать...

Безымянный

Товарищ, помолчите,
Рукопожатьем, жаркою молитвой
Никто еще не зачинал детей,
Чахоточных не лечат постным супом,
Чтоб дерево срубить, нужен топор.

Женщина

Не надо новых убийств.

Безымянный

Помолчите, товарищ,
Вам это невдомек.
Вы нам сочувствуете, допускаю.
По десять часов они томились в шахтах,
В кротовых норах маленькие дети;
Десять часов рудника,
Вечером тесная келья.
Вот каторжная доля массы.
Нет, вы не масса,
Масса — это я.
Масса — это судьба.

Масса в зале

Это судьба!

Женщина

Взвесьте, подумайте,
Масса беспомощна,
Подточена слабостью.

Безымянный

Как далеки вы от истины,
Масса — это вожатый,
Масса — это сгущенная сила.

Масса в зале

Сила...

Женщина

Я чувствами во тьме блуждаю,
Но совесть говорит мне — нет.

Безымянный

Именем дела, товарищ, замолчите.
Что значит одиночка, отдельных чувств
Рассеянная совесть?
Лишь масса обладает бытием.
Засохнет кровь последнего сраженья,
И вечный мир настанет:
Не карнавальный мир канатных плясунов,
Сквозь оболочку войной набухший,—
Войною сильных против слабых,
Войной разбоя, жадности войной.
Подумайте, несчастье испарится
И преступленье станет сказкой:
Румяную зарю встречает семья народов.
Вы думаете, мне советовать легко?
Война для нас необходимость.
В ваших речах раскольнический дух.
Во имя дела молчите.

Женщина

Да... Ты масса...
Да. Ты прав...

Безымянный

Итак, товарищи, мы забиваем сваи.

Кто поперек дороги — будет смят.
Масса — это дело.

Масса в зале

(вырываясь наружу)

Дело.

Сцена погружается в темноту.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

(Сонное виденье)

Намечен двор, обнесенный высокой стеной. Ночь; посреди двора, на земле, фонарь, струящий скудный свет. Из углов двора выделяются красногвардейцы.

Первый красногвардеец

(поет)

Моя мать
Меня
Родила в канаве!
Лалала-ла
Хм, хм.

Второй красногвардеец

Мой отец меня продал
Пьянчужек ораве!..

Все красногвардейцы

Лалала-ла.
Хм, хм.

Третий красногвардеец

Я три года,
Как гвоздь,
На каторге ржавел...

Все красногвардейцы

Лалала-ла.
Хм, хм.

(Откуда-то приближается бесшумной походкой привидения Безымянный. Становится около фонаря.)

Первый красногвардеец

Мой отец
Не внес
Квартирную плату.

Все красногвардейцы

Лалала-ла.
Хм, хм.

Второй красногвардеец

Моя мать
Кладет
На заплату заплату...

Все красногвардейцы

Лалала-ла
Хм, хм.

Третий красногвардеец

Я мешал
Господам
Выбирать в палату...

Все красногвардейцы

Лалала-ла.
Хм, хм.

Безымянный

Выходите, плясуны!
Музыка моя! Бесплатно!

Красногвардейцы

Стой!!!
Кто ты таков?

Безымянный

Я не спросил,

Как звать
Вас, безымянных.

Красногвардейцы

Пароль?

Безымянный

Масса не помнит имен!

Красногвардейцы

Это малый безымянный,
Один из наших.

Безымянный

Я начинаю
Наигрыш
Развязки!

(Безымянный начинает играть на гармонике. Возбуждающие, то чувственные, то баюкающие, то бурные ритмы. Из темноты выступает Приговоренный, с веревкой на шее.)

Приговоренный

Именем к смерти
Приговоренного,
Прошу исполнить последнюю
Просьбу:

Нам бы хотелось поплясать разочек.
Все живое крутится в танце.
Жизнь вышла из танца,
Вернется в танец, —
Радостный смертный танец
Времен.

Красногвардейцы

Последняя просьба
Осужденного,
Как известно,
Всегда исполняется.
Приглашенье принято.

Безымянный

Сюда, любезный,
В черную бочку
Прибавим дегтю!

Осужденный

(кричит в темноту)

Выходите, приговоренные
К смерти, на последний танец!
Незаколоченные
Пусть подождут гроба!

Осужденные с веревкой на шее выступают из мрака. Красногвардейцы и осужденные танцуют вокруг Безымянного.

Красногвардейцы

(поют)

Родила в канаве...

(Продолжают танцевать. После короткой паузы:)

Красногвардейцы

(поют)

Пьянчужек ораве...

(Продолжают танцевать. После короткой паузы:)

Красногвардейцы

(поют)

На каторге ржавел...

Продолжают танцевать. Безымянный внезапно обрывает. Девки и приговоренные к смерти сбиваются в угол двора. Ночь их пожирает. Красногвардейцы занимают посты. Вкруг Безымянного сгущается тишина. Сквозь толщу стены проникает Спутник в личине караульщика. Прижимает к себе женщину (лицо жены).

Спутник

Дорожную
Усталость

Вознаграждает
Зрелище.
Взгляни туда:
Сейчас
Начнется драма.
Если игра тебя чарует,
Пожалуй, поиграй сама.

Красногвардейцы приводят арестованного (лицо мужа). Ведут его к Безымянному.

Безымянный

Он был судим рабочим трибуналом?

Красногвардейцы

Сам
Выбрал смерть,
Стреляя в нас.

Арестованный

Смерть?

Безымянный

Смутился?
Послушай,
Страж, — отвечай:
Кто научил искусству
Смертных приговоров?
Кто к скользкому оружью приучил?
Кто первый вымолвил: «герой» и «добродетель» —
И дерзостью насилье освятил?

Красногвардейцы

Школы.
Казармы.
Война.
Обычаи.

Безымянный

Произвол, произвол.
Ты почему стрелял?

Арестованный

Ничего не поделаешь.
Государственная присяга.

Безымянный

Ну, значит, за свое
Ты умираешь дело.

Красногвардейцы

К стенке!

Безымянный

Винтовки заряжены?

Красногвардейцы

Заряжены...

Арестованный

(у стенки)

Я хочу жить!
Я хочу жить!

(Женщина отрывается от спутника.)

Женщина

Не стреляйте!
Ведь он мой муж!
Сжальтесь над ним,
Возьмите у меня немного состраданья.
Жалость приходит в конце борьбы,
Она сильнее боя.

Безымянный

А нам они прощают?

Женщина

Чтó им народ? И чтó им человечность?

Безымянный

Воля массы — закон.

Красногвардеец

Прощенье — трусость!..
Вчера я бежал
Из вражеских лап.
Меня поставили к стенке,
Веревки резали тело,
Возле меня
Человек
Собирался меня убить.
Яму себе
Я вырыл
Своими руками.
Тут же фотограф
Горел
Желаньем
Запечатлеть убийство на пластинке.
В рожу плюю
Революции,
Если она
С лица не смывает плевки
Сатанинских убийц!
В рожу плюю Революции!

Красногвардейцы

К стенке!!...

(Лицо арестованного превращается в лицо одного из красногвардейцев:)

Женщина

(к одному из красногвардейцев)

На глухом дворе вчера
Ты стоял у стенки
И сегодня стоишь опять
У кирпичной стенки.
Видно, ремесло твое
Не изменилось:
Каждый день тебя, как гвоздь,
Прибивает к стенке...
Человек,
Узнай себя!
Познай свою участь.

Красногвардеец

Воля массы — закон.

Женщина

Человек выше массы.

Все красногвардейцы

Воля массы — закон!

Женщина

Я сдаюсь...
Я сдаюсь...

(Злобный смешок красногвардейцев. Женщина становится около мужа.)

Стреляйте же!
Я вышла из игры!...
Я так устала.....

(Сцена погружается в темноту.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

Зал. Серый утренний свет пробивается в окна. Трибуна в сумеречном освещении. За длинным столом сидят: справа Женщина, слева Безымянный, в дверях зала рабочие караулы. В зале, за разбросанными в одиночку столами, торчат фигуры рабочих и работниц.

Женщина

Что нового в последнюю минуту?
Простите, я спала, товарищ.

Безымянный

Быстро мелькают донесения.
Борьба — всегда борьба,
Кровавый поединок сил
И точные весы рассудка...
В полночь нам удалось занять вокзал.
В час пополуночи пришлось его очистить.

В эту минуту строятся ряды
К новой атаке.
Зданье почтамта служит нам опорой.
В эту минуту телеграфный провод
Оповещает мир о нашем деле.

Женщина

Дело! — Святое слово!

Безымянный

Дело, товарищ, свято.
Ему нужна стальная бронь.
Мало ему горячей головы —
Ему нужна суровая решимость.

(На секунду в зале наступает напряженная тишина.)

Женщина

Товарищ, я не могу решиться.
Борьба насильем зверя будит в нас.

Безымянный

Так же точно
Насилует
Духовный меч.
И слово —
Тягчайшее насилье.
Не так стремительно, товарищ!
Я голыми хватаю эти вещи.
Послушать вас, я в монастырь уйду
И затворюсь в молчальнической схиме.

(Грузная тишина спускается на зал. Входит Первый рабочий.)

Первый рабочий

Трижды, скрепясь, мы на вокзал кидались.
Вся площадь вымощена мертвыми телами.
Те блиндированный себе нашли приют,
Запрятались, вручив свою защиту
Бомбометателям и газовым приборам.

Безымянный

Вы наступали трижды — а в четвертый?

Первый рабочий

В четвертый дело не пошло совсем:
На вылазку осмелился противник.

Безымянный

Вы устояли —
Хотите свежих подкреплений?

Первый рабочий

Мы дрогнули.

Безымянный

Мы ожидали встречного удара.
Беги сейчас в тринадцатый район —
Там расположены резервы...
Да поскорее!..

(Рабочий уходит.)

Женщина

Он видел мертвых,
Сотни мертвых.
Я ль не кляла вчера войну,
Или сегодня я смогу
В утробу смерти бросить братьев?

Безымянный

Вы заблуждаетесь:
В войне вчерашней были мы рабами!

Женщина

Ну, а сегодня?

Безымянный

В сегодняшней — свободны мы войне.

(Вибрирующая тишина.)

Женщина

В той и другой... войне... люди...
В той и другой... войне... люди...

(Углубленная тишина. Врывается Второй рабочий.)

Второй рабочий

Почтамт потерян!
Наши бегут!
Враг беспощаден:
Кто захвачен — убит!

(Поспешно входит Первый рабочий.)

Первый рабочий

Я побывал в тринадцатом районе.
Усилья тщетны.
Улицы оцеплены.
Сдаются на милость,
Отдают винтовки.

Третий рабочий

Город потерян!
Рухнуло дело!

Женщина

Должно было рухнуть...

Безымянный

В последний раз: не каркайте, товарищ!
Не говорите, что погибло дело!
Пускай сегодняшняя жертва тает,
Назавтра зреет новый буйный день!

Четвертый рабочий

(кричит на весь зал)

Они идут сюда!..
О, варварская бойня, — жена расстреляна!
Отец расстрелян!

Безымянный

Их смерть угодна массе.
Стройте же баррикады!
Еще живет в нас обороны дух,
И наша кровь еще красна для боя.
Пускай приходят!

(Рабочие бурно врываются в зал.)

Пятый рабочий

Кровь дымится, где они прошли.
Мужчины, женщины и дети рядом...
Но мы не будем ждать убийства,
Как скот на бойне!
Бешенство убийц встретим оружьем!
Военнопленных хранил закон международный —
На нас идут облавой как на зверя,
И платят деньги с каждой головы.
Еще винтовки не выбиты из наших рук —
Заложников с собою мы уводим!
Я приказал часть расстрелять немедля,
Другую — к стенке, если враг нахлынет!

Безымянный

Вы мстите за обиды братьев.
За вековые мстит обиды масса.
Масса — это месть.

Рабочие

Месть!

Женщина

Гасите ярость боя!
Умоляю остановиться!
Масса — это народ, очищенный любовью.
Масса — это могущество коммуны.
Разве коммуна — месть?
Выкорчевать старинное бесправье,
Лес справедливости должна взрастить коммуна.
Мститель гибнет сам!..
Вот часть заложников расстреляна...
Зачем?..
Слепая ненависть — плохая служба делу.
Вы убиваете людей,
Но ненавистный вам дух государства
Может их пережить.
Не смейте трогать остальных!
Я колебалась, я хотела
Совесть строптивую смирить в угоду массе....
Я кричу: вдребезги систему,

Ты ж разбиваешь глину — человека!
И снова собирают черепки.
Сегодня я не промолчу... нельзя!
Там — тоже люди,
Матерями рожденные...
Братья неразлучные.

Безымянный

В последний раз: товарищ, помолчите!
Подумаешь — насилье. Эка важность!
Как будто им священна наша жизнь!..
Благочестиво опустив глаза,
Не провести решительного боя.
Не слушайте ее.
Все это вздорный лепет.

Женщина

Я требую — довольно!
А вы... кто вы?
Иль хищная в тебе взалкала жажда власти —
На волю из железной клетки вековой?
Кто ты такой?
Кто ты такой?
Святой или убийца?
Святой или убийца?
Где лик твой, Безымянный?
Кто ты?

Безымянный

Масса!

Женщина

Вы — масса!
Ненавижу!..
Я не позволю тронуть заложников!
Я многолетней вашей спутницей была.
Вы лучше знаете суровый облик жизни....
В приветливых я выросла светлицах,
Ни разу не голодала,
Не слушала веселого безумья
Гниющих половиц...
Но чувство мое с вами,
Но знанья мои для вас...

22*

Как робкое молящее дитя,
Со всем смиреньем молю вас
Выслушать меня.
Дробите камень вековой обиды,
Дробите цепи внутреннего рабства,
Но презирайте гиблое оружье,
Завещанное прошлым, — ненависть и месть.
Нет, месть — не созидающая воля,
Нет, месть — не революции закон!
Месть — скользкий топор, занесенный
Над бурно-пламенной, кристальной
Стальной и страстной волей мятежа!

Безымянный

Ты женщина — чужая! Наша гостья!
Как смеешь отравлять развязки час?
Есть потаенный звук в твоих речах:
Ты защищаешь сверстников и близких,
И это — твой невысказанный довод.
Предательство!

(Масса в зале с угрозой наступает на женщину.)

Масса в зале

Предательство!

Голос

Интеллигентка!

Голос

К стенке ее!

Безымянный

Прочь с дороги.
Нам нужно дело делать
Кто не за нас, тот против нас!
Масса должна жить!

Масса в зале

Должна жить!

Безымянный

Ты арестована!..

Женщина

Я защищаю сверстников и близких?..
Нет! Защищаю вас, друзья!
Вы сами — обреченные расстрелу!
Я охраняю гордость ваших душ
И человечность! Только человечность!
Безумный обвинитель!..
Ты... заподозрил страх в моих словах?
Так низко никогда...
Я колебалась?..
Ты лжешь, ты лжешь!

Рабочий

Один заложник воет...
Воет протяжно, воет монотонно...
Просится к организаторше...

Безымянный

Вот доказательство!

Женщина

Еще раз ты солгал!
Кто хочет говорить со мной?
Быть может, муж?..
Сегодня я не думала о нем...
Самих себя вы предаете...
Мрак меня объемлет...

(Безымянный покидает трибуну и скрывается внизу в толпе. Снаружи входят еще рабочие.)

Рабочие

Все погибло.

Голоса

Бежать!..

Сопротивляться...

(Снаружи отдельные выстрелы, рабочие бросаются к дверям.)

Голоса

Дверь наглухо закрыта!..
Заячья западня!..

(Тишина смертельного томленья.)

Голос

Умереть!

*(Кто-то запевает Интернационал.
Остальные подхватывают.)*

Песня

Вставайте из всемирной дремы.
Рабы, поденщики труда!
Грядущих прав грохочут громы,
День настает, горит звезда!
Открылся путь к блаженной цели,
Держись... масса рванулась в путь,
Рабы к могуществу созрели —
Им нужно мир перевернуть.
Мир разбужен сигналом —
Жребий выпал! Грянь бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

*Внезапно короткий ружейный треск. Песня обрывается.
Главный вход и боковые двери взламываются одним ударом.
Солдаты с винтовками на весу стоят у дверей.*

Офицер

Сопротивленье бесполезно!
Руки вверх!
Приказываю — руки вверх!
Организаторша здесь?
Эй ты, руки вверх.
Наденьте ей наручники!

*Солдаты заковывают женщину.
Сцена погружается в темноту.*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

(Сонное виденье)

Неогороженное пространство. В центре клетка, опоясанная рампой свечей. В ней съежилась закованная (лицо женщины). Около клетки Спутник в образе сторожа.

Закованная

Где я?
Скажи, где?
Спугни прозрачных.

Сторож

Рассей их сама.

(Откуда-то появляется серая тень без головы.)

Первая тень

Узнаешь расстрелянного,
Убийца!..

Закованная

Нет моей
Вины.

(Откуда-то вторая серая тень без головы.)

Вторая тень

И моя
Убийца!..

Закованная

Ты лжешь!

(Еще одна серая тень без головы.)

Третья тень

И моя
Убийца!..

Четвертая тень

И моя
Убийца!..

Пятая тень

И моя!..

Шестая тень

И моя.

Седьмая тень

И моя!..

Закованная

Господин тюремщик!..

Тюремщик

Ха-ха. Ха-ха-ха-ха!

Закованная

Я не хотела крови!..

Первая тень

Ты молчала.

Вторая тень

Молчала, когда разбивали
Ратушу!

Третья тень

Молчала, когда разбирали
Оружие!

Четвертая тень

Молчала в гуще боя!

Пятая тень

Молчала, когда посылали
За резервами!

Шестая тень

Ты виновна!

Все тени

Ты виновна!

Закованная

Но я спасала от расстрела
Вторую группу заложников...

Первая тень

Полно себя морочить —
Сначала вывели и расстреляли нас!

Все тени

Ты наша убийца!..

Закованная

Значит, я
Виновна?

Все тени

Дважды виновна!

Закованная

Я виновна.

(Тени истаивают. Откуда-то банкиры в цилиндрах.)

Первый банкир

Акции вины!
Предлагаю
По нарицательной!

Второй банкир

Акция вины
Вышла
Из обращенья!

Третий банкир

Вылетела в трубу!..
Акция вины —
Клочок бумаги!

Все банкиры

Акцию вины
Записать
В расход!..

(Закованная выпрямляется.)

Закованная

Да... я... виновна.

(Банкиры рассеиваются.)

Сторож

Ты одурела
От сантиментальных
Привычек.
Будь они в живых,
Они бы продолжали бесноваться
Вкруг золотого алтаря.
Ему же тысячи обречены, —
Ты в их числе.

Закованная

Я человек — и я виновна.

Сторож

Начало всякой вины — масса.

Закованная

Значит, я дважды виновна.

Сторож

Начало всякой вины — жизнь.

Закованная

Значит, я должна была стать
Виновной.

Сторож

Каждый живет за себя,
За себя умирает каждый.
Человек —
Как дерево, и бедное растенье —

Судьбой спеленутая, связанная форма,
Бытийствуя, себя находит.
Пойми загадку жизни.

Откуда-то появляются, с промежутками по пяти шагов, заключенные, в одежде каторжников. На голове заостренная шапочка с подшитым лоскутком, закрывающим лицо, и прорезами для глаз. На груди каждого заключенного номер. По линии квадрата, в односложном ритме бесшумно ходят вкруг клетки.

Закованная

Кто вы?
Числа!
Безликие! Кто вы — масса
Безликих?

Глухое эхо

Масса!

Закованная

Боже...

Эхо

Масса.

Закованная

Масса —
Безвинна.

Сторож

Человек безвинен.

Закованная

Бог виновен!..

Эхо

Виновен!..
Виновен!..
Виновен!..

Сторож

Бог — твоя сущность!..

Закованная

Тогда я вырву Бога из груди!

Сторож

Тля богохульная!

Закованная

Я осквернила
Бога?
Или Бог
Осквернил
Человека?
О, как чудовищен
Закон вины!
Капкан,
В котором люди
Барахтаются рядом с людьми.
Бог на скамье подсудимых,
Бога к суду!

Эхо

(издалека)

Бога к суду!..

(Шагающие заключенные останавливаются. Руки их протягиваются вперед.)

Заключенный

Мы обвинители!..

(Заключенные меркнут.)

Сторож

Ты свободна!
Выходи из клетки.

Закованная

Я свободна?

Сторож

Не совсем,
Впрочем, свободна!

(Сцена погружается в темноту.)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Тюремная камера. Столик, скамейка и железная кровать, заделанная в стену. Зарешетенное окно матового стекла. За столом сидит женщина.

Женщина

О, сладость проходить среди ржаных полей
В начале августа...
Передрассветный холодок в горах чуть оснеженных.
О, маленький жучок, в истоме полдня...
Ты, божий мир!..

(Женщину мягко окутывает тишина.)

Хотелось мне иметь ребенка!..

(Молчащая тишина.)

О, надвое расщепленная жизнь, —
Скована с общим делом, скована с мужем-врагом,
Неужели врагом?
Прикована к врагу?
К самой себе прикована?
Пусть он придет — рассеет колебанье...

(Камеру отпирают. Входит муж.)

Муж

Я здесь, жена, на голос твой явился.

Женщина

Муж!..
Муж!..

Муж

Я прихожу с хорошими вестями.
Уже недолго грязным языкам
Твое, мое марать придется имя.
Установила следственная власть,
Что ты в расстрелах дерзких неповинна.
Мужайся, не скреплен твой смертный приговор.
Даже к измене честный судия
Относится спокойно, благородно...

Женщина

(разрешается тихими слезами)

Я невинна...
Я без вины виновна...

Муж

Ты невинна.
Для юриста это очевидность.

Женщина

Что мне до юристов...
Я так измучена...
Так рада, что имя твое пощажено позором...

Муж

Я знал, что ты невинна.

Женщина

Да... Ты знал... судья так честен,
Ты так хорошо воспитан...
Насквозь тебя я вижу в этот миг...
И все-таки виновен ты, мой муж...
Да, ты — ответчик за убийства!

Муж

Я пришел к тебе, жена...
Ты дышишь ненавистью, жена!

Женщина

Полно, какая ненависть!
Люблю тебя по наговору крови...

Муж

Ведь я остерегал тебя от массы.
Кто будит массу — хаос ворошит.

Женщина

Кто создал хаос?
Поставил жернов мельниц золотых,
Что мелют, мелют прибыль дни и ночи..

Кто создал каторгу и освятил войну?
Кто мясом человеческих мильонов
Кормил алтарь безумных вычислений?
Кто сбросил массы в рудники проклятий,
Где по сегодня их вчерашний душит гроб?
Кто похитил у братьев образ человека,
В механику загнал?
Принизил до уровня машинных поршней? —
Государство!.. — Ты!..

Муж

Сознаньем долга жизнь моя сильна.

Женщина

О да... конечно... долг пред государством.
Ведь ты такой порядочный,
Уже сказала... насквозь тебя я вижу —
Такой порядочный...
А тем, что выдумали правовой порядок,
Скажи — они всегда были не правы.
Они виновны...
Все виновны...
Да, я виновна пред собой,
Виновна пред людьми.

Муж

Я не для этого к тебе пришел.
Что здесь такое? Суд революционный?

Женщина

Здесь созревает суд.
Я, подсудимая, — верховный судия,
И обвиненья тягостное право,
И приговор — за мной.
Последняя вина...
Подозревает ли, кто виноват последним.
Действовать стремятся люди —
Действие пурпурно от алой крови.
Бытия возжаждут люди —
А вокруг разъяренная пучина крови...
Знаешь, на ком последняя вина?
Дай руку мне твою,
Возлюбленный по наученью крови...

Я оказалась сильнее, чем ты думал...
Сильней, чем ты, сильней, чем я сама...

(Муж вздрагивает. Еле осознанная мысль искажает его лицо. Он вырывается наружу.)

Дай же мне руку...
Дай мне руку, брат...
И ты мне брат, —
Ушел, не мог помедлить...
Смертный путь — лежит сугробом,
Смертный путь — без провожатых,
Смертный путь — мать вслед не смотрит,
Смертный путь — молчанья лед.

(Дверь отворяется. Входит Безымянный.)

Безымянный

А ну, скажи, рассеялася хмара?
В сердце проник гибкий клинок прозренья?
Судья сказал: «человек» и «я прощаю».
Целебной для тебя была наука.
Поздравляю с выздоровленьем;
Снова наша!

Женщина

Ты... кто послал тебя?

Безымянный

Кто? Масса!

Женщина

Меня не позабыли!..
Вестник!.. Вестник!

Безымянный

Поручено тебя освободить!

Женщина

Меня освободить?
Я могу жить?..
Наладили побег?..
Мы убежим!..

Безымянный

Два сторожа подкуплены, а третий
Там, у ворот, сейчас удавлен мной.

Женщина

Удавлен... сейчас... из-за меня?

Безымянный

Нет, ради дела!

Женщина

Я не вправе
Через убийство сторожа воскреснуть.

Безымянный

Масса на тебя вновь предъявила право.

Женщина

А право сторожа?
Ведь сторож — человек.

Безымянный

Нет отвлеченных вообще людей:
Массовики — здесь,
Государственники — там.

Женщина

Человек наг!

Безымянный

Масса священна!

Женщина

Масса не священна!
Насилье — отец массы,
Несправедливость — ее мать...
Масса — это плененная тяга...
Масса — благочестивая вера...
Масса — чудовищная месть...
Масса — это молитвенная воля...

Масса — взрыхленное поле...
Масса — сплющенный народ.

Безымянный

А что такое — дело?

Женщина

Есть нечто большее, чем дело —
Освободить из массы человека,
И в братство переплавить массу.

Безымянный

Суровый ветер у ворот тюремных
Тебя, надеюсь, отрезвит.
Спеши.
Сосчитаны минуты.

Женщина

Ты не пришел освободить,
Ты избавленья не приносишь,
Но я хочу тебя назвать
«Удавлен мной».
Да, ты давить охотник,
Ты не безродный; твой отец — война,
Ее приплод, прижитый вне закона.
Ты — бедный маршал от намыленной веревки.
Словарь твой скудный: «Смерть» и
«Истребить».
Сбрось легкий плащ речей высокопарных,
Он саваном бумажным шелестит.

Безымянный

Убийцы — все на службе государства!

Женщина

Так, но убийство их не веселит,
И веруют в свое предназначенье.

Безымянный

За угнетателя — они, за государство!
А мы — за человечество стоим.

Женщина

Вы — ради человечества — убийцы,
Как те слепцы — во имя государства!
И многие из них мечтали простодушно,
Когда б одно отечество могло
Всю землю разрешить от несвободы.
Не различаются по существу
Убийцы на отечественный лад
Или международные убийцы, —
Те ценят голову блаженством сотен тысяч,
Другие — миллионов.
Кто убивает по наученью государства —
Тот палач;
Твой человечества убийца ходит
В сияющем венке, и все прозванья —
Хороший, добрый, мужественный, дерзкий —
К нему, как мухи к меду, льнут.

Безымянный

Кляни людей и жалуйся на жизнь!
Щадить народов скотское ярмо
Из уваженья к чувствам их хозяев?..
Ты думаешь, вина твоя смягчится
Твоим молчаньем?

Женщина

Чадный факел насилья твой озаряет путь...
Не новая твоя обетованная земля —
Старинная отчизна рабства!
И в гущу современности втолкнув,
Судьба тебе могущество вручила
Преследовать детей несчастных века!..
Они тебя спасителем считают!..
Но знаю, мачеха для них судьба!

Безымянный

Меркнет человек,
Святится масса.
Нам нужен опыт твой, а не павлиньи перья
геройства,
Носит каждый наследственности сумрачной зерно,
И у тебя недуг буржуазии:
Самообман и слабость.

Женщина

Ты людей не любишь.

Безымянный

Я — представитель высшего ученья:
Люблю грядущих!

Женщина

Всего на свете выше человек!
Ты отвлеченному ученью в жертву
Приносишь современников.

Безымянный

Правдивому ученью я принес их в жертву, —
Ты ж массу предаешь, ты губишь дело.
Развязки мы сегодня ожидаем.
Колеблющийся, ищущий опоры
Слуга господ, что нам мешают жить,
Слуга господ, что учат голодать,
Наш враг!

Женщина

Когда б я одного убила человека,
Ты мог бы бросить мне: «Предательница масс!»
Если ты деятель, погибни сам.
Слушай: не смеют люди убивать друг друга
Ради могучих помыслов своих.
Меркнет правда на стороне убийц.
Кто в правоте своей на кровь польстится,
Тот язычник,
Бог — язычник,
Государство — язычник.
Масса — язычник.

Безымянный

А кто же свят?

Женщина

Прозреваю коммуну,
Союз труда и братства...

Безымянный

Суровым подвигом народ освободится.
Ошибку смертью искупи,
Быть может, смерть твоя нам пригодится.

Женщина

Я родилась, чтоб вечно жить.

Безымянный

Живешь ты слишком рано.

(Безымянный покидает комнату.)

Женщина

Вчера ты был жив,
Сегодня живешь,
Но завтра ты мертв.
Я же бессмертна. Из круга в круг,
Из личины в личину,
Но суждено мне
В будущем вырасти
В чистое, дружное человечество!

(Входит священник.)

Священник

Вкуси последнего причастья,
для преступников у церкви есть дары.

Женщина

Кто вас уполномочил?

Священник

Власти заботливо мне сообщили обо всем.

Женщина

Куда вы прятались в день черного суда?
Идите...

Священник

Бог милостив, тебя я не чуждаюсь,

Добрым тебе казался человек в твоих мечтаньях,
И дерзкою ты оскорбила смутой
Чин государства и святой порядок,
Но первосущность человека — зло.

Женщина

Хочет быть добрым человек.

Священник

Побасенки упадочных времен.
Рожденный от отчаянья и страха,
Он дышет восковою оболочкой
Оплаканной и выклянченной веры.
Верь: никогда не соблазнится он добром.

Женщина

Он хочет добрым быть, и в самом преступленьи
Он кутается в зябкий плащ добра.

Священник

С лица земли сотрутся все народы,
Но рая быть не может на земле.

Женщина

Я верую.

Священник

Припомни:
Веселый, крепкий, буйный пляс земной.

Женщина

Я верую.

Священник

Земная жизнь — круг вечных превращений,
Беспомощность. Спасенье — в божестве.

Женщина

Я верую...
Мне холодно...
Уйдите...

(Священник уходит. Входит офицер.)

Офицер

Вручаю приговор.
Смягчающие обстоятельства доказаны.
Однако, измена требует возмездья.

Женщина

Вы расстреляете меня?

Офицер

Приказ — приказ.
Не рассуждать — не рассуждать.
Интересы общества,
Государственный порядок —
Долг офицера.

Женщина

А человек?

Офицер

Всякие разговоры запрещены.
Приказ — приказ.

Женщина

Я готова.

Офицер и женщина выходят. Несколько секунд камера остается пустой. Две арестованные женщины в каторжных халатах заглядывают, останавливаются у двери.

Первая арестованная

Видела, — офицер приходил
С золотыми галунами.

Вторая арестованная

Я видела гроб — в прачешной — желтые доски.

(Первая арестованная, увидев на столе хлеб, бросается к нему.)

Первая арестованная

Вот хлеб — можно есть!
Можно есть, можно есть.

Вторая арестованная

Мой хлеб, мой хлеб, мой хлеб!

Первая арестованная

Вот зеркало — красиво! — стянуть,
Вечером в камере.

Вторая арестованная

Вот шелковый платок!
Голая грудь, — шелковый платок...
Стянуть, вечером, в камере...

(Снаружи в камеру врывается резкий треск ружейного залпа. Женщины в испуге простирают отпрянувшие руки, Первая арестованная вытягивает из-под юбок спрятанное зеркало. Спешно кладет на стол обратно. Плачет, роняет лицо в ладони.)

Первая арестованная

Сестра, зачем мы взяли это?

(В глубокой беспомощности ее руки повисают в воздухе. Вторая арестованная ищет в платье спрятанный шелковый платок, поспешно кладет его обратно на кровать.)

Вторая арестованная

Сестра, зачем мы сделали это?

(Вторая арестованная надрывается, прячет голову в ладони.)

Занавес.

204[1].

ПИВНЫЕ

Сухопарый сгорбленный старик, с козлиным лицом и оловянными бляхами глаз, неверной походкой, нагибаясь и покачиваясь, вылез из маленькой стеклянной дверцы отдельного кабинета и невидящим глазом окинул пивную. При его входе все стихло. Головы повернулись. Завсегдатаи объясняли новичкам: 30 лет поет, всю программу знает. Вслед за ним вышел хор и аккомпанемент. Два гармониста в скрипучих сапогах и русских рубахах, — просто парни с ярмарки, — уселись на скамье, усердно качаясь, растягивали и собирали свою жалобную пищалку. По бокам, по двое в профиль к публике окаменели певцы. Старик управлял хором. Подвижное хитрое лицо подмигивало, глаза щурились, указательный палец выразительно вытягивался, голова нервно качалась.

Это была его привилегия — козлиная выразительность. Остальные не шелохнулись.

Свой репертуар, свои привычки, свой давний обычай каменной выразительности. Маленький ресторанчик, не для публики из городского центра, а для окраин, для подмастерий и мелких дельцов. Во всех городах, во всех странах вас зовут по-особому. И крепко держатся ваши обычаи.

Посетители хорохорятся, грудь колесом, за свои деньги. — Эй, дайте бумаги. — Вам для чего, для дела, или между собой посчитаться? — «Между собой посчитаться» — это главный нерв пивной, ее настоящая деловая душа. Здесь не любят начинать дел. Здесь любят их кончать. Это не биржа, а «дом отдыха» и последний акт трубных и сухаревских сделок. В пивную приходят «обдумать дело» и между собой посчитаться.

Ряд мелких судебных процессов за последнее время указывает на пивную, как на место, где созревала мысль о преступлении, происходил сговор, обсуждались подробности.

Сюда мещанин, запутавшийся, подавленный лицемерием и несчастьями, ревностью, банкротством приходит набираться храбрости «на поступок».

Восклицания певцов, самоуверенные пьяные голоса, чад, звон, угар, — все это взвинчивает слабую тщедушную волю, и смотришь, под низким упрямым лбом уже созрела мысль: или вернуться домой, шатаясь, с вымышленным

расказом о грабителях, или разжалобить кредиторов потоплением в Чистых Прудах, или выкрасть из суда с помощью «верного человека» неприятное дело. Между седыми столиками, как зверек, шныряют плутня и взятка.

В грузинском духане с того столика, где остановятся музыканты, должен обязательно встать гость и проплясать лезгинку. Такой обычай.

Но русский хор не вмешивается в домашнюю жизнь историка. Хочешь слушай, хочешь нет. Он каменный — никаких интимностей, никаких предложений, спел и ушел в стеклянную дверь: допивать остатки пива.

Где сейчас лубки, куда перешли они со стен московских трактиров? Где машина «орган»? Это вывелось; все больше ресторанов, все меньше трактиров, все чаще стакан вместо «пары чая». Только пивные еще придерживаются старых обычаев, но уже и в них часто каменные лица хора сменяются бойким актерским заигрыванием, и вместо «Не даром поэты...» — полугусарский, полуопереточный репертуар.

‹1923›

ТОМ 3

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

219^1.

Уста запеклись и разверзлись чресла.
Весь воздух в стонах родовых:
Это Мария Петровых
Рожает близнецов — два театральных кресла.

‹1933 — 1934›

219^2.

Большевикам мил элеватор,
Французам мил стиль элевэ,
А я хотел бы быть диктатор,
Чтоб скромность воспитать во Льве.

‹1933 — 1934›

219^3.

Эмаль, алмазы, позолота
Могли б украсить египтян,
Моей же девы красит стан
Аршин трико иль шевиота.

‹1933 — 1934›

СТРОКИ ИЗ НЕЗАКОНЧЕННЫХ ИЛИ УТЕРЯННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

257[1].

Эме Лебеф любил старух...

‹1933 — 1934›

260[1].

Кинешь око удивленное
На прошедшие года.

‹1937, не ранее мая›

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании письма Мандельштама расположены в хронологической последовательности (в той степени, в которой это позволяет сделать возможная на сегодня точность датировки).

В отдельный подраздел вынесены коллективные письма, отношение Мандельштама к которым едва ли выходило за рамки проставления им своей подписи.

Орфография и пунктуация в письмах в основном приведены к современным нормам, однако некоторые характерные особенности правописания Мандельштама сохранены. Очевидные описки и опечатки исправлены без оговорок. Конъектуры даются в угловых скобках, неавторский текст — курсивом в угловых скобках. Отточиями в угловых скобках обозначены утраченные части или обрыв авторского текста. Приписки, части писем и письма, принадлежащие другим адресантам, набраны петитом.

Примечания Мандельштама отмечены астериском (*), подстрочные примечания составителей снабжены цифровой нумерацией и набраны курсивом; неавторские переводы иноязычных текстов даны прямым петитом с цифровой нумерацией. Подчеркнутые Мандельштамом слова и фразы выделяются курсивом, многократно подчеркнутые — полужирным шрифтом.

Даты после фамилий адресатов писем приводятся без скобок только в тех случаях, когда они указаны непосредственно в тексте письма, не содержат описок и не противоречат другим достоверным данным. Даты, определяемые по почтовым штемпелям (для писем) или по пометам телеграфистов (для телеграмм) даны в квадратных скобках. В остальных случаях даты приводятся в угловых скобках, а установленные предположительно сопровождаются знаком вопроса.

Во избежание путаницы для писем, написанных до 1918 г. (в том числе из-за границы), дается двойная датировка — по старому и (в скобках) по новому стилю.

Тексты писем, оригиналы которых находятся в *АМ* (за исключением писем №№ 77, 119, 136, 137, 139, 146, 147, 163, 166, 171, 175, 182, 183, 216, 239), подготовлены к печати С. Василенко и Ю. Фрейдиным; письма из *АЕМ* — С. Василенко и П. Нерлером, остальные — П. Нерлером и А. Никитаевым. В текстологической работе и при составлении комментариев были учтены и использованы результаты предшествующих публикаций.

В используемые в комментариях аббревиатуры внесен ряд изменений:
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (б. *ЦГАОР*)
РГАЛИ — Российский государственный архив (б. *ЦГАЛИ*)
РГБ — Российская государственная библиотека (б. *ГБЛ*)
РНБ — Российская национальная библиотека (б. *ГПБ*)
СПбГАЛИ — Санкт-Петербургский государственный архив литературы и искусства (б. *ЛГАЛИ*).

1. *К-90,* с. 202.

Почтовая карточка — фотооткрытка с изображением памятника 1000-летия России в Новгороде — *АЕМ.* Адрес: С.-Петербург, Литейный пр., д. № 15, кв. 21. Его Высокоблагородию Э. В. Мандельштаму. Штемпели: Старая Русса. 5.V.1903; С.-Петербург. 6.V.1903.

Мандельштам, Флора Осиповна (урожд. Вербловская; 1866?–1916) — мать поэта; Мандельштам, Эмиль (Хацкель) Вениаминович (1852?–1938) — отец поэта, кожевенник.

Бабушка — С. Г. Вербловская (см. коммент. к письму № 30).

Женя — Е. Э. Мандельштам (см. коммент. к письму № 41).

2. *К-90,* с. 202.

Почтовая карточка — фотооткрытка с изображением Большой улицы г. Вильно — *АЕМ.* Адрес: Петербург, Сергиевская, 60, кв. 10. Мандельштам. Штемпель: Вильна — вокзал. 16.X.1907.

Написано по пути в Париж.

Ю.М. — Юлий Матвеевич Розенталь (около 1840 — не ранее 1916) — друг семьи Мандельштамов; см. о нем главу "Юлий Матвеич" в *"ШВ"* (II, с. 373–375) и "Воспоминания" Е. Э. Мандельштама (Новый мир, 1995, № 10, с. 123–124).

3. *К-90,* с. 202.

Почтовая карточка — фотооткрытка (см. I, с. 309) с надписью: "Funérailles de S. Em. Mgr. le Cardinal Richard Archevêque de Paris (1er février 1908). Arrivée du Cortége au Parvis Notre-Dame") ("Похороны Его Высокопреосвященства кардинала Ришара, архиепископа Парижского (1 февраля 1908). Прибытие траурной процессии к паперти Нотр-Дам") — *АЕМ.* Адрес: Russie, Petersbourg, Итальянская, 27/2, кв. 30. Е‹е› В‹ысоко›Б‹лагородию› Ф. О. Мандельштам. Штемпели: Paris. 5.II.1908; С.-Петербург. 27.I.1908. В авторской дате описка: "5.I.1908".

4. *ВРСХД,* 1974, № 111, с. 180–181; *СС-IV,* с. 115–116; в СССР — *К-90,* с. 203.

Автограф — *АМ.*

В. В. — В. В. Гиппиус (см. коммент. к письму № 5).

Люксембург — сад около одноименного дворца в Париже, недалеко от Сорбонны.

5. *ВРСХД,* 1970, № 97, с. 118–119; *СС-II(2),* с. 483; в СССР — *ЛО,* 1986, № 9, с. 109–110, с цензурной купюрой; полностью — *К-90,* с. 203–205.

Автограф — *ИРЛИ,* ф. 77, оп. 1, ед. хр. 219, лл. 1–2. На конверте адрес: Russie Petersbourg. Тенишевское училище. Моховая, 33. Для В. В. Гиппиуса. Штемпели: Paris. 28.IV.1908; С.-Петербург. 18.IV.1908.

Гиппиус, Владимир Васильевич (1876–1941) — литературовед и поэт (писал под псевдонимами Вл. Бестужев и Вл. Нелединский), преподаватель словесности в старших классах Тенишевского училища. Его личность оказала на Мандельштама мощное формирующее влияние (см. в *"ШВ"* главу "В не по чину барственной шубе").

"Мэонизм" (от др.-греч. "мэон" — "не-сущее") — философская система Н. Минского (Н. М. Виленкина; 1855–1937).

6. *К-90,* с. 205.

Почтовая карточка — фотооткрытка с видом г. Сиона в Швейцарии —

АЕМ. Адрес: Russie. Финляндия. Райвола. Дача Пец. А. Э. Мандельштаму. Штемпели: Ambulant. 6.VIII.1908; Raivola. 9.VIII.1908.

Мандельштам, Александр Эмильевич (1892–1942) — брат поэта; позднее стал библиографом, работал в различных издательствах.

"Они" — мать и младший брат Мандельштама Евгений, находившиеся в это время в Швейцарии.

7. *Иванов,* с. 262.

Почтовая карточка — *АВИ.* Адрес: С.-Петербург, Таврическая, 25, кв. 24 (этот адрес повторяется в других письмах В. И. Иванову (кроме неотправленного шуточного письма № 20) и в нижеследующих комментариях к ним опущен). Штемпели: Павловск. 20.VI.1909; С.-Петербург. 20.VI.1909.

Знакомство Мандельштама с Вяч. Ивановым произошло весной 1909 г. Их отношения, отраженные в одиннадцати письмах Мандельштама (ответные письма В. И. Иванова не сохранились), сыграли большую роль в поэтическом формировании Мандельштама.

8. *К-90,* с. 205.

Почтовая карточка — фотооткрытка с изображением террасы ресторана (Weinhaus) "Rheingold" ("Золото Рейна") на Потсдамской площади в Берлине — *АЕМ.* Адрес: Finnland, Мустамяки, д‹ача› Чебакова, А. Э. Мандельштаму. Штемпели: Kellomäki. 11.VIII.1909; Mustamäki. 11.VIII.1909. Лицевая и оборотная стороны открытки воспроизведены в кн.: Нерлер П. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994, с. 43.

9. *СС-II(2),* с. 486–488; *Иванов,* с. 262–263.

Автограф (на почтовой бумаге санатория l'Abri и дома отдыха в Монтрё-Территэ) — *АВИ.* Штемпели: Territet. 26.VIII.1909; С.-Петербург. 17.VIII.1909.

...о вашей книге. — Иванов Вяч. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., 1909.

"Заратустра" — кн. Фр. Ницше "Так говорил Заратустра".

Беатенберг — курорт в Швейцарии, на Тунском озере.

Монтрё — курорт в Швейцарии, на Женевском озере.

...несогласный на хоровод покидает круг, закрыв лицо руками. — Ср. в ст. "Кризис индивидуализма": "Умчался век эпоса: пусть же зачнется хоровой дифирамб. Горек наш запев: плач самоотрекающегося и еще не отрешенного духа. Кто не хочет петь хоровую песнь, пусть удалится из круга, закрыв лицо руками. Он может умереть, но жить отъединенным не сможет" (Иванов Вяч. Указ. соч., с. 99–100).

"Аполлон" — ежемесячный художественно-литературный журнал (первый номер вышел 25 октября 1909 г.). В этом журнале (№ 9, июль–август 1910 г.) состоялся поэтический дебют Мандельштама. Ср. письма №№ 10, 18.

"Остров" — литературный журнал (вышло два номера — в мае и сентябре 1909 г.). О планах возобновления журнала см. *Каблуков,* 6 апреля 1911: "А еще недавно он ‹Мандельштам›, Пястовский и Городецкий собирались издавать «Остров» вместе с Гумилевым".

"Кормчие Звезды" — первый стихотворный сборник Вяч. Иванова (СПб., 1903).

Демель (Dehmel), Рихард (1863–1920) — немецкий поэт натуралистического направления, весьма популярный в начале века. Находился под сильным влиянием философии Ницше.

10. Отрывок — *Иванов,* с. 265; в сокращ. — *ВЛ,* 1986, № 3, с. 202; полностью — *К-90,* с. 207.

Почтовая карточка — *РГАЛИ,* ф. 6, оп. 1, ед. хр. 350. Адрес: Russie. Petersbourg. Царское Село, Захаржевская, д‹ом› Пампушко, Е‹го› В‹ысоко›Б‹лагородию› И. Ф. Анненскому. Штемпели: Ambulant. 30.VIII.1909; Царское Село. 21.VIII.1909. Переадресовка: Мариинская, 3, кв. 61.

Мандельштам относился к И. Ф. Анненскому с неизменным глубоким уважением; 3 декабря 1911 г. на заседании Общества ревнителей художественного слова он выступил с речью памяти Анненского (см.: Чудовский В. Общество ревнителей художественного слова — Русская художественная летопись, 1911, № 20, с. 321); см. также I, №№ 256, 264 и др.

11, 12. *ВЛ,* 1987, № 7, с. 187, 188 (в ст. В. Купченко "Осип Мандельштам в Киммерии").

Автографы — *ИРЛИ,* ф. 562, оп. 3, ед. хр. 818, лл. 1–9.

Первое знакомство Мандельштама с Волошиным произошло в конце 1906 или начале 1907 г. Вторично они сближаются весной 1909 г., однако на письма Мандельштама Волошин не ответил.

Вячеслав Иванович... не ответил мне на письмо, о котором просил однажды. — Вероятно, имеется в виду письмо № 9 (ср. письмо № 13).

...мой адрес: Heidelberg... — С сентября 1909 по апрель (?) 1910 г. Мандельштам жил в Гейдельберге; в течение зимнего семестра 1909/10 гг. был студентом Гейдельбергского университета. См.: Нерлер П. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994.

13. *СС-II(2),* с. 488; *Иванов,* с. 265.

Почтовая карточка — *АВИ.* Штемпели: Heidelberg. 26.X.1909; С.-Петербург. 16.X.1909.

14. Tartu Riiklik Ülikool ‹Тартуский Государственный Университет›, 1968, 12 января (в публ. [б. п. ‹Г. Г. Суперфин›] "Архивные находки о Мандельштаме"); *СС-II(2),* с. 489; *Иванов,* с. 265–267.

Почтовая карточка — *АВИ.* Штемпели: Heidelberg. 4.XI.1909; С.-Петербург. 25.X.1909.

15. *СС-II(2),* с. 489; *Иванов,* с. 267–268.

Автограф — *АВИ.* Штемпели: Frankfurt-Karlsruhe-Basel Bahnpost. 24.XI.1909; С.-Петербург. 15.XI.1909.

16. *СС-II(2),* с. 490; *Иванов,* с. 268–269.

Автограф — *АВИ.* Штемпели: Heidelberg. 26.XII.1909; С.-Петербург. 16.XII.1909.

17. *СС-II(2),* с. 490; *Иванов,* с. 269.

Автограф — *АВИ.* Штемпели: Heidelberg. 30.XII.1909; С.-Петербург. 20.XII.1909.

Dans l'interminable ennui... — начальные слова ст-ния Верлена из сборника "Песни без слов" (1874).

18. *К-90,* с. 210.

Автограф — *АЛ.* На конверте адрес: Петербург, "Аполлон", Мойка, 24.

Штемпели: Гельсингфорс. 10.VII.1910; С.-Петербург. 28.VI.1910. На листке помета: "отв‹ечено›".

Маковский, Сергей Константинович (1877–1962) — литератор, художественный критик, редактор-издатель журн. "Аполлон" (1909–1917). В своих поздних воспоминаниях (Портреты современников. Нью-Йорк, 1955) Маковский относил начало своего знакомства с Мандельштамом к концу 1909 г. Эти сведения не могут быть признаны достоверными, поскольку с июля 1909 г. Мандельштам находился за границей (см. письма №№ 8–17). По обоснованному предположению А. Г. Меца, знакомство Маковского с Мандельштамом следует датировать маем-июнем 1909 г., т. е. временем, когда Мандельштам посещал занятия по стихосложению на "Башне" Вяч. Иванова (см. *К-90,* с. 346). Косвенно знакомство Мандельштама с редакцией "Аполлона" (т. е. с С. К. Маковским) уже в августе 1909 г. подтверждается письмом № 10.

Посланные ст-ния ни в "Аполлоне", ни в других изданиях напечатаны не были. В девятом номере "Аполлона" за 1910 г. (июль-август) опубликованы пять других ст-ний Мандельштама.

19. *Иванов,* с. 260.

Автограф, вклеенный в дневник С. П. Каблукова — *Каблуков,* 18 августа 1910, со следующим пояснением: "...написанное им ‹Мандельштамом› под мою диктовку с моих слов и неотправленное письмо Вяч. Иванову я помещаю здесь на об. л. 330 и 331". Датируется по времени отъезда Мандельштама из Хангё (Ханко; Финляндия) в Берлин.

Написано в санатории в местечке Хангё, где Мандельштам познакомился с С. П. Каблуковым, секретарем Религиозно-философского общества, близким знакомым Вяч. Иванова. "В Хангё я ежедневно и подолгу беседовал с ним о поэзии ‹...›. Я полюбил его за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашаюсь с некоторыми его суждениями об Анненском и Малларме как о великих поэтах, о Бальмонте как о «поэте для толпы», новом Надсоне, о значении Баратынского и Дельвига. Приходя ко мне, И‹осиф› Э‹мильевич› много читал мне вслух стихов, и своих, и Брюсова, и В. Иванова, и Анненского, и Вл. Гиппиуса" (*Каблуков,* 18 августа 1910).

Неудержимо падай... — из ст-ния "Единственной отрадой..." (I, № 51).

20. *Иванов,* с. 270–273.

Автограф — *АВИ,* на десяти отдельных пронумерованных листках. Заказное письмо из Целендорфа (пригород Берлина; ныне в черте города).

21. *СС-II(2),* с. 491; *Иванов,* с. 273.

Почтовая карточка (с видом санатория в Хювинкя) — *АВИ.* Штемпель: Hyvinkää. 15.III.1911.

"Академия" — Общество ревнителей художественного слова.

22. *СС-II(2),* с. 491; *Иванов,* с. 273–274.

Автограф (на почтовом конверте-бланке санатория Viipuri в Конкала) — *АВИ.* Штемпели: Выборг. 3.IX.1911; С.-Петербург. 22.VIII.1911; Силламяэ. 24.VIII.1911.

...в его архиве имеется ряд писем Тютчева к Плетневой. — Местонахождение писем Ф. И. Тютчева к А. В. Плетневой (1826–1901), позже подаренных А. Ф. Кони Отделению русского языка и словесности Академии наук, в настоящее время неизвестно.

23. Публикуется впервые.

Автограф на одном листе с черновиком ст-ния "Рассеен утренник тяжелый..." (1913; I, № (122, 123)а) — *АИ*.

"Записки" — по-видимому, редакция петербургского журн. "Северные записки". В этом журнале (1913, № 9) были опубликованы два ст-ния Мандельштама (I, №№ 46а, 83а).

24. Молодой коммунар (Воронеж), 1988, 20 октября, в ст.: Лурье Ф. Из архива П. Е. Щеголева (с датировкой: декабрь 1914).

Автограф (на бланке конторы журнала "Современник") — *ИМЛИ*, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 279.

В *К-90*, с. 211, 347 предположительно датируется 1913 годом (по времени публикации в журнале стихов акмеистов — С. Городецкого и Н. Гумилева).

Щеголев, Павел Елисеевич (1877–1931) — историк и литературовед, в 1912–1914 гг. сотрудничал в журн. "Современник", где вел исторический и историко-литературный отделы. Ст-ния Мандельштама в журнале не публиковались.

...с содержанием моего стихотворения. — Ст-ние в фонде Щеголева в *ИМЛИ* отсутствует.

25. *К-90*, с. 280, в ст.: Мец А. Г. "Камень".

Автограф (с входящим штемпелем 29 мая 1914) — *ИРЛИ*, ф. 428, оп. 1, ед. хр. 70).

Аверьянов, Михаил Васильевич (1867–1941) — книгоиздатель. В первой половине 1914 г. в его издательстве готовилось второе издание сборника Мандельштама "Камень" (книга не вышла).

26. *К-90*, с. 211; *ЛО*, 1991, № 1, с. 82 (в публ.: Морозов А. А. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова).

Почтовая карточка, вклеенная в дневник Каблукова — *Каблуков*, 13 июля 1914. Адрес: Ст‹анция› "Курорт" Приозерской жел‹езной› дор‹оги›, 2-й Пансионат Сестрорецкого курорта. Штемпели: Выборг. 24.VII.1914; Сестрорецк. 12.VII.1914.

Каблуков, Сергий Платонович (1881–1919) — по профессии преподаватель математики и астрономии, в 1909–1913 гг. секретарь Религиозно-философского общества, председатель его Христианской секции; близкий друг Мандельштама в 1910–1917 (их знакомство произошло в июле 1910 г. в Хангё (Финляндия) — см. письмо № 19).

Римский-Корсаков, Андрей Николаевич (1870–1940) — музыковед, педагог, друг и сослуживец С. П. Каблукова, сын композитора Н. А. Римского-Корсакова.

27. Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935, с. 119–120.

Автограф — *ИРЛИ*, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 438. На конверте адрес: ЕВБ Федору Кузьмичу Тетерникову. Здесь ‹Петроград›. Разъезжая ул., д. 31. Штемпели: 27.IV.1915 (два).

...участвовать в вечере, устроенном Тенишевским училищем в пользу одного из лазаретов... — Речь идет о благотворительном "Вечере петроградских поэтов" в пользу лазарета Вольно-экономического общества, состоявшемся в Тенишевском училище 18 апреля 1915 г. Одним из организаторов вечера был Е. Э. Мандельштам. Отметим, что 25 января 1915 г. Мандельштам выступал на аналогичном вечере "Писатели — воинам" (в

пользу Лазарета деятелей искусств) в Александровском зале Городской думы, в организации которого активно участвовал Ф. Сологуб (Биржевые ведомости, веч. вып., 1915, 24 и 26 января; *ЛН*, т. 89, М., 1978, с. 345–346). По-видимому, инцидент, о котором идет речь в письме, был не более чем эпизодом в отношениях двух поэтов. Ровно через год, например, 15 апреля 1916 г., оба они принимали участие в "Вечере современной поэзии и музыки" в Тенишевском училище (афиша). См. также письмо № 122 и коммент. к нему.

28. *СС-II(1-е изд.); СС-III*, с. 196; в СССР — *Соч., т. 2*, с. 439.

Автограф — Сектор рукописей Государственного Русского музея, ф. 97, № 155. На полях помета: "отв‹ечено›".

...статья о Чаадаеве... — Имеется в виду ст. "Петр Чаадаев", напечатанная в журн. "Аполлон", 1915, № 6–7 (август-сентябрь). См. I, № 259.

29. *СС-III*, с. 196; в СССР — *К-90*, с. 212.

Почтовая карточка — фотооткрытка с надписью: "Крым. Кок-Тебель. Сюрю-Кая в облаках" — *АМ*. Адрес: Петроград, Большая Монетная, 15, ЕВБ Ф. О. Мандельштам. Штемпели: Коктебель. 20.VII.1915 (два). В июне — сентябре 1915 г. Мандельштам жил в Коктебеле в пансионате Е. О. Волошиной.

30. Публикуется впервые.

Автограф — *АЕМ*.

Вербловская, Софья Григорьевна (?–1917?) — бабушка Мандельштама со стороны матери.

Юлий Матвеевич — Розенталь; см. коммент. к письму № 2.

...я занят нашим Тенишевским лазаретом... — см. "Воспоминания" Е. Э. Мандельштама (Новый мир, 1995, № 10, с. 137–138).

Семен Григорьевич Вербловский — дядя Ф. О. Мандельштам.

Елизавета Феодоровна — его жена.

Дядя Генрих — по-видимому, дядя Мандельштама с материнской стороны.

Тетя и Миша — его жена и их сын.

31. *СС-III*, с. 196–197 (между с. 208 и 209 воспроизведен автограф письма).

Почтовая карточка — *АМ*. Адрес: Петроград, Каменноостровский, 24а, кв. 35, ЕВБ Ф. О. Мандельштам. Штемпель: Коктебель Тавр‹ической› г‹убернии›. 20.VII.1916.

Мандельштам приехал в Коктебель 7 июня 1916 г. Письмо было написано за 3 дня до телеграммы о смертельной болезни матери. 24(?) июля Мандельштам с братом уехали из Феодосии, но успели только на похороны.

У нас все установилось благоприятно. — Мандельштам с братом Александром отдыхали в Коктебеле у Е. О. и М. А. Волошиных.

...я читал... на сцене летнего театра... — Подробнее об этом выступлении Мандельштама см. в статье В. П. Купченко "Осип Мандельштам в Киммерии" (*ВЛ*, 1987, № 7, с. 191).

...пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского... — Виндельбанд, Вильгельм (1848–1915) — нем. философ, глава баденской школы неокантианства, профессор философии в Лейпциге, Цюрихе, Фрайбурге, Страсбурге и Гейдельберге. Во время учебы Мандельштама в

Гейдельберге был проректором университета и читал курсы "Введение в философию" и "История и система теории познания", а также вел семинар "Кантовская критика силы суждения" (подробнее см.: Нерлер П. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994, с. 37).

Введенский, Александр Иванович (1856–1925) — русский философ-неокантианец; в 1897–1917 гг. председатель Санкт-Петербургского философского общества. В письме Мандельштама, очевидно, подразумевается классический труд В. Виндельбанда "История древней философии" (1888, 3-е изд. — 1912) или же его русский перевод, выполненный А. И. Введенским (1893).

Поздравляю с политехником. — В 1916 г. после окончания Тенишевского училища Е. Э. Мандельштам поступил в Политехнический институт в Петрограде.

32. Публикуется впервые.

Автограф — *РГАЛИ,* ф. 95, оп. 1, ед. хр. 631, л. 1.

Волынский, Аким Львович (наст. имя Флексер, Хайм Лейбович; 1861–1926) — критик и искусствовед.

Адамович, Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, один из руководителей второго "Цеха поэтов", о заседании которого говорится в письме.

33. Публикуется впервые.

Почтовая карточка — *РГАЛИ,* ф. 487, оп. 1, ед. хр. 72. Адрес: Здесь ‹Петроград›, Карповка, 30, кв. 9. ЕВБ Алексею Димитриевичу Скалдину. Штемпель: Петроград. 9.I.1917.

Скалдин А. Д. (1889–1943) — поэт, прозаик; в 1914–1917 гг. служил управляющим округа страхового общества.

Елизавета Константиновна Скалдина (урожд. фон Вальтер) — жена А. Д. Скалдина.

34. Slavia Orientalis (Warszawa), 1968, № 2, s. 209–210 (публ. Р. Пшибыльского); *СС-III,* с. 197–198.

Автограф — *АМ.*

Хазина (Мандельштам), Надежда Яковлевна (1899–1980) — жена Мандельштама.

Колачевский — неустановленное лицо.

..."бессмертной нежностью своей"... — Источник этой цитаты установить не удалось.

Выезжаю на днях. — О попытке Мандельштама вернуться в Киев через Одессу сведений не обнаружено.

Мочульский, Константин Васильевич (1892–1948) — критик и литературовед; автор воспоминаний о Мандельштаме (Даугава, 1988, № 2, с. 112–114); к нему обращено ст-ние "И глагольных окончаний колокол..." (I, № 220).

Паня, Катюша Гинзбург — неустановленные лица.

Мордкин, Михаил Михайлович (1881–1944) — артист балета, балетмейстер; с 1924 г. — в США.

Фроман, Маргарита Петровна (1890–1970) — балерина; с 1921 г. — в Югославии, с 1950 г. — в США.

35. *ЛУ,* 1988, № 5, с. 110–111 (в примеч. В. Купченко и З. Давыдова к публ. "Воспоминаний" М. Волошина). Печ. по *Слово,* с. 179–180.

Автограф (карандашом) — *ИРЛИ,* ф. 562, оп. 3, ед. хр. 818, лл. 10–11. Дата в письме — по ст. стилю.

Об истории ссоры Волошина и Мандельштама в 1920 г. см.: Купченко В. П. Ссора поэтов. — *Слово,* с. 176–183.

36. Slavia Orientalis, s. 211; *CC-III,* с. 198–199.

Автограф — *AM.* Адрес: Киев. Институтская, 2, кв. 4. Надежде Яковлевне Хазиной. (Тел. 33–61)

37. *CC-III,* с. 199–200.

Автограф — *AM.*

Хазина, Вера Яковлевна (?–1943) — мать Н. Я. Мандельштам (о семье Н. Я. Мандельштам см. очерки "Отец", "Семья" и "Девочки и мальчик" в кн.: Мандельштам Н. Книга третья. Париж, 1987).

Женя — Евгений Яковлевич Хазин (1893–1974), брат Н. Я. Мандельштам, литератор.

Яков Аркадьевич Хазин (?–1930) — отец Н. Я. Мандельштам, адвокат.

Анна Яковлевна Хазина (?–1939?) — сестра Н. Я. Мандельштам.

38. Публикуется впервые.

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 76, оп. 3, ед. хр. 124. На обороте листка адрес: Сергею Александровичу Полякову. Страстн‹ой› б‹ульвар›, д. 8, кв. 3.

Поляков С. А. (1874–1943) — литератор, переводчик; сын московского купца-миллионера; в 1900–1910-е годы владелец изд-ва "Скорпион", редактор-издатель журнала "Весы"; в 1920-е годы был казначеем Профессионального союза писателей, оказывавшего материальную помощь многим литераторам (в т. ч. и Мандельштаму).

39. Публикуется впервые.

Автограф — *РГАЛИ,* ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 5.

Балагин (наст. фам. Гершенович), Александр Самойлович (1894 — после 1940) — поэт, автор сборников "Огни сердца" (Ташкент, 1912; 1913), "Лунные флейты" (Ташкент, 1916), "Весенний ветер" (Пг., 1917), "Капризное сердце" (Тифлис, 1919; 1920), "Страна солнца. Стихи о востоке" (Тифлис, 1919; 1920).

40. Публикуется впервые.

Автограф — *ГАРФ,* ф. 395, оп. 9, ед. хр. 17, л. 252. На заявлении резолюция: "К изданию не принимать. 5/XII-22 г."

Калашников, Александр Георгиевич (1893–1962) — советский физик и педагог; в то время — заведующий редакционным сектором Госиздата РСФСР (впоследствии — министр просвещения РСФСР и академик АПН РСФСР).

Геббель, Христиан Фридрих (1813–1863) — немецкий драматург. Его стихотворная пьеса "Ирод и Мариамна" (1850) Мандельштамом переведена не была.

41. *Слово,* с. 57–58.

Автограф — *АЕМ.* На конверте: Евгению Эмильевичу Мандельштаму.

Мандельштам, Евгений Эмильевич (1898–1979) — брат поэта, в двадцатые годы сотрудник Ленинградского отделения Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК), позднее врач-гигиенист и эпидемиолог, в послевоенные годы сценарист научно-попу-

лярного кино, лауреат Государственной и Ломоносовской премий, автор воспоминаний о Мандельштаме (Новый мир, 1995, № 10).

По приезде купили хороший пружинный матрац... — Вот как описывает комнату Мандельштама в левом флигеле Дома Герцена Л. В. Горнунг: "Меня впустили в большую комнату. Посредине находился полосатый пружинный матрас, один конец которого был положен на табуретку. Вероятно, в комнате тогда шла уборка... Осип Эмильевич лежал на голом матрасе, закинув руки за голову. Каким-то чудом он не сползал с него вниз..." (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Публикации. Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990, с. 29).

Шура живет у нас... — С апреля 1922 г. Мандельштам с женой занимал комнату в писательском общежитии по адресу: Тверской бульвар, 25 (Дом Герцена).

...для переписки "Антологии". — Имеются в виду отрывки из "Антологии старофранцузского эпоса", гонорар за перевод которой Мандельштам получал в декабре 1922 г. (*СПбГАЛИ,* ф. 2968, оп. 1, ед. хр. 51, л. 169). Два списка этой так и не вышедшей книги хранятся в *ИМЛИ* (ф. 225, оп. 1, ед. хр. 1).

...я взял во "Всемирной" перевести драму за 3 миллиарда. — По-видимому, речь идет о пьесе Ж. Ромена "Кромдейр-старый", аванс за перевод которой Мандельштам получил также в декабре 1922 г. (*СПбГАЛИ,* ф. 2968, оп. 1, ед. хр. 50, л. 35).

"Всемирная" — петроградское издательство "Всемирная литература" (1918–1924); перевод Мандельштама вышел в 1925 г. в Ленинградском отделении Госиздата.

Татичка (Наташа) — Н. Е. Мандельштам (1920–1942), дочь Е. Э. Мандельштама и Надежды Дмитриевны Мандельштам (урожд. Дармолатовой), скончавшейся в ноябре 1922 г. после вторых родов; см. о ней в "Воспоминаниях" Е. Э. Мандельштама ("Новый мир", 1995, № 10, с. 176) и альм. "Лица", т. 5, М.–СПб., 1994, с. 487.

Мария Николаевна Дармолатова (?–1942) — теща Е. Э. Мандельштама.

Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова; 1891–1949) — поэтесса, свояченица Е. Э. Мандельштама.

42. *Слово,* с. 58.

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 225, оп. 1, ед. хр. 15. В оборванном левом верхнем углу — помета: "‹Не пред?›усмотрено. 15.XII. А. С."

Парнах, Валентин Яковлевич (1891–1951), Шепеленко, Дмитрий Иванович (1897–1972), Карпов, Пимен Иванович (1887–1963), Зубакин, Борис Михайлович (1894–1938?) — московские литераторы, поэты. С именем Парнаха связана повесть Мандельштама "Египетская марка". О дружеских отношениях Мандельштама с соседями по "Дому Герцена" свидетельствуют записи в альбоме Д. И. Шепеленко (*РГАЛИ*; см., в частности, II, №№ 54–56).

43. *Слово,* с. 59.

Автограф — *АЕМ.*

44. *СС-III,* с. 200–201.

Автограф — *АМ.*

...я должен ждать ответа Бухарина. — Обращение к Н. И. Бухарину было связано с третьим арестом Е. Э. Мандельштама (см. Новый мир, 1995, № 10, с. 156–158).

Меня ничто не задержит. — Окончание письма, возможно, утрачено.

45. *Слово,* с. 59.

Автограф (черновик письма-доверенности) — *АЕМ.*

5 ноября 1920 г. Мандельштам заключил с Я. Н. Блохом, владельцем издательства "Петрополис", договор на издание "нового сборника стихов под заглавием «Новый камень» размером от 4 до 6 печатных листов". Пункт 6 договора гласил: "Автор получает в качестве гонорара по сто (100) рублей за стих, уплачиваемые ему по мере сдачи материала Издательству. Уплатой всей следуемой суммы все права автора в отношении Издательства погашаются" *(РГАЛИ,* ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1 об.). Книга "Tristia", оформленная М. В. Добужинским, вышла в 1922 г. (на обложке — 1921) под заглавием, предложенным М. А. Кузминым. Об отношении автора к изданию "Tristia" красноречиво говорят следующие две надписи: 1) "Книжка составлена без меня против моей воли безграмотными людьми из кучи понадерганных листков. О. Мандельштам. 5/II/23" (по-видимому, авторский экземпляр; Библиотека *ГЛМ);* 2) "Дорогому Давиду Исааковичу Выгодскому — с просьбой помнить, что эта книга вышла против моей воли и без моего ведома. О. Мандельштам. 10.XI.1922" (частное собр.; сообщено А. Г. Мецем).

46. *ЛО,* 1986, № 9, с. 110 (публ. П. Нерлера).

Автограф (красными чернилами) — архив Л. В. Горнунга (воспроизв. — *Соч., т. 2,* вклейка); помета на письме "25.12.23" принадлежит адресату и, предположительно, обозначает дату получения этой записки (Мандельштам передал ее через Н. Ф. Бернера).

Горнунг, Лев Владимирович (1902–1993) — поэт, литературовед, фотограф; в 1920-е гг. работал в Государственной академии художественных наук. В конце июля или начале августа 1923 г. (незадолго до отъезда О. Э. и Н. Я. Мандельштам в Гаспру) принес тетрадку со своими стихами на просмотр Мандельштаму, возвратившему стихи вместе с этой запиской. См.: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме // Жизнь и творчество О. Э.Мандельштама: Воспоминания. Публикации. Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990, с. 26–35.

47. *Слово,* с. 61.

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 225. оп. 1, ед. хр. 16.

Кубу (ЦЕКУБУ) — Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

48. Публикуется впервые.

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 157, оп. 1, ед. хр. 419. На заявлении помета: "Заслушано. Принято к сведению. Протокол 31 авгу‹ста› ‹1›923".

49. Столица, 1991, № 9, с. 54–55 (публ. Е. Ю. Литвин).

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 225, оп. 1, ед. хр. 17; автограф фрагмента черновика этого заявления, с авторской пометой: "Это «часть» моего письма в Союз. О.М." — *РГАЛИ,* ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 4.

Свирский, Алексей Иванович (1865–1942) — писатель, член ВКП(б) с 1919 г., автор сборников очерков и рассказов "Ростовские трущобы" (1893), "Погибшие люди" (1898), "Еврейские рассказы" (1909); особенно популярной была его повесть для детей "Рыжик" (1901).

...я говорю не о "юбилее". — Возможно, имеется в виду отмечавше-

еся 23 октября 1922 года тридцатилетие литературной деятельности А. И. Свирского; в вечере, наряду с М. Арцыбашевым, А. Соболем, И. Потапенко, С. Городецким, М. Криницким, И. Белоусовым, Н. Ашукиным, Ю. Соболевым и П. Орешиным, участвовал и Мандельштам (см.: Новая русская книга (Берлин), 1922, № 10, с. 36).

В Заявлении упомянуты литераторы *Потапенко, Игнатий Николаевич (1856–1929), Клычков* С. А. (см. коммент. к письму № 172), *Шепеленко* Д. И. (см. коммент. к письму № 42), *Ширяевец* А. В. (см. письмо № 55), литературовед *Благой, Дмитрий Дмитриевич (1893–1984),* впоследствии член-корреспондент АН СССР, автор многочисленных работ о Пушкине и поэтах его времени. Известен уничижительный отзыв о нем Мандельштама в "Четвертой прозе" ("лицейская сволочь Митька Благой"). О получении Д. Благим комнаты в "Доме Герцена" в 1922 г. см. запись беседы Н. И. Харджиева с Мандельштамом 16 апреля 1934 г. — *ЛГ,* 1992, 1 июля, с. 6.

50. *Слово,* с. 60–61.

Автограф — *АЕМ.*

...я отказался от комнаты (письмом в Союз). — См. письмо № 49.

51. Столица, 1991, № 9, с. 55.

Автограф — *ИМЛИ,* ф. 225, оп. 1, ед. хр. 18. На заявлении пометы: "К делу. А. С.‹?›" и "‹*1 нрзб.*› в Протоколе от 9.XI.23".

52. *СС-III,* с. 201–202, и *СС-IV,* с. 118–119 (окончание письма).

Автограф — *АМ.*

...жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. — Е. Я. Хазин жил в то время по адресу: Савельевский пер., д. 9.

...мы уже месяц как переехали... — В комнату по адресу: ул. Б. Якиманка, д. 45, кв. 8 — Мандельштам с женой переехал в конце октября 1923 г.

Последнюю работу для себя я сделал летом. — Мандельштам имеет в виду "Шум времени" (II, № 214).

Пусть он отдохнет, поищет работы... — Осенью 1923 г. Е. Э. Мандельштам был освобожден после третьего ареста.

Парнок — В. Я. Парнах (см. коммент. к письму № 42).

53. *Слово,* с. 61–62.

Автограф — *АЕМ.*

Герман — по-видимому, дядя Мандельштама по отцу, живший в Варшаве.

Гольц — знакомый Э. В. Мандельштама.

Обещал заведующий Госиздатом. — В 1923 г. Госиздатом РСФСР заведовал О. Ю. Шмидт (1891–1956).

54. Публикуется впервые.

Автограф — семейный архив Б. В. Горнунга (собрание М. Б. Горнунга).

Горнунг, Борис Владимирович (1900–1976) — литературовед, сотрудник Государственной академии художественных наук и участник Московского лингвистического кружка, членом которого состоял и Мандельштам. См. шуточное ст-ние Мандельштама, обращенное к братьям Борису, Льву и Юрию Горнунгам (II, № 84).

Л.К. — Лингвистический Кружок.

55. The Slavonic and East European Review, 1985, v. 63, № 2, p. 278 (публ. Г. Маквея).

Авториз. машинопись — *ИМЛИ,* ф. 29, оп. 3, ед. хр. 30.

Ширяевец (Абрамов), Александр Васильевич (1887—1924) — поэт; входил в группу так наз. "новокрестьянских поэтов"; сохранились его письма к П. С. Поршакову периода жизни в "Доме Герцена" (*ИМЛИ;* отрывки опубликованы в работе Г. Маквея (см. выше), а также М. Нике — Cahiers du monde russe et soviétique, 1985, t. 26, № 3—4, p. 434—436).

56. *СС-IV,* с. 116.

Автограф — *РГАЛИ,* ф. 1893, оп. 2, ед. хр. 2. На обороте л. 2: "Софье Захаровне Федорченко".

Федорченко, Софья Захаровна (1880—1959) — писательница, автор книги "Народ на войне". "До нас постоянно доходили непристойные рассказы из Коктебеля, распространяемые поклонницами Волошина, и Мандельштам очень резко на них реагировал. Сохранилось его письмо к Федорченко, побывавшей в Коктебеле и послушавшей тамошних рассказов" (*НМ-II,* с. 77). О поводе для упомянутых сплетен см. письмо № 35. Рассказ А. Ахматовой о реакции С. Федорченко на письмо Мандельштама записан П. Н. Лукницким в дневнике 12.05.1926 (см.: *Слово,* с. 127).

57. *ЛН,* т. 93 (Из истории советской литературы 1920—1930-х годов). М., 1983, с. 600—601 (публ. Е. А. Динерштейна). Печ. по этой публикации.

Автограф — Архив Горького.

Воронский, Александр Константинович (1884—1937) — партийный работник, писатель и литературный критик; основатель и ответственный редактор (1921—1927) журнала "Красная новь", организатор и председатель правления (1922—1927) изд-ва "Круг"; литературно-издательскую политику строил на поддержке писателей-"попутчиков". В изд-ве "Круг" был выпущен сборник стихотворений Мандельштама "Вторая книга"; стихи, переводы и статьи Мандельштама печатались в 1922—1924 гг. в журн. "Красная новь" и в редактировавшихся А. К. Воронским альманахе "Наши дни" и журн. "Прожектор".

...текст моих "Записок". — Имеется в виду "Шум времени"; об истории его издания см. *НМ-II,* с. 278. Впервые "Шум времени" был опубликован в 1925 г. в изд-ве "Время". В письме речь идет об одной из ранних, неудавшихся попыток публикации в журн. (или альманахе) "Красная новь" или в "Альманахе артели писателей «Круг»".

...переговоры с "Ленинградом". — Вероятно, имеется в виду частное изд-во А. И. Гессена "Петроград".

58. *Слово,* с. 63.

Автограф — *АЕМ.*

О сотрудничестве Мандельштама с изд-вом "Время" см. предисл. К. М. Азадовского и А. Г. Меца к публ.: Мандельштам О. Э. Внутренние рецензии и предисловие для издательства "Время" (*Слово,* с. 7—10).

59. Slavia Orientalis, s. 211—212; *СС-III,* с. 203—204.

Автограф — *АМ.*

Выгодский — см. коммент. к письму № 65.

Прибой — рабочее кооперативное издательство (Л.—М., 1922—1927), в редколлегию которого входил Д. И. Выгодский.

Лившиц, Бенедикт Константинович (1887–1938) — поэт, переводчик, автор мемуаров "Полутораглазый стрелец"; друг и соавтор Мандельштама по шуточным стихам и редактированию переводов.

Аня — А. Я. Хазина (см. коммент. к письму № 37).

Пошел... в газету. — Подразумевается редакция ленинградской "Красной газеты".

Горлин дал какого-то "Билли": 100 строк... — Горлин, Александр Николаевич (1878–1938) — переводчик и редактор, заведующий иностранным отделом Ленгиза. Речь идет о предложении перевести стихи из повести Дж. Тулли "Автобиография бродяги" (II, № 176). А. Н. Горлин был редактором перевода этой повести; он же распоряжался выдачей издательских гонораров (см. "Балладу о горлинках" — II, № 64).

Фин — фининспектор; летом 1925 г., когда Н. Я. Мандельштам лечилась в пансионате в *Луге,* фининспектор наложил секвестр на заработки Мандельштама (Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991, с. 349).

Саша — домработница Мандельштамов.

Доня (укр.) — доченька.

60. Slavia Orientalis, s. 212–213; *СС-III,* с. 204–205.

Автограф — *АМ.*

"Красная" — "Красная газета".

1002 ночь — роман шведского писателя Ф. Геллера "Тысяча вторая ночь", над переводом которого Мандельштам тогда работал (опубликован в 1926 г.).

Мариэтта — М. С. Шагинян (см. письмо № 173).

Фогель — врач, лечивший Н. Я. Мандельштам.

61. *ВРСХД,* 1977, № 120, с. 236; *СС-IV,* с.117.

Почтовая карточка — *АМ.* Адрес: Крым, Ялта. До востребования, Надежде Яковлевне Мандельштам. Штемпели: Ленинград. 17.X.1925 (три); Ялта. 20.X.1925.

...просят сделать 4 листа Рабле. — Перевод Рабле, по-видимому, выполнен не был. Ср. письмо № 130.

...диктую последние страницы "коврика". — Речь идет о несохранившейся прозе Мандельштама.

62. *СС-III,* с. 275.

Автограф — *АМ.*

Новорожденный дружок. — Н. Я. Мандельштам родилась 18 (30) октября 1899 г.

63. Slavia Orientalis, s. 213; *СС-III,* с. 205.

Автограф — *АМ.*

Деда — семейное прозвище Э. В. Мандельштама.

64. Slavia Orientalis, s. 215–216; *СС-III,* с. 208–209.

Автограф — *АМ.*

Ангерт, Давид Николаевич (1895–1977) — ответственный работник Ленгиза.

Сеятель — частное ленинградское изд-во (1922–1930); в этом изд-ве в переводе Мандельштама вышли две книги А. Барбюса: "Злючка-луна" (1925) и "Подвиги Лантюрло" (1926).

Турушка — температура.

Выгодские — Давид Исаакович Выгодский (см. коммент. к письму № 65) и его жена Эмма Иосифовна Выгодская (1900–1949), детская писательница, переводчик.

Бены — Бенедикт Константинович Лившиц (см. коммент. к письму № 59) и его жена Екатерина Константиновна Лившиц (урожд. Скачкова-Гуриновская; 1902–1987), балерина; автор воспоминаний о Мандельштаме (*ЛО,* 1991, № 1, с. 89).

Давид с Эммой невозмутимые испанцы. — Д. И. Выгодский был прекрасным знатоком и горячим популяризатором испаноязычной литературы.

...был у Пуниных. — Николай Николаевич Пунин (1888–1954), искусствовед, в 1923–1938 гг. муж А. Ахматовой; в его квартире во дворовом флигеле Шереметевского дворца (наб. р. Фонтанки, 34) жили также первая его жена Анна Евгеньевна Пунина (урожд. Аренс; 1892–1943), врач-терапевт, и их дочь Ирина (род. 1921).

Старушка — А. Ахматова.

Г. Иванов пишет в парижских газетах "страшные пашквили" про нее и про меня. — Речь идет о мемуарах Г. В. Иванова "Китайские тени" (Звено (Париж), 1924, 29 сентября и др.).

... "Шум времени" — вызвал "бурю" восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати... — Известны два из тех зарубежных откликов на "Шум времени", о которых могла сообщить Мандельштаму А. Ахматова: рецензия К. В. Мочульского "Проза Мандельштама" (Звено (Париж), 1925, 19 октября) и рецензия В. В. Вейдле (Дни (Париж), 1925, 21 октября); перепеч.: *ЛО,* 1991, № 1, с. 56–57 (публ. К. М. Поливанова).

...сегодня в Вечерней я прочел, что "вчера я ходил в Финотдел жаловаться на налоги". — В неподписанной заметке "Артисты, художники и писатели жалуются" (Красная газета (веч. вып.), 1925, 11 ноября), в частности, сообщалось: "«Большой день» был вчера в губернской комиссии по подоходному налогу. Обычная в комиссии публика — кустари, ремесленники и нэпманы — уступили вчера место ленинградским литераторам.

Корней Чуковский, П. Щеголев, К. Федин, И. Садофьев, М. Шагинян, А. Д'Актиль, В. Князев, О. Мандельштам и др. работники пера пришли вчера жаловаться на неправильное обложение подоходным налогом".

В части тиража того же номера газеты текст заметки изменен и приведенных фамилий в нем нет (см. также: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 326–329).

65. Публикуется впервые.

Телеграмма из Ялты — *СЛ.* Адрес: ‹Ленинград›, Моховая 9.

Выгодский, Давид Исаакович (1893–1943) — переводчик, литературовед, редактор иностранного отдела Ленгиза. Друг Мандельштама и Б. Лившица, которые посвятили ему шуточный сонет "На Моховой семейство из Полесья..." (II, № 65).

...рукопись Карстена. — Речь идет о переводе книги Г. Рихтера "Инженер Карстен". В *СЛ* сохранился договор Мандельштама с Ленгизом (от 24 октября 1925 г.) на этот перевод, а также доверенность Мандельштама Выгодскому на получение гонорара (от того же числа) — см. аннотир. каталог: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989, с. 307. Перевод издан не был.

66. *Слово,* с. 64.

Автограф — *АЕМ.*

О прежней сумасшедшей работе не может быть больше и речи. — Тем не менее работа по договорам продолжалась (см. телеграмму № 68).

"во дни торжеств и бед народных" — из ст-ния М. Ю. Лермонтова "Поэт" (1838).

Получил ли в "Звезде"? — Речь идет, по-видимому, о гонораре за перевод ст.: ‹Гартман›. Правительство и печать во Франции (Звезда, 1925, № 6 (ноябрь–декабрь), с. 237–250), позднее вошедшей в кн.: За кулисами французской печати. М.–Л., 1926.

67. *Слово,* с. 65–66.
Автограф — *АЕМ.*

68. *Слово,* с. 64.
Телеграмма из Ялты — *СПбГАЛИ,* ф. 2903, оп. 1, ед. хр. 80, л. 84.

В Ялту, где Надежда Яковлевна провела осень 1925 г. и зиму 1925-26 гг., Мандельштам приехал в середине ноября 1925 г. и пробыл там до конца января 1926 г. В телеграмме речь идет, по-видимому, о переводе книги М. Андерсена-Нексе "«Революция женщины» и другие рассказы" (перевод вышел в изд-ве "Прибой" в мае 1926 г.). 11 марта 1926 г. датировано следующее письмо: "Уважаемый Осип Эмильевич. Посылаю к Вам за последним листом Нексэ. Леон Борисович ‹Грюнберг, зав. отделом изд-ва «Прибой». — *Комм.*› просил передать, что получение книги необходимо сегодня же, т. к. в случае, если мы не сдадим ее сегодня в набор, книга запоздает с выходом, и издательство «Прибой» откажется от приема рукописи. С приветом Никитин" (*СПбГАЛИ,* ф. 2903, оп. 1, ед. хр. 80, л. 85).

69. *Слово,* с. 66.
Почтовая карточка — *АЕМ.* Штемпели: Ялта. 16.XII.1925; Ленинград. 22.XII.1925.

70. *Слово,* с. 66–67.
Автограф — *АЕМ.*

Нам очень хочется снять дачу... в "Китайской деревне"... — Лето 1926 г. О. Э. и Н. Я. Мандельштам жили на даче в Китайской деревне вместе с А. Я. Хазиной; часто приезжал к ним и Э. В. Мандельштам. По соседству жили Б. К. Лившиц с женой.

71. Slavia Orientalis, s. 214; *СС-III,* с. 205–206.
Автограф — *АМ.*
Написано на обратном пути из Ялты в Ленинград.

72. *ВРСХД,* 1977, № 120, с. 236; *СС-IV,* с. 217.
Почтовая карточка — *АМ.* Адрес: Ялта. Горный, 3. Пансион Тарховой. Н. Я. Мандельштам. Штемпели: Харьков. 30.I.1926; Ялта. 1.II.1926.

73. Slavia Orientalis, s. 214–215; *СС-III,* с. 206–208.
Автограф — *АМ.*

Твоему Жене Шура не успел передать. — Подразумевается, по-видимому, сообщение о приезде Мандельштама в Москву.

Ленгиз — разворошенный муравейник. Тенденция — не то сжать, не то уничтожить. — Речь идет о предполагавшемся расформировании Ленгиза в связи со сложным финансовым положением.

...получил 100 р. за "ничего" в "Звезде"... — По сообщению Н. Я. Мандельштам, речь идет об авансе от редакции журнала "Звезда".

Белицкий, Ефим Яковлевич — зав. отделом Петросовета, руководитель изд-ва "Эпоха" (Пг.–Берлин, 1921–1923), позднее ответственный работник Ленгиза.

Ионов — см. коммент. к письму № 130.

Надежда — домработница в семье Е. Э. Мандельштама.

74. Slavia Orientalis, s. 217–218; *СС-III,* с. 211–212.

Автограф — *АМ.*

Бройдо, Григорий Исаакович (1885–1956) — в то время заведующий Госиздатом РСФСР.

Жена Пунина — А. Е. Аренс (см. коммент. к письму № 64).

Трамвай ("2 трамвая") — книга стихов Мандельштама для детей, изданная в 1925 г.

Анна Андреевна — А. А. Ахматова.

Екатерина Константиновна — Е. К. Лившиц (см. коммент. к письму № 64).

Старуха — Тархова, хозяйка пансиона в Ялте, в котором останавливалась Н. Я. Мандельштам.

75. Публикуется впервые.

Телеграмма из Ленинграда — *АМ.* Адрес: Ялта, Горный, 3, пансион Тарховой. Мандельштам.

76. Slavia Orientalis, s. 217; *СС-III,* с. 209–210.

Автограф — *АМ.*

Телеграмма — № 75.

Модпик — см. коммент. к письму № 41. Членом МОДПИКа был и Мандельштам. Сохранилось его заявление о вступлении в это общество (на машинописном бланке; слова, вписанные Мандельштамом от руки, выделены курсивом):

"*28 мая 24.*

Вступая в члены Московского О-ва Драматических Писателей и Композиторов, обязуюсь подчиняться уставу О-ва и всем постановлениям общих собраний Общества.

«*28*» Мая 1924 года.

Имя, отчество и фамилия; псевдоним: *Осип Эмильевич Мандельштам.*

Адрес: *Москва. Б. Якиманка 45, кв. 8.*

Название пиесы, число актов, сочинение или переделка, как подписана пиеса — фамилией или псевдонимом: *«Старый Кромдейр» Жюль Ромэна, пятиактная драма в стихах, перевод подписан фамилией: О. Мандельштам.*

Членский взнос прошу вычесть из гонорара.

О. Мандельштам" (*ГЛМ,* ф. 151, оп. 1, ед. хр, 102).

На заявлении помета: "Внесено". Перевод Мандельштама (первоначально планировавшийся для изд-ва "Всемирная литература") вышел в 1925 г. в Госиздате под названием "Кромдейр-старый". Предисловие поэта к этому изданию см. в т. II (№ 221).

...я дошел до листочков твоей работы... — Н. Я. Мандельштам помогала Мандельштаму в работе над переводами.

Мария Николаевна страдает припадками. — М. Н. Дармолатова болела астмой.

Поеду я только кончив Прибой. — Мандельштам имеет в виду перевод книги А. Даудистеля “Das Opfer” (под загл. “Жертва” вышел в изд-ве “Прибой” в мае 1926 г.).

77. Публикуется впервые.
Автограф — *АМ.*

78. *СС-III,* с. 213–214.
Автограф — *АМ.*
Рыбаковы — Иосиф Израилевич Рыбаков (1890–1938), юрист, видный коллекционер произведений искусства, и его жена Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953); с ней была дружна А. Ахматова.
“Возя” — извозчик.

79. *СС-III,* с. 214–215.
Автограф — *АМ.*

80. *СС-III,* с. 215–217.
Автограф — *АМ.*
Вольфсон М. Б. (1880–1932) — член правления Госиздата РСФСР.
“Кася” — касса.

81. *СС-III,* с. 217–218.
Автограф — *АМ.*
200 р. для меня взял у Рыбаковых Пунин... Было очень легко. — Мандельштам, не желая беспокоить жену, смягчает обстоятельства получения займа; ср. дневниковую запись П. Н. Лукницкого от 15 февраля 1926 г.: “Рыбаков дал 150 рублей, но под ответственность А. А. Никаких дел с Мандельштамом не захотел иметь и знакомиться не захотел” *(Слово,* с. 126; А. А. — А. А. Ахматова).
Наташа — Наталья Григорьевна Григорьева (1899–1975), однокурсница Е. Э. Мандельштама по Петроградскому медицинскому институту, эпидемиолог; жила в семье Е. Э. Мандельштама вместе с сестрой, Татьяной Григорьевной Григорьевой (1904–1981), энтомологом, ставшей позднее второй женой Е. Э. Мандельштама.

82. *СС-III,* с. 220–222.
Автограф — *АМ.*
Шилейко, Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930) — ученый-востоковед, поэт, переводчик, участник “Цеха поэтов”, в 1918–1921 гг. муж А. Ахматовой.
...договор на биографию Халтурина — плотника-народовольца... — Упомянутый договор вскоре был “отвергнут” (см. письмо № 86); С. Н. Халтурин (1856/57–1882) — революционер, организатор “Северного союза русских рабочих”, член Исполкома “Народной воли”.
Книга стихов — книга Мандельштама “Стихотворения”, вышедшая в 1928 г.

83. *СС-III,* с. 222–223.
Автограф — *АМ.*
...я получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях... —

Перевод этой книги Гартмана под загл. “За кулисами французской печати” вышел в 1926 г. (см. также коммент. к письму № 66).

Женя сдал *комнату какой-то пожилой актрисе...* — Марии Александровне Моравской.

...“немножко” курю, — а в чистых комнатах из-за астмы нельзя. — Астмой страдала М. Н. Дармолатова.

Книга стихов — см. коммент. к письму № 82.

84. *СС-III,* с. 223–225.

Автограф — *АМ.*

...кончаю буквально последние 5 страниц проклятого немца. — Речь идет о переводе книги А. Даудистеля (см. коммент. к письму № 76).

Груздев, Илья Александрович (1892–1960) — критик, литературовед, сотрудник Ленгиза.

“Тёпа” — тепло.

...пустить зайчика в большевиков... — По рассказу Н. Я. Мандельштам, из окна “комнаты-фонаря” был виден пансионат, где отдыхали ответственные партийные работники.

85. Публикуется впервые.

Телеграмма из Ленинграда — *АМ.* Адрес: Ялта, Горный, 3. Пансион Тарховой. Мандельштам.

86. *СС-III,* с. 227–229.

Автограф — *АМ.*

Телеграмма — № 85.

Детский договор отвергнут. — Подразумевается договор на биографию С. Н. Халтурина (см. коммент. к письму № 82).

87. *СС-III,* с. 229–230.

Автограф — *АМ.*

Мы с Беном решили написать сценарий по “делу Джорыгова”. Прочти в вечерках. — Речь идет о деле по обвинению инженера Джорыгова (Джорогова) в убийстве сожительницы; отчеты о судебном процессе по этому делу печатала ленинградская “Красная газета” (веч. вып.) с 19 февраля 1926 г.; был ли написан сценарий по делу — неизвестно.

Шары — книга стихов для детей, изданная Мандельштамом в 1925 г.

Клычков С. А. — см. коммент. к письму № 172.

88. *СС-III,* с. 235–237.

Автограф — *АМ.*

Грюнберг Л. Б. — см. коммент. к письму № 68.

“Капоцан” — рукомойник.

Лев Платоныч (Платон Львович) — “переписчик”, перепечатывавший для Мандельштама в предыдущий его приезд в Ялту рукописи переводов.

Ихнее общество как-то грандиозно оскандалилось. — К 1926 г. резко обострились отношения между МОДПИКом (см. коммент. к письму № 41) и Драмсоюзом, в котором состояли Александр Рафаилович *Кугель* (1864–1928), театральный критик, драматург и режиссер, и П. Е. *Щеголев* (см. коммент. к письму № 24).

...в подвале на Тверском, где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала... — См. *НМ-II,* с. 80–81.

Поэт Комаровский "тот самый". Он очень хороший. — Комаровский, Василий Алексеевич (1881–1914) — поэт-царскосел, автор сборника "Первая пристань" (1913); стихи В. А. Комаровского высоко ценили также Н. Гумилев и А. Ахматова.

Безобразова — неустановленное лицо.

89. *СС-III,* с. 225–227.

Автограф — *АМ.*

Радловы — Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958), режиссер, и его жена А. Д. Радлова (см. коммент. к письму № 41).

Кухня — книга стихов для детей, изданная Мандельштамом в 1926 г.

90. *СС-III,* с. 219–220.

Автограф — *АМ.*

"Пурим" — веселый еврейский праздник в память избавления от Амана, первого вельможи при дворе персидского царя Ахашвероша (Артаксеркса), который задумал истребить всех евреев в царстве; в 1926 г. этот праздник приходился на 28 февраля.

Белицкий — предположительно Ефим Яковлевич Белицкий (см. коммент. к письму № 73).

91. *СС-III,* с. 230–232.

Автограф — *АМ.*

...вышла книжка Вагинова. Какая-то беспомощная. — Вагинов (Вагенгейм), Константин Константинович (1899–1934) — поэт, прозаик; речь идет о его книге ‹Стихотворения›. Л., 1926; Мандельштам в целом высоко ценил его поэзию.

92. *СС-III,* с. 232–233.

Автограф — *АМ.*

93. *СС-III,* с. 233–235.

Автограф — *АМ.*

Митя — сосед Н. Я. Мандельштам по пансиону.

Зубовский институт — основан в 1912 г. графом Валентином Петровичем Зубовым (1885–1969); после 1920 г. был переименован в Государственный Институт истории искусств (В. П. Зубов возглавлял его до отъезда за границу в 1925 г.).

Тихонов Н.С. — см. коммент. к письму № 209.

...я был оракулом-младенцем... — Выступление Мандельштама на обсуждении стихов Н. С. Тихонова сохранилось в пересказе Л. Я. Гинзбург (см. в кн.: Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982, с. 353).

94. *СС-III,* с. 237–238.

Автограф — *АМ.*

95. *СС-III,* с. 238–240.

Автограф — *АМ.*

Лоланов — хозяин пансиона, куда собиралась переехать Н. Я. Мандельштам.

"О море — нежный «братец» человечий" — из ст-ния "В селеньях городских, где протекала юность..." (Вагинов К. ‹Стихотворения›. Л., 1926, с. 19).

Вейки — извозчики-финны, появлявшиеся в Санкт-Петербурге на масленицу и возившие по городу ряженых.

96. *СС-III,* с. 240–241.
Автограф — *АМ.*

97. Публикуется впервые.
Телеграмма из Москвы — *АМ.* Адрес: Ялта. Пансион Лоланова Орлиное гнездо. Мандельштам.
Выезжаю среду. — Мандельштам выехал в Ялту в четверг 25 марта 1926 г.

98. *СС-III,* с. 241–242.
Автограф — *АМ.*
Кино-печать — Киноиздательство РСФСР (М.–Л., 1925–1927).
Нарбут, Владимир Иванович (1888–1938) — поэт-акмеист, издательский работник; в 1922–1928 гг. заведовал изд-вом "ЗИФ".
Лена — Елена Михайловна Фрадкина (1902–1981), художница, жена Е. Я. Хазина.
Соня — Софья Касьяновна Вишневецкая (1899–1962), художница, жена драматурга В. В. Вишневского.

99. *Слово,* с. 68–69.
Автограф — *АЕМ.*

100. Публикуется впервые.
Почтовая карточка — *АМ.* Адрес: Крым. Коктебель, близ Феодосии. До востребования. Надежде Яковлевне Мандельштам. Штемпели: Детское Село. 23.IX.1926; Коктебель. 27.IX.1926.
Кика (Кирилл) — К. Б. Лившиц (1925–1942), сын Б. К. и Е. К. Лившицев; его крестной матерью была Н. Я. Мандельштам.
Как ты доехала, голубка моя? — Во второй половине сентября 1926 г. Н. Я. Мандельштам вновь выехала на лечение в Крым.
Лаврентьев — по-видимому, директор пансионата в Детском (Царском) Селе.
Срезневский, Вячеслав Вячеславович (1880–1942) — врач-психиатр, профессор Военно-медицинской академии; с его женой В. С. Срезневской (1888–1964) была дружна А. Ахматова.
Кугель, Иона Рафаилович (1873–?) — заведующий вечерним выпуском ленинградской "Красной газеты"; в 1924–1926 гг. в газете сотрудничал Мандельштам.
Гиз на октябрь утвердил Тартарена... — "Тартарен из Тараскона" А. Доде в переводе Мандельштама вышел в январе 1927 г. в изд-ве "Прибой".

101. *ВРСХД,* 1977, № 120; *СС-IV,* с. 117.
Отрезной купон почтового перевода на 40 руб. — *АМ.* Адрес отправителя: Осип Эмильевич Мандельштам. 8 л‹иния›, д. 31, кв. 5. Штемпель: Ленинград. 25.IX.26.
Страховская — неустановленное лицо.

102. *ВРСХД,* 1977, № 120; *СС-IV,* с. 118.
Почтовая карточка — *АМ.* Адрес: Крым, *Коктебель,* близ Феодосии,

дача Литвиненко. Надежде Яковлевне Мандельштам. Штемпель: Детское Село. 26.IX.1926. Сохранился ответ Н. Я. Мандельштам на это письмо (см. коммент. к письму 107).

Газета — ленинградская “Красная газета” (вечерний выпуск).

103. *СС-III,* с. 242–244.

Автограф — *АМ.*

А к Юнгу гулять ходишь? — Имеются в виду фамильный склеп и бывшее имение семьи первооткрывателя Коктебеля Э. А. Юнге, расположенные на окраине поселка.

Китайская (“Китайская деревня”) — пансионат в Детском Селе.

...нас просила переехать в воскресенье, т. е. завтра... — Описка; нужно: “послезавтра”.

...Леонов арестовал мою гизю. — Подразумевается, по-видимому, задержка в выплате денег за один из переводов для Ленгиза в связи с тем, что Мандельштаму не удалось отработать в срок выданный аванс.

Войтоловский, Лев Наумович (1876–1941) — литературовед, историк литературы, публицист.

Слонимский, Михаил Леонидович (1897–1972) — писатель.

Давидка — Д. И. Выгодский.

...ты ведь именинник. — Именины Н. Я. Мандельштам приходятся на 30 сентября.

Рожденье Надика... — Н. Я. Мандельштам родилась 18 (30) октября 1899 г.

Не жалей “пелек”! — Речь идет, по-видимому, о деньгах.

104. *СС-III,* с. 244–245.

Автограф — *АМ.*

Варвара Кирилловна — неустановленное лицо.

Макс — М. А. Волошин.

105. *СС-III,* с. 246.

Автограф — *АМ.*

Гефт, Израиль Соломонович (1897–1938) — один из руководителей Ленгиза.

Конор — Конар (Полащук), Федор Михайлович (?–1933), государственный и партийный деятель.

106. *СС-III,* с. 249–250.

Автограф — *АМ.*

107. *СС-III,* с. 247–249.

Автограф — *АМ.* Написано в тот же день, что и письмо № 106.

...другое носит с собой дед. — Приводим текст этого письма, датируемого концом сентября — началом октября 1926 г.:

“Дружок! Я получила 2 открытки, два перевода и ни одного письма. Я не знаю, что ты делаешь, не знаю, что ты думаешь делать. Что мне делать, я тоже не знаю.

Кончил ли ты перевод? Как ты разделался с Землей и Фабрикой? Делаешь ли детскую книгу? Что написал для газеты? Какая съемка была во дворе дома? Надеюсь, не Фэкс? Если увидишь Фэкс, пожалуйста, закрой глаза. Хорошо? Напиши мне обо всем, няничка. Откуда деньги, чтоб меня перевести без труда в Ялту?

Теперь про меня. Определенно, я здесь больше месяца не останусь. На это, вместе с отъездом, у меня абсолютно хватит денег. Сейчас по всему Крыму плохая погода. Воздух холодный, тучи, дожди прошли, но пахнет самой настоящей осенью. Это неудача. В Ялте то же самое. Одним словом, к своему дню рождения я приеду домой. Я так решила. Я страшно томлюсь, скучаю и грущу. Море слизнуло все камушки, и на берегу один песок. Несколько дней я их собирала, а теперь нету. Но я тебе их привезу.

Зачем ты едешь в Москву?

Я здесь гуляю с чудесной дитенькой, по имени Аня. Она из Питера, ей 26 лет, очень хорошенькая. Она сейчас пришла и смеется. Няничка, я тебе с ней пошлю винограду и камушков. Ну, котинька родненький, до свиданья.

Готовь мне подарочек к именинам — я приеду.

Осик, возьми к себе Няку.

Осик, не смотри без меня на дитеньков!" (*Слово*, с. 69–70; *...2 открытки, два перевода...* — письма №№ 100–102, отрезной купон ко второму переводу не сохранился; *ФЭКС* — Фабрика эксцентрического актера, театральная (1921–1924), а позднее кинематографическая (1924–1926) мастерская Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга. *Если увидишь ФЭКС, пожалуйста, закрой глаза.* — Н. Я. Мандельштам имеет в виду О. А. Ваксель (1903–1932), знакомую Мандельштама, которая посещала занятия ФЭКС и участвовала в массовых сценах во время киносъемок, проводившихся этой мастерской; увлечение Мандельштама О. А. Ваксель (к ней обращены два его ст-ния — см. II, №№ 21, 22) зимой 1925 г. привело к конфликту с Н. Я. Мандельштам (*НМ-II,* с. 173–181); об О. А. Ваксель см. также *ЛУ,* 1991, № 1, с. 163–170, и Новый мир, 1995, № 10, с. 171–174).

Максимыч — по-видимому, завхоз в пансионате в Детском Селе.

Повторение истории с Грановским... — Вероятно, имеется в виду Алексей Михайлович Грановский (Азарх; 1890–1935), директор и главный режиссер Московского государственного еврейского театра; о какой "истории" идет речь, не установлено.

108. *СС-III,* с. 253–254.
Автограф — *АМ.*

109. Публикуется впервые.
Телеграмма из Ленинграда — *АМ.* Адрес: Мандельштам, дача Литвиненко, Коктебель, Крым.

110. Публикуется впервые.
Телеграмма из Ленинграда — *АМ.* Адрес: Крым, Коктебель, дача Литвиненко, Мандельштам.

111. *СС-III,* с. 252–253.
Автограф — *АМ.*

112. *СС-III,* с. 255.
Автограф — *АМ.*

113. *СС-III,* с. 250–251.
Автограф — *АМ.*

Слонимский берет в Прибое простой перевод Тартарена... — См. коммент. к письму № 100.

...вторая книга (Вильдрак)... — Известна "внутренняя рецензия" Мандельштама на книгу Ш. Вильдрака "Découvertes" (Paris, 1923) — см. II, № 273.

114. Публикуется впервые.

Телеграмма из Ленинграда — *АМ.* Адрес: Крым, Коктебель, дача Литвиненко, Мандельштам.

115. *СС-III,* с. 254.

Автограф — *АМ.*

116. Публикуется впервые.

Автограф — *СЛ.*

...перевод Розы Коген. — Имеется в виду рукопись романа "Сквозь ночь" (см. коммент. к II, № 278).

117. День поэзии — 1987. Л., 1987, с. 182 (в ст. В. Лукницкой "Так они начинали").

Автограф — *АПЛ;* воспроизв. в кн.: Лукницкая В. Перед тобой земля. Л., 1988, между с. 192 и 193. На заявлении помета: Принят в действ‹ительные› члены. Засед‹ание› Правления 28/I 1927. П. Лукницкий.

Лукницкий, Павел Николаевич (1900–1973) — писатель, в то время — секретарь правления Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов.

118. *Слово,* с. 70–71.

Рукопись — собрание П. М. Нерлера (Москва). Запись под диктовку рукой Н. Я. Мандельштам; последний абзац — рукой Мандельштама. Собственные обращения к адресату Н. Я. Мандельштам заключала в скобки.

...намечается возможность через месяц махнуть на юг... — Поездка в Армавир состоялась осенью 1927 г.

...подражая "растратчикам". — Имеются в виду персонажи одноименной повести В. П. Катаева, впервые опубликованной в журн. "Красная новь", 1926, №№ 10–12.

Бескин, Осип Мартынович (1892–1969) — литературный критик; член редакционно-издательского совета Главполитпросвета, ответственный работник изд-ва "Земля и Фабрика".

Лена — Е. М. Фрадкина (см. коммент. к письму № 98).

119. Публикуется впервые.

Машинопись — *АМ.*

Халатов, Артемий Багратович (1896–1938) — в 1927–1932 гг. председатель правления Госиздата РСФСР (к обязанностям приступил 15 июля 1927 г.).

...о прохождении моей книги в Госиздате. — Речь идет о книге "Стихотворения". Договор Мандельштама с Ленгизом на ее издание был подписан 18 августа 1927 г. (книга вышла в мае 1928 г.).

Янсон Я. Д. — член руководства Госиздата.

Горохов Л. Б. — главный редактор Ленгиза.

120. *Слово,* с. 71.
Автограф — *АЕМ.*
"Книжный шкап раннего детства" Мандельштам описал в кн. "Шум времени" (глава "Книжный шкап"). Об изданиях Гоголя, хранившихся в библиотеке Мандельштама, см. в ст.: Фрейдин Ю. Л. "Остаток книг" // *Слово,* с. 236–237.

121. Публикуется впервые.
Автограф — *ГЛМ,* ф. 247, оп. 1, роф 6146/2.
Зенкевич, Михаил Александрович (1891–1973) — поэт, входивший в группу акмеистов, переводчик, в то время — редактор в изд-ве "Земля и Фабрика" (ЗИФ).
Александра Николаевна — жена М. А. Зенкевича.
Уленшпигель — роман Ш. де Костера "Легенда о Тиле Уленшпигеле". Мандельштам готовил для изд-ва "ЗИФ" новое издание романа на основе двух прежних переводов — В. Н. Карякина и А. Г. Горнфельда. Договор с изд-вом "ЗИФ" был подписан 3 мая 1927 г. (срок сдачи рукописи — 10 июля 1927 г.). Согласно договору, в обязанности Мандельштама входил не перевод, а редактирование (источники редактируемого текста в договоре не были оговорены). Книга вышла не позднее сентября 1928 г. (Книжная летопись, 1928, № 38, 21 сентября). Драматические события, последовавшие за выходом книги, отражены в письмах №№ 127, 135–143, 146–149.
Лена-конструктивистка. — Имеется в виду Е. М. Фрадкина (см. коммент. к письму № 98).

122. *СС-IV,* с. 119.
Автограф — *ИМЛИ,* ф. 47, оп. 3, ед. хр. 134.
Стихи Федора Сологуба, при всех прежних обидах юноши-акмеиста на признанного мэтра символизма (см. письмо № 27), неизменно вызывали высокую оценку Мандельштама (см., например, в статьях "О собеседнике" и "Буря и натиск" — I, № 253; II, № 193). 11 февраля 1924 г. в газете "Последние новости" был помещен отчет Мандельштама (II, № 218) о юбилейном вечере Сологуба в бывшем Александринском театре (в котором, кстати сказать, участвовал и Замятин; см. сообщение об этом чествовании: Жизнь искусства, 1924, № 3, с. 29).
Согласие мое сообщил... — Речь идет об участии в закрытом поэтическом вечере памяти Федора Сологуба, умершего 5 декабря 1927 г. Вечер (в Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей, Фонтанка, 50) был организован Е. Замятиным с участием А. Ахматовой, М. Лозинского, Вс. Рождественского, Н. Тихонова, М. Кузмина, О. Мандельштама, А. Толстого и др. 5 марта 1928 г. (см. письмо Е. Замятина к О. Н. Черносвитовой от 1 марта 1928 г. — *ИРЛИ,* ф. 289, оп. 6, ед. хр. 96; сообщено А. Ю. Галушкиным). Известно и о другом вечере памяти Сологуба в Союзе писателей (2 апреля 1928 г.; участники: А. Радлова, М. Кузмин, Б. Лившиц, Е. Данько, К. Федин, О. Форш и др. — см.: Жизнь искусства, 1928, № 13, 27 марта, с. 22). Позже Е. Замятин составил сборник статей и воспоминаний о Ф. Сологубе для изд-ва "Федерация", оставшийся неизданным (см.: Читатель и писатель, 1929, 24 марта, с. 3; письмо Р. Иванова-Разумника к Е. Замятину от 15 июля 1928 г. — *ИМЛИ,* ф. 47, ед. хр. 391).
Людмила Николаевна — жена Е. И. Замятина.
"Пламенный Круг" — книга стихов Ф. Сологуба (М., 1908).

Пяст (Пестовский), Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт, друг Мандельштама в 20–30-е годы. См. о нем в *НМ-I.* Пясту посвящен или с ним связан ряд шуточных ст-ний Мандельштама (I, № 231; II, № 85; III, № 224).

Комментарием к письму служит запись в дневнике П. Н. Лукницкого (март 1928):

"...Я знаю, что О. Мандельштам, получив в четверг 1/III письмо с приглашением, а потом — в городе — стихи от Л‹юдмилы› Н‹иколаевны›, (был у А. А‹хматовой›, и она по просьбе Л. Н. передала их ему), обиделся и воспылал возмущением — на то, что поэту, ему, Осипу Мандельштаму — писатель Замятин посмел выбирать, назначать стихи. Я видел, как вечером в пятницу, в гостях у Фромана, Мандельштам петухом налетел на случайно пришедшую туда Л. Н. (пришла по поводу вечера), стал торжественно и резко с ней говорить и заявил, что неопубликованных стихов читать не будет и согласится выступить только со стихами старыми, которые выберет сам. Едва удалось избежать скандала.

Здесь же он стал требовать, чтоб пригласили Пяста. Л. Н. ответила уклончиво. После, провожая Л. Н., я говорил с ней о Пясте, она решила не приглашать его: Пяст декламирует ужасно. Однако, когда я рассказал об этом А. А., она посоветовала Л. Н. Пяста пригласить, чтобы не обидеть его. О. Мандельштам на следующий день прислал письмо, в котором повторил просьбу пригласить Пяста (О. Манд. заявил, что Пяста необходимо пригласить, ему стихи Сологуба ближе, чем кому бы то ни было, что у них некое "сродство душ" и пр.). Пяст был приглашен, но выступить отказался, заявив, что стихи Сологуба ему совершенно чужды и он не представляет себе, как он стал бы их читать" (*Слово,* с. 131).

Фроман (Фракман), Михаил Александрович (1891–1940) — поэт и прозаик.

123. *СС-II(2),* с. 492–494; в СССР — Аврора, 1991, № 1, с. 23–25 (публ. Ю. Медведева).

Автограф — *РНБ,* ф. 474, альб. 2, л. 52–58. На конверте: Заказное. Ленинград. Проспект 25 октября, 28. Государственное Издательство. Лит.-Худ. ‹П.?›Коробовой. От О. Э. Мандельштама. Штемпели: Ялта. 25.VI.1928; Ленинград. 28.VI.1928.

‹П.?›Коробова — по-видимому, сотрудница литературно-художественного отдела Госиздата.

Варковицкая, Лидия Моисеевна (1892–1975) — в 1926–1930 гг. редактор Ленгиза и зав. редакцией журн. "Литературная учеба"; была издательским редактором книг Мандельштама "Стихотворения" (1928) и "Египетская марка" (1928). См. также письма №№ 178 и 179.

...умоляю все выбросить. — В вышедшей книге (Мандельштам О. Египетская марка. Л.: Прибой, 1928) очерк "Феодосия", первоначально входивший в состав *"ШВ"*, выделен в качестве самостоятельного произведения; упомянутые ниже главы: "Возвращение", "Встреча в редакции" и "Авессалом" опущены.

Очерк "Возвращение" сохранился и впервые был опубликован в *СС-III* (см. II, № 200); тексты двух других очерков, по-видимому, утрачены.

И. А. *Груздев* был сотрудником изд-ва "Недра" и "Издательства писателей в Ленинграде". М. А. *Слонимский* сотрудничал в изд-вах "Прибой", "Круг", "Издательстве писателей в Ленинграде".

124. *ВРСХД,* 1977, № 120; *СС-IV,* с. 119–121.

Поздняя машинописная копия с пометами Н. Я. Мандельштам в составе подборки материалов с единой пагинацией (копии писем №№ 124, 130, 132, 133, 141, 148, 149, 169, 170 и др. документы) — *AM*; местонахождение подлинников не установлено.

Венедиктов А. Г. — член правления изд-ва "ЗИФ".

Шойхет А. М. — см. письмо № 141.

"Антикварий" — VII том Собрания романов В. Скотта (перевод с англ. под ред. и в обработке Б. Лившица и О. Мандельштама); вышел в декабре 1928 г.

"На дне трюма" — XXI том Собрания сочинений Т. Майн Рида (перевод под ред. и с примеч. О. Мандельштама); вышел в июле 1929 г.

В *AM* в составе упомянутой подборки материалов сохранились машинописные копии телеграммы и письма А. Г. Венедиктова к Мандельштаму:

"Майн-Рид будет принят и одобрен по мере надобности. Венедиктов".

"26 июля 1928 года. О. Э. Мандельштаму.

№ 6623.

Ялта, ул. Коммунаров, 25

Настоящим доводим до Вашего сведения, что выслать гонорар сейчас не представляется возможным, так как, согласно пп. 4 и 7 договора № 896, рукопись считается сданной только в случае представления в готовом для редакционной работы виде и гонорар оплачивается не позднее 4 недель со дня поступления. Между тем рукопись "Ямайские Мароны" в полном виде поступила лишь около 16 июля; рукопись же "На дне трюма" предоставлена без английского названия, необходимого для Главлита.

Член правления /Венедиктов/
За секретаря редчасти /Козлова/".

Упомянутый в письме роман "Ямайские мароны" вышел в декабре 1929 г. как т. XV Собрания сочинений Т. Майн Рида (пер. под ред. и с примеч. Б. Лившица и О. Мандельштама, предисл. А. Старчакова).

125. *Слово,* с. 133 (публ. В. К. Лукницкой).

Копия телеграммы из Ялты в Царское Село — *АПЛ.*

Ср. запись в дневнике П. Н. Лукницкого за 14 августа 1928 г.: "Отчаянная телеграмма Лившицу Б. К. — кстати, разговор о нем (отзывался о нем О. М., приоткрывая свое недружелюбие, показывая эгоистичность и неблагодарность Лившица)" — *Слово,* с. 132. 18 августа Мандельштам получил из Ленинграда перевод на 70 руб. (там же, с. 134).

126. Воздушные пути (Нью-Йорк), 1965, кн. IV, с. 34–35; *СС-III,* с. 255–256 (в составе воспоминаний А. Ахматовой "Листки из дневника"); в СССР — Лукницкая В. Перед тобой земля. Л., 1988, с. 74–75. Печ. по *Слово,* с. 135.

Копия П. Н. Лукницкого — *АПЛ.*

О дружеских отношениях Ахматовой и Мандельштама, пронесенных через всю их жизнь, см. в "Листках из дневника" А. Ахматовой (т. I наст. изд.).

...пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь. — Одновременно с письмом Мандельштама Ахматовой были посланы письма П. Н. Лукницкого и Н. Я. Мандельштам:

"25/VIII-1928

Дорогая Анна Андреевна!

Сегодня меня приняли на службу десятником и сегодня же рабочком уволил меня со службы, п. ч. здесь другие кандидаты, из «выдвиженцев». Но все же работаю все это время на сдельной, очень утомительной и грязной работе — делаю обмеры и планы подвалов. Устаю.

Уеду из Ялты, как только заработаю денег на дорогу до Одессы, — через неделю-полторы.

Сейчас 8 часов вечера, я пришел к О. Э. прямо с работы; приятно провести этот вечер не в одиночестве.

Сегодня получил письма из Одессы. Мама пишет о Вас, о том, что Вы нездоровы. Не надо, не надо; поправляйтесь скорее.

Приду домой, буду думать о «Костре» и вспоминать стихи.

О. Э. напрасно пишет о своем эгоизме, даю Вам слово.

Мне грустно сейчас на юге, но надо работать — все это довольно унылая авантюра.

Целую руку. И мне, и мне напишите.

Ваш П. Лукницкий".

"Милая Анна Андреевна!

Нам грустно в Ялте и хочется домой. Здесь стоит холодное, не крымское лето. Сейчас такие гадкие вечера, что я сижу в теплом платке. Работаю дико много. Устаю. Все мы — и О. Э. и П. Н., и я ведем трудовую жизнь. Скоро будем в Питере. Очень хочу вас видеть. Вспоминаете ли вы меня хоть когда-нибудь?

Целую вас. Очень люблю. Над.

‹Приписка П. Лукницкого:›

Мой адрес — Ялта, до востребования.

П. Л.".

Николай Степанович — Гумилев; в письме П. Н. Лукницкого упомянут его сборник "Костер" (1918); 25 августа — день расстрела Гумилева.

127. Вечерняя Москва, 1928, 12 декабря; перепеч.: *СС-II(2)*, с. 477–480.

Первонач. вариант (1) и черновик (возможно, неполный) промежуточного варианта (2) письма — машинопись с правкой (*РГАЛИ*, ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 35–38).

Печ. по тексту газ. "Вечерняя Москва" с исправлением опечаток и искажений по авторизованной машинописи (1). Наиболее существенные разночтения в ранних редакциях приведены в комментарии.

Об инциденте с переводом "Тиля Уленшпигеля", послужившем одним из биографических источников "Четвертой прозы", см. *СС-II(2),* с. 677–678; *СС-IV,* с. 186–187; *ЛН,* т. 93. М., 1983, с. 680; *Соч., т. 2,* с. 413–416; *Слово,* с. 136–144, 148; Звезда, 1991, № 2, с. 124–127, 129; и др.; библиография выступлений печати на эту тему в 1928–1929 гг. отражена в кн.: Русские советские писатели: Поэты: Библиографический указатель. Т. 13. М., 1990, с. 149, 159. См. ниже письма №№ 135–143, 146–149.

Горнфельд, Аркадий Георгиевич (1867–1941) — литературовед, переводчик; его перевод "Тиля Уленшпигеля" вышел отдельным двухтомным изданием в 1919 г. в Петрограде под загл.: Ш. де Костер. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях, отважных, забавных и достославных, во Фландрии и иных странах.

Эпиграф — цитата из "Письма в редакцию" А. Горнфельда под загл. "Переводческая стряпня" (Красная газета (веч. вып.), 1928, 28 ноября).

В публикации "Вечерней Москвы" цитата дана с искажениями. Правильный текст вписан Мандельштамом от руки в машинопись (1); в машинописи (2) эпиграф отсутствует.

К столкновению с Горнфельдом <...> основным переводчиком. — В (1, 2) было: "К столкновению с Горнфельдом меня привела дурная практика издательств, выпускающих в явочном порядке десятками до полных собраний сочинений включительно — отредактированные и обработанные переводы, причем неизменно достигалось соглашение между издательством и основным переводчиком".

...заявил, что отвечаю за его гонорар всем своим литературным заработком. — В (1) было: "заявил о своей готовности поделиться с ним гонораром".

Горнфельд об этом почему-то умалчивает. — В (1) эта фраза отсутствует; в (2): "все это Горнфельд недобросовестно утаил".

Моя правка <...> почти каждой фразы. — В (1) отсутствует. В (2) после этого следует: "А перевод у нас вообще в загоне. Рецензенты, подходя к переведенной книге, сразу хватают за рога быка — так называемое содержание, а переводчиком интересуются не больше, чем моссельпромо‹в›ским торговцем, у которого покупают папиросы. Таким образом, переводческих репутаций у нас нет. Работа по этой части в стаж не за‹с›читывается, а заслуженный литератор Горнфельд пользуется этим своеобразным положением, чтобы ошельмовать под горячую руку одного из основных работников нового русского перевода".

...а "раздвоенные ноги" — это можно <...> грузный текст. — Первоначально было (1, 2): "...а "раздвоенные ноги", как поправляет меня Горнфельд — это можно. Горнфельд с садизмом, достойным Передонова, казнит школьным подстрочником мой вольный, но живой пересказ сложного и трудно усвояемого автора..."

Но неважно, плохо или хорошо <...> литературного хищничества? — Этот абзац в (1, 2) отсутствует.

Дурным порядкам <...> свертывать шею друг другу. — В (1) этот абзац отсутствует. Машинопись (2) заканчивается предыдущей фразой; возможно, последний лист этой машинописи не сохранился.

128. Публикуется впервые.

Автограф — *ГЛМ*, ф. 247, оп. 1, роф 6146/1.

Владимир Иванович — Нарбут, летом 1928 г. исключенный из партии, снятый с поста заведующего изд-вом "ЗИФ" и лишенный средств к существованию.

Гедройц, Вера Игнатьевна (1876–1932) — поэтесса, участница первого "Цеха поэтов", печаталась под псевдонимом Сергей Гедройц; по профессии врач-хирург.

Романы *"Охотники за растениями"* и *"Гаспар Гаучо"* составили т. VIII Собрания сочинений Т. Майн Рида, вышедший в феврале 1930 г.

129. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ*.

Записка в больничную палату киевской клиники (см. письмо № 131).

130. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV*, с. 121–126.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124); копию сопровождает следующее примечание Н. Я. Мандельштам:

"Письмо написано в начале января. Ответа на него не получено. В

марте через Я. З. Черняка Ионов объявил Мандельштаму, что никакого соглашения на почве этого письма не может быть.

Письмо сохранилось в машинописной копии, страницы разрозненные".

Ионов (Бернштейн), Илья Ионович (1897–1942?) — издательский работник, в 20-е гг. возглавлял Ленинградское отделение Госиздата, в 1928–1929 гг. руководил изд-вом "Земля и Фабрика".

...договор на Майн-Рида со мной и Лившицем... — В 1929–1930 гг. в изд-ве "ЗИФ" по этому договору вышло восемь томов Собрания сочинений Т. Майн Рида под редакцией и с примечаниями Мандельштама (из них три — с участием Б. К. Лившица).

Шунявский — Борис Захарович Шумяцкий (1886–1938), партийный и государственный деятель, во второй половине 20-х годов ректор Коммунистического университета и один из руководителей изд-ва "Прибой".

...книгу Даудистеля "Жертва" или "Тартарена" Доде... — Речь идет об изданиях: Даудистель А. Жертва. Л., "Прибой", 1926 г., и Доде А. Тартарен из Тараскона. Л., "Прибой", 1927 г., в переводе Мандельштама.

Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. — Об одном из таких заказов идет речь в письме А. И. Ромма к Мандельштаму от 29 ноября 1928 г.: "Уважаемый Осип Эмильевич! Посылаю Вам перевод вместе с оригиналом, и очень рад, что наперекор стихиям мне удалось не обмануть Вас ни на один день. О, сколько было этих стихий! И случайная работа меня прерывала, и машинистка моя хворала, и друг мой приехал из ссылки и остановился у меня. Я очень прошу Вас, Осип Эмильевич, учесть все это, и по прилагаемой работе судить обо мне не столько как о переводчике, сколько как о человеке, верном своим обещаниям. Если случится и если Вы захотите, я надеюсь еще доказать Вам, что в условиях меньшей спешки могу работать и лучше" (*РГАЛИ*, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 927). В 1930 г. в переводе с английского А. Ромма и А. Венедиктова вышел т. I Собрания сочинений Т. Майн Рида, включавший роман "Вольные стрелки".

131. Новый мир, 1987, № 10, с. 201–202 (публ. Е. П. Зенкевич и П. М. Нерлера).

Автограф — *АЕМ*. Окончание письма, по-видимому, утрачено.

Гедройц — см. коммент. к письму № 128.

Вырубова (урожд. Танеева), Анна Александровна (1884–1964) — фрейлина императрицы Александры Федоровны.

...копию письма, которое я отправил этому самодуру. — Речь идет о письме № 130.

Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле... — Первую статью о качестве переводов Мандельштам опубликовал еще в 1926 г. (II, № 231).

Маленькая русская газетка, и больше ничего. — Имеется в виду газета "Вечерний Киев", где Мандельштам напечатал 25 января 1929 г. статью "Веер герцогини" (II, № 246); на русском языке в Киеве в то время выходили также газеты "Киевский пролетарий" и "Пролетарская правда".

Ради 5 червонцев пришлось устроить вечер. — Вечер Мандельштама в Киеве состоялся 26 января 1929 г. в Доме врача; были прочитаны ст-ния "Век", "1 января 1924 года" (II, №№ 11, 17) и отрывки из повести "Египетская марка" (см. анонс вечера и отчет о нем в газ. "Пролетарская правда", 25 января 1929 г., и "Вечерний Киев", 29 января 1929 г.).

Вуфку — Всеукраинское фотокиноуправление; в издаваемом ВУФКУ журнале "Кіно" (1929, № 6) была напечатана в переводе на украинский язык рецензия Мандельштама на фильм "Кукла с миллионами" (II, № 247).

Святошино — дачное место под Киевом (ныне в черте города).

...киевские советско-литературные организации затеяли единственный на Украине русский журнал. — С 1927 г. в Харькове на русском языке уже выходил журнал "Красное слово".

Вот, папочка, какие дела. — Планы Мандельштама устроиться в Киеве остались нереализованными.

Р.К.И. — Рабоче-крестьянская инспекция.

...поднять газетную кампанию. — 7 апреля 1929 г. Мандельштам напечатал в газете "Известия" статью ‹Потоки халтуры› (II, № 249), а позднее в журнале "На литературном посту" опубликовал статью "О переводах" (II, № 251).

132. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV,* с. 126 (вместе с письмом № 133 как единый текст).

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

То, что случилось у меня и Лившица с Ильей Ионовичем Ионовым... — Подробнее об этом инциденте см. в письме № 130.

133. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV,* с. 126–128 (вместе с письмом № 132 как единый текст).

Поздняя машинописная копия с пометой Н. Я. Мандельштам: "Отрывки, которые сохранились" — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Фрагменты письма использованы в статье ‹Потоки халтуры› (II, № 249). Не исключено, что фрагментом этого же письма является и следующий текст, опубликованный в *СС-IV* (с. 101; первонач. — *ВРСХД*, 1977, № 120) под загл. "Отрывок из статьи о переводах":

"Так называемый переводный язык — это могучее варварское наречие, дикий воляпюк, имеющий свои законы и традиции. Он развивается параллельно с живым литературным языком и в свою очередь оказывает на него сильнейшее влияние. В моей редакторской практике я сталкивался с переводчиками, которые и не подозревали о существовании отглагольных прилагательных. Без единого деепричастия они списывали целые томы. Тот отвратительный вид, в котором сейчас выходят иностранные авторы, — это настоящее чудо в сравнении с тем сырьем, которое издательства подсовывают редакторам".

134. Публикуется впервые.

Автограф — *РГАЛИ*, ф. 611, оп. 2, ед. хр. 25, л. 123. На листке резолюция: "Отклонена".

Усиевич, Елена Феликсовна (1893–1968) — литературный критик.

Речь идет о неосуществленном замысле Мандельштама — повести "Фагот" (см. заявку на эту повесть — II, № 282).

135. *ЛГ*, 1929, № 4, 13 мая; перепеч.: *СС-II(2)*, с. 480.

См. коммент. к письму № 127.

Заславский, Давид Иосифович (1880–1965) — литературный критик и фельетонист. В статье "Скромный плагиат и развязная халтура", написанной по заказу руководства "Литературной газеты", обвинил Мандельштама в плагиате.

В том же номере *ЛГ* вслед за письмом Мандельштама помещено письмо в редакцию за подписью пятнадцати писателей:

"Уважаемый тов. редактор!

В № 3 от 7 мая с. г. «Литературной газеты» помещен фельетон Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре», состоящий из ряда подтасовок, передержек, умолчаний и оскорбительных сопоставлений, — фельетон, направленный к шельмованию поэта О. Мандельштама, как писателя и общественного деятеля. Для своего фельетона Д. Заславский использовал инцидент, произошедший в конце прошлого года между критиком Горнфельдом, из‹дательст›вом ЗИФ и О. Мандельштамом.

Два года тому назад ЗИФ поручил О. Мандельштаму литературную обработку существующих русских переводов «Тиля Уленшпигеля». О. Мандельштам обратился к единственным двум наличным переводам (Горнфельда и Карякина) и на три четверти переработал их заново. На титульном листе появившейся книги было ошибочно проставлено имя Мандельштама, как *переводчика.*

Первым, кто поднял тревогу, — был сам О. Мандельштам, настоявший в издательстве на печатном исправлении ошибки, что и было сделано (см. письмо издательства: «Красная Вечерняя Газета» № 313, 1928 г.).

Одновременно с этим Мандельштам телеграфно известил обо всем Горнфельда и выразил готовность удовлетворить его материально.

Вот что пишет Горнфельд в самом начале своего последующего письма в редакцию:

«В № 313 «Вечерней Красной Газеты» напечатано письмо правления издательства ЗИФ о том, что перевод выпущенного этим издательством романа де-Костера «Тиль Уленшпигель» *ошибочно* приписан на обложке О. Мандельштаму. Письмо это вполне своевременно: *оно снимает* с известного поэта возможное в таком случае обвинение в плагиате».

Заславский, взяв за основу своего фельетона это письмо Горнфельда, не только недобросовестно отрезал кусок, цитирующий с полным адресом поправку ЗИФа и *обеляющий* Мандельштама, но также сознательно утаил полный достоинства ответ Мандельштама («Вечерняя Москва», № 288), до конца признающего свою ошибку, связанную с дурной практикой издательства.

В своей статье Заславский осмеливается приравнивать редакционную работу Мандельштама, состоящую по своей природе именно в переделке отдельных фраз и выражений, — к переделкам, которыми маскируется плагиатор.

Опасаясь вполне возможной уголовной ответственности, Заславский хитроумно заменяет по отношению к Мандельштаму обвинение в плагиате — обвинением в халтуре. Между тем нужно быть просто малограмотным, чтобы не видеть, насколько *выиграл* текст «Уленшпигеля» от художественного труда Мандельштама.

Таким образом, статья Заславского, не приводящая ни единого нового факта, а, напротив, сознательно утаивающая от читателя почти весь опубликованный по исчерпанному делу материал, имеет, очевидно, лишь одну «целевую установку»:

Недостойный фельетон направлен против статьи О. Мандельштама в «Известиях», статьи, открывающей кампанию за оздоровление всего переводческого дела в нашем Союзе. Сознательно умаляя значение статьи, призывающей к революционизированию громадной отрасли книжного производства, статьи, из которой ГИЗом уже сделаны важнейшие организационные выводы, — Заславский рядом возмутительных приемов

пытается набросить тень на доброе имя писателя. Мы же заявляем следующее:

О. Мандельштам крупный поэт, один из квалифицированнейших переводчиков; мастер слова Мандельштам за последние восемь лет прекрасно перевел десятки книг, сотни печатных листов.

Выражая свое негодование по поводу развязного выпада Заславского, мы считаем ошибкой со стороны «Литературной газеты» помещение его фельетона и твердо уверены, что газета не замедлит эту ошибку признать и исправить.

Корнелий Зелинский, Всеволод Иванов, Николай Адуев, Борис Пильняк, Мих. К‹о›заков, Илья Сельвинский, А. Фадеев, Борис Пастернак, Валентин Катаев, Константин Федин, Юрий Олеша, Михаил Зощенко, Леонид Леонов, Л. Авербах, Э. Багрицкий".

Публикация заключалась следующим примечанием:

"ОТ РЕДАКЦИИ. Помещая письма О. Мандельштама и группы писателей, редакция оставляет на ответственности авторов писем допущенные в них резкости тона и выражений. По просьбе редакции разбором дела займется конфликтная комиссия ФОСП, решение которой будет опубликовано в одном из ближайших номеров нашей газеты".

В следующем номере *ЛГ* (№ 5, 20 мая 1929 г.) был помещен ответ Д. Заславского.

Карякин, Василий Никитович (1872–1938) — переводчик; его перевод "Тиля Уленшпигеля" вышел отдельным изданием в 1916 г. в Москве под загл.: Ш. де Костер. Уленшпигель (Герой современной Бельгии).

136. Публикуется впервые.

Черновой автограф — *АМ.*

Набросок фрагмента неотправленного письма в *ЛГ.* Этот текст был использован при составлении письма в *ЛГ* пятнадцати писателей (см. коммент. к письму № 135).

137. Публикуется впервые.

Черновой автограф — *АМ.*

Набросок проекта письма от имени пятнадцати писателей.

138. Публикуется впервые.

Авторизованная машинопись с правкой — *РГАЛИ*, ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1. Справа вверху помета Мандельштама: "Копия".

Письмо написано в связи с назначенным на 22 мая 1929 г. заседанием Конфликтной комиссии. Сохранился предварительный набросок основных положений этого письма (автограф — *РГАЛИ*, ф. 1893, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 42–44):

"Газета все-таки инсценирует *«Дело Мандельштама»*. Заславскому оставлена *трибуна обвинителя*. Канатчиков в Конфликт‹ной› комиссии будет судить самого себя. (Он ее председатель.) Вопрос об Уленшпигеле берется **вне** общей практики издательств.

Я требую: передачи дела *во всем объеме* в Исполбюро.

Редакция покрывает основную передержку Заславского, умолчавшего про *общую* ненормальную практику, от которой я, единственный из всех, еще до начала травли в печати, начал резкий отход.

У меня есть список изданий, подобных Уленшп‹игелю› (десятки книг, имена Луначарского, Когана, Нусинова, Левидова (тот же Уленшпигель Горнфельда (!) и т. д.)).

Не допустите инсценировки «дела Мандельштама»!"

Канатчиков, Семен Иванович (1879–1940) — партийный работник, член ВКП(б) с 1903 г., в 1929–1930 гг. — секретарь ФОСП и редактор "Литературной газеты"; позднее — главный редактор ГИХЛ и председатель редсовета изд-ва "Федерация".

139. Публикуется впервые.

Черновой автограф — *АМ.*

Датируется предположительно по связи с письмом № 138. Не исключено, однако, что письмо относится к более позднему времени и адресовано "Комиссии ФОСП для разбора обвинений, предъявленных Мандельштаму Литгазетой", созданной в декабре 1929 г.

Ромм, Александр Ильич (1898–1943) — филолог, поэт и переводчик.

Зонин, Александр Ильич (1901–1952) — литературный критик, прозаик; зав. отделом печати Ленинградского горкома ВКП(б).

140. *Слово,* с. 137.

Копия телеграммы — *АПЛ.* Адрес: Ленинград. Фонтанка, 34. Ахматовой для Мандельштам. Помета П. Н. Лукницкого: "Из Москвы. Получена 27/V-1929 вечером".

Зелинский, Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературный критик, теоретик литературы.

...дальше постановления Исполбюро в своих требованиях не пойдут. — 21 мая 1929 г. состоялось заседание Исполбюро ФОСП, на котором было заслушано заявление Мандельштама (см. письмо № 138) и (по проекту Фадеева) принято постановление: "Принимая во внимание, что переделка старых переводов иностранных авторов и их переиздание повседневно практикуется сейчас издательствами, Исполбюро считает, что инцидент т. Мандельштама, квалифицированного и опытного переводчика и редактора, и т. Заславского является следствием не частного, а общего явления, характеризующего состояние переводческого дела в СССР, поэтому Исполбюро постановляет: 1. Частный инцидент между Мандельштамом и Заславским считать исчерпанным опубликованием всего фактического материала по этому вопросу в «Литературной газете». 2. Создать Комиссию при ФОСП для проработки вопроса об урегулировании переводческого дела" (*ИМЛИ*, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 13, л. 32). Отметим, что Конфликтная комиссия под председательством С. И. Канатчикова, собравшаяся, по-видимому, на следующий день, 22 мая 1929 г., не согласилась с этим постановлением и назначила на июнь свое заседание по "разбору" дела (см. коммент. к письму № 142).

Комсомольская — имеется в виду газ. "Комсомольская правда", выступившая в поддержку Мандельштама (см.: И. Б-с ‹Бачелис?›. Инцидент исчерпан // Комсомольская правда, 1929, 2 июня).

141. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV,* с. 128–129.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Дело об иске В. Н. Карякина к изд-ву "ЗИФ" (Мандельштам фигурировал в этом деле в качестве соответчика) в первый раз слушалось в Московском губернском суде 11 мая 1929 г. Суд отложил рассмотрение дела, назначив литературную экспертизу. Письмо Мандельштама написано в связи с подготовкой следующего заседания Губсуда, состоявшегося 11 июня, на котором иск В. Н. Карякина был отклонен.

142. *Слово*, с. 139–141; Звезда, 1991, № 2, с. 125–126.

Автограф — *АПЛ*. На конверте штемпели: Москва, 11.VI.1929; Ленинград. 13.VI.1929.

В *АПЛ* письмо сопровождено "Приложением" — более поздней записью Н. Я. Мандельштам:

"Практика, в которую был вовлечен О. Э. и в которой он замешан менее всех других, настолько обширна, что даже Конфликтная Комиссия Федерации вынуждена была вынести порицание издательствам. Но тем не менее порицание выносится только ему одному, а не всему сонму редакторов во главе с Луначарским и Коганом, и притом с инсинуирующими намеками на фантастические, лживые «материалы», после почти двухмесячной абсолютно бессодержательной травли".

...созвали отмененную конфликтную комиссию... — Ср. коммент. к письму № 140. Заседание комиссии состоялось 10 июня 1929 г. О содержании зачитанного на нем заявления Мандельштама можно судить по пересказу его в письме Д. Заславского к А. Горнфельду от 13 июня 1929 г.: Мандельштам "1) не признает компетенции конфл‹иктной› комиссии в этом деле, но как будто не отказывается от рассмотрения в специальной комиссии ‹...› 2) Он не верит в беспристрастие конфл‹иктной› комис‹сии› и считает ее суждение предрешенным" (*РГАЛИ*, ф. 155).

Цекубу — см. коммент. к письму № 47.

Письмо 15-ти — см. коммент. к письму № 135.

История с Майн-Ридом — см. письма №№ 130–132.

В понедельник появится в "Литгазете". — Постановление опубликовано не было.

...чудовищное письмо Заславского. — Ср. в письме Д. Заславского к А. Горнфельду от 4 июня 1929 г.: "Я написал резкий ответ «Комс‹омольской› Правде», который, вероятно, не будет напечатан" (*РГАЛИ*, ф. 155). Текст этого ответа нам неизвестен.

Нейштадт, Владимир Ильич (1898–1959) — поэт и переводчик.

143. Лукницкая В. Перед тобой земля. Л., 1988, с. 80. Печ. по *Слово*, с. 139.

Машинописная копия — *АПЛ*. На листе помета П. Н. Лукницкого: "Письмо О. Э. Мандельштама. (Получено А. А. Ахматовой 13 июня 1929.)" Вероятно, было послано Ахматовой вместе с письмом № 142.

...за статью в Известиях... — Имеется в виду статья ‹Потоки халтуры› (Известия, 1929, 7 апреля; см. II, № 249).

144. Публикуется впервые.

Восстановлено С. И. Липкиным по памяти. Автограф погиб во время Великой Отечественной войны.

Липкин, Семен Израилевич (р. 1911) — поэт и переводчик, автор воспоминаний о Мандельштаме "Угль, пылающий огнем..." (см. т. II наст. изд.).

Аппель, Иосиф (1906?–1937?) — комсомольский работник, прозаик, староста кружка "Молодая гвардия" в Одессе. Это письмо связано со следующим эпизодом (сообщено адресатом): заведующий отделом поэзии журнала "Молодая гвардия" Анатолий Кудрейко (наст. имя — Анатолий Алексеевич Зеленяк; 1907–1984), не раскрывая авторства, дал Мандельштаму три ст-ния — свое, Уткина и Липкина — с вопросом: какое лучше? Мандельштам указал на ст-ние Липкина "Пригород" (позднее напечатанное в "Молодой гвардии") и написал Липкину письмо в Одес-

су. Приехав в Москву, Липкин сразу же пришел к Мандельштаму (см. указ. воспоминания).

145. Отрывок — Звезда, 1971, № 1, с. 214 (в ст. Д. Хренкова "Страницы из жизни Виссариона Саянова"); полностью — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980, с. 254–256 (публ. С. С. Гречишкина). Печ. по этому источнику.

Машинопись на бланке редакции газеты "Московский комсомолец" — *ИРЛИ*, ф. 597.

О работе Мандельштама в газете "Московский комсомолец" см.: Нерлер П. Осип Мандельштам в "Московском комсомольце" // *ЛУ*, 1982, № 4, с. 125–130.

Саянов (Махнин), Виссарион Михайлович (1903–1959) — поэт, литературный критик.

Тихонов Н. С. — см. коммент. к письму № 209.

В *издательстве "Рабочая Москва"* печаталась газета "Московский комсомолец".

146. Публикуется впервые.

Черновой набросок — *АМ*.

Адресат и датировка писем №№ 146, 147 предположительны. О работе комиссии ЦКК см. письма №№ 152, 153.

...от халтуры к негровладельчеству... — На заседании конфликтной комиссии 10 июня 1929 г. Мандельштам был обвинен в том, что он выступал в качестве подрядчика, сдававшего заказанную ему работу переводчикам-"неграм" за мизерную плату. 5 июля 1929 г. в газете "Правда" Д. Заславский опубликовал статью "Жучки и негры", в которой фактически предъявил это обвинение Мандельштаму публично (не называя, впрочем, его имени явно).

Авербах, Леопольд Леонидович (1903–1939) — литературный критик, один из руководителей ВАПП, редактор журнала "На литературном посту"; в июльском (№ 13) номере этого журнала была опубликована статья Мандельштама "О переводах".

147. Публикуется впервые.

Черновой набросок — *АМ*.

...письма 22-х ленинградских писателей... — Речь идет о "Письме в редакцию" в поддержку Мандельштама группы ленинградских писателей от 22 мая 1929 г. (см.: *Слово*, с. 138).

148. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV*, с. 129–130.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Собачий юбилей был мне наградой. — В 1928 г. исполнилось двадцать лет литературной деятельности Мандельштама, началом которой он считал 1908 г. (этим годом помечено первое ст-ние в итоговом его сб. "Стихотворения", изданном в 1928 г.).

...отравили мой воздух и мой хлеб... — Ср. ст-ние 1913 г. "Отравлен хлеб, и воздух выпит..." (I, № 127).

149. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV*, с. 130–137.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Мотивы этого и предыдущего писем вошли позднее в "Четвертую прозу" (III, № 245).

Когда издательство, внезапно меняя точку зрения на свой договор... — К этому месту в машинописной копии письма имеется примечание Н. Я. Мандельштам: "Трудовой договор на редактуру толковался Зифом как подрядческий и на судах, и в Фоспе. Тот же Зиф пытался утверждать, что, когда в советском договоре пишется: «редактор», следует читать: «переводчик»".

Львов-Рогачевский (Рогачевский Василий Львович; 1873—1930) — литературный критик "вульгарно-социологической" ориентации; входил в состав конфликтной комиссии ФОСП по делу Мандельштама — Заславского.

В августе Федерация объявляет печатно о пересмотре дела... — См. сообщение об этом в *ЛГ*, 1929, 26 августа, с. 3: "Делегация РАППа внесла в исполбюро Федерации заявление о необходимости *пересмотра решения конфликтной комиссии по делу тт. О. Мандельштама — Д. Заславского.* Исполбюро ФОСП, не входя в рассмотрение вопроса по существу, ввиду наличия формальных мотивов для пересмотра дела (участие в прежнем составе комиссии представителей заинтересованной стороны и т. д.), постановило выделить новый состав комиссии, которая завтра вторично разберет дело".

"Комиссия для разбора обвинений, предъявленных Мандельштаму «Литгазетой»". — В состав этой комиссии вошли Б. Агапов, А. Богданов и А. Селивановский.

...177 ст. Уголовного Кодекса... — нарушение закона об авторском праве.

150. Публикуется впервые.
Машинопись — *АМ.*

151. *СС-III*, с. 256.
Автограф — *АМ.*

Дай мне, деточка, горе твое понести. — В середине февраля 1930 г. в Киеве умер отец Н. Я. Мандельштам — Я. А. Хазин.

152. *СС-III*, с. 256—260 (в виде двух отдельных писем).
Автограф — *АМ.*

Но травля и шельмование грандиозные. — Имеются в виду служебные неприятности Е. Э. Мандельштама в Ленинградском отделении Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК).

Григорьева Т. Г. — см. коммент. к письму № 81.

Наташа — Н. Г. Григорьева (см. там же).

Таня — Т. Г. Григорьева.

Лапповцы — члены ЛАПП, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

Юрасов — неустановленное лицо.

"Комсомолец Востока" — молодежная газета (Ташкент, 1926—1934); с 1935 г. выходила под назв. "Комсомолец Узбекистана".

"Дело Дрейфуса". — Так, иронически, по аналогии со скандально-известным процессом конца 1890-х гг., Мандельштам называет процесс травли, развязанный против него фельетоном Д. И. Заславского (см. коммент. к письму № 135).

Березнер — неустановленное лицо.

Шифрины — семья Ниссона Абрамовича Шифрина (1892—1961), театрального художника.

26-192

Озет — Общество землеустройства трудящихся евреев.

Моргулис А. О. — см. коммент. к письму № 156.

Шашкова — по-видимому, сотрудница редакции газ. "Вечерняя Москва" или журн. "Пятидневка", где после закрытия "Московского комсомольца" Мандельштам еще некоторое время работал.

Иваницкий — неустановленное лицо.

...у жены Длигача... — Длигач, Лев Михайлович (1904–1949) — поэт, журналист, в 20-е гг. жил в Киеве; его жена Дина Бутман — актриса, впоследствии жена В. Н. Яхонтова.

"Пионер" — детский журнал.

153. *СС-III*, с. 260–262.

Автограф — *АМ.*

Рузер — вероятно, Нина Александровна Рузер-Нирова, зам. председателя Главполитпросвета и член Главреперткома.

Освag (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистское учреждение при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России бароне Врангеле.

Указал на феодосийских коммунистов. — В августе 1920 г. в Феодосии Мандельштам был арестован и помещен в тюрьму по подозрению в связях с большевиками.

Стихи про Керенского — ст-ние "Когда октябрьский нам готовил временщик..." (I, № 185); не исключено, что собранные в 1930 г. "материалы" против Мандельштама были использованы для второго его ареста и следствия в 1938 г. (во всяком случае, эти стихи там фигурировали).

Жалко книги остановившейся. — Вероятно, речь идет о "Четвертой прозе" (III, № 245), диктовка которой была прервана в связи с отъездом Мандельштамов в Киев на похороны Я. А. Хазина.

Апель (Аппель) И. — см. коммент. к письму № 144; в 1929–1930 гг. И. Аппель работал вместе с Мандельштамом в редакции газ. "Московский комсомолец".

Сутырин, Владимир Андреевич (1902–1985) — писатель, драматург, литературный критик, член секретариата ФОСП.

Ich bin arm. — Эта же фраза повторена в конце "Четвертой прозы".

Совсем не обязательно Ташкент. — См. письмо № 152 и коммент. к нему.

154. Публикуется впервые.

Телеграмма из Москвы — *АМ.* Адрес: Киев, Новая, 1, Хазиной.

155. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ.*

156. *RL*, 1977, v. V-2, с. 186 (в ст.: Григорьев А. ‹А. Г. Мец› и Петрова Н. ‹В. Н. Сажин›. Мандельштам на пороге 30-х годов; автограф воспроизведен на с. 192).

Почтовая карточка. Местонахождение оригинала не установлено (ранее — в собр. В. А. Мануйлова).

Письмо не было отправлено, так как И. Д. Ханцин сама приехала в Старый Петергоф (где в санатории ЦЕКУБУ "Заячий Ремиз" в декабре 1930 и первую неделю 1931 г. отдыхали Мандельштамы) как раз после того, как оно было написано.

Ханцин, Иза Давыдовна (1899–1985) — пианистка, жена А. О. Моргу-

лиса, адресата мандельштамовских "моргулет". Мандельштама, как, впрочем, и Надежду Хазину, знала еще по Киеву 1919 и по Ростову 1921–1922 гг. Чаще всего они виделись в 1924–1928 гг., когда Мандельштамы жили в Ленинграде и Детском Селе. Отношения И. Д. Ханцин и А. О. Моргулиса с Мандельштамами отличались большой теплотой. Стихи Мандельштама к О. Арбениной Ханцин считала лучшими русскими любовными стихотворениями. Когда Мандельштам просил ее сыграть, чаще всего Скрябина, она садилась к роялю и безотказно играла его любимые скрябинские вещи (ранние опусы 16 и 37). Воспоминания И. Д. Ханцин о Мандельштаме были опубликованы В. А. Швейцер в *ВРСХД*, 1980, № 132, с. 140–144.

Нотная запись — фраза из Сонаты соль-минор Шумана для фортепьяно — сделана Мандельштамом по памяти. Ср. в "Египетской марке": "Пусть ленивый Шуман развешивает ноты, как белье для просушки..."

Тереза Давыдовна Ханцин — сестра И. Д. Ханцин, жена профессора-нейрохирурга А. З. Цейтлина; в эти дни гостила в Ленинграде.

Старик — Александр Осипович Моргулис (1898–1938), писатель, переводчик, уроженец Ростова; в 1919–1922 гг. работал в Кавроста, жил в основном в Баку; с 1923 г. — в Ленинграде, где переменил несколько случайных должностей; с 1931 г. — в Москве, заведует сектором информации в газете "За коммунистическое просвещение", куда устроил и Н. Я. Мандельштам. Арестован в 1936 и погиб в лагере в 1938 г.

Мануйлов, Виктор Андроникович (1893–1988) — филолог, лермонтовед; впоследствии профессор ЛГУ.

157. Публикуется впервые.

Автограф — *АЕМ*.

Содержание письма предполагает серьезную ссору Мандельштама с младшим братом; одна из самых острых случилась тогда, когда Мандельштам с больной женой несколько дней жили в его семье (см. коммент. к письму № 158). Датируя письмо на этом основании, не исключаем и других вариантов датировки, в частности, 1925–1927 гг., когда Мандельштам с женой подолгу жили в Детском Селе, а сам поэт лишь изредка наезжал в Ленинград. В принятой нами датировке фраза "Я уезжаю до послезавтра" может означать намерение отвезти больную жену в Москву и вернуться в Ленинград ради недоделанных дел — Мандельштам вел переговоры с Тихоновым о предоставлении им комнаты в Ленинграде и получил резкий отказ. "Через два-три дня, получив ответ Тихонова, мы завязали корзины и уехали" (*НМ-III*, с. 148). К этому времени относятся ст-ния "Мы с тобой на кухне посидим...", "С миром державным я был лишь ребячески связан..." и "Помоги, Господь, эту ночь прожить..." (III, №№ 22–24).

158. *Слово*, с. 76.

Автограф — *АЕМ*.

Записка на обороте перевода неидентифицированного французского текста, озаглавленного "Les trois folles" ("Трое сумасшедших"). Предположительно относится к тому времени, когда после отдыха в Старом Петергофе (см. письмо № 156) Мандельштам с женой на несколько дней задержались в Ленинграде, остановившись у Е. Э. Мандельштама на Васильевском острове (8 линия, д. 31, кв. 5, — в январе 1991 г. на этом доме была установлена мемориальная доска). Отношения между братьями в начале 30-х гг. в основном были ровными, но иногда обострялись,

главным образом из-за бытовых вопросов. Вместе с братом в квартире жили его вторая жена — Т. Г. Григорьева, Э. В. Мандельштам, М. Н. Дармолатова, его дочь от первого брака Наташа (Татька), четырехмесячный сын Е. Э. Мандельштама Юрий (1930–1990), а также сестра жены Н. Г. Григорьева (см. коммент. к письмам №№ 41 и 81).

159. *Слово*, с. 76.

Автограф (письменное сообщение на бланке к посылке, оцененной в 60 руб.) — *АЕМ.* Адрес: Ленинград, Восьмая линия, 31, кв. 5. Мандельштаму Эмилю Вениаминовичу. Штемпель: Москва. 20.III.1931.

160. *Слово*, с. 76–77.

Автограф (письменное сообщение на бланке к посылке, оцененной в 30 руб.) — *АЕМ.* В качестве обратного указан адрес А. Э. Мандельштама: Москва, Старосадский пер., д. 10, кв. 3. Штемпель: Москва. 10.IV.1931.

161. *Слово*, с. 77.

Автограф — *АЕМ.* Штемпель: Ленинград. 12.V.1931 (спешное).

...выплатить 40% за собрание сочинений... — Речь идет о выплатах за двухтомное собрание сочинений Мандельштама в ГИХЛе (договор № 79/Х; см. также темпланы ГИХЛа на 1932–1933 гг. — *РГАЛИ*, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 11, л. 23; ф. 611, оп. 2, ед. хр. 243, л. 121–122). Издание не осуществилось.

...работается мне сейчас здорово. — Весной 1931 г. Мандельштам работал над ст-ниями так наз. “волчьего цикла” (см. III, №№ 28, 29, 26, 31, 32, 36).

162. Новый мир, 1987, № 10, с. 203–204; *Слово,* с. 77–80.

Автограф — *АЕМ.*

Руни — Районное управление народного имущества. Квартира, о которой идет речь, так и не была получена.

Леля — Элеонора Самойловна Гурвич (1900–1989), художница, жена А. Э. Мандельштама; автор воспоминаний о Мандельштаме *(Сохрани мою речь...*, с. 38–40).

Большой цикл лирики... — Имеется в виду “волчий цикл” (см. коммент. к письму № 161). Цикл “Армения” (III, №№ 3–14) был напечатан в журн. “Новый мир” (1931, № 3). В журн. “Звезда” (1931, № 4) было напечатано ст-ние “С миром державным я был лишь ребячески связан...” (III, № 22).

Сел я еще за прозу... — Имеется в виду “Путешествие в Армению”, законченное в 1932 г. (III, № 246).

...получив ордер... — Квартиру, о которой идет речь, Мандельштам не получил.

Старчаков, Александр Осипович (1892–1938) — критик, литературовед, прозаик; в 1931 г. возглавлял Ленинградское отделение ГИХЛа.

163. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ.*

Шендерович, Матвей Осипович — заместитель заведующего ГИХЛом.

164. *Слово*, с. 82.

Автограф — *РГАЛИ*, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 224.

Полонский (Гусин), Вячеслав Павлович (1886–1932) — известный

критик и журналист; в 1926–1931 гг. — главный редактор “Нового мира” (на этом посту его сменил И. М. Гронский (см. коммент. к письму № 169)). При его жизни в “Новом мире” (1931, № 3) был напечатан цикл “Армения”; две другие новомировские подборки Мандельштама вышли уже после смерти В. П. Полонского (он умер 24 февраля 1932 г.), но, возможно, были приняты к публикации еще им самим — ст-ния “Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...”, “О, как мы любим лицемерить...” (1932, № 4) и “Рояль”, “Там, где купальни, бумагопрядильни...”, “Ламарк”, “Батюшков” (1932, № 6). Отобранное редакцией единственное ст-ние — это, по-видимому, именно “Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...”, написанное 7 июня 1931 г. и опубликованное только в апрельском номере за 1932 г.

С журналом “Новый мир” связана недатированная записка Мандельштама к В. П. Катаеву, сохранившаяся в архиве А. Е. Крученых (*РГАЛИ*):

“Валентин Петрович!

Мы будем без 10 четыре в Н. Мире.

Не забывайте!!!

Ваш О. М.”.

Передавая записку А. Крученых, Мандельштам сопроводил ее следующей надписью на отдельном листочке:

“Сия записка передается в «Музей» А. Е. Крученых.

О. Мандельштам”.

Зенкевич М. А. — см. коммент. к письму № 121. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. редактировал отдел поэзии “Нового мира”.

165. *Слово*, с. 81–82.

Автограф — *АЕМ.*

...3 очерка... — Были ли написаны эти очерки, неизвестно.

Реально я напечатаю еще в больших журналах 5–6 вещей, может быть, мою прозу... — О публикациях ст-ний см. коммент. к письму № 164; “Путешествие в Армению” было напечатано в журн. “Звезда”, 1933, № 5.

166. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ.* Листок с продолжением записки утерян. Резолюция: “т. Мандельштам: 1) сегодня не смогу 2) давайте завтра, обязательно с утра. 19/IX. А. Халатов”.

Просьба Мандельштама, предположительно, была связана с планировавшимся в ГИХЛе изданием двухтомного собрания сочинений (см. письма №№ 161–163). Датируется на основании этого предположения. К осени 1931 г. относится эпизод, пересказанный Э. Г. Герштейн со слов Мандельштама: “Он сидел в приемной директора Государственного издательства Халатова. Долго ждал. Мимо него проходили в кабинет другие писатели. Мандельштама секретарша не пропускала. Терпение его лопнуло, когда пришел Катаев и сразу был приглашен к Халатову. «Я — русский поэт», — гордо выкрикнул Мандельштам и ушел из приемной, хлопнув дверью” (Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986, с. 48).

167. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ.*

Записка, переданная в Боткинскую больницу, где находилась на лечении Н. Я. Мандельштам.

З.К.П. — газета “За коммунистическое просвещение” (в наст. время

"Учительская газета"); в редакции этой газеты некоторое время работала Н. Я. Мандельштам.

Ляшкевич, Дмитрий Ефимович (1904–1989) — писатель, председатель московского горкома ССП.

Делигенский — врач, лечивший Н. Я. Мандельштам.

168. Публикуется впервые.

Автограф — *АМ.*

Записка в Боткинскую больницу.

Леля рожает. — 21 ноября 1931 г. у Э. С. Гурвич родился сын Александр.

169. *ВРСХД,* 1977, № 120, с. 255–256; *СС-IV,* с. 137–138.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Гронский, Иван Михайлович (1894–1985) — партийный и советский деятель, редактор газ. "Известия" (1931–1934) и журн. "Новый мир" (1931–1937); с мая 1932 до середины 1933 г. был председателем Оргкомитета Союза советских писателей.

Россовский, Михаил Андреевич (1899–?) — драматург, ответственный секретарь Всероскомдрама.

Павленко, Петр Андреевич (1899–1951) — советский писатель; в 1938 г. написал для НКВД рецензию-донос на ст-ния Мандельштама, использованную в ходе подготовки второго его ареста (см.: Шенталинский В. Улица Мандельштама // Огонек, 1991, № 1, с. 20). "В своем одичании и падении писатели превосходят всех. Еще в 34 году до нас с Анной Андреевной дошли рассказы писателя Павленко, как он из любопытства принял приглашение своего друга-следователя, который вел дело О. М., и присутствовал, спрятавшись не то в шкафу, не то между двойными дверями, на ночном допросе... Павленко рассказывал, что у Мандельштама во время допроса был жалкий и растерянный вид, брюки падали — он все за них хватался, отвечал невпопад — ни одного четкого и ясного ответа, порол чушь, волновался, вертелся, как карась на сковороде, и тому подобное..." (*НМ-I,* с. 78).

Уткин, Иосиф Павлович (1903–1944) — поэт.

170. *СС-IV,* с. 138.

Поздняя машинописная копия — *АМ* (см. коммент. к письму № 124).

Сохранилась копия ответа на это заявление, подписанного председателем горкома Д. Е. Ляшкевичем *(АМ)*:

"Члену Горкома т. Мандельштаму.

Ваше заявление считаю безусловно преждевременным, т. к. решение товарищеского суда будет утверждаться на ближайшем заседании Горкома. Сейчас уже поступил ряд дополнительных фактов. Вам необходимо занять другую позицию к профессиональной организации, полагаю, что вы дадите другое заявление, снимающее ваше первое.

Ляшкевич".

Письмо написано "по горячим следам" товарищеского суда по "делу Мандельштама — Саргиджана". Существо дела сводилось к следующему: сосед Мандельштама по "Дому Герцена", живший, как и он, в левом флигеле особняка, писатель Сергей Петрович Бородин (1902–1974; до 1941 г. выступал под псевдонимом Амир Саргиджан) во время ссоры из-за невозвращенного Мандельштаму долга ударил Н. Я. Мандельштам. Мандельштам обратился в товарищеский суд; А. Н. Толстой, председа-

тельствовавший на этом суде, вынес двусмысленное порицание обеим сторонам. Это и вызвало столь бурную реакцию оскорбленного таким решением поэта, проявившуюся не только в выходе из горкома, но и в знаменитой пощечине А. Н. Толстому в мае 1934 г. См. об этом заметку "Нелитературный вечер", подписанную инициалами А. Г. ("Вечерняя Москва", 15 сентября 1932 г.), заявление группы писателей, адресованное общественному суду по делу Саргиджана — Мандельштама (*РГАЛИ*, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 182), воспоминания Ф. Ф. Волькенштейна (*Сохрани мою речь...*, с. 53–57), а также кн.: Cl. Brown. Mandelstam. Cambridge University Press, 1973, pp. 127–129.

171. Публикуется впервые.
Автограф — *АМ*.
См. коммент. к письму № 170.

172. Новый мир, 1987, № 10, с. 205–206; *Слово*, с. 84–86.
Автограф — *АЕМ*.

Узкое — санаторий ЦЕКУБУ под Москвой, в котором Мандельштам отдыхал около месяца в ноябре 1932 г.

Сельвинский, Илья Львович (1899–1968) — поэт, автор двух знаменитых "mots": "пастернакипь" и "мандельштамп" (Записки поэта. М., 1928, с. 36).

...я, например, копаюсь сейчас в естественных науках — в биологии, в теории жизни... — Интерес к этим наукам, возникший во многом благодаря знакомству и дружбе Мандельштама с биологом Б. С. Кузиным (см. коммент. к письму № 242), нашел отражение и в стихах (III, №№ 47, 71), и в прозе поэта (III, №№ 246, 247).

"Переделкино" — дом отдыха ОГИЗа (ныне Дом творчества писателей). О. Э. и Н. Я. Мандельштам жили там приблизительно между 15 декабря 1932 г. и 9 января 1933 г.

Клычков (Лешенков), Сергей Антонович (1889–1937) — поэт "новокрестьянской" группы, близко знакомый с Мандельштамом еще по "Дому Герцена" в 1922–1923 гг. (см. письмо № 49).

Известен случай публикации ст-ния Клычкова ("Пылает за окном звезда...") за подписью "О. Мандельштам" (Красная нива, 1923, № 4, 28 января, с. 26) — по словам Н. Я. Мандельштам, из-за редакционной небрежности (см. *НМ-I*, с. 250). Почти одновременно это ст-ние было опубликовано под именем Клычкова (Железный путь (Воронеж), 1923, № 3, 3 февраля, с. 4) и вошло в два прижизненных сборника его стихов (Домашние песни. М.-Пб., 1923; Талисман. Л., 1927). Тем не менее ст-ние "Пылает за окном звезда..." в качестве мандельштамовского текста попало в оба издания *СС-I* (хотя и с оговоркой в примечании о принадлежности его Клычкову) и было тиражировано в этом качестве не только при квазирепринтном переиздании Собрания сочинений (М.: Терра, 1991), но и в других сборниках Мандельштама (см., например: Мандельштам О. Э. Медленный день: Стихи. Л.: Машиностроение, 1990, с. 101, а также Mandelstam O. Tristia. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1985, S. 92–93, где оно сопровождено и переводом на немецкий язык). В качестве курьеза упомянем песню на слова этого ст-ния, включенную в репертуар рок-группы "Черный кофе" (также под именем Мандельштама — см. грампластинку этой группы "Переступи порог". М.: Мелодия, 1988, С60 26139 006).

Теперь говорят, что въедем в апреле, в мае. — Получение ордера и вселение в двухкомнатную квартиру в Нащокинском переулке (ул. Фур-

манова), д. 5, кв. 26 состоялось в июле–августе, а окончательный переезд – в ноябре—декабре 1933 г.

...с неизбежной помощью сверху... — Намек на хлопоты Н. И. Бухарина.

В декабре я имел два публичных выступления... — Первое из этих выступлений состоялось 10 ноября (а не в декабре, как пишет Мандельштам) 1932 г. в редакции "Литературной газеты". Н. И. Харджиев писал о нем Б. М. Эйхенбауму: "Зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол‹овиной› часов. Он прочел все свои стихи (последних лет) — в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались! Испугался даже Пастернак, пролепетавший: — Я завидую Вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой. ‹...› Некоторое мужество проявил только В. Б. ‹Шкловский›: — Появился новый поэт О. Э. Мандельштам! Впрочем, об этих стихах говорить «в лоб» нельзя. ‹...› Мандельштам отвечал с надменностью пленного царя или... пленного поэта" (отрывок из письма приведен в кн.: Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987, с. 532). Кроме упомянутых выше лиц на читке присутствовали и выступали также Д. Святополк-Мирский, М. Зенкевич, М. Левидов, А. Жаров, А. Гладков, Ю. Юзовский, Е. Трощенко, О. Брик, А. Селивановский, А. Крученых. Сообщение о втором выступлении появилось в "Литературной хронике" газеты "Вечерняя Москва" 21 декабря 1932 г.: "ГИХЛ приняло к печати новый сборник стихотворений Осипа Мандельштама ‹речь идет о невышедшем сборнике «Стихи», договор об издании которого был заключен 8 сентября 1932 г. — *Комм.*›. В ближайшие дни издательство устраивает публичную читку последних произведений поэта".

...лишь несколько вещей напечатаны в Литгазете... — 23 ноября 1932 г. в *ЛГ* была опубликована подборка ст-ний: "Ленинград", "Полночь в Москве" и "К немецкой речи" (III, №№ 21, 38, 58), а 11 ноября 1932 г., на следующий день после выступления Мандельштама, в той же газете появилась статья А. Селивановского "Разговор о поэзии", в которой среди тех, кому "надо помогать", назван и "старик" О. Мандельштам.

...я продал мои книги в ГИХЛ... — В авторской карточке Мандельштама в ГИХЛе значатся договоры № 243 от 8 сентября 1932 г. на книгу "Стихи" и № 313 от 31 января 1933 г. на книгу "Избранное" (*РГАЛИ*, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 5287, л. 37об.).

...ко мне обратился некий импресарио... с предложением моего вечера в Политехническом музее и повторением в Ленинграде. — В своем первом наброске мандельштамовского "хронографа" Н. Я. Мандельштам называет имя этого "импресарио": им был П. И. Лавут, организатор турне и вечеров В. В. Маяковского и др. поэтов; два вечера Мандельштама в Ленинграде состоялись 22 февраля и 2 марта 1933 г. (в Капелле и в Доме печати), еще два вечера прошли в Москве 14 марта и 3 апреля — в Политехническом музее (вступительное слово произнес Б. М. Эйхенбаум) и в Клубе художников.

173. Отрывок — *БП*, с. 294 (перепеч.: *СС-IV*, с. 138); полностью — Вопросы истории естествознания и техники, 1987, № 3, с. 131–132 (публ. П. Нерлера).

Рукопись — семейный архив М. С. Шагинян. Основной текст и дата — рукой Н. Я. Мандельштам; подпись и следующая за нею фраза — рукой Мандельштама.

Шагинян, Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница.

Это письмо, по существу, является своеобразным авторским предисловием к "Путешествию в Армению". Но оно имело и другое назначение — помочь молодому другу Мандельштама, биологу Б. С. Кузину, арестованному в начале марта 1933 г. и вскоре после написания этого письма выпущенному на свободу ("вытащил" его, по словам Н. Я. Мандельштам, один знакомый чекист, увлекавшийся энтомологией). О Б. С. Кузине см. коммент. к письму № 242.

Эта вещь, которую я вам посылаю... — Рукопись "Путешествия в Армению" в архиве М. Шагинян не разыскана; впервые она была опубликована в журн. "Звезда", 1933, № 5, с. 103–125. В Ленинградском издательстве писателей (членом правления которого была М. С. Шагинян) книга была доведена до третьей корректуры, датируемой 31 июля 1933 г. (ее переплетенный экз-р имеется в библиотеке *РГАЛИ* — № 23692, из собрания Б. С. Соловьева, в середине 1930-х гг. бывшего зам. главного редактора изд-ва "Советский писатель"). Книга в изд-ве так и не вышла — видимо, в связи с появлением в "Литературной газете" и "Правде" (соответственно, от 17 июня и 30 августа 1933 г.) разгромных статей Н. Оружейникова и С. Розенталя. Более того, Мандельштаму было предложено печатно покаяться и отмежеваться от критической прозы, на что он не пошел.

З.К.П. — газета "За коммунистическое просвещение" — см. коммент. к письму № 167; в этой газете (1932, 21 апреля) был опубликован очерк Мандельштама "К проблеме научного стиля Дарвина".

Яков Самсонович Хачатрянц (1894–1960) — писатель и переводчик, муж М. С. Шагинян.

"Скутаревский" — роман Л. Леонова (1932).

174. *Слово*, с. 87–88.

Автограф (до слов "Во-вторых — летом..." рукой Н. Я. Мандельштам) — *АЕМ*.

Оргкомитет — Организационный комитет Союза советских писателей.

Свирин, Николай Григорьевич (1900–1937) — один из организаторов Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), с 1932 г. — секретарь оргкомитета Ленинградского отделения Союза писателей.

175. *ВЛ*, 1968, № 4, с. 191 (публ. И. М. Семенко).

Автограф — *АМ*.

Книжка моя... — Речь идет о "Путешествии в Армению" (см. коммент. к письму № 173).

176. Памятные книжные даты. 1991. М.: Книга, 1991, с. 139 (публ. А. А. Морозова — в ином прочтении).

Автограф — *АМ*.

Набросок (или фрагмент) письма. Кто является адресатом и о какой книге идет речь — не установлено.

177. *Слово*, с. 88–89.

Автограф — *АЕМ*.

Груздев И. А. — см. коммент. к письму № 84. Об отношении его к Мандельштаму говорит дарственная надпись на книге "Горький" (Л., 1933): "Осипу Эмильевичу Мандельштаму, первому поэту, автору прекраснейшего эпоса — на отповедь, а, может быть, и на сочувствие от Ильи Груздева. 5/IV-33 г." (*Слово*, с. 236).

Сегодня мы уезжаем... в городок Старый Крым... — Мандельштамы приехали в Старый Крым не ранее 12 апреля 1933 г. — даты приезда туда самой Н. Н. Грин, прописавшей их в своем доме. С ними приехал и освобожденный накануне отъезда Б. С. Кузин.

178. *Слово*, с. 91.
Автограф — *АЕМ*.
Лаганский Еремей Миронович (1887–1942) — журналист.

179. *СК*, с. 291–292.
Автограф — *РГБ*, ф. 729, к. 6, ед. хр. 15.
«Разговор о Данте» был написан весной 1933 г. в Старом Крыму и Коктебеле. Там же Мандельштам читал его А. Белому и А. Мариенгофу, а осенью и зимой В. Жирмунскому, Ю. Тынянову, А. Ахматовой, Б. Лившицу — в Ленинграде, Б. Пастернаку и В. Татлину — в Москве. Тогда же рукопись "...была передана в «Звезду», и очень скоро выяснилось, что печатать ее не будут. То же в «Сов. пис.» ‹т. е. в «Изд-ве писателей в Ленинграде». — *Комм.*›" (из письма Н. Я. Мандельштам Л. Е. Пинскому, лето 1966 г. — *Слово*, с. 151). На той решительности, с какой Мандельштам потребовал свою рукопись назад, определенно сказался и выход накануне в "Правде" сокрушительной по тем временам статьи С. Розенталя о "Путешествии в Армению".
По свидетельству Э. Г. Герштейн, "рукопись «Разговора о Данте», переданная Мандельштамом в Госиздат, была возвращена ему после прочтения ее Дживелеговым без единого полемического замечания, но со множеством вопросительных знаков на полях" (Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986, с. 77).

180. *Слово*, с. 91–92.
Автограф — *АЕМ*.
...начал снова писать... — В ноябре 1933 г. Мандельштам работал над восьмистишиями и переводами из Ф. Петрарки; тогда же были написаны ст-ния "Мы живем, под собою не чуя страны..." и "Квартира тиха как бумага..." (III, №№ 62–82, 64, 65).

181. Память: Исторический сб. Париж, 1979. Вып. 2, с. 435–436 (публ. И. Флаттерова); в СССР — *ВЛ*, 1988, № 3, с. 278 (в ст. С. Шумихина "Судьба архива О. Э. Мандельштама").
Автограф — *РГБ*, ф. 369, ед. хр. 299, л. 1–1об.
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич (1873–1955) — государственный и партийный деятель, литератор, историк; организатор и первый директор Государственного литературного музея.
Литературный музей Наркомпроса — точнее, Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (позднее — Государственный литературный музей) был образован 3 июля 1933 г.
Сохранился заполненный Мандельштамом сопроводительный бланк к представленным им архивным материалам (слова, вписанные Мандельштамом, выделены курсивом):
"ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Я, нижеподписавшийся *Осип Эмильевич Мандельштам*; подробный адрес: *Нащокин‹ский› пер., д. 5, кв. 26,* телефон: *5-42-92*; предлагаю Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики к приобретению: *имеющиеся у меня архивные*

материалы <...> Подпись: *О. Э. Мандельштам. 3 марта 1934 г.*" (*РГАЛИ*, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 3531, л. 297).

Тот раздел бланка, в котором предлагалось оценить стоимость архива или же оставить оценку на усмотрение Фондовой комиссии, помет Мандельштама не содержит. Опись представленных поэтом материалов не сохранилась. Из протокола Комиссии экспертов по приобретению фондов (от 16 марта 1934 г.) известна только цена, предложенная Музеем за архив: 500 рублей.

Тем же днем, что и письмо № 181, датирована доверенность Мандельштама на имя жены: "Отказываясь от передачи в Литмузей моих рукописей, доверяю жене моей, Надежде Яковлевне Мандельштам, получить обратно предложенные мною в Литмузей, согласно описи, материалы. 21 марта 1934 г." (*РГАЛИ*, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 1516). Эпизод с несостоявшейся продажей архива нашел отражение в эпиграмме Мандельштама "На берегу Эгейских вод..." (III, № 223).

182. Публикуется впервые.

Телеграмма из Перми — *АМ*. Адрес: Москва, Страстной <бульвар>, 6. Хазину (на бланке телеграммы указан и второй адрес: Нащокинский <пер.>, 5).

В середине июня 1934 г. ссылка в Чердынь была заменена Мандельштаму на высылку из Москвы, с определенной свободой выбора местожительства. В телеграмме, отправленной по пути из Чердыни в Москву, Мандельштам сообщает свое решение поселиться в Воронеже.

183. Публикуется впервые.

Телеграмма из Воронежа — *АМ*. Адрес: Москва, Пречистенка, Нащокинский <пер.>, 5. Хазиной, Мандельштаму.

184. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV*, с. 118.

Автограф — *АМ*.

Ну я работаю Мопассана очень сильно. — Речь идет о переводе повести Мопассана "Иветта". 3 марта 1935 г. О. Э. и Н. Я. Мандельштам заключили договор с ГИХЛом на перевод сборника "Иветта" для планировавшегося Собрания сочинений Мопассана (*РГАЛИ*, ф. 613, оп. 3, ед. хр. 7, л. 95–96). 7 апреля 1935 г. С. Б. Рудаков писал жене о Мандельштаме: "То ругает, то хвалит Иветту — и страшно гладко и быстро ее переводит, но скоро утомляется" (Герштейн Э. Г. Мандельштам в Воронеже // Подъем, 1988, № 8, с. 127). Перевод издан не был; пять новелл из сб. "Иветта" были опубликованы (в переводе Н. Я. Мандельштам) в составе V тома Полного собрания сочинений Мопассана (М.: ГИХЛ, 1946). Вопрос об использовании переводов Мандельштама при подготовке этого издания остается открытым.

185. *СС-III*, с. 265.

Автограф — *АМ*.

Стоичев (Стойчев), Стефан Николаевич — в то время председатель Воронежского отделения Союза писателей, член редколлегии воронежского журнала "Подъем".

Марченко Д. А. (?–1937) — секретарь парторганизации Союза советских писателей.

186. *СС-III*, с. 263–264, 265 (в виде двух отдельных писем).

Автограф — *АМ.*

"Стрижка детей" — ст-ние "Еще мы жизнью полны в высшей мере..." (III, № 110).

Ай радио запущено! Помоги. Дай материалы: к Шервинскому (молодость Гете). — Речь идет о материалах к радиокомпозиции "Молодость Гете" (III, № 254) для воронежского облрадиокомитета; в работе над этой радиокомпозицией Мандельштам использовал переводы И. В. Гете, выполненные Сергеем Васильевичем Шервинским (1892–1991). В начале 1930-х гг. переводы Шервинского издавались неоднократно (в том числе в составе тринадцатитомного Собрания сочинений Гете). О каком из них идет речь, уточнить не удается.

Так еще не ехал никто. — Поездка А. Ахматовой к Мандельштаму состоялась только в феврале 1936 г.

187. *СС-III,* с. 263.

Автограф — *АМ.*

Посылаю исправленные стихи... — Состав прилагавшейся к письму подборки ст-ний определить не удалось.

"Каменноугольный — добровольный" — из ст-ния "Мир начинался страшен и велик..." (III, 100).

Чернозем — см. III, № 97.

Плоткин, Лев Абрамович (1906–1978) — литературовед, в 1935–1937 гг. член редколлегии воронежского журнала "Подъем".

"Железясь" — из ст-ния "Железо" (III, № 109).

188. *СС-III,* с. 264–265.

Автограф — *АМ.*

В Подъем сдал то, что на машинке. — Ст-ния, машинописную копию (или список) которых Мандельштам отправил, по-видимому, в этом письме, в журнале "Подъем" напечатаны не были.

... "Стансы" плюс "Железо". — См. III, №№ 108, 109.

Хорошо бы в Литгазете. — Публикация ст-ний Мандельштама в "Литературной газете" не состоялась.

Передай стихи, между прочим, Левину. Скажи ему: нельзя честно писать прозу в моем теперешнем воронежском положении. — Левин, Федор Маркович (1901–1972) — писатель, в то время директор и главный редактор изд-ва "Советский писатель", с которым Мандельштам заключил 5 января 1935 г. договор на книгу "Старый и новый Воронеж"; книга написана не была.

...предлагаю принять командировку... на Урал по старому маршруту. Напишу замечательную книгу (по старому договору). — Мандельштам имеет в виду маршрут Москва — Свердловск — Пермь — Чердынь, по которому в конце мая — начале июня 1934 г. его и Н. Я. Мандельштам под конвоем доставили к первоначально назначенному месту административной ссылки; поездка не состоялась. Старый договор — вероятно, договор от 5 января 1935 г. (см. выше).

189, 190. Russian Literature Triquarterly (*RLT*), v. 19, 1986, p. 395 (публ. Э. Г. Герштейн); Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986, с. 156; в СССР — Подъем, 1988, № 7, с. 91 (в исследовании Э. Г. Герштейн "Мандельштам в Воронеже").

Автографы — *ИРЛИ,* ф. 803, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 7, 8.

Рудаков, Сергей Борисович (1909–1944) — ленинградский литературовед, отбывавший ссылку в Воронеже с конца марта 1935 г. по июль 1936 г., где тесно общался с Мандельштамом, работая над комментарием к его стихам. Его письма к жене (Л. С. Финкельштейн), ныне хранящиеся в *ИРЛИ*, содержат уникальную информацию о жизни и творчестве Мандельштама воронежского периода.

Обе записки были вложены в письмо С. Б. Рудакова к жене от 7 июня 1935 г. со следующим пояснением на об. № 190: "Это записки, которые я застаю приколотыми к его двери". Даты на записках проставлены С. Б. Рудаковым.

191. *Слово*, с. 93–94.

Автограф — *АЕМ*.

Комната у меня большая, хорошая. — С апреля 1935 по март 1936 г. Мандельштамы снимали комнату в двухэтажном доме на углу пр. Революции и ул. 25 Октября (дом не сохранился).

Я занимаюсь литературной консультацией. — Мандельштам вел платную литературную консультацию в редакции журнала "Подъем".

"Коммуна" — областная воронежская газета; Н. Я. Мандельштам работала в ней некоторое время в отделе писем.

Надя делает перевод для Москвы... — В 1935 г. в переводе Н. Хазиной вышла книга В. Маргерита "Вавилон".

...я готовлюсь писать прозу на новом материале. — Под "новым материалом" имеются в виду прежде всего впечатления от поездки в Воробьевский район Воронежской области на открытие совхозного театра, однако написанный поэтом очерк не удовлетворил ни редакцию "Коммуны", ни его самого.

192–195. *RLT*, v. 19, 1986, p. 395–397, 399; Герштейн Э. Г. Указ. соч., с. 157–160; в СССР — Подъем, 1988, № 7, с. 91–93.

Автографы — *ИРЛИ*, ф. 803, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 1–5.

Записки в больницу, где С. Б. Рудаков находился с 25 ноября 1935 г. по 11 января 1936 г. (диагноз — скарлатина).

А я в театр хожу на репетиции. — С 10 октября 1935 г. Мандельштам заведовал литературной частью в воронежском Большом Советском театре; был уволен из театра 1 августа 1936 г.

Горького ставим. — Имеется в виду пьеса "Враги".

Троша — рабочий-комсомолец, сосед Рудакова по комнате. Ср. шуточное ст-ние "Эта книга украдена..." (III, № 236).

Лина (Полина) *Самойловна* Финкельштейн (?–1977) — жена С. Б. Рудакова.

Сестры — сестры Рудакова, Людмила и Алла, высланные в Саратов.

Колли, Николай Григорьевич (?) (1910–?) — воронежский фотограф; в ноябре и начале декабря 1935 г. фотографировал Мандельштама.

Стефа (Стефен А. И.) — см. коммент. к письму № 230.

Богомолов, Леонид Иванович — врач, наблюдавший Мандельштама, ленинградец (вероятно, высланный в Воронеж).

Эйхенбаум, Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед; наезжая из Ленинграда в Москву по делам редактируемого им издания сочинений Лермонтова (М.: Academia, 1936–1937), иногда останавливался в квартире Мандельштама в Нащокинском переулке.

Цо́мык Герц Давыдович (1914–1981) — виолончелист; в 1933 г. получил первую премию на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей.

196. *СС-III*, с. 266–268.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Нащокин‹ский› пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий (Набережная, 9). Штемпели: Тамбов. 26.XII.1935; Москва. 28.XII.1935.

Щербаков, Александр Сергеевич (1901–1945) — советский партийный и государственный деятель, в 1934–1936 гг. секретарь ССП; о разговорах Н. Я. Мандельштам со Щербаковым см. *НМ-I,* с. 131–132.

Эфрос, Абрам Маркович (1888–1954) — искусствовед, критик, переводчик, в 30-е годы возглавлял отдел западноевропейской литературы изд-ва "Academia"; в чем заключалось его предложение, неизвестно.

Вольф, Сергей Оскарович (?–1951) — директор воронежского Большого Советского театра.

Генкин, Максим Исаевич (1886–1938) — заведующий отделом культуры и пропаганды марксизма-ленинизма Центрально-Черноземного обкома ВКП(б).

Горячев, Николай Михайлович (1905–1941) — председатель воронежского облрадиокомитета (1934–1936); позднее — директор воронежской филармонии.

Особняк Ксещинской — особняк в Санкт-Петербурге, построенный для балерины М. Ф. Кшесинской.

Живем на высоком берегу реки Цны. — Тамбовские пейзажи запечатлелись позднее в ст-ниях Мандельштама (III, №№ 130, 131).

Реентович, Марк Наумович (1886–1953) — директор Тамбовского музыкального училища, заслуженный артист РСФСР.

Сметанин, Григорий Александрович (1894–1952) — композитор, один из создателей Тамбовского Пролеткульта и хора при нем, автор патриотических музыкальных произведений; в 1922–1940 гг. преподавал теоретические предметы в Тамбовском музыкальном училище.

197. *СС-III*, с. 268–269.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель› О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Набережная, 9, Санаторий. Штемпели: Тамбов. 27.XII.1935; Москва. 29.XII.1935 (три).

198. *СС-III*, с. 269–270.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. 28.XII.1935 (три); Москва. 30.XII.1935 (три), 31.XII.1935.

Можно ли мне написать Лупполу 20 строк "о Мопассане и французской метафоре и дураке-редакторе"? — Луппол, Иван Капитонович (1896–1943) — историк-обществовед, в то время — директор Гослитиздата; негодование Мандельштама вызвано тем, что Гослитиздат отклонил выполненный Мандельштамом по договору с издательством перевод повести Мопассана "Иветта".

Вишневский, Всеволод Витальевич (1900–1951) — драматург; оказывал материальную помощь ссыльному Мандельштаму; с его женой, С. К. Вишневецкой, дружила Н. Я. Мандельштам.

199. *СС-III*, с. 270–271.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. 29.XII.1935 (три); Москва; 31.XII.1935 (три).

...мое далеко не шуточное обращение. — Имеется в виду письмо в Воронежское отделение Союза советских писателей (не разыскано). Ср. также письма №№ 200 и 202.

200. *СС-III*, с. 271–273.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. 1.I.1936; Москва; 3.I.1936.

Подобедов, Максим Михайлович (р. 1897) — писатель, журналист; в те годы — ответственный редактор журн. "Подъем".

Наушники — ст-ние "Наушники, наушнички мои!.." (III, № 98).

201. *СС-III*, с. 273.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. Вокзал. 2.I.1936 (два); Москва. 4.I.1936.

202. *СС-III*, с. 273–275.

Автограф — *АМ.* На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр‹авитель›: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. 3.I.1936; Москва. 5.I.1936.

...купил Красную Новь с дрянными стихами доброго Зенкевича и Талмудом Зощенки. — Подразумевается журнал "Красная новь", 1935, № 12, где было опубликовано ст-ние М. А. Зенкевича "С оказией на Кавказе" и окончание "Голубой книги" М. М. Зощенко.

Еще о Старом Крыме... — Речь идет о планах переезда в г. Старый Крым после окончания воронежской ссылки.

Цинциннат (по имени римского полководца V в. до н. э.) — государственный деятель, добровольно слагающий с себя общественные обязанности по миновании надобности в нем и возвращающийся к частной жизни.

Плиний Младший (61/62–ок. 114) — римский общественный деятель и писатель; в конце жизни — наместник Рима в малоазиатской провинции Вифинии.

203. *ВРСХД*, 1977, № 120, с. 257; *СС-IV*, с. 140–141.

Автограф — *АМ.*

Союз Писателей говорит, что дал мне работу в театре, а я там не работаю. — Ср. постановление правления Воронежского отделения ССП от 16 марта 1936 г.: "Принять к сведению сообщение Стойчева о том, что им послано письмо в Правление ССП о возможности оказания помощи Мандельштаму со стороны Литфонда СССР и Всесоюзного правления ССП; правление Воронежского отделения ССП и местное отделение Литфонда в разные сроки уже выдало Мандельштаму свыше 1000 р., и дальнейшие его просьбы не могут быть удовлетворены. Правление не может также оказывать материальную помощь Мандельштаму, требова-

ния которого приняли с его стороны систематический характер. Правление считает, что, оказав помощь Мандельштаму в поступлении на работу в театр и его жене в получении работы от редакции «Коммуны», оно сделало достаточно, чтобы Мандельштам мог устроиться материально без пособий со стороны Воронежского ССП" (см.: Нерлер П. "Он ничему не научился..." // *ЛО*, 1991, № 1, с. 91–95).

204. Память: Исторический сб. Париж, 1981, вып. 4, с. 320–321; на вклейке воспроизв. фото автографа; *CC-IV*, с. 139–140; в СССР — *ЛО*, 1986, № 9, с. 110 (публ. П. Нерлера).

Автограф — семейный архив Б. Л. Пастернака.

Незадолго до этого письма Мандельштам получил от Ахматовой и Пастернака деньги, а от Пастернака еще и записку. Ответом на нее, по-видимому, и является это письмо.

Зинаида Николаевна Пастернак (урожд. Еремеева, в первом браке — Нейгауз; 1893–1966) — вторая жена Пастернака.

205. *RLT*, v. 19, 1986, p. 387; Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986, с. 101, 147; в СССР — Подъем, 1988, № 7, с. 87; Наше наследие, 1989, № 5, с. 122 (по памяти).

Автограф уничтожен в 1936 г.

Фрагмент записки, пересланной через Э. Г. Герштейн, которая приезжала к Мандельштамам в Воронеж в первых числах мая 1936 г.

Попова, Еликонида Ефимовна (1903–1964) — режиссер "Театра одного актера" В. Н. Яхонтова; ей посвящен ряд ст-ний Мандельштама 1937 г. (III, №№ 187, 189, 190). До адресата записка не дошла: муж Е. Е. Поповой (композитор театра Яхонтова М. Цветаев) находился в заключении, и она ездила в это время в лагерь на свидание с ним.

206. *RLT*, v. 19, 1986, c. 400–401; Герштейн Э. Г. Указ. соч., с. 162; в СССР — Подъем, 1988, № 7, с. 94.

Автограф — *ИРЛИ*, ф. 803, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6.

Письмо в Ленинград из Задонска, куда О. Э. и Н. Я. Мандельштам уехали 20 июня 1936 г. Ю. Л. Слезкин, отдыхавший там в это время, записал в этот день в дневнике: "Неожиданно утром во время моей работы вваливается Осип Мандельштам с женой. Он совсем седой, страдает сердцем, выслан в Воронеж и решил провести лето в Задонске. Я повел его смотреть комнаты. Но он ходить не может — боится припадка, не отпускает от себя ни на шаг жену, говорит сбивчиво... Предоставили их себе самим, зайдя в два-три места и не найдя ничего" (Нерлер П. "Он ничему не научился..." — *ЛО*, 1991, № 1, с. 93). В конце концов Мандельштамы сняли дачу по ул. К. Маркса, д. 8.

...нам недоступны городские комнаты. — Вопреки ожиданиям, по возвращении О. Э. и Н. Я. Мандельштам из Задонска в начале сентября их комната в Воронеже осталась за ними.

Сосновка — поселок под Воронежем.

Хочу читать испанских поэтов. — Этот интерес был вызван чтением подготовленной В. Я. Парнахом книги "Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции" (М.: Academia, 1934). См. также письмо № 207.

207. Новый мир, 1987, № 10, с. 206–207; *Слово,* с. 96.

Автограф — *АЕМ.*

...я пишу стихи. — В начале декабря 1936 г. Мандельштам приступил к работе сразу над несколькими ст-ниями (см. III, №№ 118–124).

Так хочу очутиться в твоей комнате с зеленым диваном и нашим шкапчиком. — Ср. главу "Книжный шкап" в *"ШВ"*.

208. Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3, с. 289–296; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2–3, с. 7 (в обеих публ. воспроизв. фото автографа); в СССР — *Слово*, с. 28–29 (всюду — публ. С. В. Поляковой; в зарубежных изданиях — под псевд. С. Полянин).

Автограф — собр. С. В. Поляковой.

"И бросил, о корнях жалея..." — В первоначальном варианте: "И бросил, сил своих жалея...".

"Ниже клюва красным шит..." — В первоначальном варианте: "И нагрудник красным шит...".

209. Новый американец (Нью-Йорк), 1981, № 57, 10–16 марта (Лит. прилож., с. 17) (без указ. имени адресата); Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3, с. 289–296; Часть речи. Нью-Йорк, 1982, кн. 2–3, с. 8–9; в СССР — *Слово*, с. 29–31 (всюду — публ. С. В. Поляковой).

Копия — собр. С. В. Поляковой; две идентичные машинописные копии — *РГАЛИ*, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 137, л. 136 и ед. хр. 244, л. 24.

Печ. по копиям *РГАЛИ* с исправлением явных опечаток.

Тихонов, Николай Семенович (1896–1979) — поэт; в то время — председатель Ленинградского отделения Союза советских писателей и зав. отделом поэзии в журн. "Звезда". 20 января 1937 г. Тихонов переправил копию этого письма критику В. Я. Кирпотину (в то время заведующему отделом художественной литературы ЦК ВКП(б) и члену Секретариата ССП) с просьбой проинформировать его, "как и что решили" по этому вопросу (*РГАЛИ*, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 244, л. 25); ответ В. Я. Кирпотина неизвестен.

"Кащеев кот" — ст-ние "Оттого все неудачи..." (III, № 133). Ср. в "Заметках о поэзии" (1923): "Множитель корня — согласный звук — показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные — семя и залог потомства языка. Пониженное языковое сознание — отмиранье чувства согласной. Русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими. Настоящая мирская речь. Монашеская речь — литания гласных". Придавая столь большое значение согласным звукам, Мандельштам писал в "Шуме времени" (1923) именно о звуке "щ" как о звуке "боли и нападения, обиды и самозащиты".

...народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу. — Ср. в ответе на анкету газеты "Читатель и писатель" (1928 г.): "Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока не нуждается" (см. II, № 244).

...делегату VIII съезда... — Имеется в виду VIII Чрезвычайный съезд Советов (25 ноября — 5 декабря 1936 г.), закончившийся принятием "сталинской" Конституции СССР.

210. Память: Исторический сб. Париж, 1981. Вып. 4, с. 322; на вклейке воспроизв. фото автографа; *СС-IV*, с. 140; в СССР — *ЛО*, 1986, № 9, с. 110 (публ. П. Нерлера); фото автографа воспроизв. также в *Соч., т. 2* (вклейка).

Автограф — семейный архив Б. Л. Пастернака.

27–192

211. *СС-III*, с. 277.

Автограф — *АМ.*

Это и следующие за ним два письма были написаны, по-видимому, в ответ на сообщение Е. Э. Мандельштама о невозможности материально помогать старшему брату, хотя ранее он, несмотря на крайнюю стесненность в средствах, посильную помощь оказывал (в письме № 207 О. Э. Мандельштам просил поблагодарить его жену Т. Г. Григорьеву за присланную посылку), а в июне 1936 г. навестил О. Э. Мандельштама. Н. Я. Мандельштам считала, что автографы этих трех писем являются копиями, которые О. Э. Мандельштам сделал перед отправкой самих писем (*НМ-II,* с. 414). Однако не исключено (и даже более вероятно), что они представляют собой подлинники, так и не отправленные адресату (по сообщению Е. П. Зенкевич, вдовы Е. Э. Мандельштама, он этих писем не получал).

212. *СС-III*, с. 275.

Автограф — *АМ*, с характерной для первых чисел года опиской в дате: “8 янв. 36”.

См. коммент. к письму № 211.

213. *СС-III*, с. 276–277.

Автограф — *АМ.*

См. коммент. к письму № 211.

214. Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3, с. 289–296 (воспроизв. фото автографа); Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2–3, с. 7–8; в СССР — *Слово*, с. 31–32 (всюду — публ. С. В. Поляковой).

Автограф — собр. С. В. Поляковой.

Начатки ее имеются в Красной Нови. — Стихи этого времени в фонде журнала “Красная новь” (*РГАЛИ*) не найдены.

“Рождение улыбки”. — См. III, № 119 и соответствующие приложения. Под “*старым текстом*”, возможно, подразумевается вар. 119б; под “*доработанным*” — 119в.

215. *СС-II (1-е изд.)*; *СС-III*, с. 280–281; в СССР — Новый мир, 1987, № 10, с. 222 (в воспоминаниях Н. Е. Штемпель “Мандельштам в Воронеже”).

Копия рукой Н. Е. Штемпель — *АМ.*

216. Публикуется впервые.

Записи рукой Н. Я. Мандельштам (разрозненные листы) — *АМ.*

Тексты объединены в качестве набросков единого письма условно (по содержанию). Фрагм. ‹4› записан на обороте листа с текстом фрагм. ‹3›.

217. Грани (Франкфурт), 1967, № 63, с. 29–30; *СС-III*, с. 278–279; в СССР — *Слово*, с. 45–46 (публ. А. А. Морозова).

Автограф — семейный архив К. И. Чуковского.

Идентификация ст-ний, приложенных к письму, осуществлена А. А. Морозовым по характеру чернил и другим косвенным признакам. Оба ст-ния тесным образом связаны с писавшейся в январе–феврале 1937 г. “Одой Сталину” — “противоборствуют ей”.

218. *ВТ*, с. 122 (в коммент. В. А. Швейцер); *СС-IV*, с. 143; в СССР — *Соч., т. 1*, с. 562–563.

Авторизованная машинопись — *РГАЛИ*, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 201, л. 146–148.

219. Новый американец (Нью-Йорк), 1981, № 57, 10–16 марта (Лит. прилож., с. 17) (без указ. имени адресата); Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3, с. 289–296; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2–3, с. 9–11; в СССР — *Слово*, с. 32–33 (всюду — публ. С. В. Поляковой).

Копия — собр. С. А. Поляковой.

Ставский В. П. — см. коммент. к письму № 229. Состав посланной ему подборки ст-ний не установлен.

220. *Слово*, с. 46–47.

Автограф — семейный архив К. И. Чуковского.

Идентификация приложенного ст-ния сделана А. А. Морозовым на основании характера чернил и даты.

221. *СС-III*, с. 277–278.

Автограф — *АМ*.

222. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV*, с. 141–143.

Автограф — *АМ*.

Письмо от "Знамени" — ответ на письмо № 218. "Редакция «Знамени» сообщила, что войны бывают справедливые и несправедливые и что пацифизм сам по себе не достоин одобрения. Но жизнь была такова, что даже этот казенный ответ показался нам благой вестью: все же кто-то откликнулся и разговаривает!" (*НМ-I*, с. 171).

223. *СС-III*, с. 279–280; в СССР — *Слово*, с. 47–48.

Автограф — семейный архив К. И. Чуковского.

Письмо датируется по времени отъезда Н. Я. Мандельштам в Москву. Возможно, к нему было приложено ст-ние "Если б меня наши враги взяли..." (III, № 154), о котором известно высказывание К. И. Чуковского: "...последние строки ничуть не вытекают из начала — еще неизвестно, кто это «наши враги», которые могут запереть двери..." (*НМ-III*, с. 245).

Нашел во всем исторический смысл. — Ср. письмо № 230.

Создали нравственную пытку. — В феврале 1935 г. Мандельштама вынудили выступить с докладом на собрании воронежских писателей. На писательском партсобрании в апреле 1936 г. председатель местного ССП С. Н. Стойчев так характеризовал это выступление: "...На широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался" (*РГАЛИ*, ф. 631, оп. 5, ед. хр. 32, л. 11); то же самое Стойчев написал и В. П. Ставскому в датированном 28 сентября 1936 г. ответе на запрос СП СССР о положении "с разоблачением классового врага на литературном фронте". Вероятно, именно на этом собрании Мандельштам заявил: "Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых", а на вопрос, что такое "акмеизм", ответил: "Тоска по мировой культуре" (*НМ-I*, с. 162, 237; см. также в "Листках из дневника" А. Ахматовой — I, с. 24).

Есть один только человек в мире... — Просьба обратиться к Сталину, по

мнению А. А. Морозова, обусловлена тем, что к этому времени была написана и, возможно, уже отправлена в ССП “Ода Сталину”. При этом на собственном примере Мандельштам мог видеть, что только личное обращение к вождю в случае успеха способно переломить трагический ход событий.

224. Новый американец (Нью-Йорк), 1981, № 57, 10–16 марта (Лит. прилож., с. 17) (без указ. имени адресата); Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3, с. 284–296; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2–3, с. 11; в СССР — *Слово*, с. 33 (всюду — публ. С. В. Поляковой).

Копия — собр. С. В. Поляковой.

Датируется по времени отъезда Н. Я. Мандельштам в Москву.

225. *СС-III*, с. 281–282.

Автограф — *АМ.*

Наташа — Наталья Евгеньевна Штемпель (1910–1988), преподавательница русского языка и литературы в Воронеже, преданный друг О. Э. и Н. Я. Мандельштам, долгие годы хранила значительную часть архива Мандельштама и после войны передала все материалы Н. Я. Мандельштам; автор воспоминаний о Мандельштаме (Новый мир, 1987, № 10; Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже. М., 1992).

226. *СС-III*, с. 282–283; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 195–196.

Автограф — *АМ.*

Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так, как нужно. — Мандельштам, вероятно, имеет в виду возможность совместного самоубийства, о которой он прежде говорил с Н. Я. Мандельштам (см. *НМ-I,* с. 51–52).

227. *СС-III*, с. 283–284; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 196.

Автограф — *АМ.*

Пелагея Герасимовна — по-видимому, хозяйка квартиры, которую снимал Мандельштам с женой.

228. *СС-III*, с. 284–285; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 197.

Автограф — *АМ.*

Вчера я гулял с Наташей в парке. — Ср. в ст-нии “Я к губам подношу эту зелень...” (III, № 181), написанном два дня спустя:

И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

229. *СС-III*, с. 285–286.

Автограф — *АМ.*

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому. — Ставский (Кирпичников), Владимир Петрович (1900–1943) — писатель; в 1936–1941 гг. — генеральный секретарь ССП; письмо-донос В. П. Ставского в НКВД от 16 марта 1938 г. явилось одним из оснований для второго ареста Мандельштама (см.: Шенталинский В. Улица Мандельштама // Огонек, 1991, № 1, с. 20); заявление и выписка — см. письмо № 230.

230. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV,* с. 143–145.

Автограф — *АМ;* см. письмо № 229.

Политическое преступление. — Мандельштам имеет в виду сочинение ст-ния "Мы живем, под собою не чуя страны..." (III, № 64).

Заявление к минскому пленуму. — Текст этого заявления неизвестен.

Выписка из статьи О. Кретовой... — Кретова, Ольга Капитоновна (р. 1903) — писательница, в то время заместитель председателя Воронежского отделения ССП. Упомянутая ее статья "За литературу, созвучную эпохе!" была напечатана под рубрикой: "К 5-летию постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций". В своих воспоминаниях о Мандельштаме О. К. Кретова писала: "Мне до сих пор мучительно стыдно и за свою статью ‹...›, где я клеймила «троцкистов и других классово-враждебных людей», среди них и О. Мандельштама. Я вынуждена была ее написать под давлением обстоятельств" (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990, с. 39). Касаясь этого эпизода, Н. Е. Штемпель поясняла, что у О. К. Кретовой "арестовали мужа, и Ставский обещал на это закрыть глаза, взамен же потребовал разоблачительную речь и статью" (*ЛО*, 1991, № 1, с. 94).

Стефан (Стефен), Александр Иванович (1885—после 1942) — дипломат, писатель; отбывал ссылку в Воронеже, с 1934 г. был знаком с Мандельштамом; см. о нем статью А. Высоцкого "От него требовали оклеветать поэта..." (Воронежский курьер, 1991, 14 января).

Айч — по некоторым сведениям, высланный в Воронеж работник цирка.

Завадовский, Леонид Николаевич (1888—1937 или 1938) — писатель, член Общества политкаторжан; входил в редколлегию журнала "Подъем".

Песков, Борис Глебович (1909—1944) — писатель; ответственный секретарь редколлегии журнала "Подъем".

231. *СС-III*, с. 287—288; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 197.

Автограф — *АМ.*

...отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой... и заявление мое Ставскому... — См. письма №№ 229, 230.

...посылаю... вторую выписку и сокращенное заявление... — См. письмо № 232.

232. *СС-III*, с. 286—287.

Автограф — *АМ;* см. письмо № 231.

233. *СС-III*, с. 288—289, в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 197—198.

Автограф — *АМ.*

...на обороте твоих списков. — Речь идет о перечне воронежских ст-ний Мандельштама.

...пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру, а также постулировать характер будущего мужа. — Подразумевается ст-ние "Клейкой клятвой липнут почки..." (III, № 182), обращенное к Н. Е. Штемпель.

"Солдат" — "Стихи о неизвестном солдате" (III, № 164).

234. *СС-III*, с. 289—290; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 198.

Автограф — *АМ.*

Борис Молчанов — жених Н. Е. Штемпель.

Я тайно выкрался, и пошли в Бристоль. — "Бристоль" — гостиница и ресторан на центральной улице Воронежа — пр. Революции; этот эпизод описан Н. Е. Штемпель в ее воспоминаниях "Мандельштам в Воронеже" (Новый мир, 1987, № 10, с. 227—228).

Стихи о русской поэзии — III, №№ 54—56.

235. *СС-III*, с. 290; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 198.
Автограф — *АМ.*
Безделица. — О каком ст-нии идет речь, установить не удалось.
"Квакуши" — ст-ние "Я к губам подношу эту зелень..." (III, № 181).
"Наташа" — ст-ние "Клейкой клятвой липнут почки..." (III, № 182).
"Черемуха" — ст-ние "На меня нацелилась груша да черемуха..." (III, № 183).

236. *СС-III*, с. 291; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 199.
Автограф — *АМ.*
Сватовские стихи — ст-ние "Клейкой клятвой липнут почки..." (III, № 182).
Маленький парк — ст-ние "Я к губам подношу эту зелень..." (III, № 181).
"Железо" — ст-ние "Идут года железными полками..." (III, № 109).
...твоя звездочка... — Мандельштам имеет в виду ст-ние "О, как же я хочу..." (III, № 177).

237. Публикуется впервые.
Телеграмма из Воронежа — *АМ.*
В середине мая 1937 г. закончился срок ссылки Мандельштама в Воронеж.

238. *ВРСХД*, 1977, № 120; *СС-IV,* с. 145; в СССР — Знамя, 1991, № 1, с. 199.
Автограф — *АМ.*

239. Публикуется впервые.
Автограф — *АМ.*

240. *Слово*, с. 98.
Почтовая карточка — *АЕМ*. Адрес: Ленинград, 8-я линия, д. 31, кв. 5. Штемпели: Москва. 10.VI.1937; Ленинград. 12.VI.1937.
Назначена в Союзе читка моих новых стихов. — Эта читка так и не состоялась.
Скоро выедем за город. — В конце июня милиция потребовала, чтобы Мандельштам не нарушал предписанного ему паспортного режима и покинул Москву в 24 часа; июль и август 1937 г. О. Э. и Н. Я. Мандельштам провели в Савелове, откуда они часто приезжали в Москву.

241. *ВЛ*, 1991, № 4, с. 235 (в ст. В. А. Швейцер "Мандельштам после Воронежа").
Телеграмма из Савелова — *РГАЛИ*, ф. 2440, оп. 1, ед. хр. 579. Адрес: Москва, Новое шоссе, 1. Лиле Поповой.
Попова Е. Е. — см. коммент. к письму № 205.
"Щелкунчик" — балет П. И. Чайковского; речь, по-видимому, идет о радиотрансляции музыки балета.

242. Вопросы истории естествознания и техники (*ВИЕТ*), 1987, № 3, с. 132 (публ. М. А. Давыдова и А. П. Огурцова).
Автограф — архив А. В. Кузиной-Апостоловой.
Кузин, Борис Сергеевич (1903—1973) — доктор биологических наук, энтомолог, биолог-теоретик. О его знакомстве с Мандельштамом и их дружбе см.: О. Э. Мандельштам и Б. С. Кузин. Материалы из архивов

(*ВИЕТ*, 1987, № 3, с. 127–144). См. также воспоминания его сестры: Кузина Г. С. Материалы к биографии Бориса Сергеевича Кузина (*Сохрани мою речь...*, с. 65–68) и публикации в журн. "Природа", 1983, № 6, с. 74–87 и "Вопросы философии", 1992, № 5, с. 145–190. Б. С. Кузину посвящено ст-ние Мандельштама "К немецкой речи" (III, № 58) и многие страницы "Путешествия в Армению" (III, № 246).

Очень устал. — Ср. в письме Н. Я. Мандельштам Б. С. Кузину от 21 января 1938 г.: "Я все жду, чтобы Ося написал Вам, но он как-то так съежился, что даже письма написать не может" (*ВИЕТ*, 1987, № 3, с. 132).

243. Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1989. Сб. 8, с. 355; в СССР — Возвращение. М., 1991. Вып. 1, с. 396 (в обоих сборниках — в ст. П. Нерлера "С гурьбой и гуртом..."); Знамя, 1991, № 1, с. 199–200.

Машинописная копия — *РГАЛИ*, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 294, л. 113; вверху слева помета В. П. Ставского: "т. Каш‹инцева›. Сохраните — Мандельштам"; слева внизу: "38 г." (В. М. Кашинцева была заведующей секретариатом Союза советских писателей).

... "мы давно хотим издать эту книгу". — Речь идет о "Дневнике" братьев Гонкуров (издан по-русски лишь в 1964 г.). См. письмо № 244.

244. Вопросы истории естествознания и техники, 1987, № 3, с. 132–133.

Автограф — архив А. В. Кузиной-Апостоловой.

Отправлено из дома отдыха "Саматиха" близ станции Черусти Муромской железной дороги, где О. Э. и Н. Я. Мандельштам отдыхали по двухмесячной путевке, полученной в Союзе писателей. Этот дом отдыха оказался западней: 2 мая 1938 г. Мандельштам был здесь вторично арестован.

...весь Хлебников. — Имеется в виду пятитомное Собрание произведений Велимира Хлебникова (Л., 1928–1933).

Шостакович — Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я симфония. — Пятая симфония Д. Д. Шостаковича была написана в 1937 г. и неоднократно исполнялась по радио. Основная тема симфонии — "становление личности в условиях советской действительности". Леонид Андреев для Мандельштама — устойчиво отрицательная величина.

Полька Жизни Человека. — Имеется в виду пьеса Л. Андреева "Жизнь человека" (1907). Ср. оценку этого произведения в статье Мандельштама "Революционер в театре" (II, № 191).

245. *Слово*, с. 99–100.

Автограф — *АЕМ*. На конверте: Ленинград, В.О., Восьмая линия, д. 31, кв. 5, Эмилю Вениаминовичу Мандельштаму. Штемпели: Пески ‹1 нрзб›. 16.IV.1938; Ленинград. 18.IV.1938.

246. Русская мысль (Париж), 1963, 5 февраля, в статье Г. Стукова ‹Г. П. Струве› "Еще о судьбе Мандельштама"; *СС-III*, с. 292; в СССР — Новый мир, 1987, № 10, с. 207.

Автограф — *АМ*. На конверте: Москва. Старосадский пер., д. 3, кв. 10 или ‹д.› 10, ‹кв.› 3, Александру Эмильевичу Мандельштаму. Штемпели: Владивосток. 30.XI.1938; Москва. 13.XII.1938 и два штемпеля о доплате.

СВИТЛ — Северо-восточные исправительно-трудовые лагеря.

К.р.д. — контрреволюционная деятельность.

ОСО — Особое совещание.

247. К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М.: Красная новь, 1924, с. 106–107, под загл.: "Письмо группы писателей, оглашенное на литературном Совещании при Отделе Печати ЦК РКП"; перепеч.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.–Л.: ГИЗ, 1925, с. 137–138; История русской советской литературы. М., 1958. Т. 1, с. 47; 2-е изд. М., 1967. Т. 1, с. 52; *СС-III*, с. 295–296.

Печ. по сб. "К вопросу о политике...".

Совещание, созванное Отделом печати ЦК РКП(б) под председательством Я. Яковлева, состоялось 9 мая 1924 г. Резолюция, принятая на этом совещании, позже легла в основу известного постановления ЦК РКП(б) "О политике партии в области художественной литературы" от 18 июня 1925 г.

"На посту" — журнал Московской ассоциации пролетарских писателей (июнь 1923 — май 1925), отличавшийся крайним догматизмом и воинственностью по отношению к писателям-"попутчикам".

248. Публикуется впервые.

Копия рукой В. А. Меркурьевой — *РГАЛИ*, ф. 2209, оп. 1, ед. хр. 47.

Меркурьева, Вера Александровна (1876–1943) — поэтесса, участница сборников: "Весенний салон поэтов". М., 1918, "Поэзия революционной Москвы". Берлин, 1922 и "Золотая зурна". Владикавказ, 1926. См. о ней в публ. М. Л. Гаспарова (Октябрь, 1989, № 5, с. 149–159; День поэзии. 1989. М., 1989, с. 148–150; Лица: Биограф. альм. М.–С.-Пб., 1994. Вып. 5, с. 5–97) и К. Г. Петросова (Русская литература, 1991, № 1, с. 176–180).

ДОПОЛНЕНИЯ

Том 1

218[1]. Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. С.-Пб.: Академический проект, 1995, с. 367, где дано по копии Ф. Ф. Фидлера (*ИРЛИ*) с автографа в его альбоме (подгот. текста А. Г. Меца).

Том 2

114[1]. Ромэн Ж. Кромдейр-старый / Пер. и предисл. О. Э. Мандельштама. Л.–М.: Гос. изд-во, 1925. Книга вышла в мае 1925 г. Перевод кн.: Romains J. Cromedeyre-le-vieil. Paris, 1920.

О Ж. Ромэне и истории перевода см. II, с. 615, 633–634.

Еще в апреле-мае 1924 г. В. И. Немирович-Данченко намеревался включить пьесу "Кромдейр-старый" в репертуарный план МХАТ на сезон 1924/25 гг. (Советский театр: Документы и материалы. Л.: Искусство, 1975. [Вып. 3]. Русский советский театр 1921–1926, с. 151–152). В июне 1924 г. Театральная подсекция Государственного ученого совета согласилась на включение пьесы в план театра, хотя и с оговоркой, что "«Старый Кромдейр» Ж. Ромэна потребует определенного, режиссерского подхода к отдельным моментам пьесы" (Новый зритель, 1924, № 23, 17 июня, с. 14). В сентябре журнал "Жизнь искусства" писал о ней, как о готовящейся к постановке (Жизнь искусства, 1924, № 36, 2 сентября, с. 19; № 39, 23 сентября, с. 8). В составленной Н. Я. Мандельштам "Биографической справке" есть запись: "Осень 1924 г. Перевод Жюль Ромэна принят Художественным театром. Деньги от театрального обще-

ства". Пьеса, однако, поставлена не была. Планы постановки "Кромдейра-старого" в последующие сезоны также не осуществились (см.: Советский театр. Указ. изд., с. 154, 158; Марков П. А. В Художественном театре. М.: ВТО, 1976, с. 526, 527, 531).

В 1925 году ленинградский Большой драматический театр предполагал поставить пьесу Ж. Ромэна на своей сцене (режиссер А. Н. Лаврентьев, художник В. Е. Татлин; см.: Жизнь искусства, 1924, № 36, 2 сентября, с. 24; № 41, 7 октября, с. 23; № 46, 11 ноября, с. 22; *КГВ,* 1925, 6 января и др.). Однако и эта работа была прервана на начальной стадии.

Отметим, что Мандельштам, во-видимому, оценивал перевод пьесы "Кромдейр-старый" выше, чем другие свои переводы для театра. Во всяком случае, в тексте заявления о приеме в МОДПИК 28 мая 1924 г. он упомянул только эту (тогда еще не опубликованную) работу и не отметил двух уже вышедших переводов пьес Э. Синклера ("Машина") и Э. Толлера ("Человек-масса") — см. коммент. к письму № 76.

114[2]. Де Костер Ш. Тиль Уленшпигель / [Пер. с фр. в обработке и под ред. О. Мандельштама]; с предисл. П. Когана. М.–Л.: Земля и Фабрика, 1928.

Де Костер, Шарль Анри (1827–1879) — бельгийский писатель. Роман "Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке" ("La légende d'Ulenspiegel et de Lamme Goedzak") вышел в 1867 году.

Договор на редактирование русского перевода романа де Костера был заключен Мандельштамом с изд-вом "Земля и Фабрика" 3 мая 1927 г.; источники русского текста договором не обусловливались. Первоначальный срок сдачи готовой рукописи (10 июля 1927 г.) был впоследствии продлен, и в сентябре 1928 года новое издание "Тиля Уленшпигеля" вышло из печати. По оплошности изд-ва на титульном листе книги Мандельштам был указан в качестве переводчика романа, что послужило завязкой будущего конфликта (см. письма №№ 127, 135–143, 146–149 и III, № 245).

В своей работе Мандельштам использовал два существовавших в то время полных перевода "Тиля Уленшпигеля" — А. Г. Горнфельда (Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях, отважных, забавных и достославных, во Фландрии и иных странах. Пб.: Всемирная литература, 1919; 2 тт.) и В. Н. Карякина (Уленшпигель (Герой современной Бельгии). М.: Современные проблемы, 1916). Художественное несовершенство обоих переводов и необходимость их сокращения (в соответствии с требованиями договора) потребовали от Мандельштама значительной переработки исходного материала. В особенности это касалось стихотворных частей романа. Сопоставление текста Мандельштама с переводами Горнфельда и Карякина свидетельствует о том, что целый ряд поэтических фрагментов у Мандельштама (до одной трети общего количества стихотворных строк) не является контаминацией или обработкой текстов Горнфельда и Карякина, а представляет собой самостоятельные вольные или точные переводы французских стихотворных текстов. (Так, первая "Песенка Тиля" является почти подстрочником французского оригинала.) Переводы других стихотворных фрагментов романа де Костера, выполненные литераторами, далекими от поэтического творчества, в подавляющем большинстве были подвергнуты Мандельштамом радикальным изменениям. Мы обнаружили лишь два примера, когда вмешательство поэта ограничилось стилистической или лексической правкой ("Ответ Тиля" из ч. 2, гл. II и начало "Песни Тиля" из ч. 5, гл. II). Представляется поэтому, что весь корпус стихотворных текстов из "Тиля

Уленшпигеля" следует рассматривать в качестве полноценной составляющей переводческой деятельности Мандельштама-поэта.

В настоящем томе печатаются все стихотворные фрагменты (за исключением малосущественных вариантов и отдельных строк) из мандельштамовской версии перевода романа Ш. де Костера. Нумерация глав дается по изданию 1928 г.

172[1]. Толлер Э. Человек-масса. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. В выходных данных и в тексте книги переводчик не указан; атрибутировано А. Г. Мецем по совпадению с текстом публикации фрагмента перевода в газете "Московский понедельник", 1922, № 2.

Толлер, Эрнст (1893–1939) — немецкий драматург, поэт и публицист, яркий представитель экспрессионизма. Активно участвовал в революционном движении, был членом правительства Баварской Советской республики (1919). После ее разгрома был приговорен к пяти годам тюрьмы. В 1933 году эмигрировал в США, где покончил жизнь самоубийством.

Пьеса "Человек-масса" написана в 1919–1921 гг. в баварской тюрьме Нидершененфельд. Первое издание ее вышло в 1921 году (Toller Ernst. Masse Mensch. Potsdam: Kiepenheuer, 1921). В "Письме к режиссеру", служащем предисловием ко 2-ому изданию пьесы, Толлер писал: "Драма «Человек-масса» — виденье, в два с половиной дня, буквально, «хлынувшее» из меня. Две ночи, проведенные мной в заключении, в темной камере, «в постели», были исполнены бездонной муки. Меня терзали призраки, дьявольские призраки, кружившиеся в диком хороводе. Наутро, знобимый внутренней лихорадкой, я сел к столу и кончил не прежде, чем пальцы мои, сведенные дрожью, отказались служить ‹...› Год длилась утомительная и блаженная работа отделыванья и совершенствования. Сейчас я смотрю на драму «Человек-масса» достаточно критически. Для меня ясна условность ее формы, причина которой — огромная внутренняя связанность тех дней, человеческий стыд, отвращающийся от художественного воплощенья личных переживаний, от обнаженной исповеди и все же не дающий силы достигнуть чисто художественной объективации. Чудовищность революционных дней еще не стала душевной картиной революции. Она оставалась болезненно-мучительным состоянием души, душевным хаосом" (цит. по: Толлер Э. Человек-масса / Пер. и предисл. А. Пиотровского. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923, с. 12–13).

Мандельштам заключил договор с Госиздатом на перевод пьесы 13 июня 1922 года (ГАРФ, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 53, л. 62; договор № 652/739). К этому времени перевод был, по-видимому, в значительной степени завершен: рукопись, по договору, должна была быть сдана 20 июля. Еще раньше, 26 июня, отрывок из перевода был опубликован в газете "Московский понедельник" (1922, № 2). В сентябре 1922 года пьеса была принята к постановке московским Театром Революции, руководимым Мейерхольдом. Премьера спектакля состоялась 30 января 1923 года (реж. А. Б. Велижев, худ. В. А. Шестаков); в течение двух сезонов (1922/23 и 1923/24) пьеса выдержала более 60 постановок.

В начале января 1923 года была опубликована статья Мандельштама об Э. Толлере — "Революционер в театре" (см. II, № 191), а в мае вышло книжное издание пьесы в переводе О. Мандельштама. Отметим, что в тексте статьи "Революционер в театре" цитируются (с небольшими разночтениями и опечаткой: "озарил" вместо "озирал") три отрывка из перевода пьесы (стихи из картин 3 и 5 — см. II, с. 284). Книжный вариант перевода, по-видимому, отличался от сценического, о чем свидетельствует

несколько иной состав действующих лиц и разное количество картин (в тексте — семь, в спектакле — шесть; см.: Зрелища, 1923, № 26, с. 22 и др.).

Почти одновременно пьеса Толлера вышла в упомянутом выше переводе А. Пиотровского. Постановка версии Пиотровского была осуществлена на сцена Театра Ленинградского пролеткульта (премьера — 28 марта 1924 г.).

Он саваном бумажным шелестит. — Эта строка перевода использована Мандельштамом в гл. 3 "Четвертой прозы": "Он саваном газетным шелестит" (II, с. 170).

204[1]. Трудовая копейка, М., 1923, № 77, 19 ноября; подпись: О. М. Атрибутировано П. Нерлером и перепеч. в газ. "Русская мысль", 1994, № 4014, 27 января — 2 февраля.

Примыкает к серии очерков, написанных Мандельштамом летом и осенью 1923 г. (см. II, №№ 197–199, 201, 204–205, 207–208, 212).

Том 3

219[1]. Мандельштам О. Собрание произведений. М.: Республика, 1992, с. 263 (подгот. текста С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина).

219[2]. Там же.

Печатается по машинописи (*РГАЛИ,* ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 434, л. 6).

Обращено к Л. Н. Гумилеву; возможно, имеется в виду его ухаживание за М. С. Петровых.

Элевэ (фр. élevé) — возвышенный.

219[3]. Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме. // Наше наследие, 1989, № 5, с. 118, по автографу Л. Н. Гумилева и О. Э. Мандельштама на обороте фотографии Л. Н. Гумилева.

Акростих Эмме Герштейн. Написан Л. Гумилевым совместно с Мандельштамом, которому принадлежит ст. 4 и замена слова в ст. 3: "красит" вместо первоначального "стройный".

257[1]. Герштейн Э. Г. Лишняя любовь. // Новый мир, 1993, № 11, с. 157 (по памяти).

Начальная строка эпиграммы на Л. Н. Гумилева и Э. Г. Герштейн. По воспоминаниям Э. Герштейн, "далее следовало нечто вроде «но любили ли старухи его»".

Эме Лебеф — герой повести М. Кузмина "Приключения Эме Лебефа" (1906).

260[1]. Видгоф Л. М. О. Э. Мандельштам в Москве // Сохрани мою речь. М., 1997, вып. 3 (в печати), по записи воспоминаний Л. К. Наппельбаум.

Фрагмент ст-ния, посвященного сыну Л. К. и Л. М. Наппельбаумов Эрику (род. 23 апреля 1936 г.); воспроизведен по памяти. Ср. III, № 134, строки 7–8.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА[1]

В настоящую хронику вошли основные даты жизни и творчества О. Э. Мандельштама.

Она составлена на основании многочисленных и разнообразных источников — творческих дат, писем и воспоминаний современников, прижизненных периодических изданий и архивных материалов. В качестве главных следует выделить такие источники, как переписка поэта (см. настоящий том), биографические документы о нем и о его семье (*АМ, АЕМ,* собр. А. А. Мандельштама и Т. В. Мандельштам), архивы учебных заведений — Тенишевского коммерческого училища и Санкт-Петербургского Императорского университета, университетов Сорбонны (Archives Nationales, Paris) и Гейдельберга (Universitäts-Archiv, Heidelberg), договоры, гонорарные ведомости и прочая документация Гослитиздата, «Прибоя» и других издательств, с которыми О. Мандельштам сотрудничал (хранятся в *РГАЛИ, СПбГАЛИ, ГАРФ* и других архивах), воспоминания Н. Я. Мандельштам, воспоминания, дневники и переписка его современников — М. Волошина, С. Каблукова, К. Мочульского, М. Карповича, С. Рудакова и др.

Кроме того, используются данные, почерпнутые из следующих предшествующих публикаций аналогичного характера:

Труды и дни Мандельштама. Сост. не указан. — В кн.: Осип Мандельштам. Собр. соч. в 4 т. Том 2. Проза. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1971, с. 503–507.

Дела и дни Мандельштама. Сост. Н. Струве. — В кн.: Н. Струве. Осип Мандельштам. London: Overseas Publications Interchange Ltd London, 1988, с. 293–332.

Избранные даты жизни О. Э. Мандельштама. Сост. А. Г. Мец. — В кн.: О. Мандельштам. Камень. (Серия «Литературные памятники»)/ Подготовили Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л.: Наука, 1990, с. 366–371 (наиболее детальные сведения — за 1891–1915 гг.).

P. Nerler. Ossip Mandelstam's Leben und Werk. Eine Chronik. (П. Нерлер. Жизнь и творчество Осипа Мандельштама. Хроника.) — В кн.: Ossip Mandelstam. 1891–1938. «Ich muß nun leben, war schon zweifach tot». Katalog zur Ausstellung. Berlin — Freiburg i. Br. — Heidelberg — Frankfurt a. Main — Leipzig, 1993–1994, S. 151–205.

Осип Мандельштам. Дни и события. Краткая биохроника. 1891–1938. Сост. Б. С. Мягков. — В кн.: О. Мандельштам. «Сохрани мою речь...». Лирика разных лет. Избранная проза. (Серия «Круг чтения. Школьная программа») М.: Школа-Пресс, 1994, с. 504–550.

В. Гыдов, П. Нерлер. Последние годы Осипа Мандельштама (хроника). — Филологические записки. Вестник литературы и языкознания. Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1994. Вып. 2, с. 95–111; 1994. Вып. 3, с. 62–75; 1995. Вып. 5, с. 110–120.

Конкретные источники сведений, ввиду их многочисленности, не оговариваются.

Даты до 1.02.1918, если они относятся к событиям, происходившим в России, даются по старому стилю. Предположительные даты и неуточненные сведения отмечаются знаком вопроса.

В летописи приняты следующие дополнительные аббревиатуры:

А.Э. — Александр Эмильевич Мандельштам;
Е.Э. — Евгений Эмильевич Мандельштам;
Н.Я. — Надежда Яковлевна Мандельштам;
О.М. — Осип Эмильевич Мандельштам;
ССП — Союз советских писателей.

1891

3 (15) января. В Варшаве в семье кожевенника Эмилия (Хацкеля) Вениаминовича Мандельштама (1852?–1938) и Флоры Осиповны Вербловской (1866?–1916) родился первенец — Иосиф (Осип) Эмильевич Мандельштам. Родители сочетались законным браком ***19(31) января 1899 г.*** в Динабурге (ныне г. Даугавпилс в Латвии).

1892

Семья переезжает в Павловск.

23 сентября. Рождение среднего брата О.М. — Александра.

1894

Семья поселяется по адресу: Павловск, Правленская ул., 42.

1897

Семья переезжает в Петербург и поселяется в Коломне.

1898

30 апреля. Рождение младшего брата О.М. — Евгения.

1899

1 сентября. Поступил в 1-й класс общеобразовательной школы князя В. Н. Тенишева (с 1.09.1900 — Тенишевское коммерческое училище).

1903

Май. Экскурсия в Новгород и Старую Руссу.

1906

Первые стихотворные опыты. Дружба с Борисом Синани.

1907

Январь.	Первая публикация стихов (в рукописном журнале «Пробужденная мысль» Тенишевского училища).
Март.	Под влиянием Б. Синани идейно сближается с эсерами и даже просится в их боевую организацию.
15 мая.	Получает аттестат (за № 24) об окончании Тенишевского училища (см. стр. 475).
13 августа.	Подает прошение о зачислении вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета.
14 сентября.	На вечере Тенишевского училища прочел стихотворение «Колесница» (не сохранилось).
Конец сентября.	Обеспокоенные революционным настроем сына, родители отправляют его учиться в Париж.
Начало октября.	По дороге в Париж на две недели заезжает в Вильно.
8 октября.	Отзывает документы из Императорского Санкт-Петербургского университета.
Конец октября (ноябрь?).	В Париже: записывается на факультет словесности Сорбонны и поселяется напротив него (rue de Sorbonne,12); посещает лекции А. Бергсона и Ж. Бедье в College de France; увлечен французской поэзией — от старофранцузского эпоса «Песни о Роланде» и Ф. Вийона до Ш. Бодлера и П. Верлена; знакомится с К. Мочульским, М. Карповичем, Н. Гумилевым(?); пишет стихи и прозу.

1908

1 февраля.	Присутствует на похоронах кардинала Ришара, архиепископа Парижского.
20 апреля.	Дата на его письме матери из Парижа.
27 апреля.	Дата на его письме В. В. Гиппиусу из Парижа.
Май.	Возвращается из Парижа домой.
Лето.	Поездка вместе с семьей в Швейцарию (через Германию).
24 июля.	Краткая (тайком от матери) поездка в Италию (в Геную).
Сентябрь.	Возвращение в Петербург с намерением поступить в Императорский Санкт-Петербургский университет, но после утверждения царем (16.09.1908) положения совета министров о процентной норме в столичных учебных заведениях для лиц иудейского вероисповедания эта попытка оставлена ввиду ее полной бесперспективности. Посещает собрания Религизно-философского общества.

Конец года.	После ссоры с отцом переезжает к родственникам (дяде и тете).

1909

Апрель.	Начинает посещать заседания «Академии стиха» — домашние лекции Вяч. Иванова о стихосложении.
16 мая.	Литературное «крещение» на заседании поэтической «Проакадемии» Вяч. Иванова в его «Башне». Стихи О.М. получили высокую оценку Вяч. Иванова.
27 мая.	С оценкой «удовлетворительно» сдал дополнительный экзамен по латинскому языку (за гимназический курс).
Июнь—июль.	Вместе с семьей живет на даче в Царском Селе.
Конец июля — сентябрь.	Вместе с семьей уезжает в Швейцарию (на курорты Беатенберг близ Берна и Монтрё близ Лозанны). Отправляет письма Вяч. Иванову и И. Анненскому.
Конец сентября (или начало октября).	Приезд в Гейдельберг.
1 ноября.	Записался на философский факультет университета в Гейдельберге (на зимний семестр 1909/1910 гг.).
Ноябрь—декабрь.	Отправил письма Вяч. Иванову и М. Волошину. Пишет много стихов, в том числе «Ни о чем не нужно говорить...».

1910

10 февраля (?).	Принял участие в обсуждении доклада А. Штейнберга «Искусство и критика», которое состоялось в Русской читальне им. Пирогова в Гейдельберге.
Начало марта.	Кратковременная поездка в Италию и Южную Швейцарию (Лугано).
Март—июль.	После возвращения в Россию поселяется в Финляндии — в Талбачке под Гельсингфорсом (Хельсинки) и в Хангё (Ханко). В Хангё знакомится с С. П. Каблуковым — в то время секретарем Религиозно-философского общества.
24 июля.	Водным путем уезжает в Берлин для лечения (там же в клинике оперировали его мать).
Конец июля — середина октября.	Живет в Целендорфе (пригороде Берлина).
Около 18 августа.	Литературный дебют — в Петербурге вышел № 9 журнала «Аполлон» с подборкой из пяти его стихотворений.
Середина октября.	При возвращении в Россию был задержан на границе с Восточной Пруссией из-за просроченного паспорта.

От Двинска ехал безбилетным пассажиром в кондукторском купе (потерял кошелек с железнодорожным билетом).

Конец октября. По совету С. П. Каблукова показывает стихи З. Гиппиус, и она рекомендует их в «Русскую мысль» В. Брюсову.

26 октября. Присутствовал на докладе Н. А. Гредескула «Религия в границах человеческого (о книге Наторпа)» в Религиозно-философском обществе.

Ноябрь. Написано стихотворение «В изголовьи черное распятье...».

23 ноября. Вместе с С. П. Каблуковым посетил репетицию хора Ан. Н. Николова, готовившего концерт, посвященный греческому распеву.

Конец года. Сближается с кругом сотрудников журнала «Аполлон».

1911

25 февраля. Дата официального отчисления из Гейдельбергского университета (как не внесшего плату за обучение).

Март. Уезжает в Финляндию (санатории в Хювинкя, Конкала, Мустамяки), где остается ***до осени,*** изредка наезжая в Петербург.

14 марта. Знакомство с А. Ахматовой в «Башне» у Вяч. Иванова.

2 апреля. Поездка к Гумилевым в Царское Село.

4 апреля. Вместе с Н. Гумилевым, А. Ахматовой и М. Кузминым читал стихи на квартире Вяч. Иванова.

14(27) мая. В Выборге крещен пастором Н. И. Розеном по обряду методистской епископской церкви.

6 июня. Возможная дата знакомства с А. Блоком (первое упоминание о нем в дневнике А. Блока).

28 июня. Приставом 4-го участка Московской части Санкт-Петербургской полиции ему выдан паспорт за № 315 (взамен утерянного).

Июль—сентябрь. В санатории Конкала под Выборгом знакомится с сенатором А. Ф. Кони, обещавшим предоставить в его распоряжение найденные стихи Тютчева и письма поэта к Плетневой.

2 сентября. Дата под справкой о благонадежности, выданной для поступления в университет.

10 сентября. Зачислен студентом Императорского Санкт-Петербургского университета по отделению романских языков историко-филологического факультета; одновре-

менно — неудачная попытка устроиться секретарем «Журнала для всех».

1 октября. Встреча с С. П. Каблуковым; разговор о современной литературе, а также беседа о поведении О.М., его праздности и мотовстве.

4 октября. Посетил вместе с В. Пястом «Башню» Вяч. Иванова.

20 октября. Первое собрание «Цеха поэтов» на квартире С. Городецкого (О.М. на нем не присутствовал).

29 октября. Присутствует на заседании «Общества ревнителей художественного слова».

28 ноября. Вместе с В. Нарбутом присутствует в «Башне» Вяч. Иванова.

Ноябрь. Вышел «Литературный альманах» книгоиздательства «Аполлон» с подборкой из трех стихотворений О.М.

2 декабря. Впервые присутстствует на заседании «Цеха поэтов» (у Гумилевых в Царском Селе), где, по мнению Ахматовой, вскоре стал играть первую скрипку.

3 декабря. На посвященном памяти И. Анненского заседании «Поэтической академии» («Общество ревнителей художественного слова») говорил об И. Анненском как о «поэте отливов дионисийского чувства».

10 декабря. Присутствовал на заседании «Цеха поэтов». (В первом заседании, проведенном в квартире С. Городецкого, О.М. не участвовал.)

1912

Приблизительно до середины осени живет преимущественно в Финляндии (зимой и весной — в Мустамяки, летом — в пансионе Лейно в деревне Неувола Усикиркского прихода), регулярно приезжая в Петербург на концерты и для участия в различных вечерах и заседаниях. ***С конца июня до конца декабря*** департаментом полиции велась проверка его личности в связи с доносом и предположением о причастности О.М. к революционной деятельности и к событиям в пансионе Линде в августе 1911 года (полицейская облава на боевиков-эсдеков).

13 января. Читал стихи в «Бродячей собаке».

18 февраля. На заседании «Поэтической академии» произошел раскол между Вяч. Ивановым и А. Белым, выступавшими с докладами о символизме, и их оппонентами — С. Городецким и Н. Гумилевым; раскол привел к обособлению последних от символизма и в дальнейшем к основанию акмеизма.

1 марта. На собрании «Цеха поэтов» Н. Гумилевым была провозглашена программа акмеизма.

30 марта.	Вместе с А. А. Николовым и С. П. Каблуковым присутствовал на исполнении «Messa Solemnis» Бетховена в Дворянском собрании. Согласно дневнику Каблукова, О.М. приехал на концерт из Мустамяки, где он почти постоянно жил после тифа (под «тифом», по предположению А. А. Морозова, следует понимать нервное потрясение после истории с пансионом Линде).
21 апреля.	Разговор с А. Блоком на вечере в Петровском училище.
13 июня.	Встречает А. Блока у В. Пяста.
Лето.	Берет уроки греческого языка у К. Мочульского.
Осень.	Поселился в Петербурге и усердно посещал университет, а также — еще более усердно — «Бродячую собаку».
15 октября.	Посещение М. Лозинского. Вышел № 1 журнала «Гиперборей» (до 30.06.1913 редакция находилась в квартире Лозинского).
6 ноября.	Дата предполагавшегося призыва О.М. в армию.
7 ноября.	Чтение стихов (скорее всего в редакции «Аполлона»).
15 ноября.	Получено разрешение министерства просвещения остаться на второй год на первом курсе университета для сдачи поверочного экзамена по греческому языку.
28 ноября.	Присутствует в университете на заседании, посвященном 350-летию со дня рождения Лопе де Вега.
19 декабря.	В «Бродячей собаке» участвовал в прениях после лекции С. Городецкого «Символизм и акмеизм».

1913

Январь.	Провозглашение акмеизма в манифестах Н. Гумилева и С. Городецкого, напечатанных в первом номере «Аполлона» (стихи и статьи О.М. выходили во втором, третьем и четвертом номерах «Аполлона» за 1913 год).
15 января.	Заседание «Цеха поэтов» на квартире Ник. Бруни.
25 января.	Заседание «Цеха поэтов» в Царском Селе на квартире Н. Гумилева.
15 февраля.	Вместе с другими акмеистами выступал на заседании Всероссийского Литературного общества.
16 февраля.	Был на заседании «Цеха поэтов».
Конец марта.	В издательстве «Акмэ» вышла первая поэтическая книга О.М. — «Камень».
9 апреля.	Пересдан экзамен по греческому языку.
1 мая.	Сдан зачет по старофранцузскому языку.

25 июля.	Постановлением Правления Императорского Санкт-Петербургского университета исключен из числа студентов (так как не внес плату за весну 1913 г.).
Август.	В Выборге (Патаула, дача Корнер). Отсюда ***(17 августа)*** направляет в университет прошение о разрешении уплатить за весь истекший год.
Сентябрь — октябрь.	Сдает и пересдает университетские экзамены и зачеты: ***1 сентября*** (латинский язык); ***5 сентября*** (логика); ***10 сентября*** (введение в языкознание); ***5 октября*** (семинарий по творчеству Клемана Маро).
3 ноября.	Предположительно — присутствует на лекции Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников» в Тенишевском училище.
13 ноября.	Читает стихи на вечере романо-германского кружка в университете.
16 ноября.	Вместе с В. Маяковским, И. Северяниным, Г. Ивановым читает стихи на вечере вологодского землячества.
27 ноября.	Участвовал в вечере поэтов в «Бродячей собаке», где произошел серьезный конфликт между ним и В. Хлебниковым в связи с оправдательным приговором по делу М. Бейлиса: О.М. вызвал Хлебникова на дуэль.
30 ноября.	Читал стихи на заседании «Общества ревнителей художественного слова».
Начало декабря (?).	После ссоры с родителями уехал в санаторий Рабиновича в Мустамяки.
7 декабря.	Присутствовал на лекции В. Пяста «Поэзия вне групп» в Тенишевском училище.
10 декабря.	В «Бродячей собаке» участвовал в диспуте после доклада Н. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики»; начало сближения с Б. Лившицем.
11 декабря.	Присутствовал в «Обществе поэтов» на докладе В. Пяста о Тирсо де Молине.

1914

3 января.	Вечером в «Бродячей собаке» написано стихотворение «Вполоборота, о печаль...», посвященное А. Ахматовой.
Около 7 января.	Знакомство с Б. Эйхенбаумом в редакции журнала «Северные записки».
10 января.	Присутствует на заседании «Цеха поэтов».
16 января.	Вместе с Н. Гумилевым и С. Городецким «ломал копья в защиту акмеизма» после лекции Г. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет?» в Тенишевском училище.
26 января.	Участвовал в «Вечере лирики» в «Бродячей собаке».

23 февраля. Участвует в «Вечере великопостной магии» в «Бродячей собаке».

Начало марта. Шуточный «мятеж» О.М. и А. Ахматовой в «Цехе поэтов».

30 марта. В «Обществе поэтов» читал доклад «Несколько слов о гражданской поэзии».

31 марта. Участвовал в диспуте после доклада В. Пяста «Театр слова и театр движения» в «Бродячей собаке».

Около 7 апреля. Был на представлении «Балаганчика» А. Блока в Тенишевском училище.

15 апреля. Дано разрешение М. Лозинского поставить на 2-м издании книги стихов О.М. «Камень» марку издательства «Гиперборей». (Книга готовилась в издательстве М. В. Аверьянова, но так и не вышла.)

18 апреля. Вместе с Н. Гумилевым избран членом Всероссийского Литературного общества.

24 апреля. Сдал университетский экзамен по введению в философию.

25 апреля. Читал свои стихи и, возможно, манифест «Утро акмеизма» на заседании Всероссийского Литературного общества.

Конец мая. Уезжает в Финляндию (в Котаниеми близ Выборга).

15 июля. По пути в Петербург заехал в Куоккалу на дачу К. Чуковского (записал в «Чукоккалу» стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...»).

17 июля. Возвращается в Петербург, где его застает объявление Германией войны России.

Август. Пишет ряд стихотворений, в центре которых стоят «Рим» и «место человека во вселенной» («Пусть имена цветущих городов...» и «Природа тот же Рим...», а также «О временах простых и грубых...»).

5 сентября. Сдал экзамен по римской литературе.

Сентябрь. Пишет ряд стихотворений, в которых непосредственно откликается на события первых месяцев войны («Реймс и Кельн», «Европа», «Немецкая каска...», «Encyclica»). Посещает (предположительно — ***до середины 1915 г.***) «четверги» в «Квартире № 5» (литературно-художественный кружок, собиравшийся в квартире Л. Бруни в Академии художеств).

21 октября. Проводит заседание «Цеха поэтов» в качестве синдика (избран ***в середине октября*** на время отсутствия Н. Гумилева).

Ноябрь. Работает над статьей «Петр Чаадаев», предложенной редакции «Аполлона»; чтение стихов в «Бродячей собаке», на «средах» в редакции «Нового журнала для

всех», а также в Художественном бюро Н. Е. Добычиной.

Декабрь. Написаны стихотворения «В белом раю лежит богатырь...» и «Ода Бетховену».

22 декабря. Уехал в Варшаву, где по протекции Д. В. Кузьмина-Караваева надеялся попасть в санитары.

1915

Около 5 января. Возвратился в Петроград (по некоторым данным, ***в конце декабря***).

25 января. Читал стихотворения «Айя-София» и «Реймс и Кельн» на благотворительном вечере «Писатели — воинам» в Александровском зале городской думы.

27 января. Участвовал в «Вечере поэтов» в «Бродячей собаке».

23 марта. Сдал экзамен по общему курсу русской истории.

2 апреля. Сдал экзамен по курсу психологии.

14 апреля. Смерть А. Н. Скрябина. В этот день О.М. посещает А. Блока.

18 апреля. Читает стихи на вечере в Тенишевском училище.

27 апреля. Пишет резкое письмо Ф. Сологубу в связи с его отказом участвовать в поэтическом вечере в Тенишевском училище.

8 июня. Сдал экзамен по курсу новой истории.

30 июня. Приехал в Коктебель, где пробыл ***до конца августа***. Совместные ужины с А. Н. Толстым и Е. О. Волошиной (М. Волошин в это время находился в Париже). Знакомство с сестрами Цветаевыми. В Коктебеле написаны стихотворения «Бессоница. Гомер. Тугие паруса...», «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Обиженно уходят на холмы...».

Начало сентября. Возвращение в Петроград.

3 сентября. Сдал экзамен по логике.

29 сентября. Неудачная попытка сдать экзамен по латинским авторам (Катуллу и Тибуллу) у преподавателя А. Малеина (экзамен провален из-за незнания Тибулла).

Начало ноября. Написано стихотворение «Я не увижу знаменитой “Федры”...».

18 ноября. Вместе с С. П. Каблуковым был на концерте дирижера С. Кусевицкого, посвященном памяти Скрябина; исполнялись 3-я симфония («Божественная поэма») и «Прометей» («Поэма огня»).

Конец ноября. Начало работы над переводом «Федры» Расина.

12 декабря. Читал стихи на заседании «Общества ревнителей художественного слова».

20 декабря (?). В издательстве «Гиперборей» вышло 2-е издание «Камня» (на титуле указан 1916 год).

31 декабря. Дата на явочном свидетельстве Петроградского городского по воинской повинности присутствия.

1916

Около 7 января. Встреча на «нездешнем вечере» у Каннегисеров с М. Цветаевой, приехавшей в Петроград на Рождество.

10 января. Надписывает ей экземпляр 2-го издания «Камня»: *«Марине Цветаевой — камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург, 10 янв. 1916».* В тот же день посещает С. П. Каблукова и объявляет ему о своем решении продавать 2-е издание «Камня» через книжный магазин Попова-Ясного на Невском проспекте.

11 января. Написан «Дифирамб миру» (ода «Зверинец»).

20 января. Одновременно или вслед за М. Цветаевой уехал в Москву, где провел более двух недель и встретился с Вяч. Ивановым, одобрившим его новый «Камень».

2–18 февраля. Вторая поездка в Москву, когда М. Цветаева, по ее словам, «дарила ему Москву». Тогда же она написала несколько стихотворений, посвященных ему («Никто ничего не отнял...», «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову...» и «Откуда такая нежность...»), на которые О.М. отозвался стихотворением «В разноголосице девического хора...» («Москва»). В этот приезд он вторично посетил Вяч. Иванова. Приезды и отъезды О.М. (или, по М. Цветаевой, «наезды и бегства») — как и обращенные к ней стихи — продолжались до ***июня.***

Март. Написано стихотворение «На розвальнях, уложенных соломой...».

30 марта. Читал стихи на вечере в редакции «Нового журнала для всех».

15 апреля. На «Вечере современной поэзии и музыки» в Тенишевском училище читал стихотворение «Я не увижу знаменитой “Федры”...».

28 апреля. Участвовал в организованном Петроградским художественным обществом вечере поэзии в «Привале комедиантов».

18 мая. Сдал экзамен по курсу «Введение в романскую филологию».

Конец мая — начало июня. Гостит у М. Цветаевой в Александровской слободе.

7 июня. Приезд в Коктебель.

18 июля. Выступление вместе с М. Волошиным и В. Ходасевичем на литературном концерте в Феодосии (был освистан публикой).

24 июля (?). Получив телеграмму о смертельной болезни матери, вместе с А.Э. выехал из Коктебеля в Петроград.

26 июля. От инсульта умерла Флора Осиповна Мандельштам (братья успели только на похороны). Написано стихотворение «Эта ночь непоправима...».

7 сентября. Сдал экзамен по древней философии.

8 октября. С оценкой «удовлетворительно» пересдал А. Малеину экзамен по латинским авторам.

10 ноября. Сдал экзамен по курсу «Введение в германскую филологию».

12 ноября. Вместе с Г. Ивановым был на дружеском обеде у С. П. Каблукова.

Декабрь. Увлечение Саломеей Андроникашвили (Андрониковой); к ней обращено стихотворение «Соломинка».

9 декабря. Присутствовал на заседании «Второго Цеха поэтов» у Г. Адамовича.

31 декабря. Вечер поэтов в «Привале комедиантов».

31 декабря. Встреча Нового года с С. П. Каблуковым и разговор с ним о последних («эротических») стихах О.М.

1917

20 февраля. Присутствовал на спектакле по пьесе Трахтенберга «Загадка и разгадка». Написано шуточное стихотворение «Актеру, игравшему испанца».

Март. Посещение Н. Гумилева, лежавшего с бронхитом в военном лазарете.

1 апреля. Присутствовал на пасхальном богослужении в Александро-Невской лавре (его повез туда С. П. Каблуков).

18 мая. Получил в университете выходное свидетельство № 1879 за подписью декана исторического факультета Ф. Брауна: *«Имея шесть зачтенных семестров из восьми прослушанных, государственных экзаменов не держал и полного учебного курса не кончил»*.

После 18 мая. Отъезд в Крым (предположительно, в Алушту, на дачу Е. П. Магденко).

22 июня. Переезжает в Коктебель, ***в конце июля*** — снова в Алушту, затем — в Феодосию ***(до сентября)***.

3 августа. В Алуште, в имении С. Андрониковой, была представлена коллективно сочиненная комедия «Кофейня разбитых сердец, или Сованаролла в Тавриде», где О.М.

выведен под именем поэта Дона Хозе делла тиж д'Аманд.

11 августа. Написано стихотворение «Виноград».

16 августа. Написано стихотворение «Меганом».

11 октября. Возвращение в Петроград.

5 ноября. Избрание патриарха Тихона. Написаны стихотворения «Когда октябрьский нам готовил временщик...» и «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...».

15 ноября. В газете «Воля народа» опубликовано стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...».

Декабрь. Разрыв с С. П. Каблуковым, не принявшим гражданских стихов О.М. Частые встречи с А. Ахматовой, совместные выступления на вечерах; написаны посвященные ей стихотворения, в том числе «Кассандре».

31 декабря. В газете «Воля народа» опубликовано стихотворение «Кассандре».

1918

Зима. Живет в Петрограде; сотрудничает в газетах «Страна», «Вечерняя звезда», «Знамя труда» и др. Частые встречи с А. Ахматовой.

Начало марта. Принят в члены Союза деятелей искусства.

Апрель. Работает делопроизводителем и заведующим Бюро печати в Центральной Комиссии по разгрузке и эвакуации Петрограда (составляет сводку всех материалов об эвакуации).

Май—июнь. Периодические приезды в Москву. Написаны стихотворения «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»), «Когда в теплой ночи замирает...» и «Все чуждо нам в столице непотребной...».

1 июня. По рекомендации А. Луначарского работает в Наркомпросе заведующим подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы. Вместе с комиссариатом переезжает в Москву; живет в «Метрополе».

Июнь. Столкновение с чекистом Я. Блюмкиным: О.М. выхватил у него и разорвал пачку «расстрельных» ордеров. После этого — сильное нервное расстройство; скрывается от Блюмкина.

Начало июля. Отпуск на службе. Поездка в Петроград.

10 июля. Дает показания Дзержинскому по делу об убийстве Я. Блюмкиным 6 июля 1918 года немецкого посла Мирбаха.

Август. С большим опозданием возвращается из отпуска. Разбирательство в Наркомпросе по поводу опоздания

и «недопустимого манкирования... своими обязанностями».

20 октября. В Петрограде; посещает А. Блока.

Ноябрь — декабрь. Интенсивная деятельность в Наркомпросе: доклад о ритмике (будущая статья «Государство и ритм»); присутствие на заседании секции эстетического развития, на совместных заседаниях с литературно-издательским подотделом, где рекомендует ряд книг по ритмике для переиздания; составление проекта сметы Центрального института по ритмическому воспитанию; возможно, участие в сохранении церковного хора А. Кастальского. Посещает заседания Московского лингвистического кружка.

1919

Январь — февраль. Сотрудничает в левоэсеровской газете «Знамя труда».

Середина февраля. Незадолго до репрессий против левых эсеров уезжает в Харьков. Заведует поэтической секцией Всеукраинского литературного комитета при Совете искусств Временного рабоче-крестьянского правительства Украины; сотрудничает в журналах «Творчество» и «Пути творчества», в газете «Известия Временного рабоче-крестьянского правительства Украины»; участвует в литературных вечерах.

Конец марта — начало апреля. Переезжает в Киев, где выступает на вечерах; печатается в журнале «Гермес»; встречается с киевскими поэтами и художниками; посещает поэтическое кафе «ХЛАМ» («Художники. Литераторы. Артисты. Музыканты»).

1 мая. На дне рождения А. Дейча в кафе «ХЛАМ» знакомится с Надей Хазиной — юной художницей, ученицей А. А. Экстер — своей будущей женой.

23 (25?) мая. Вместе с Н.Я. побывал в киевской кофейне «На паях» на Фундуклеевской ул. (ныне ул. Б. Хмельницкого).

Конец августа — начало сентября. Вместе с А.Э. в одном вагоне с актерами уезжает в Харьков.

Середина сентября. Вместе с А.Э. прибыл из Харькова в Крым, где провел около года: сначала — в Феодосии, затем — в Коктебеле, потом — снова в Феодосии.

5 декабря. Дата под самым ранним из сохранившихся его писем к Н.Я. (из Феодосии в Киев).

1920

Январь — февраль. Вместе с братом находится в Феодосии, где выступает с чтением стихов в «Феодосийском литературно-артис-

тическом кружке» (ФЛАК); там же знакомится с коммунистами-подпольщиками.

Март — июнь. Пребывание в Коктебеле.

Середина июля. Ссора с М. Волошиным, упрекнувшим О.М. в том, что он не вернул ему книгу Данте «Божественная комедия». Резкое письмо М. Волошину ***(25 июля)***; переезд в Феодосию.

Август. Арестован врангелевской контрразведкой по подозрению в связях с подпольщиками. Освобожден усилиями полковника А. В. Цыгальского, М. Волошина и др. лиц.

Около 7 сентября. Вместе с А.Э. отправился на барже из Феодосии в Батум.

Около 12 сентября. Прибыли в Батум, где тотчас же были арестованы военными властями. Освобождены главным образом с помощью конвойного по фамилии Чигуа (по другой версии — благодаря заступничеству грузинских поэтов Т. Табидзе и Н. Мицишвили).

16 сентября. Вечер О.М. в батумском «Обществе деятелей искусства».

26 сентября. Вечер О.М. и И. Эренбурга в Тифлисской консерватории. Позднее — вечера в тифлисском «Цехе поэтов».

Конец сентября. В театральной студии Н. Н. Ходотова в Тифлисе проводит занятия с актерами.

29 сентября. Полномочное Представительство РСФСР в Грузии обратилось в МИД Грузинской Демократической Республики с нотой о выдаче пропусков И. Г. Эренбургу, Л. М. Козинцевой-Эренбург, А.Э. и О.М., командированным в Москву.

Начало октября. Вместе с братом и Эренбургами (на бронепоезде в качестве дипкурьеров) возвращается из Тифлиса в Москву. В Москве, в Доме печати — новый инцидент с Блюмкиным, угрожавшим О.М. револьвером.

Не позднее 15 октября. Приезд в Петроград; остановился на Воздвиженке; вскоре получил комнату в Доме Искусств (наб. Мойки, 59). Выступления на поэтических вечерах, принесшие ему широкое признание.

22 октября. Читал стихи в Клубе поэтов на Литейном проспекте. А. Блок, присутствовавший на вечере, в своем дневнике дал им высокую оценку (*«Гвоздь вечера — И. Мандельштам...»*).

24 октября. Выступление в Доме литераторов с докладом «О новых путях в акмеизме».

Конец октября. Знакомство с актрисой Александринского театра О. Н. Арбениной; написан цикл стихотворений, обращенных к ней ***(ноябрь—декабрь)***.

5 ноября.	Заключил договор с Я. Н. Блохом, владельцем «Петрополиса», на издание книги стихов «Новый камень» объемом от 4 до 6 печатных листов.
18 ноября.	Вечер О.М. в Доме Искусств (со вступительным словом выступил профессор В. Жирмунский).
25 ноября.	Написано стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова...».
1 декабря.	Участвовал в вечере петербургского отделения Всероссийского союза поэтов.
4 декабря.	Во время выступления В. Маяковского в Доме Искусств читал свои стихи О. Н. Арбениной у себя в комнате.

1921

Зима.	Живет в Петрограде.
11 января.	Вместе с А. Блоком, В. Пястом, Н. Павлович и др. участвует в маскараде в Школе ритмического танца Ауэра.
Начало марта.	Узнав у И. Эренбурга новый адрес Н. Я. Хазиной, поехал в Киев и вместе с Н.Я. вернулся в Москву.
8 марта.	Обратился в Госиздат с предложением переиздать «Камень», но получил отказ.
14 марта.	Участвовал в вечере «Цеха поэтов» в Доме Искусств.
Конец марта — начало апреля.	Едет в Киев через Москву. В Москве произошел конфликт с В. Шершеневичем, который чуть было не привел к дуэли.
Май.	В альманахе «Дракон» «Цеха поэтов» опубликована статья О.М. «Слово и культура».
Начало июня.	Поездка с Н.Я. в Петроград.
Июнь.	Вместе с Н.Я. едет в Ростов (встречает там художника Б. Лопатинского, устроившего их в служебный поезд «Центроэвака») и далее на Кавказ по маршруту: Кисловодск — Баку (где встречался с Вяч. Ивановым и С. Городецким) — Тифлис — Батум.
Июль — август.	Пребывание в Тифлисе; живет в тифлисском Доме Искусств.
3 августа.	В петроградском Доме Искусств арестован Н. Гумилев.
7 августа.	Смерть А. Блока. В Батуме, в Центросоюзе, О.М. прочитал доклад об А. Блоке.
25 августа.	Расстрелян Н. Гумилев. О.М. узнал об этом в Тифлисе от представителя РСФСР в Грузии Б. В. Леграна.
Конец августа.	Переезд вместе с Н.Я. в Батум, где они прожили ***до декабря.*** Встреча с М. Булгаковым.
5 октября.	На заседании коллегии Союза русских писателей Грузии был зачислен в его действительные члены.

Ноябрь. По подстрочникам, сделанным Т. Табидзе и П. Яшвили, переводит поэму Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», грузинскую лирику (Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, И. Гришашвили, Г. Леонидзе, Н. Мицишвили), а также и армянскую (Кара-Дарвиш).

Декабрь. Отъезд из Батума на пароходе «Димитрий» в Сухум (где О.М. и Н.Я. встретили Новый год) и Новороссийск. Далее — через Екатеринодар в Ростов.

1922

Начало января. В Петербурге , по свидетельству П. Н. Зайцева, прошел слух о цензурном запрете на издание новой книги стихов О.М.

17 января — 1 февраля. Серия публикаций в газете «Советский юг» (Ростов-на-Дону) и «Обозрении театров гг. Ростова и Нахичевани-н-Д.»: «Батум», «Кое-что о грузинском искусстве», «Письмо о русской поэзии», «Кровавая мистерия 9-го января», «Гротеск», «Шуба».

3 февраля. Пребывание в Харькове (приблизительно 7—10 дней). По свидетельству Л. Ландсберга, О.М. появился неожиданно, экспромтом ***(7 февраля)*** произнес речь об А. Блоке (*«свою, особенную, немного неуклюжую, но грандиозную, из удивительных своих афоризмов»*), а ***12 февраля (?)*** провел собственный вечер, собравший лучшую харьковскую публику. Ландсберг писал, что О.М. *«говорил о путях русской литературы, о Бергсоне, В. Розанове, Белом искренно, страстно, как боец за живую плоть слова»*, и заключал: *«Все свое бескорыстие и волю отдает он на то, чтобы разоблачить и заклеймить тех, кто умучивает и убивает слово. Новых стихов у него мало»*.

Конец февраля — начало марта. О.М. и Н.Я. в Киеве, где регистрируют свой брак; часто видятся с Б. Лившицем (он был их шафером).

Начало марта. Поэтический вечер О.М.

7 марта. В Киевской философской академии прочел лекцию «Акмеизм или классицизм? (Внутренний эллинизм в русской литературе. В. Розанов, И. Анненский, А. Блок, лжесимволисты, акмеисты, имажинисты. Выход из акмеизма и классицизма)».

Конец марта. Вместе с Н.Я. уезжает в Петроград, а оттуда в Москву. Вначале живут у Н. Гудзия в районе Сретенки (Даев пер., 9, кв. 6).

Апрель. Получили комнату в писательском общежитии — левом флигеле Дома Герцена (Тверской бульвар, 25). Сюда к ним неоднократно приходил В. Хлебников.

21 апреля. Заключил договор с Госиздатом на издание перевода поэмы В. Пшавела «Гоготур и Апшина».

11 мая.	Заключает с Госиздатом договор на издание сборника «Аониды» в 1805 строк.
23 мая.	Регистрирует в Госиздате рукопись «Избранные отрывки из старофранцузской эпической литературы (Chansons de geste)». Соответствующий договор был заключен ***20 июня.***
28 мая.	Публикация в Литературном приложении к газете «Накануне» стихотворения «Люблю под сводами седыя тишины...». Сотрудничает также в «Известиях», «Московском понедельнике», «России», «Сегодня», «Гостинице для путешествующих в прекрасном», «Парусах».
Июнь.	В харьковском издательстве «Истоки» вышла его брошюра «О природе слова».
13 июля.	Заключил договор с Госиздатом на перевод драмы Э. Толлера «Человек-масса».
Июль.	Вечера О.М. (в «Литературном особняке» и на академическом исполнительном собрании Союза поэтов).
Август.	В Берлине в издательстве «Petropolis» вышел сборник стихов «Tristia» (на обложке указан 1921 год).
8—9 октября.	Работа над стихотворением «Век».
25 ноября.	В издательство «Круг» сдана рукопись «Второй книги».
Конец года.	Работа над «Антологией русской поэзии» от символистов до сегодняшнего дня (издание не состоялось).

1923

21 января.	В Литературном приложении к газете «Накануне» опубликована статья «Гуманизм и современность».
Весна.	Попытка организовать семинар по поэтике под руководством О.М для членов Московского лингвистического кружка.
Март.	На сотом заседании Союза писателей читал стихотворения «Я не знаю с каких пор...», «Я по лесенке приставной...», «Век», а также перевод из Дюамеля. Пишет «Грифельную оду».
Апрель.	Сообщения в печати о подготовке О.М. книги статей литературного и культурно-исторического характера.
Май.	В переводе и с предисловием О.М. (не подписано) вышла кн.: Э. Толлер. Человек-масса. М.-Пг.: Госиздат, 1923.
Около 21 мая.	Поездка в Петроград; знакомство Н.Я. с А. Ахматовой.
Конец мая.	В издательстве «Круг» вышла «Вторая книга».
Июль.	В Госиздате вышло третье издание «Камня».
Конец июля — начало августа.	Пишет письмо Л. В. Горнунгу.

Около 10 августа.	Вместе с Н.Я. приехал в Гаспру, в Дом отдыха ЦЕКУБУ, где работал над «Шумом времени».
23 августа.	Обратился во Всероссийский союз писателей с заявлением о выходе из него ввиду *«крайне небрежного отношения»* его Правления к писателям.
20-е числа сентября.	По дороге из Гаспры в Москву О.М. и Н.Я. делают остановку в Киеве.
6—8 октября.	По возвращении в Москву поселился у Е. Я. Хазина, брата жены, на Остоженке (Савельевский пер., 9).
26 октября.	Вместе с Н. Асеевым, В. Брюсовым, С. Есениным, В. Маяковским, Б. Пастернаком и др. участвовал в большом празднике поэзии в Москве.
Конец октября.	Переезд в наемную комнату на Б. Якиманке (д. 45, кв. 8).
Конец октября — декабрь.	В различных изданиях выходит значительное число его очерков, статей и рецензий.
20 ноября.	Участвовал в собрании, посвященном 5-летию Всероссийского союза поэтов.
Конец декабря.	Вместе с Н.Я. уезжает в Киев, к ее родителям.

1924

Начало января.	О.М. в Киеве. Пишет стихотворение «1 января 1924 года».
2 (3?) января.	Вечер О.М. в киевском Доме печати.
Середина января.	Возвращение в Москву. Встреча с М. Волошиным (не позднее ***начала февраля***).
27 января.	Встреча с Б. Пастернаком на похоронах Ленина; пишет очерк «Прибой у гроба».
7 февраля.	Заключил договор на перевод книги А. Барбюса «Рассказы».
Февраль — апрель.	Поездка в Петроград.
6 апреля.	Участвует в обсуждении поэмы Н. Тихонова «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в отделе современной литературы Государственного института истории искусств.
29 апреля.	Заключил договор с Госиздатом на перевод книги стихов М. Бартеля.
9 мая.	Коллективное письмо группы писателей, в том числе и О.М., в отдел печати ЦК РКП(б).
Конец мая — начало июня.	Поездка с Н.Я. в Ленинград; были у В. Шилейко и А. Ахматовой. О.М. вступил в Ленинградское отделение Московского общества драматических писателей и композиторов, где служил Е.Э.

Июнь—июль.	Уезжает в дом отдыха ЦЕКУБУ в Апрелевке; работает над переводами. Заканчивает «Шум времени».
Конец июля.	Переезжает на жительство в Ленинград; поселяется в квартире актрисы М. С. Марадудиной (ул. Герцена (Б. Морская), д. 49, кв. 4).
8 августа.	Заключил договор на перевод пьесы Ж. Ромэна «Кромдейр-старый» и одновременно представил его рукопись (для постановки во МХАТе).
Сентябрь—октябрь.	Встреча с Б. Пастернаком и переписка с ним.
16 сентября.	Заключил договор с Ленгизом на перевод книги Д. Имана «Марсельский буржуа».
Октябрь—декабрь.	Работает над переводами, детскими стихами, внутренними рецензиями для издательств «Время» и «Прибой», а также Госиздата.
18 декабря.	Заключил договор на перевод повести Ж. Ромэна «Обормоты».
25 декабря.	О.М. и Н.Я. встречают Рождество вместе с Б. Лившицем и его женой. Мужчины написали шуточную «Балладу о горлинках».
31 декабря.	Встреча Нового года вместе со знакомыми юности — Б. Бабиным и его женой.

1925

Январь.	Вышла книга детских стихов «2 трамвая».
Середина января.	В жизнь О.М. и Н.Я. вошла актриса О. Ваксель. О.М. пишет стихи, посвященные ей. Обострение болезни Н.Я.
Весна.	У О.М. первый сердечный припадок, начало одышки.
Середина марта.	Порывает с О. Ваксель.
25 марта.	О.М. и Н.Я. переехали в Детское (Царское) Село в пансион Зайцева, размещавшийся в здании Лицея в Китайской деревне.
Середина апреля.	В издательстве «Время» вышла книга «Шум времени».
24 апреля.	Возвращение из Детского Села в Ленинград.
Конец апреля.	Вышла книга детских стихов «Шары».
Вторая половина мая.	О.М. и Н.Я. в Киеве.
Июнь.	Некоторое время О.М. и Н.Я. жили в пансионате в Луге, затем переехали опять в Детское Село. Н.Я. попрежнему больна.
Август.	Болезнь отца О.М.
Сентябрь.	Врачи находят у Н.Я. туберкулез и рекомендуют ей ехать на юг.

1 октября.	Н.Я. уезжает в Ялту. О.М. поселяется у Е.Э. (Васильевский остров, 8-я линия, д.31, кв. 5). Чтобы обеспечить лечение Н.Я. материально, интенсивно работает над переводами.
Середина ноября.	Приезжает к Н.Я. в Ялту.

1926

29 января.	Возвращение из Крыма в Ленинград.
31 января.	Останавливается на день в Москве. Встреча и разговор с Б. Пастернаком о С. Есенине. Пастернак читал свои новые стихи и увлек О.М. так, что тот опоздал на поезд.
2 февраля — 15 марта.	Живет в Ленинграде у Е.Э. Много работает для Госиздата и «Прибоя».
Середина февраля.	Переговоры в Ленгизе относительно книги стихов; вскоре выяснилось, что книгу не пропустили (по-видимому, в Москве).
8 марта.	Выступление О.М. на обсуждении стихов Н. Тихонова в Государственном институте истории искусств.
16–19 марта.	По дороге в Киев (куда приезжает и Н.Я.) останавливается в Москве.
Конец марта.	Пребывание в Киеве; посещает спектакли Государственного еврейского театра и украинского театра «Березиль». Киевские впечатления, в том числе и театральные, получат позднее выход в очерках, печатавшихся с мая по август в газетах «Киевский пролетарий» и «Красная вечерняя газета».
Начало апреля.	Возвращение в Ленинград (Н.Я. вернулась в Ялту, в пансион Лоланова).
Конец апреля.	Приезд в Ялту к Н.Я.
Конец мая.	Возвращение вместе с Н.Я. в Ленинград; по дороге останавливаются на несколько дней в Киеве.
Июнь.	Снимают меблированные комнаты в Детском Селе (в Китайской деревне). По соседству поселяется Б. Лившиц с семьей.
31 августа.	Из-за неуплаты налогов наложен секвестр на его имущество; О.М. намеревается это опротестовать.
Середина сентября.	Отъезд Н.Я. в Коктебель. О.М. остается в Детском Селе; приезжая в Ленинград, живет у брата Е.Э.
Декабрь.	Из Коктебеля в Детское Село возвращается Н.Я.

1927

Живет преимущественно в Детском селе (в Лицее), где ***весной и летом*** готовит к печати книги стихов, прозы и критической прозы.

28 января.	Принят в члены Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов.
Февраль.	Заключил договор с издательством «Academia» на публикацию книги «О поэзии».
Февраль—март (?).	Поездка с Н.Я. на Кавказские Минеральные Воды.
21 апреля.	Заключил договор с «Прибоем» на издание романа «Похождения Валентина Гаркова» (очевидно, будущей «Египетской марки»).
27 апреля.	Подписал в печать набор рукописи книги «О поэзии».
Начало мая.	О.М. и Н.Я. в Москве. Вместе с Б. Лившицем, М. Зенкевичем и Б. Горнунгом О.М. ходил в издательство «Земля и Фабрика» к В. Нарбуту с планами издания массовой серии сокращенных переводов западных классиков.
3 мая.	Подписан договор с ЗИФом на обработку перевода «Тиля Уленшпигеля»; срок представления рукописи — ***10 июля 1927 г.***
Лето.	Живет в Детском селе; работает над «Египетской маркой». Знакомство с артистом В. Яхонтовым и Е. Поповой и режиссером Владимирским; пишет очерк «Яхонтов».
18 августа.	Подписан договор с Ленотгизом на публикацию книги «Стихотворения» («Собрание стихотворений»).
Сентябрь.	Н.Я. в Крыму. Вышла книга В. Гюго «93-й год» с предисловием О.М.
Конец октября (?).	Едет с Н.Я. в Сухум и Армавир (в Армавире в это время жил А.Э.).
Конец ноября.	О.М. и Н.Я. в Ялте.
Декабрь.	Возвращение в Детское село.

1928

Январь—февраль.	Работает над «Египетской маркой», которую предположительно закончил ***в феврале.***
5 марта.	Принял участие в вечере памяти Ф. Сологуба в Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей.
14 марта (?).	Посетил К. Чуковского в больнице и одобрил его книгу о Некрасове.
22 марта.	Телефонный разговор с А. Ахматовой; с восторгом говорил о стихах К. Вагинова.
14 апреля.	Обращается к Бухарину с ходатайством о помиловании группы приговоренных к расстрелу (суд вынес смертный приговор шести членам правления «Общества вза-

29–192

имного кредита» — Гуревичу, Винбергу, Ратнеру, Капцову, Синелобову и Киму, а также одному бывшему ответственному работнику Николаевскому).

18 мая. Посылает Бухарину экземпляр своей вышедшей из печати книги «Стихотворения» с надписью примерно следующего содержания: *«В этой книге все протестует против того, что Вы хотите сделать»*. Вскоре он получает от Бухарина телеграмму с сообщением о смягчении приговора.

Конец мая(?). Уезжает в Ялту, поселяется вместе с женой в пансионе Лоланова «Орлиное гнездо».

25 июня. Пишет из Ялты сотруднице Госиздата ‹П.›Коробовой и просит внести важные изменения в состав готовящейся книги прозы.

Конец июня. В издательстве «Academia» вышла из печати его книга «О поэзии».

25 августа. В годовщину расстрела Н. Гумилева вместе с Н.Я. и П. Лукницким отправляет из Ялты письмо А. Ахматовой.

Начало сентября. Вышла из печати «Египетская марка».

Середина сентября. В издательстве ЗИФ вышел из печати роман Ш. де Костера «Тиль Уленшпигель» (перевод А. Горнфельда и В. Карякина в обработке О.М.; на титуле О.М. ошибочно указан как переводчик).

Сентябрь—декабрь. Вышли из печати тома собрания сочинений Вальтера Скотта в переводе О.М. и Б. Лившица.

Вторая половина октября — ноябрь. Вместе с женой уезжает в санаторий ЦЕКУБУ «Узкое». Знакомство с Э. Г. Герштейн.

18 ноября. В газете «Читатель и писатель» опубликован ответ О.М. на анкету «Советский писатель и Октябрь».

28 ноября. В ленинградской «Красной вечерней газете» опубликовано «Письмо в редакцию» А. Г. Горнфельда с обвинением О.М. в плагиате.

Ноябрь (декабрь?). Доклад И. С. Поступальского об О.М.

Декабрь. Переезжает в Москву. Живет сначала у А.Э. (Старосадский пер., д. 3, кв. 10), потом некоторое время в одном из Брестских переулков в районе Белорусского вокзала.

12 декабря. В газете «Вечерняя Москва» опубликован ответ О.М. на «Письмо в редакцию» А. Г. Горнфельда (см. письмо № 127 и коммент. к нему).

Конец декабря. Уезжает с женой в Киев.

1929

Январь—март.	Гостит в Киеве. Болезнь Н.Я.
20 января.	Операция аппендицита у Н.Я.
25 января.	В газете «Киевский пролетарий» опубликована статья О.М. «Веер герцогини».
26 января.	Творческий вечер О.М. в киевском Доме врача.
Март — начало апреля.	По рекомендации И. Бабеля связывается с киностудией ВУФКУ (Всеукраинского фотокиноуправления); пишет статьи о кино («Шпигун», «Долой куклу с миллионами»).
Начало апреля (?).	Возвращается в Москву и поселяется в общежитии ЦЕКУБУ (Кропоткинская наб., 5).
7 апреля.	Выход в «Известиях» статьи «Потоки халтуры». Начало третейского суда в Ленинграде по «делу о Майн Риде» (И. И. Ионов обвиняет О.М. и Б. Лившица в том, что при переводе романов М. Рида они пользовались не английскими оригиналами, а переводами на французский, О.М. и Лившиц отстаивают свою правоту).
7 мая.	В «Литературной газете» напечатан направленный против О.М. провокационный фельетон Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре».
13 мая.	Там же опубликован ответ О.М. на фельетон Заславского и письмо группы 15 писателей в редакцию по этому поводу (см. письма №№ 135—137 и коммент. к ним).
20 мая.	«Литературная газета» печатает ответ Д. Заславского на предыдущую публикацию. Дело о «Тиле Уленшпигеле» переносится в литературные инстанции.
21 мая.	Заседание Исполбюро ФОСПа (Федерации объединений советских писателей; протокол № 10; см. письма №№ 138—140 и коммент. к ним).
Июнь.	Губернский суд отказывает В. Н. Карякину в иске по делу о «Тиле Уленшпигеле»; дело продолжает рассматриваться в комиссии ФОСПа (см. письмо № 141 и коммент. к нему).
Июль.	В журнале «На литературном посту» опубликована статья О.М. «О переводах».
5 июля.	Состоялось заседание Исполбюро ФОСПа; заявление делегации РАПП и «Комсомольской правды» о «деле Мандельштама».
Середина лета.	Вместе с Н.Я. уезжает в Ялту.
Конец августа.	Возвращение вместе с Н.Я. в Москву; снимает комнату в Спиридоньевском переулке (М. Бронная, 21/13). Приступил к работе в газете «Московский комсомолец», ведет в ней еженедельную «Литературную страницу».

Сентябрь–октябрь.	В «Московском комсомольце» опубликован ряд рецензий и переводов О.М.
Сентябрь–декабрь.	Выход из печати ряда томов собрания сочинений Майн Рида в переводах О.М. и Б. Лившица.
Декабрь.	Разрывает с литературной общественностью и пишет «Открытое письмо советским писателям»; начало работы над «Четвертой прозой».

1930

Январь.	Переходит в редакцию газеты «Вечерняя Москва» (газета «Московский комсомолец» закрылась) и в журнал «Пятидневка». Работает над «Четвертой прозой».
Январь–февраль.	Продолжается работа комиссий, разбирающих обвинения против О.М. в связи с делом о «Тиле Уленшпигеле».
Середина февраля.	Отъезд Н.Я. в Киев в связи со смертью ее отца.
Конец февраля.	Ведет рабкоровский кружок в редакции «Вечерней Москвы».
Конец марта.	Пребывание в Абхазии на правительственной даче в Сухуме. Поездки в Новый Афон, Гудауту, Ткварчели.
14 апреля.	Узнает о смерти В. Маяковского.
Май–июнь.	О.М. и Н.Я. живут в Тифлисе, а затем уезжают в Ереван и поселяются там в гостинице; совершают поездки по Армении. Знакомство в чайхане с Б. С. Кузиным.
1–15 июля.	Отдыхает на озере Севан, в первом в Армении профсоюзном доме отдыха.
Середина октября.	Возвращается в Тифлис. После пятилетнего перерыва снова пишет стихи («Куда как страшно нам с тобой...» и цикл «Армения»).
5 ноября.	Закончен цикл «Армения».
Ноябрь.	Написаны стихотворения «Дикая кошка — армянская речь...» и «И по звериному воет людье...». Приезд в Москву. О.М. и Н.Я. живут в служебной квартире отца Э. Герштейн (ул. Щипок, д. 8) и у А.Э.
Декабрь.	Вместе с Н.Я. едет в Ленинград. Написано стихотворение «Ленинград».
Конец декабря (до 7 января).	Вместе с Н.Я. живет в доме отдыха ЦЕКУБУ «Заячий ремиз» в Старом Петергофе (ул. Садовая, д. 14).

1931

Январь.	Жилкомиссия Горкома писателей отказала ему в предоставлении комнаты в Ленинграде.

Около 10 января. Несколько дней в квартире Е.Э. на Васильевском острове тяжело болеет Н.Я.

Середина января. Возвращение в Москву; О.М. поселяется у А.Э. в Старосадском переулке, Н.Я. — у своего брата на Страстном бульваре.

23 февраля. О.М. и Н.Я. в гостях у В. Яхонтова и Е. Поповой, которые представили им сцену из «Горя от ума».

Март. В «Новом мире» (1931, № 3) напечатан цикл «Армения».

2 марта. Написаны стихотворения «Я скажу тебе с последней прямотой...» и «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...». Начало работы над «Волчьим циклом» (в основном писался в Старосадском переулке).

17–28 марта. Написано стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...» («Волк»).

Апрель. Начало работы над «Путешествием в Армению». В «Звезде» (1931, № 4) опубликовано стихотворение «С миром державным я был лишь ребячески связан...».

Май. Начаты «белые стихи» — «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (завершено ***4 июня***) и «Еще далеко мне до патриарха...» (завершено ***19 сентября***).

3 мая. Написано стихотворение «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...», завершающее «Волчий цикл».

Около 20 мая. На вечере у Р. Ивнева поэты А. Тарковский, А. Штейнберг, Н. Берендгоф читали свои стихи, а О.М. подверг их жесткой критике.

23 мая. О.М. и Н.Я. поселяются в комнате брата в Старосадском переулке (А.Э. с женой уехали на месяц в отпуск).

Июнь. Переезд на Б. Полянку в квартиру Ц. Рысса. Продолжение работы над «белыми стихами»: «Отрывки из уничтоженных стихов», «Сегодня можно снять декалькомани...» (завершено в ***августе***). Написаны стихотворения «Фаэтонщик», «Как народная громада...», а также первоначальный вариант «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..».

Июль. Посещает Яхонтовых, ставших одними из первых слушателей его новых стихов.

1 июля. Передал в «Новый мир» подборку из десяти стихотворений. После того, как только одно из них было принято, отказался от публикации, обратившись к В. П. Полонскому, главному редактору журнала, с письмом: *«Это стихотворение дает читателю, с которым я и без того достаточно разобщен, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу».*

Август.	Из Киева и Ленинграда приехали мать Н.Я. и отец О.М.; гостили до ***октября.*** Н.Я. сотрудничает в газетах «Известия» и «За коммунистическое просвещение».
19 сентября.	Завершено стихотворение «Еще далеко мне до патриарха...» (начато в ***мае***); заканчивается работа над «Первой московской тетрадью».
Осень.	Н.Я. в Боткинской больнице. О.М. живет в комнате на Покровке, где его часто навещает В. Яхонтов. Напряженно работает над «Путешествием в Армению»; делает ряд критических пометок на полях поэмы А. Блока «Возмездие».
Конец года.	Находится в доме отдыха «Болшево» под Москвой; начинает изучать итальянский язык.

1932

Январь.	О.М. и Н.Я. переезжают в Дом Герцена (Тверской бульвар, д. 25, кв. 8) в десятиметровую каморку. (***Весной*** переселились в соседнюю комнату, более сухую и просторную.) Продолжение работы над «Путешествием в Армению».
Февраль.	Написано стихотворение «О, как мы любим лицемерить...» (завершено ***14 мая***), которое начинает «Вторую московскую тетрадь».
23 марта.	За «заслуги перед русской литературой» ему назначена пожизненная персональная ежемесячная пенсия в размере 200 рублей.
Апрель.	В журнале «Новый мир» (1932, № 4) опубликованы стихотворения «Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...» и «О, как мы любим лицемерить...».
21 апреля.	В газете «За коммунистическое просвещение» опубликована статья «К проблеме научного стиля Дарвина».
Май.	Написаны стихотворения «Там, где купальни, бумагопрядильни...», «Ламарк», «Шестого чувства крохотный придаток...», «Когда в далекую Корею...» (завершено в ***1935 г.***), «Новеллино», «Импрессионизм», «Дайте Тютчеву стрекозу...».
Лето.	Проводит в доме отдыха «Болшево».
18 июня.	Написано стихотворение «Батюшков».
21 июня.	Знакомство с А. В. Звенигородским.
Июнь—июль.	В журнале «Новый мир» (1932, № 6) опубликованы стихотворения «Рояль», «Ламарк», «Батюшков», «Там, где купальни, бумагопрядильни...».
2—7 июля.	Написан цикл «Стихи о русской поэзии».
8—12 августа.	Написан сонет «Христиан Клейст», ставший подступом к стихотворению «К немецкой речи».

8 сентября. Подписан договор с ГИХЛом на издание книги «Стихи».

13 сентября. Состоялся товарищеский суд по «делу Мандельштама-Саргиджана» (во время ссоры между ними, соседями по Дому Герцена, А. Саргиджан (Бородин) ударил Н.Я.). А. Толстой, председательствовавший на этом суде, не вынес даже порицания Саргиджану (***в мае 1934 г.*** О.М. в знак протеста даст А. Толстому пощечину). Глубоко оскорбленный решением суда, О.М. написал заявление о выходе из Горкома писателей (см. письма №№ 170, 172 и коммент. к ним).

Ноябрь. Находится в санатории ЦЕКУБУ «Узкое».

10 ноября. Состоялся закрытый творческий вечер О.М. в редакции «Литературной газеты».

11 ноября. В «Литературной газете» опубликована статья А. Селивановского «Разговор о поэзии», где среди тех, кому «надо помогать», назван и «старик» О. Мандельштам.

23 ноября. В «Литературной газете» опубликована подборка стихотворений: «Ленинград», «Полночь в Москве» и «К немецкой речи».

Около 15 декабря. Начало срока путевки в подмосковный дом отдыха «Переделкино».

1933

Январь. В журнале «Литературный современник» опубликован анонс новой книги стихов О.М.

9 января. Возвращение из «Переделкино». В квартире О.М. в это время жила Н. Н. Грин, вдова А. С. Грина.

31 января. Подписан договор с ГИХЛом на книгу «Избранное».

22 февраля. Состоялся вечер О.М. в ленинградской Капелле.

2 марта. Второй вечер О.М. в Ленинграде (в Доме печати). В программе: «Стихи из «Камня». — Новые стихи: Московский цикл. Армения. Стихи о русской поэзии. — Фрагменты из новой прозы». Отвечая на вечере на вопрос: «Вы тот самый Мандельштам, который был акмеистом?», О.М. ответил, что он «тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей, соратником своих соратников, современником А. Ахматовой».

14 марта. Вечер О.М. в Политехническом музее в Москве. Вступительное слово произнес Б. Эйхенбаум.

16 марта. В газете «Вечерняя Москва» помещен отчет С. Гехта о вечере в Политехническом музее.

3 апреля. В Московском клубе художников состоялся вечер «Осип Мандельштам у художников». В тот же день (или на следующий) арестован Б. С. Кузин.

5 апреля. Пишет письмо к М. Шагинян с просьбой помочь Б. Кузину.

10 апреля. О.М. и Н.Я. присутствовали на концерте А. Гедике в Консерватории.

Около 10 апреля. Вместе с Н.Я. и освобожденным из-под ареста Кузиным едет в Старый Крым к Н. Н. Грин (О.М. и Н.Я. собирались вернуться в Москву первоначально к ***1,*** а позднее — к ***17 июня***).

Май. В журнале «Звезда» (1933, № 5) опубликовано «Путешествие в Армению», а в журнале «Литературный критик» — статья В. Шкловского «Путь к сетке», посвященная этой прозе.

4–6 мая. В Старом Крыму пишет стихотворение «Ариост» (впоследствии утерянное и восстановленное по памяти — в иной редакции — ***в июне 1935***). Тогда же, по-видимому, написано и четверостишие «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...». Начало работы над «Разговором о Данте».

Середина мая. Написано стихотворение «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...».

Около 18–20 мая. Написано стихотворение «Старый Крым».

28 мая. Переезд в Коктебель. Встреча с А. Белым в доме отдыха писателей (О.М. и А. Белый в столовой сидят рядом); работает над «Разговором о Данте», читает его А. Белому и А. Мариенгофу.

17 июня. В «Литературной газете» вышла разгромная рецензия Н. Оружейникова на «Путешествие в Армению».

Июль–август. Работа над корректурой книжного варианта «Путешествия в Армению» (для «Издательства писателей в Ленинграде»).

Август. Получение ордера на двухкомнатную квартиру в Нащокинском переулке (ул. Фурманова), д. 5, кв. 34.

30 августа. Разгромная рецензия С. Розенталя на «Путешествие в Армению» в газете «Правда».

Сентябрь. Пребывание в Ленинграде; читает «Разговор о Данте» А. Ахматовой, В. Жирмунскому, Ю. Тынянову, Б. Лившицу.

3 сентября. Пишет письмо в «Издательство писателей в Ленинграде» с просьбой вернуть отклоненную рукопись «Разговора о Данте».

Октябрь. Переезд на новую кооперативную квартиру в Нащокинском переулке.

Ноябрь. Написаны роковые стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...»,

	а также примыкающие к ним «У нашей святой молодежи...» и «Татары, узбеки и ненцы...». Написаны или начаты стихотворения, вошедшие позже в цикл «Восьмистишия»: «Люблю появление ткани...» (закончено ***в январе 1934 г.*** в Москве), «В игольчатых чумных бокалах...», «И я выхожу из пространства...» (два последних закончены ***в июле 1935 г.*** в Воронеже) и «Когда, уничтожив набросок...», «О бабочка, о мусульманка...», «Скажи мне, чертежник пустыни...», « И клена зубчатая лапа...».
До 16 ноября.	В новую квартиру к О.М. приезжает А. Ахматова.
Конец месяца.	Болезнь Н.Я.; приезд из Киева ее матери — В. Я. Хазиной.
Декабрь.	О.М. приглашает отца переехать к нему в Нащокинский переулок. Начало работы над вольными переводами сонетов Петрарки.

1934

Январь.	В новой квартире поочередно гостят: отец, Н. Н. Грин, Л. Н. Гумилев, А. Ахматова. Знакомство, короткая и безответная влюбленность в М. С. Петровых.
Не позднее 8 января.	Завершилась работа над сонетами Петрарки.
8 января—10 января.	Смерть А. Белого; похороны его на Новодевичьем кладбище. О.М. пишет цикл стихотворений, посвященных памяти А. Белого.
Конец января.	Заканчивает работу над «Восьмистишиями».
7 февраля.	Навестил К. Чуковского в больнице, читал ему свои стихи.
13—14 февраля.	Написано стихотворение «Мастерица виноватых взоров...», обращенное к М. С. Петровых.
17 февраля.	В. Д. Бонч-Бруевич предложил О.М. продать свой архив в Литературный музей Наркомпроса.
16 марта.	В Фондовой комиссии Литературного музея слушали предложение О.М. о приобретении рукописей из его архива, оцененных в 600 руб. Было решено приобрести их за 500 руб.
Около 20 или 21 марта.	Телефонный разговор с В. Д. Бонч-Бруевичем. О.М. пишет два письма: одно — в Литературный музей с отказом от передачи в музей своих рукописей и с доверенностью на имя жены на предмет получения, согласно описи, этих рукописей назад; другое — лично Бонч-Бруевичу, превратившему *«покупку писательского архива... в карикатуру на посмертную оценку».*
Середина апреля.	Поездка с Н.Я. в Ленинград.
15 апреля.	Присутствует на собрании востоковедов в Ленинграде, обсуждавших перевод М. Лозинским «Шахнаме». Из

дневника Д. Выгодского: *«Когда заговорил Мандельштам, он десятью словами перечеркнул и холодные слова арабиста, и стихи Лозинского... Заговорил один из глубочайших людей нашего времени, заговорил поэт, в котором тревога, для которого Фирдоуси целый мир, который он по-своему, своим миром ощущает, переживает, к которому у него есть отношение... Мандельштам сразу поднял на сто градусов весь этот разговор, который писатели уже не могли поддержать».*

Около 6 мая. В Ленинграде (в «Издательстве писателей») дал пощечину А. Толстому.

13 (16?) мая. У О.М. останавливается приехавшая в Москву А. Ахматова.

Ночь с 13 на 14 мая. Обыск и арест (по данным НКВД — ***с 16 на 17 мая***). *«Обыск продолжался всю ночь, искали стихи. Его увели в семь часов утра — было совсем светло»* (А. Ахматова. Листки из дневника). Наутро Н.Я. идет к своему брату, Е. Я. Хазину, А. Ахматова — к Б. Пастернаку и Авелю Енукидзе (в то время секретарю Президиума ЦИК СССР). Узнав об аресте, Б. Пастернак обращается к Демьяну Бедному и Н. Бухарину с просьбой сделать для О.М. все возможное.

До 28 мая. Содержался под следствием на Лубянке (следователь — Николай Христофорович Шиваров). Начало травматического психоза, вызванного заключением; попытка самоубийства (вскрыл вены).

18–19 и 25 мая. Допросы в тюрьме.

27 мая. Окончание следствия. Приговор: трехлетняя ссылка на поселение в г. Чердынь Пермской области (формулировка: *«Изолировать, но сохранить»)*. Н.Я. предложено сопровождать мужа. А. Ахматова и Е. С. Булгакова собирают деньги на отъезд.

29–30 мая. Переезд по железной дороге в Свердловск под конвоем. В дороге усиливается душевный недуг: напряженное ожидание казни, навязчивая идея самоубийства.

1 июня. В Свердловске на вокзале в ожидании пересадки написано шуточное стихотворение «Один портной...».

1–3 июня. Дальнейший маршрут: поездом по узкоколейке вдоль Камы до Соликамска, там пересадка на пароход до Чердыни. Прибытие в Чердынь, где в здании земской больницы О.М. и Н.Я. выделяют комнату на втором этаже.

Ночь с 3 на 4 июня. Новая попытка самоубийства (прыгнул из окна больницы, упал на вскопанную клумбу); в результате — вывих правого плеча и перелом без смещения правой плечевой кости, обнаруженный лишь позже в Воронеже.

Между 3 и 12 июня.	Н.Я. шлет телеграммы в Москву о помощи, в том числе и в ЦК ВКП(б). Хлопоты А. Ахматовой и Б. Пастернака. Письмо Н. Бухарина Сталину. Спад психической болезни.
10, 12 июня.	Пересмотр приговора; телеграмма Е. Я. Хазина об изменении приговора.
13 июня.	Телефонный звонок Сталина Б. Пастернаку по поводу О.М. (Сталин обещал, что с О.М. «все будет хорошо»).
14 июня.	В Чердынь приходит официальная телеграмма о трехлетней административной высылке из Москвы с лишением по истечении этого срока права проживать в Москве, Ленинграде и еще десяти городах страны («минус двенадцать»). Последняя регистрация в Чердынском райотделении ОГПУ.
15 (16?) июня.	Вызов к коменданту для выбора города высылки; остановились на Воронеже.
16 июня.	Отъезд из Чердыни, где О.М. и Н.Я. провели две недели. Дорога до Москвы заняла около 5 дней.
Около 21–23 июня.	Провели несколько суток в Москве.
Около 25 июня.	Приезд в Воронеж. Размещение в гостинице «Центральная».
Конец июня.	О.М. осматривает психиатр: травматического психоза уже не обнаружено. В инфекционную больницу кладут Н.Я., заболевшую сыпным тифом.
Начало июля.	Снимает на летнее время у старика-повара застекленную террасу в Привокзальном поселке, недалеко от Брикманского сада.
Конец июля.	Н.Я. уезжает на месяц в Москву по квартирным делам. На это время по просьбе Э. Герштейн к О.М. приезжает жена В. Яхонтова Дина Бутман.
Август.	Б. Пастернак обращается к заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкому с просьбой помочь О.М. в организации его литературной деятельности в Воронеже.
Конец августа.	Возвратившись из Москвы, Н.Я. заболела дизентерией и снова попала в инфекционную больницу. Из больницы она вышла не позднее ***8 сентября*** и поправлялась дома.
Сентябрь.	О.М. обращается к председателю правления Воронежского областного отделения ССП А. В. Шверу с просьбой дать ему возможность участвовать в работе местной писательской организации.
Сентябрь–октябрь.	Поездка вместе с группой воронежских писателей и журналистов в один из районов области на открытие там первого советского театра. Ведет платные литера-

турные консультации в журнале «Подъём»; работает над рецензией для «Подъёма»; предложил местному издательству замысел книги «О старом и новом Воронеже».

Около 15 октября.	Сняли комнату в том же районе в доме агронома Е. П. Вдовина по адресу: 2-я Линейная ул., д. 4 (ныне ул. Швейников, д. 4б).
12—13 ноября.	Посещает концерты пианистки М. В. Юдиной в Воронеже.
20 ноября.	Заместитель заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) П. Юдин пишет письмо заведующему аналогичным отделом обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области М. Генкину о возможности *«расширения литературной деятельности Мандельштама»*.
29 ноября.	В ответ на поручение М. Генкина сообщить о жизни Мандельштама в Воронеже и о его связи с писательской организацией из Воронежского отделения ССП в обком ВКП(б) отправлена записка О. К. Кретовой.

1935

Январь.	В первом номере журнала «Подъём» опубликована рецензия на книгу «Дагестанская антология», подписанная инициалами *«О.М.»*
5 января.	Заключен договор с местным отделением издательства «Советский писатель» на книгу «Старый и новый Воронеж».
Февраль.	Выступил с докладом об акмеизме на собрании воронежских писателей (см. коммент. к письму № 223).
Конец марта.	Н.Я. уезжает в Москву. Только теперь она узнает о разговоре Сталина и Б. Пастернака (Б. Пастернак полностью повторил ей свой разговор с ним).
30 марта— 1 апреля.	В Воронеж приехал высланный из Ленинграда С. Б. Рудаков; О.М. знакомится с ним. Ожидает приезда в Воронеж А. Ахматовой и В. Яхонтова; строит планы перебраться 20–25 апреля вместе с А. Ахматовой на дачу под Воронежем.
5 апреля.	Вместе с С. Б. Рудаковым присутствовал на концерте скрипачки Галины Бариновой. После концерта написаны первые строчки стихотворения «За Паганини длиннопалым...» (домашнее заглавие — «Скрипачка»), законченного ***в июле***. По существу — это начало «Первой воронежской тетради».
6 апреля.	Начало работы над переводом «Иветты» Ги де Мопассана (закончен ***в июне***).
15 апреля.	Вечер памяти В. Маяковского в помещении Воронежского музыкального техникума. С докладом выступил критик и литературовед Л. Плоткин, с литературной

композицией «Маяковский» — В. Яхонтов. О.М. с С. Б. Рудаковым были на вечере, но встретиться с В. Яхонтовым им не удалось.

После 17 апреля. Написаны стихотворения «Чернозем» (посвященное С. Б. Рудакову), «Я должен жить, хотя я дважды умер...», «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», «Я живу на важных огородах...», «Наушники, наушнички мои!..», «Это какая улица?..», а также «Мне кажется, мы говорить должны...», «Мир начинался, страшен и велик...». Начаты стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...», триптих «Кама» (закончены ***в мае***), «От сырой простыни говорящая...» (завершено ***в июне***), а также, по-видимому, «Не мучнистой бабочкою белой...» (датировано ***«весна–лето 1935 г.»***, последняя строчка пришла к нему ***30 мая 1936 г.***). Рудаков писал жене: *«17, 18, 19, 20 — дико работает Мандельштам. Я такого не видел в жизни... Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом — это точнее) поэзии... Больше нет человека — есть Микель Анджело. Он не видит и не помнит ничего. Он ходит и бормочет: "Зеленой ночью папоротник черный". Для четырех строк произносится четыреста. Это совершенно буквально. Он ничего не видит. Не помнит своих стихов»*.

21 апреля. Переезд в новую комнату на втором этаже углового двухэтажного здания (дом не сохранился, на его месте — шестиэтажный дом по ул. 25 Октября, д. 45).

22 апреля. Возвращение Н.Я. из Москвы.

Конец апреля. Начало работы над радиокомпозицией «Молодость Гёте» (завершена ***в июле***).

Май. Написаны стихотворения «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», «Ты должен мной повелевать...», «Лишив меня морей, разбега и разлета...» и «Стансы» (завершено ***в июне***).

8 мая. Н.Я. уезжает в Москву (возвратилась только ***14 июня***).

23 мая. Начало работы с С. Б. Рудаковым над комментированным собранием стихотворений (начиная с 1907 г.), продолжавшейся до ***30 июня*** и возобновленной ***в сентябре.*** Рудаков планирует написать монографию об О.М.

Конец мая. О.М. получил трехмесячную прописку и паспорт.

3 июня. Написаны стихотворения «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» и «Возможна ли женщине мертвой хвала...», законченное ***14 декабря 1936 г.***

19 июня. Проведено медицинское обследование О.М. для установления нетрудоспособности (травма руки) и назначения лечения.

15–23 июня. Работа над рецензиями для «Подъёма»: на книгу

Г. Санникова «Восток» и на поэтический сборник литкружковцев Метростроя «Стихи о метро».

27 июня.	Начато стихотворение «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» (завершено в *июле*).
Июль.	Написано стихотворение «Исполню дымчатый обряд...»; окончена «Первая воронежская тетрадь».
6 или 7 июля.	В гостях у О.М. побывали артисты Камерного театра.
9 июля.	Переработал радиокомпозицию «Молодость Гете»; собирается поехать в колхоз в командировку от газеты «Коммуна».
12 июля.	Письмо от А. Ахматовой: *«Милый Осип Эмильевич, спасибо за письмо и память. Вот уже месяц, как я совсем больна. На днях лягу в больницу на исследование. Если все кончится благополучно — непременно побываю у Вас».*
22–31 июля.	Поездка вместе с Н.Я. в Воробьевский район для подготовки очерка о совхозах.
1–2 августа.	Работа над очерком для газеты «Коммуна» и вычитка корректур рецензий в «Подъёме». Корректуры сданы в журнал. «Коммуна» отклонила очерк о совхозах.
4 августа.	Вместе с Н.Я. закончил переделку очерка.
8–20 августа.	Еще одна поездка в район.
Конец августа.	В пятом номере журнала «Подъём» напечатаны рецензии О.М. на книгу Г. Санникова «Восток» и сборник «Стихи о метро». В местной писательской организации О.М. заявили, что врагом его не считают, но не знают, как к нему относится писательский центр, и потому от дальнейшего сотрудничества с ним отказываются.
Сентябрь.	В шестом номере журнала «Подъём» опубликованы рецензии О.М. на книги стихов А. Адалис «Власть» и М. Тарловского «Рождение родины».
27 сентября.	Написан проспект книги о фольклоре (для получения аванса в издательстве).
Сентябрь–октябрь.	Возобновляет работу с Рудаковым над комментированным собранием своих стихов; одновременно правит некоторые стихи.
10 октября.	По рекомендации местного отделения ССП назначен на должность заведующего литературной частью в воронежский Большой Советский театр.
11–13 октября.	Посещение репетиции и двух концертов Большого симфонического оркестра Воронежского областного радиокомитета под управлением итальянского дирижера Вилли Ферреро.
14 октября.	Вечером с Н.Я. и С. Б. Рудаковым в гостях у флейтиста К. К. Шваба (ему посвящено стихотворение «Флейты греческой тэта и йота...», написанное в *апреле 1937 г.*).

16 октября. По заданию театра готовит сокращение пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» для передачи по радио. Вечером — с Н.Я. и С. Б. Рудаковым — в театре на премьере спектакля «Слуга двух господ».

13—19 ноября. Прошел медицинское обследование в клинике обкома ВКП(б); психиатр сделал заключение об истощении нервной системы у О.М.

23 ноября. В гостях у О.М. — дирижер Лео Гинзбург.

Декабрь. Присутствовал на репетициях в театре.

15 декабря. Н.Я. уезжает в Москву.

17 декабря (?). Пишет «Заявление Минскому пленуму», содержащее ряд серьезных политических высказываний; передает его в Воронежское отделение ССП, откуда его пересылают в Москву, в Правление ССП.

18 декабря. Получение трехгодичного паспорта. Отъезд в санаторий в Тамбове; из Мичуринска во время пересадки послана телеграмма Н.Я.

19 декабря. Приезд в Тамбов.

Конец года. Найдена последняя строка «Волка» (начатого *17—18 марта 1931 г.*): «И меня только равный убьет...».

1936

5 января. Возвращение из санатория раньше срока; в отсутствие О.М. и Н.Я. хозяева квартиры Пановы заняли их комнату; О.М. снимает комнату у журналиста из «Коммуны».

13—14 января. Хозяин квартиры Панов пришел в ССП с извинениями и пригласил О.М. и Н.Я. возвратиться в прежнюю квартиру (О.М. согласился).

15 января. Возвращение Н.Я. из Москвы.

26 января. На заседании правления Воронежского отделения ССП рассматривалось заявление Н.Я. об оказании помощи О.М. Постановили: в связи с ухудшением здоровья О.М. обратиться в Литфонд СССР и просить разрешить и оплатить ему выезд на курорт за счет средств Литфонда; обеспечить наблюдение за состоянием его здоровья до разрешения Москвой вопроса о дальнейшем лечении; выдать О.М. 80 рублей из средств Литфонда.

3 февраля. Внес исправления в стихотворения 20-х годов: «Я не знаю, с каких пор...» и «Век».

4 февраля. Закрыт журнал «Подъём» (вместо него дважды в год должен выходить альманах «Литературный Воронеж»).

5 февраля. В Воронеж приезжает А. Ахматова. На вокзале ее встречают Н.Я. и С. Б. Рудаков. Литфонд согласился выделить О.М. деньги и дал разрешение на его поездку в Крым или на Кавказ.

11 февраля.	Отъезд А. Ахматовой в Москву. Телеграмма из Литфонда, подтверждающая броню на путевку в Старый Крым.
16 февраля.	На банкете по окончании пленума ССП в Минске Б. Пастернак за своим столиком поднял тост за О.М.
Конец февраля.	Б. Пастернак и А. Ахматова обращаются к прокурору Р. П. Катаньяну с просьбой облегчить положение О.М.; они посылают в Воронеж 1000 рублей.
27 февраля.	Новая ссора с квартирными хозяевами.
4 марта.	Дата под стихотворением А. Ахматовой «Воронеж», посвященным О.М.
13 марта.	Переезд на другую квартиру (ул. Ф. Энгельса, д. 13, кв. 39).
16 марта.	На заседании правления Воронежского отделения ССП слушали вопрос об О.М., требующем обеспечить его выезд с женой в Крым или замену путевки деньгами для поездки на отдых сроком не менее чем на три месяца, а также предоставить средства для поездки по районам области. Постановили, что, поскольку в разные сроки О.М. уже выдали свыше 1000 р., дальнейшие его просьбы, принявшие систематический характер, не могут быть удовлетворены.
29 марта.	Работа над вводным словом к опере Глюка «Орфей» для радиофестиваля.
31 марта.	В радиостудии слушал трансляцию своего вступительного слова к опере «Орфей».
Начало апреля.	Обострение болезни печени у Н.Я.
3 апреля.	Отметили чаепитием год знакомства с С. Б. Рудаковым; подарил ему «Египетскую марку» с автографом.
Около 12 апреля.	На областном пленуме ССП прозвучали критически-пренебрежительные отзывы об О.М. («пишет будуарные стишки», «довольно с ним возиться»).
13 апреля.	У О.М. сердечный приступ на пути из театра домой.
Около 28 апреля.	От А. Ахматовой и Б. Пастернака получены деньги, а от Б. Пастернака еще и записка. О.М. откликнулся на нее письмом.
1–4 мая.	Приезд в Воронеж на праздничные дни Э. Герштейн.
7 мая.	Присутствовал на исполнении 9-й симфонии Бетховена с участием Д. Ойстраха. На концерте О.М. почувствовал острую сердечную боль и, не дожидаясь антракта, уехал в поликлинику.
12 мая.	Приезд А.Э., привезшего 800 руб. за переиздание мандельштамовского перевода поэмы Важа Пшавела «Гоготур и Апшина».

27 мая. Консилиум в поликлинике № 1 признал О.М. нетрудоспособным и направил его в комиссию по инвалидности для определения степени потери трудоспособности.

30 мая. Добавлена последняя строчка к стихотворению «Не мучнистой бабочкою белой...»: “Кто же будет продолжать за них?”.

Июнь. Арестован А. И. Стефен, воронежский знакомый О.М.

Середина июня. Прислано сообщение об увольнении из воронежского Большого Советского театра с ***1 августа;*** получает расчет.

16 июня. На правлении Воронежского отделения ССП слушали: заявление Н.Я. о полной нетрудоспособности О.М. и об отсутствии у него средств к существованию. Постановили: рекомендовать обратиться в Правление ССП и Литфонд СССР, переслав в их адрес все необходимые документы и заключение медицинской комиссии.

17 июня. Приезд Е.Э. к брату; пробыл у него один день.

20 июня. Отъезд на автомашине в Задонск. Встреча с Ю. Л. Слезкиным; поиски вместе с ним комнаты.

7–8 июля. В Задонск приезжает перед отъездом в Ленинград С. Б. Рудаков; их прощальная встреча. Рудаков делает копию «Разговора о Данте».

Начало сентября. Возвращается из Задонска. Знакомство с Н. Е. Штемпель.

11 сентября. На собрании воронежских писателей, посвященном вопросам борьбы с классовыми врагами на литературном фронте, обсуждали деятельность писателей Л. Завадовского, Б. Пескова и О.М.

16 сентября. Публикация в газете «Коммуна» статьи И. Чирейского «Каникулы в Союзе писателей», направленной против О.М.

28 сентября. Письмо секретаря партбюро Воронежского отделения ССП С. Н. Стоичева в Правление ССП В. П. Ставскому в ответ на его телеграмму о разоблачении классового врага на литературном фронте (см. коммент. к письму № 223).

Октябрь или ноябрь (?). Переезжает на последнюю воронежскую квартиру: ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1 (дом не сохранился).

6–9 декабря. Написано стихотворение «Из-за домов, из-за лесов...» — начало «Второй воронежской тетради». Работа над стихами шла ***до конца года***, почти не прерываясь.

Конец декабря. Серьезно заболела Н. Штемпель; О.М. и Н.Я. навещали ее ежедневно.

31 декабря. Отправляет письмо Н. С. Тихонову с просьбой о помощи.

30-192

Январь.	Разгар работы над «Второй воронежской тетрадью», начиная с ***середины января*** — регулярная работа над «Одой» Сталину, призванной, по первоначальному замыслу, спасти поэта от гибели. Стихотворения посылаются в «Звезду» и другие журналы.
2 января.	Пишет новогоднее письмо Б. Пастернаку.
12 января.	Завершение «щеглиного цикла» и «Оды».
21 января.	Пишет письмо Ю. Тынянову.
Начало февраля.	Кризис отношений с младшим братом.
12 февраля.	Написано стихотворение «Я в львиный ров и в крепость погружен...»; тем самым фактически завершилась основная работа над «Второй воронежской тетрадью». ***Во второй половине месяца*** О.М. работал только над стихотворениями «Средь народного шума и спеха...» и «Если б меня наши враги взяли...».
24 февраля.	Написано множество шуточных стихотворений, посвященных Н. Штемпель, В. Покровскому и др.
Февраль–март.	Поездка Н.Я. в Москву и Переделкино. Б. Пастернак, посмотревший «Вторую воронежскую тетрадь», ответил запиской.
Конец февраля.	Начало работы над «Стихами о неизвестном солдате» первая редакция датирована ***1 марта***) и, таким образом, над «Третьей воронежской тетрадью», писавшейся вплоть до отъезда О.М. в Москву ***в мае***.
Начало марта.	Завершение работы над стихотворением «Если б меня наши враги взяли...» (начатого ***в феврале***).
Между 11 и 18 апреля.	В Воронеж приезжает В. Я. Хазина, а Н.Я. уезжает в Москву.
23 апреля.	В газете «Коммуна» опубликована статья О. К. Кретовой «За литературу, созвучную эпохе!», в которой О.М. упоминается в ряду *«троцкистов и других классово-враждебных людей»* (см. письма №№ 230, 232 и коммент. к ним).
30 апреля.	Написано стихотворение «Я к губам подношу эту зелень...». В этот же день отправлены письма Н.Я. и Е. Я. Хазину с вложенными в них заявлениями на имя В. П. Ставского — ответами на статью Кретовой.
3 мая.	Н. Штемпель знакомит О.М. со своим мужем Б. Молчановым. Вечером вместе с ними и М. Ярцевой поужинали в ресторане «Бристоль» и гуляли по Воронежу.
4 мая.	Написаны стихотворения, посвященные Н. Штемпель: «На меня нацелились груша да черемуха...» и диптих «К пустой земле невольно припадая...».

5 и 6 мая. Встречи с Н. Штемпель; дарит посвященные ей стихи.

16 мая. Конец срока ссылки О.М. Перед отъездом из Воронежа он дарит Н. Штемпель книгу «Шум времени» с надписью: *«Милой, хорошей Наташе от автора. В. 16/V-37 г.»*.

Около 17 мая. О.М. и В. Я. Хазина возвращаются в Москву; встреча с А. Ахматовой, гостившей у Ардовых в том же доме в Нащокинском пер., где жил О.М.

25 мая. У О.М. случился приступ стенокардии.

Вторая половина мая. Написано стихотворение «Чарли Чаплин».

Конец мая — начало июня. Общается с В. Яхонтовым и Е. Поповой; О.М. предложил сдать его московскую квартиру и снять общую дачу. К Е. Поповой обращено несколько написанных этим летом стихотворений, в частности «С примесью ворона — голуби...» ***(июнь)***.

10 июня. В гостях у О.М. весь вечер пробыла вместе с Э. Герштейн А. Ахматова (она приехала в Москву и остановилась у С. А. Толстой-Есениной).

Конец июня. Милиция требует покинуть Москву в 24 часа. О.М. симулирует припадок; вместе с Н.Я. покинул квартиру, но не Москву. Встреча с С. Б. Рудаковым и Н. И. Харджиевым; отъезд в Савелово (откуда часто наведывается в Москву).

3—5 июля. Написаны последние из дошедших до нас стихотворений: «Пароходик с петухами...» , «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» и «Стансы», обращенные к Е. Поповой.

Середина июля. В ССП должны были заслушать стихи О.М., но чтение не состоялось.

Около 15 июля. В Савелово приезжает Н. Штемпель. Ночная прогулка с ней вдоль берега Волги; О.М. прочитал ей все новые стихи (около десяти).

16 июля. О.М. и Н.Я. проводили Н. Штемпель в Москву и сами приехали туда же более поздним поездом. Вечером — новая встреча на концерте В. Яхонтова, посвященном 100-летию гибели Пушкина. После концерта — вчетвером (Н. Штемпель была с мужем) пришли на квартиру Наппельбаумов (там О.М. и Н.Я. ночевали). О.М. знакомит Н. Штемпель с В. Б. Шкловским, Н. И. Харджиевым, М. В. Юдиной и Э. Герштейн.

18 июля. О.М. снова в Москве; приезжает к Е. Поповой, едет с ней к В. Б. Шкловскому.

Лето—осень. Поездка в Ленинград. Встречи с А. Ахматовой.

15 октября. На этот день был намечен вечер стихов О.М. в Союзе писателей. Вечер не состоялся.

16 октября. В Ленинграде арестован Б. Лившиц. В ноябре—декабре будут арестованы В. О. Стенич, Д. С. Выгодский и др.

Осень. Находился в доме отдыха по путевке ССП.

17 ноября. О.М. и Н.Я. прописались в Калинине (3-я Никитинская ул., 43, дом Травниковых).

Ноябрь. В альманахе «Литературный Воронеж» опубликована статья Н. В. Романовского и М. Я. Булавина «Воронежские писатели за 20 лет» с выпадами против О.М.

1938

7 января. ССП постановил выдать О.М. денежное пособие.

После 8 января. Закрыт Государственный театр им. В. Э. Мейерхольда. О.М. ночевал в московской квартире Мейерхольдов — по-видимому, после этого впал в депрессию (*«Как-то так съежился, что даже письма написать не может»* — из письма Н.Я. Б. С. Кузину от 21.01.1938).

26 февраля. О своей депрессии пишет Б. С. Кузину.

Конец февраля. Переговоры с ГИХЛом о переводе дневника Гонкуров закончились отказом издательства. Вероятно, в эти дни О.М. встречался со Ставским и у них состоялся «разговор о казни», о котором пишет Н.Я. в своих «Воспоминаниях».

2 марта. Получил в Литфонде путевки в профсоюзную здравницу «Саматиха» и пособие на их приобретение.

Между 3 и 5 марта. Последняя поездка в Ленинград с целью собрать у знакомых хоть немного денег на дальнейшую жизнь. Последняя встреча с А. Ахматовой.

Около 6–7 марта. Возвращение в Калинин, сборы в дом отдыха «Саматиха» и «очень трогательное расставание с калининскими хозяевами».

Около 8 марта. О.М. и Н.Я. приехали в «Саматиху» (в 25 верстах от железнодорожной станции Черусти, находящейся за Шатурой).

10 марта. Письмо Б. С. Кузину из «Саматихи». В Ленинграде в тот же день арестован Л. Гумилев.

16 марта. Ставский обращается в НКВД с просьбой *«помочь решить этот вопрос об О. Мандельштаме»*.

13 апреля. Письмо Ставского зарегистрировано в 4-м отделе ГУГБ. Началось «служебное обоснование» будущего ареста О.М.

16 апреля. Пишет из «Саматихи» бодрое письмо отцу.

29 апреля. Резолюция замнаркома НКВД М. Фриновского на деле О.М.: *«Арестовать»*.

30 апреля. Выписан ордер за подписью М. Фриновского на арест О.М. (талон ордера № 2817). В «Саматиху» в этот день приезжало районное начальство на двух легковых машинах.

2 мая, раннее утро. Арест О.М. опергруппой НКВД в присутствии главврача и исполняющего обязанности директора дома отдыха «Саматиха» С. В. Фомичева (по данным НКВД — *3 мая*). Обыска не было, но в заранее приготовленный мешок вытряхнули содержимое чемодана (по описи: *«Рукопись и переписка — одна пачка, книга — автор О. Мандельштам»*). Вся операция заняла около 20 минут; Н.Я. не было позволено проводить О.М. до станции Черусти.

17 мая. Единственный запротоколированный допрос О.М. Следователь — младший лейтенант Шилкин.

2 августа. Особое совещание при НКВД СССР постановило заключить О.М. в исправительно-трудовой лагерь за контрреволюционную деятельность сроком на пять лет, считая от *30 апреля 1938 г.*

8 августа. О.М. ознакомили с приговором.

23 августа. Последняя весточка из дома — денежная передача в 48 руб. от жены.

7 (9?) сентября. Отправление из Москвы этапа, в котором находился О.М.

12 октября. Эшелон, в котором ехал О.М., прибыл на разъезд Вторая речка под Владивостоком.

Около 10 ноября. Предположительная датировка единственного — и последнего в жизни — письма О.М. из лагеря (письмо пролежало 2–3 недели в лагерной цензуре; в Москву поступило *13 декабря*).

Начало декабря. В лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Всех заключенных загнали в бараки, а заболевших перевели в изоляторы. Заболел и О.М., но тифа у него обнаружено не было; врачи не только дали ему отлежаться, но и достали для него зимнюю одежду — полушубок (свое желтое кожаное пальто О.М. уже обменял на сахар, который у него тут же украли).

15 декабря. Получив письмо О.М., Н.Я. отправила телеграфный перевод.

26 декабря. По одной из версий, О.М. положили в стационар (больницу).

27 декабря, 12 ч. 30 мин. Осип Эмильевич Мандельштам умер (смерть удостоверена врачом Кресановым и дактилоскопистом Поверенновым). Причина смерти: *«паралич сердца а/к склероз»*.

1939

Начало января (?). Захоронение тела О.М. в братской могиле недалеко от лагеря.

10 января. Лагерная почта отправила невостребованный денежный перевод, посланный Н.Я., обратно в Москву.

19 января. Еще не зная о смерти мужа, Н.Я. обратилась к новому руководителю НКВД (Л. П. Берия) с чисто «мандельштамовским» по тону и дерзости письмом, в конце которого просила: *«1. Содействовать пересмотру дела О. Э. Мандельштама и выяснить, достаточны ли были основания для ареста и ссылки. 2. Проверить психическое здоровье О. Э. Мандельштама и выяснить, закономерна ли в этом смысле была ссылка. 3. Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке. И еще — выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожать поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности»*.

5 февраля. На почте Н.Я. вернули посланный во Владивосток перевод с припиской: *«За смертью адресата»*. В тот же день в «Литературной газете» был опубликован список писателей, награжденных орденами. Н.Я. поехала к Н. И. Харджиеву в Марьину Рощу и вызвала туда Э. Герштейн, а Е. Я. Хазин поехал в Лаврушинский переулок, чтобы сообщить о смерти О.М. В. Б. Шкловскому. Тот был в гостях у В. П. Катаева, где писатели отмечали получение наград. Праздник орденоносцев получил, по выражению Н.Я., *«привкус нелегальных, затаившихся поминок»*.

7 февраля. Н.Я. обратилась в ГУЛАГ с запросом о выдаче свидетельства о смерти мужа.

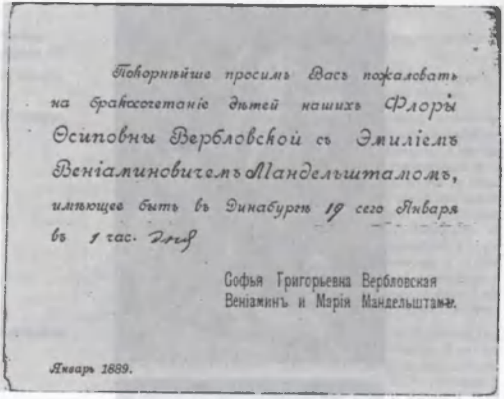
1940

Июнь. А.Э. вызвали в ЗАГС Бауманского района Москвы и вручили ему для вдовы свидетельство о смерти старшего брата, где была указана дата смерти — ***27 декабря 1938 года***.





Ф. О. Вербловская с сестрой. Фотография Виртгейм, Лейпциг.
Э. В. Мандельштам. Фотография Е. Герман. Петроград. 1910-е годы.



Покорнѣйше просимъ Васъ пожаловать на бракосочетаніе дѣтей нашихъ Флоры Осиповны Верблоской съ Эмиліемъ Веніаминовичемъ Мандельштамомъ, имѣющее быть въ Динабургѣ 19 сего Января въ 1 час. дня

Софья Григорьевна Верблоская
Веніаминъ и Марія Мандельштамъ.

Январь 1889.



№ 2
1891 г.

СВИДѢТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНІИ

Выданное на основаніи метрической книги.

Дано сіе въ томъ что [illegible] ([illegible]) [illegible] сего тысяча [illegible] [illegible] [illegible] года отъ отца [illegible] [illegible] Эмилія Мандельштама имѣющій отъ роду 35 лѣтъ и матери Флоры изъ фамиліи Верблоской имѣющей отъ роду 25 лѣтъ, родился сынъ Осипъ.

О таковомъ рожденіи записано 3/15 [illegible] тысяча восемьсотъ девяносто перваго года.

Г. Варшава [illegible] 31 дня 1901 года.

Чиновникъ Гражданскаго Состоянія Нехристіанскихъ Исповѣданій г. Варшавы [illegible]

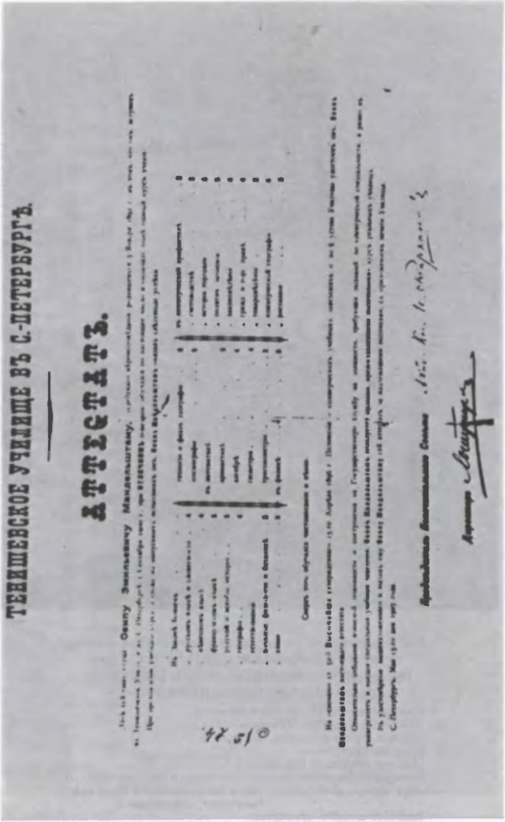


← Приглашение на свадьбу Э. В. Мандельштама и Ф. О. Вербловской
Январь 1889 г. Архив Е. Э. Мандельштама.
← Свидетельство о рождении О. Мандельштама.
Выдано 31 января 1904 г. Архив Е. Э. Мандельштама.
О. Мандельштам. Фотография. Варшава. 1891 г.
Собрание Ю. Фрейдина.





Санкт-Петербург. Марсово поле.
Санкт-Петербург. Тенишевское училище.
Аттестат об окончании Тенишевского училища.
Выдан 15 мая 1907 г. Санкт-Петербургский исторический архив. →



ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

АТТЕСТАТЪ.

Осипу Эмильевичу Мандельштаму,

Сверхъ того обучался чистописанию и пѣнию.

С.-Петербургъ. Мая 15-го дня 1907 года.

Предсѣдатель Попечительнаго Совѣта

Директоръ



Гейдельбергский Университет имени его Высочества великого герцога Баденского Рупрехта Карла.
Прошение о зачислении в студенты (Anmeldung).
Архив Гейдельбергского университета. →

Фамилия и имя: *Йозеф Мандельштамм*
День и год рождения: *16 января 1891*
Место и страна рождения: *Варшава*
Гражданство: *Россия*
Предмет обучения: *Филология*
Имя, фамилия, общественное состояние и местожительство отца, матери или опекуна: *Эмиль Мандельштамм, торговец, Петербург, Загородный 70*
Вероисповедание: *Иудейское*
Местожительство в Гейдельберге: *Anlage 30, г-жа Джонсон*
Подпись учащегося: *Й. Мандельштамм.*

Großherzoglich Badische

Universität Heidelberg.

Anmeldung

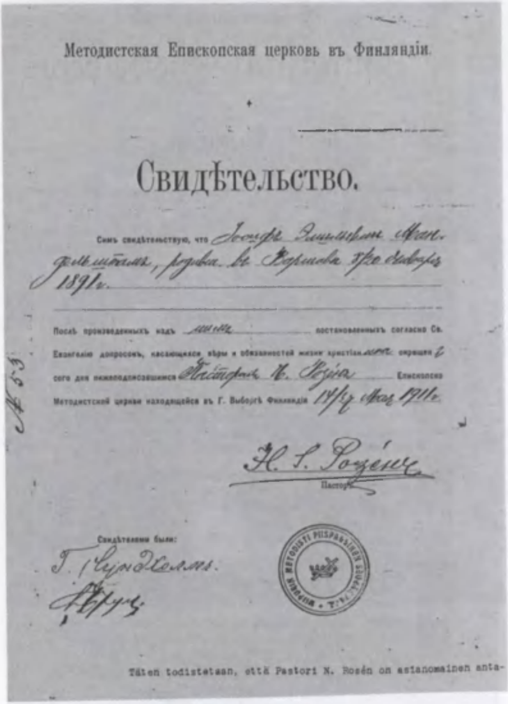
für das Winter — Sommer-Semester 19

1. Zuname und Vorname: Joseph Mandelstamm
2. Geburtstag und -Jahr: 16 Januar 1891
3. Geburtsort und -Land (bei Preußen auch Provinz): Warschau
4. Staatsangehörigkeit: Russland
5. Studium: Philologie
6. Vor- und Zuname, Stand und Wohnort (Straße) des Vaters oder der Mutter oder des Vormundes:
   Emil Mandelstamm, ~~Kst~~ Kauffmann
   Petersburg Sagorodny 70.
7. Religion: Israelit
8. Hiesige Wohnung, (nämlich Straße und No. des Hauses und Name des Vermieters):
   Anlage 30, Frau Bgonsen

Die Richtigkeit dieser Angabe bestätigt

Heidelberg, 19

Unterschrift des Studierenden: J. Mandelstamm.



Методистская Епископская церковь въ Финляндіи.

Свидѣтельство.

Симъ свидѣтельствую, что Іосифъ Эмильевичъ Мандельштамъ, родивш. въ Варшавѣ 3/15 января 1891 г.

Послѣ произведенныхъ надъ нимъ постановленныхъ согласно Св. Евангелію допросовъ, касающихся вѣры и обязанностей жизни христіанина, окрещенъ сего дня нижеподписавшимся Пасторомъ Н. Розеномъ Епископско Методистской церкви находящейся въ Г. Выборгѣ Финляндіи 14/27 Мая 1911 г.

Н. Розенъ
Пасторъ

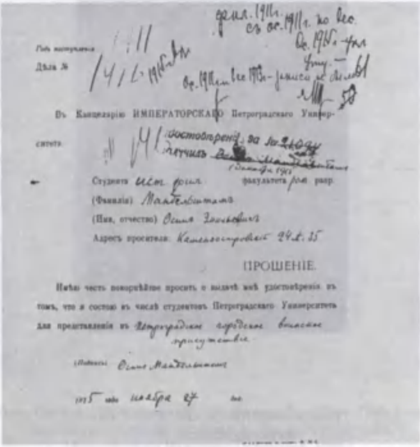
Свидѣтелями были:

Täten todistetaan, että Pastori N. Rosén on asianomainen anta-

Свидетельство о крещении О. Мандельштама. 14 (27) мая 1911 г.
Архив Е. Э. Мандельштама.
Личное дело Осипа Мандельштама в СПб университете.
1911 г. Санкт-Петербургский исторический архив. →
Прошение о выдаче удостоверения об учебе
в Петроградском университете. 27 ноября 1915 г. Санкт-Петербургский исторический архив. →



ЗАПИСЬ СТУДЕНТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ФАКУЛЬТЕТА
Мандельштам
Осипъ Эмильевичъ
поступившаго въ Университетъ въ 1911 году
Сентября 10
С.-ПЕТЕРБУРГЪ



Годъ поступленія 1911
Дѣла № 1416

Въ Канцелярію ИМПЕРАТОРСКАГО Петроградскаго Университета

Студента ист. фил. факультета разр.
(Фамилія) Мандельштамъ
(Имя, отчество) Осипъ Эмильевичъ
Адресъ просителя: Каменноостровскій 24 кв. 35

ПРОШЕНІЕ

Имѣю честь покорнѣйше просить о выдачѣ мнѣ удостовѣренія въ томъ, что я состою въ числѣ студентовъ Петроградскаго Университета для представленія въ Петроградское городское воинское присутствіе

(Подпись) Осипъ Мандельштамъ

1915 года ноября 27 дня





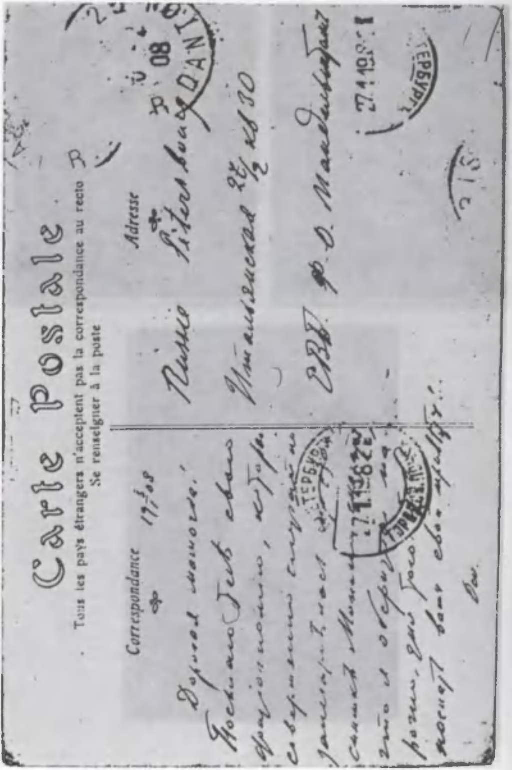


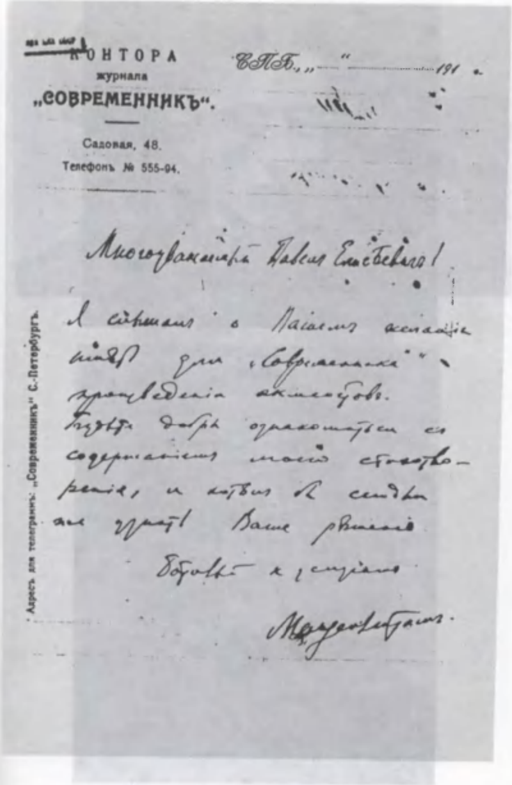
Иннокентий Анненский. 1900-е годы.
Вячеслав Иванов. 1913 г.
Федор Сологуб. 1910-е годы.





Владимир Гиппиус. Фотография Н. Чеснокова, Петербург. 1890-е годы (?).
Аким Волынский. Фотография К. Буллы. 1910-е годы.
Максимилиан Волошин. Петербург. 1908 г.


Carte Postale
Tous les pays étrangers n'acceptent pas la correspondance au recto
Se renseigner à la poste
Correspondance
Adresse



КОНТОРА
журнала
„СОВРЕМЕННИКЪ".
Садовая, 48.
Телефонъ № 555-94.

СПБ. „ " 191 г.

Адресъ для телеграммъ: „Современникъ" С.-Петербургъ.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Я слышал о Вашем желании иметь для „Современника" произведения акмеистов. Будьте добры ознакомиться с содержанием моего стихотворения, и хотел бы сейчас же узнать Ваше решение.

Готовый к услугам

Мандельштам.

← Письмо к Ф. О. Мандельштам. 23 января (5 февраля) 1908 г.
Архив Е. Э. Мандельштама.
Письмо к П. Е. Щеголеву. 1913 г. (?). ИМЛИ.



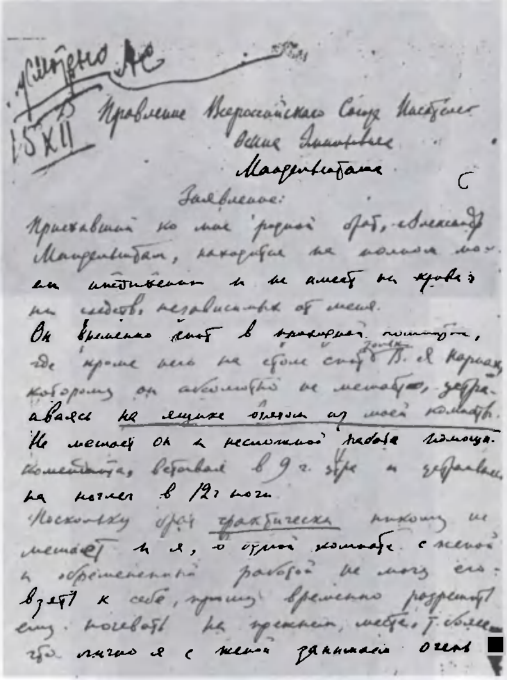


Александр Мандельштам. 1920 г.
Осип Мандельштам. 1919 г.





Сергей Маковский. 1909 г. Павел Щеголев. 1920-е годы (?).
Александр Скалдин. Саратов. 1922 г.



Утверждено АС

15 XII

В Правление Всероссийского Союза Писателей
от Осипа Эмильевича
Мандельштама

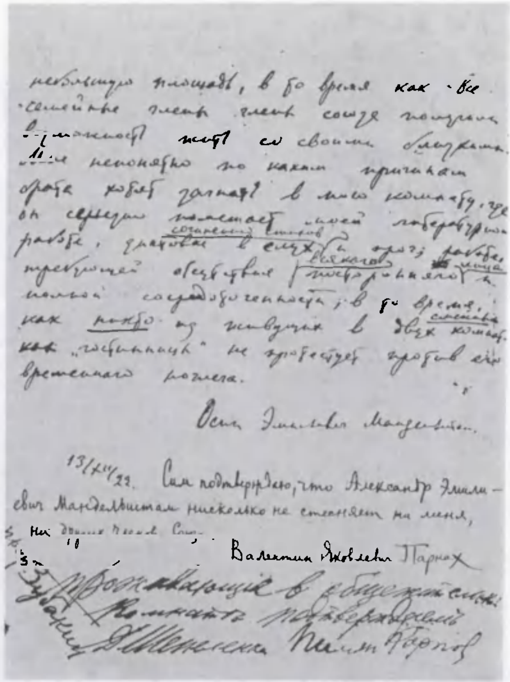
Заявление:

Приехавший ко мне родной брат, Александр Мандельштам, находится на полном моем иждивении и не имеет ни крова, ни средств, независимых от меня.

Он временно живет в проходной комнате, где кроме него на столе спит тов. В. Я. Кармах, которому он абсолютно не мешает, устраиваясь на ящике [illegible] из моей комнаты.

Не мешает он и несложной работе помощника коменданта, встававшего в 9 ч. утра и убиравшегося в 12 ч. ночи.

Поскольку брат практически никому не мешает и я, в одной комнате с женой и обремененный работой, не могу его взять к себе, прошу временно разрешить ему ночевать на прежнем месте, т. к. более чем лично я с женой занимаем очень [redacted]


небольшую площадь, в то время как все семейные члены союза получили достаточную жилплощадь со своими близкими. Мне непонятно, по каким причинам брата хотят загнать в мою комнату, где он серьезно помешает моей литературной работе, диктовке вслух сочинения стихов и другой работе, требующей обстановки без всякого присутствия постороннего лица и полной сосредоточенности, в то время, как никто из живущих в двух смежных комнатах как „общежитие" не протестует против его временного ночлега.

Осип Эмильевич Мандельштам.

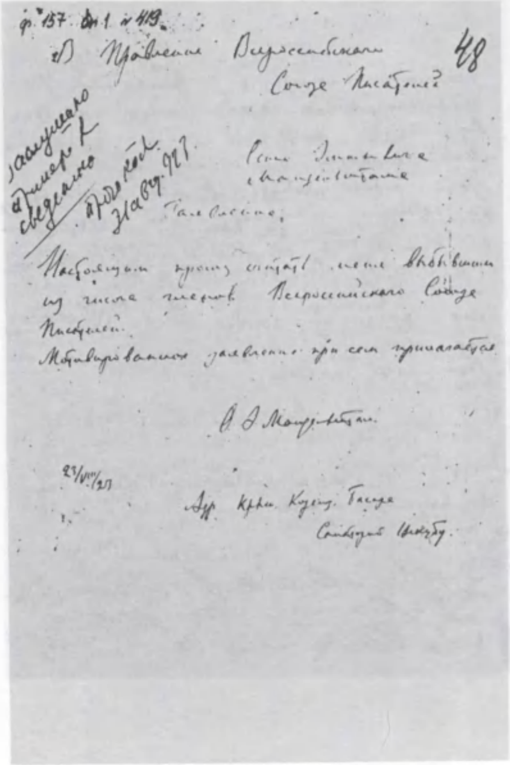
13/XII/22. Сим подтверждаю, что Александр Эмильевич Мандельштам нисколько не стесняет ни меня, ни других членов Союза.

Валентин Яковлевич Парнах

Проживающие в общежитии комнаты подтверждаем
Д. Шепеленко Наум Карпов

Зубакин

Заявление в Правление Всероссийского союза писателей 13 декабря 1922 г. ИМЛИ.


ф. 157 оп. 1 ед. хр. 419

В Правление Всероссийского Союза Писателей

48

Заслушано принять к сведению

Протокол 23 авг. 923

Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление.

Настоящим прошу считать меня выбывшим из числа членов Всероссийского Союза Писателей.

Мотивированное заявление при сем прилагается.

О. Э. Мандельштам.

23/VIII/23

Заявление в Правление Всероссийского союза писателей. 23 августа 1923 г. ИМЛИ.



В Всероссийский Союз писателей

К делу

Узнав со стороны и случайно, что в Правлении Союза разбиралось дело обо мне (о чем мне не было сообщено и не было известно) и было вынесено постановление по этому неизвестному мне делу, прошу не отказать мне прислать выписку из соответствующего протокола.

в Протоколе от 9 XI 23.

Осип Эмильевич Мандельштам

27/X/23

Адр. Остоженка, Савеловский пер. 9 … Хазину для О. Э. Мандельштама

Письмо во Всероссийский союз писателей. 27 октября 1923 г. ИМЛИ.

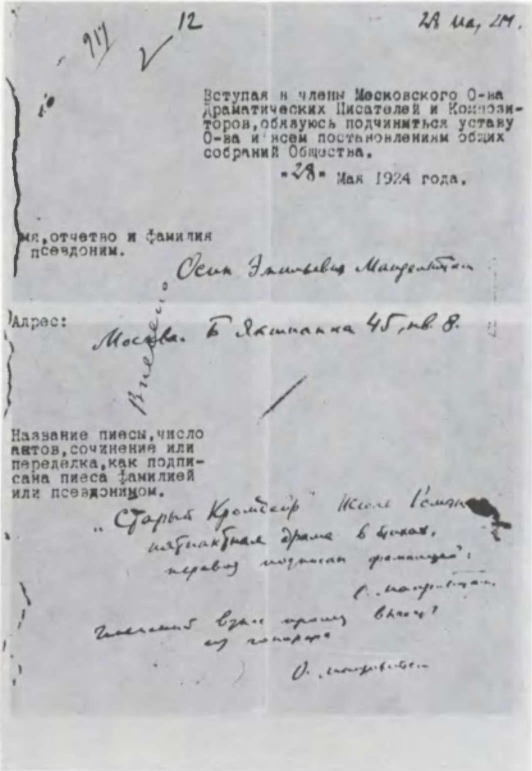





Анастасия Цветаева. 1927 г. Сергей Поляков. 1900-е годы.
Александр Ширяевец. 1910-е годы.
Софья Федорченко. 1926 г.



Илья Груздев. 1939 г. Виссарион Саянов. 1934 г.
Валериан Полонский. 1910-е годы.
Николай Тихонов. Зима 1927 г.



Вступая в члены Московского О-ва Драматических Писателей и Композиторов, обязуюсь подчиниться уставу О-ва и всем постановлениям общих собраний Общества.

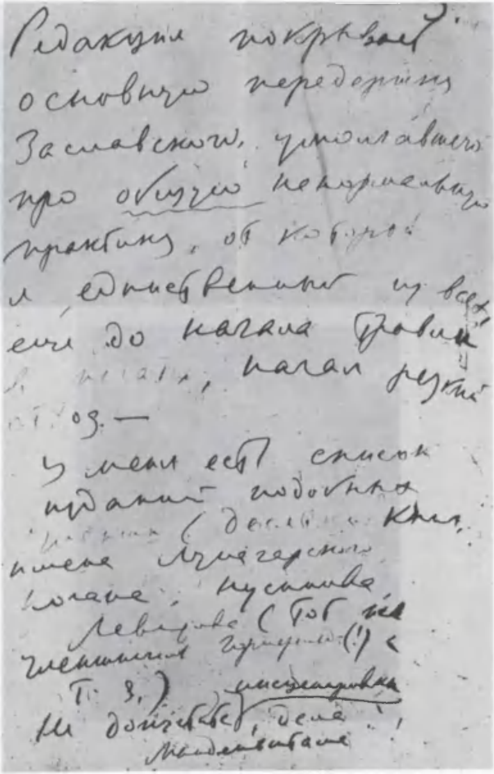
«28» Мая 1924 года.

Имя, отчество и фамилия псевдоним.

Адрес:

Название пиесы, число актов, сочинение или переделка, как подписана пиеса фамилией или псевдонимом.

Заявление в Московское общество драматических писателей и композиторов. 28 мая 1924 г. ГЛМ.


Редакция покрывает основную передержку Заславского, умолчавшего про общую непорядочную практику, об которой я, единственный из всех, еще до начала травли в печати, начал резкий отпор. —

У меня есть список изданий подобных (досл. в Книг. имени Луначарского, Колосе, Пуссинова, Левинсона (тот же членов Горнфельда (!) с Т. З.) инсценировка. Не допускается, дело!

Мандельштам

Черновик письма в Исполнительное бюро
Федерации объединений советских писателей.
Около 14 мая 1927 г. РГАЛИ.



Давид Выгодский. 1922 г.   Михаил Лозинский. 1930-е годы.
Евгений Замятин. Начало 20-х годов.







Мариэтта Шагинян. 1920-е годы. Георгий Чулков. 1920-е годы.
Нина Грин с ястребком Гулем. Феодосия. 1930-е годы.





А. Г. Горифельд. 1910-е годы.
Е. Ф. Усиевич. Начало 30-х годов.







И. И. Ионов. 1928 г.
В. Д. Бонч-Бруевич. Фотография ВЦИК. 1932 г.
В. П. Ставский. 1932 г.





Анна Ахматова. 1920-е годы.   Борис Пастернак. 1934 г.
Корней Чуковский. 1930 г.







Владимир Яхонтов. 1920-е годы.
Еликонида Попова. Фотография В. Шаровского. 1928 г.
Сергей Рудаков. 1930-е годы.



Наталья Мандельштам (Тата). 1930-е годы.
Собрание А. А. Мандельштама.

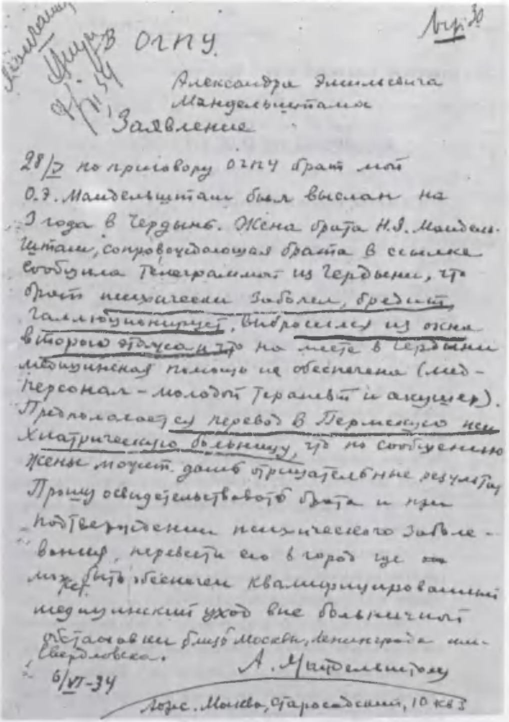


А. Э. Мандельштам с сыном Шуриком. 1930-е годы.
Собрание А. А. Мандельштама.





Чердынь. Вид города.
Чердынь. Больница.



В ОГПУ.

Александра Эмильевича
Мандельштама

Заявление

28/V по приговору ОГПУ брат мой О.Э. Мандельштам был выслан на 3 года в Чердынь. Жена брата Н.Я. Мандельштам, сопровождающая брата в ссылке сообщила телеграммой из Чердыни, что брат психически заболел, бредит, галлюцинирует, выбросился из окна второго этажа и что на месте в Чердыни медицинская помощь не обеспечена (медперсонал — молодой терапевт и акушер). Предполагается его перевод в Пермскую психиатрическую больницу, что по сообщению жены может дать отрицательные результаты. Прошу освидетельствовать брата и при подтверждении психического заболевания, перевести его в город где он может быть обеспечен квалифицированный медицинский уход вне больничной обстановки ближе Москвы, Ленинграда или Свердловска.

А. Мандельштам

6/VI-34

Адрес. Москва, Старосадский, 10 кв 3

Письмо А. Э. Мандельштама в ОГПУ. 6 июня 1934 г.
Из следственного дела О. Мандельштама 1934 г. Архив ФСБ.

- 1 -

Копия.- 13

Союз Советских Писателей СССР - Правление

"16" марта 1938 г.

НАРКОМВНУДЕЛ тов. ЕЖОВУ Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждался вопрос об Осипе МАНДЕЛЬШТАМЕ.

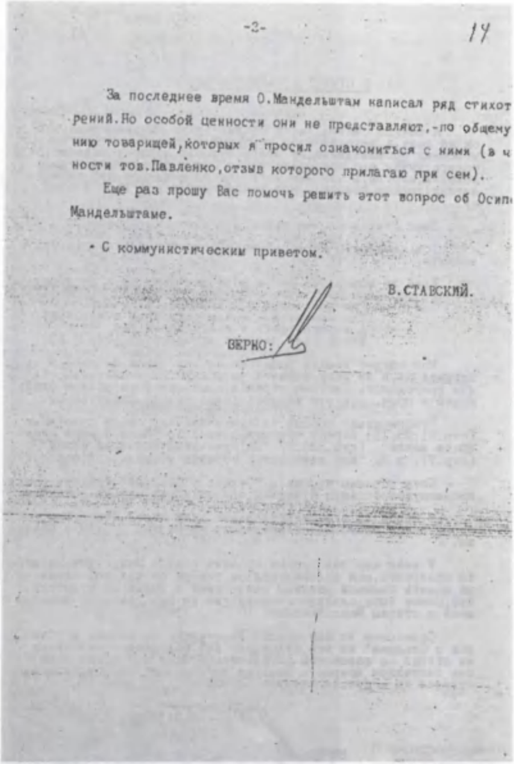
Как известно -за похабные клеветнические стихи и анти советскую агитацию Осип МАНДЕЛЬШТАМ был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами "зоны").

Но на деле - он часто бывает в Москве у своих друзей главным образом -литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него "страдальца" - гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин КАТАЕВ. И.ПРУТ и другие литераторы, ~~высту пали Валентин КАТАЕВ, И.ПРУТ и другие литераторы~~, выступа ли остро.

С целью разрядить обстановку- О.Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабн клеветнических стихов, о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос - об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

3 отдел 1 ГУ ГБ
Получено
Вх. № 16083



-2- 14

За последнее время О.Мандельштам написал ряд стихот
рений.Но особой ценности они не представляют,-по общему
нию товарищей,которых я просил ознакомиться с ними (в ч
ности тов.Павленко,отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об Осип
Мандельштаме.

С коммунистическим приветом.

В.СТАВСКИЙ.

ВЕРНО:

Письмо В. П. Ставского наркому внутренних дел Н. И. Ежову.
16 марта 1938 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г.
Архив ФСБ.

Копия.-

15

<u>О СТИХАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА</u>

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет того самого главного, что на мой взгляд, делает поэзию - нет темперамента, нет веры в свою страну.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком.

(см. четвертую строфу "Станс" стр. №5) и даже седьмую и восьмую.

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

" Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей - скалы подспорье и пособье?
А коршун где - и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья? (стр. № 23)

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и <u>не понимая их</u>, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, ворий и проч., все это кажется давно где-то прочитанным.

Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр.21,25,15), хороши стихотворения: 1/ "Если б меня наши враги взяли...(стр.33), 2/ "Не мучнистой бабочкою белой" (стр.7), и 3/ "Мир начинается страшен и велик..."(стр.4).

Есть хорошие строки в "Стихах о Сталине", стихотворении проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

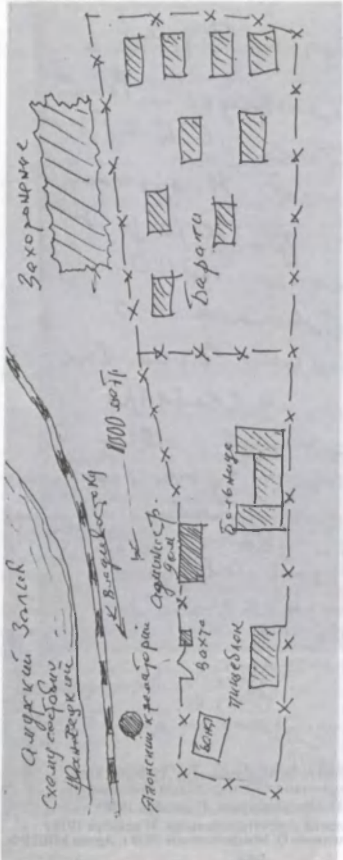
У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко ушел он теперь от них, но - читая - я на память большой разницы между теми и этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в "Стихах о Сталине" мы это чувствуем без обиняков, в остальных же стихах - о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос - следует ли печатать эти стихи, - я ответил бы - нет, не следует.

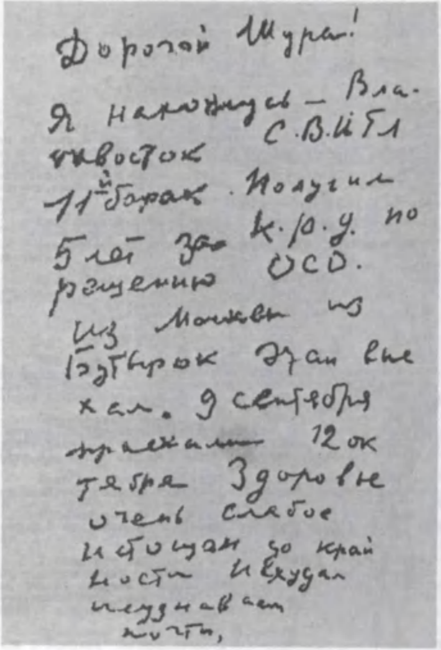
П.ПАВЛЕНКО.

ВЕРНО:

Отзыв П. А. Павленко "О стихах Мандельштама", приложенный к письму В. П. Ставского Н. И. Ежову. 1938 г.
Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г. Архив ФСБ.



План пересыльного лагеря. Составлен по памяти бывшим заключенным П. А. Яхновецким. Февраль 1989 г.



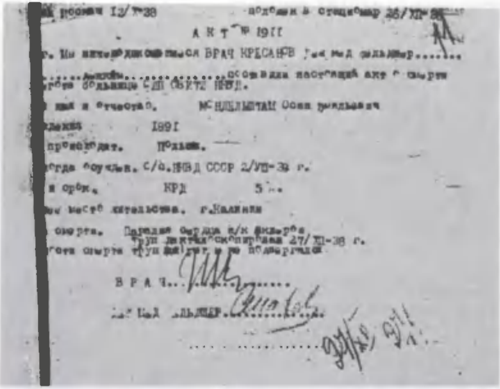
Дорогой Шура!

Я нахожусь — Вла-
дивосток С.В.И.Т.Л.
11й барак. Получил
5 лет за к.р.д. по
решению ОСО.
Из Москвы из
Бутырок этап вые-
хал 9 сентября
приехали 12 ок-
тября. Здоровье
очень слабое
истощен до край-
ности исхудал
неузнаваем
почти,

Фрагмент письма А. Э. Мандельштаму. Ноябрь 1938 г.
Архив О. Мандельштама в Принстонском университете.

Акт о смерти О. Мандельштама. 27 декабря 1938 г. →

Протокол отождествления отпечатков пальцев. 31 декабря 1938 г. →
Из личного дела заключенного О. Мандельштама 1938 г. Архив МВД РФ.



АКТ № 1911

Мы нижеподписавшиеся ВРАЧ КРЕСАНОВ и мед. фельдшер ... составили настоящий акт о смерти ... больнице СГЛ СВИТЛ НКВД.

... имя и отчество. МАНДЕЛЬШТАМ Осип ...

... 1891

... происходит. Польск.

... когда осужден. С/О НКВД СССР 2/VIII-38 г.

... и срок. КРД 5 л.

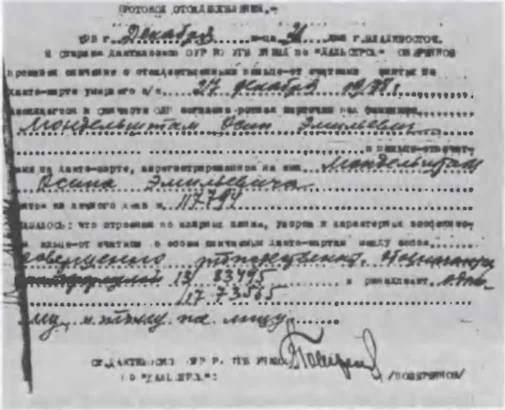
... место жительства. г. Калинин

... смерти. Паралич сердца ...

... 27/XII-38 г.

ВРАЧ ...

... ФЕЛЬДШЕР ...



ПРОТОКОЛ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ.

...Декабря ... 31 ... г. ВЛАДИВОСТОК.

Я, старший дактилоскопист ОУР ... по «ДАЛЬСТРОЮ» ...

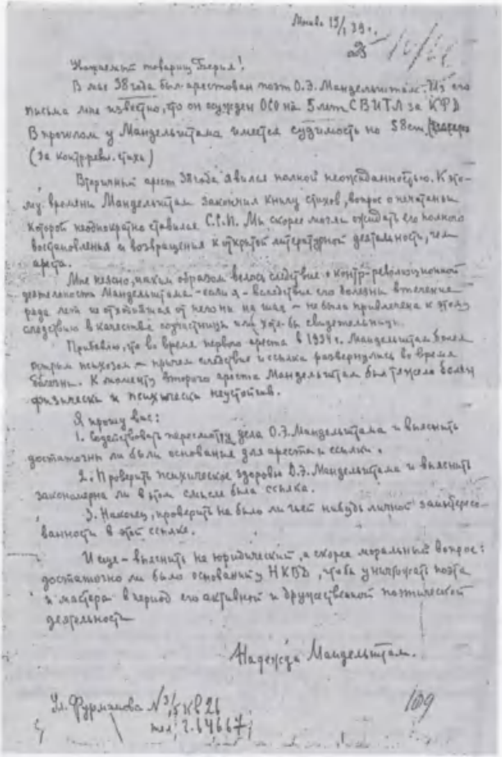
... 27 декабря 1938 г. ...

Мандельштам Осип Эмильевич

... Мандельштам Осипа Эмильевича ...

... 117794 ...

ОУР ... «ДАЛЬСТРОЯ» ...



Москв. 19/1 39 г.

Уважаемый товарищ Берия!

В мае 38 года был арестован поэт О. Э. Мандельштам. Из его письма мне известно, что он осужден ОСО на 5 лет СВИТЛ за КРД. В прошлом у Мандельштама имелась судимость по 58 ст. (за контррев. стихи)

Вторичный арест 38 года явился полной неожиданностью. К этому времени Мандельштам закончил книгу стихов, вопрос о печатании которой неоднократно ставился ССП. Мы скорее могли ожидать его полного восстановления и возвращения к открытой литературной деятельности, чем ареста.

Мне неясно, каким образом велось следствие о контр-революционной деятельности Мандельштама — если я — вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг — не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы.

Прибавлю, что во время первого ареста в 1934 г. Мандельштам болел острым психозом — причем следствие и ссылка развернулись во время болезни. К моменту второго ареста Мандельштам был тяжело болен физически и психически неустойчив.

Я прошу Вас:

1. Содействовать пересмотру дела О. Э. Мандельштама и выяснить достаточны ли были основания для ареста и ссылки.

2. Проверить психическое здоровье О. Э. Мандельштама и выяснить закономерна ли в этом смысле была ссылка.

3. Наконец, проверить не было ли чьей нибудь личной заинтересованности в этой ссылке.

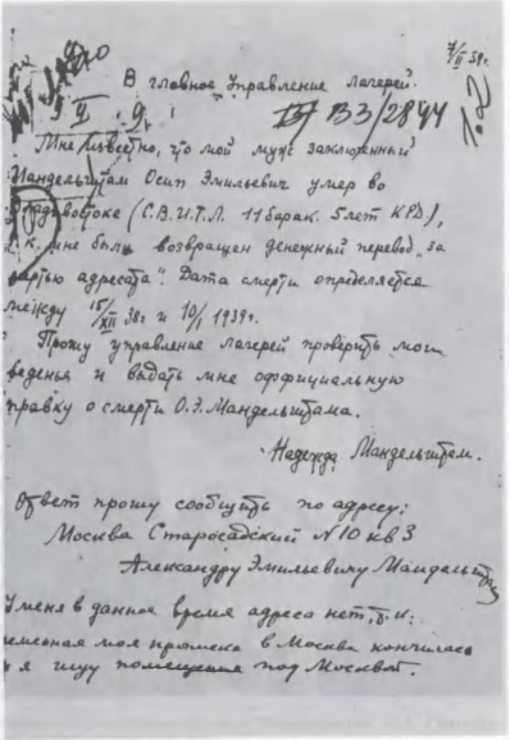
И еще — выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожать поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности.

Надежда Мандельштам.

Ул. Фурманова № 3/5 кв. 26
тел. Г-1-46-67

109

Письмо Н. Я. Мандельштам наркому внутренних дел Л. П. Берии. 19 января 1939 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г. Архив ФСБ.



7/II 39 г.

В главное Управление лагерей.

9/II 9 г.

Б3/2844

Мне известно, что мой муж заключенный Мандельштам Осип Эмильевич умер во Владивостоке (С.В.И.Т.Л. 11 барак. 5 лет КРД), т. к. мне был возвращен денежный перевод „за смертью адресата". Дата смерти определяется между 15/XII 38 г. и 10/I 1939 г.

Прошу управление лагерей проверить мои сведенья и выдать мне официальную справку о смерти О. Э. Мандельштама.

Надежда Мандельштам.

Ответ прошу сообщить по адресу:
Москва Старосадский № 10 кв 3
Александру Эмильевичу Мандельштаму

У меня в данное время адреса нет, т. к. временная моя прописка в Москве кончилась и я ищу помещения под Москвой.

Письмо Н. Я. Мандельштам в ГУЛАГ. 7 февраля 1939 г.
Из личного дела заключенного О. Мандельштама 1938 г. Архив МВД РФ.



Надежда Яковлевна Мандельштам. 1947 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис:

В тексте:

Альбом:

33-192

Федор Сологуб. 1910-е годы.

Владимир Гиппиус. Фотография Н. Чеснокова, Петербург. 1890-е годы (?).

Аким Волынский. Фотография К. Буллы. 1910-е годы.

Максимилиан Волошин. Петербург. 1908 г.

Письмо к Ф. О. Мандельштам. 23 января (5 февраля) 1908 г. Архив Е. Э. Мандельштама.

Письмо к П. Е. Щеголеву. 1913 г. (?). ИМЛИ.

Александр Мандельштам. 1920 г.

Осип Мандельштам. 1919 г.

Сергей Маковский. 1909 г.

Павел Щеголев. 1920-е годы (?).

Александр Скалдин. Саратов. 1922 г.

Заявление в Правление Всероссийского союза писателей. 13 декабря 1922 г. ИМЛИ.

Заявление в Правление Всероссийского союза писателей. 23 августа 1923 г. ИМЛИ.

Письмо во Всероссийский союз писателей. 27 октября 1923 г. ИМЛИ.

Анастасия Цветаева. 1927 г.

Сергей Поляков. 1900-е годы.

Александр Ширяевец. 1910-е годы.

Софья Федорченко. 1926 г.

Илья Груздев. 1939 г.

Виссарион Саянов. 1934 г.

Валериан Полонский. 1910-е годы.

Николай Тихонов. Зима 1927 г.

Заявление в Московское общество драматических писателей и композиторов. 28 мая 1924 г. ГЛМ.

Черновик письма в Исполнительное бюро Федерации объединений советских писателей. Около 14 мая 1927 г. РГАЛИ.

Давид Выгодский. 1922 г.

Михаил Лозинский. 1930-е годы.

Евгений Замятин. Начало 20-х годов.

Мариэтта Шагинян. 1920-е годы.

Георгий Чулков. 1920-е годы.

Нина Грин с ястребком Гулем. Феодосия. 1930-е годы.

А. Г. Горнфельд. 1910-е годы.

Е. Ф. Усиевич. Начало 30-х годов.

И. И. Ионов. 1928 г.

В. Д. Бонч-Бруевич. Фотография ВЦИК. 1932 г.

В. П. Ставский. 1932 г.

Анна Ахматова. 1920-е годы.

Борис Пастернак. 1934 г.

Корней Чуковский. 1930 г.

Владимир Яхонтов. 1920-е годы.

Еликонида Попова. Фотография В. Шаровского. 1928 г.

Сергей Рудаков. 1930-е годы.

Наталья Мандельштам (Тата). 1930-е годы. Собрание А. А. Мандельштама.

А. Э. Мандельштам с сыном Шуриком. 1930-е годы. Собрание А. А. Мандельштама.

Чердынь. Вид города.

Чердынь. Больница.

Письмо А. Э. Мандельштама в ОГПУ. 6 июня 1934 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1934 г. Архив ФСБ.

Письмо В. П. Ставского наркому внутренних дел Н. И. Ежову. 16 марта 1938 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г. Архив ФСБ.

Отзыв П. А. Павленко "О стихах Мандельштама", приложенный к письму В. П. Ставского Н. И. Ежову. 1938 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г. Архив ФСБ.

План пересыльного лагеря. Составлен по памяти бывшим заключенным П. А. Яхновецким. Февраль 1989 г.

Фрагмент письма А. Э. Мандельштаму. Ноябрь 1938 г. Архив О. Мандельштама в Принстонском университете.

Акт о смерти О. Мандельштама. 27 декабря 1938 г. Из личного дела заключенного О. Мандельштама 1938 г. Архив МВД РФ.

Протокол отождествления отпечатков пальцев. 31 декабря 1938 г. Из личного дела заключенного О. Мандельштама 1938 г. Архив МВД РФ.

Письмо Н. Я. Мандельштам наркому внутренних дел Л. П. Берии 19 января 1939 г. Из следственного дела О. Мандельштама 1938 г. Архив ФСБ.

Письмо Н. Я. Мандельштам в ГУЛАГ. 7 февраля 1939 г. Из личного дела заключенного О. Мандельштама 1938 г. Архив МВД РФ.

Надежда Яковлевна Мандельштам. 1947 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В именной указатель включены, как правило, только прямые упоминания исторических лиц и современников, встречающиеся в авторском корпусе Собрания сочинений О. Мандельштама. Литературные персонажи в состав указателя не входят. Полужирным шрифтом выделены номера страниц комментария, в которых содержатся дополнительные сведения о данном лице.

Указатель подготовлен О. Листовой при участии Л. Токарева, А. Никитаева и П. Нерлера; набор и техническая помощь М. Волковой и Л. Абаджян.

УКАЗАТЕЛЬ

географических и исторических названий

УКАЗАТЕЛЬ

мифологических, библейских и церковных имен

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений О. Мандельштама, вошедших в Собрание сочинений

38-192

Замеченные опечатки и неточности (тт. I–III)*

	Напечатано	**Следует читать**
Том I		
125, 5–6 св.:	Конец ст. 5 следует перенести в начало ст. 6	
157, 6 св.:	*долу*	*другу*
194, 3 св.:	*рифмы*	*рифм*
263, 17 св. и 264, 7 св.:	*И мучит память: не хватает слова.*	*И мучит память. Не хватает слова.*
263, 9 сн. и 264, 12 сн.:	*Но он забыл*	*Но я забыл*
263–264:	Следует поменять местами тексты №№ 207б и 207в	
264, 11 св.:	*прокинется*	*прикинется*
268, 13 св.:	*, как*	*? Как*
268, 16 св.:	*врезался*	*вонзался*
268, 18 св.:	*И серою ласточкой.*	*Как серая ласточка,*
307, 1 сн.:	*Автограф.*	*Список рукой С.П. Каблукова.*
309, 3 сн.:	*Ришара Аршевеню.*	*Ришара, архиепископа Парижа.*
327, 2 сн.:	*Автограф.*	*Автограф; вверху — приписка М. Цветаевой.*
343:	На илл. вместо окончания ст-ния “Теннис” ошибочно воспроизведено окончание ст-ния “Домби и сын”	
348:	В подписи под илл. строки должны следовать в порядке: 3, 1, 2, 4	
360, 2 св.:	*От составителя*	*От составителей*
360, 15 св.:	*целомудреные*	*целомудренные*
364, 12 св.:	*Федры*	*«Федры»*
366, 7 св.:	*легковерная Мария...*	*легковерна Мария?..*
366–367:	№№ 248, 254, 255, 257, 258 и 262 должны быть помечены звездочкой	
368, 9 св.:	*документы.*	*документы и фотоматериалы.*
Том II		
49, 7 св.:	*облака*	*облако*
62, 1 св.; 609, 9 сн.; 694, 13 сн.:	*“Два трамвая”*	*“2 трамвая”*

---

* Первая цифра означает номер страницы, вторая — номер строки.

327, 2 сн.:	*Вуалейя*	*Вуа‹з›е‹я›*
381, 7 св.:	*П.Я.Михайловым*	*П.Я., Михайловым*
390, 11 сн.:	*В.Недоброво*	*Н.В.Недоброво*
422, 5 сн.:	*вы ученик*	*выученик*
627, 1 св.:	*“Театре революционной сатиры”*	*“Театре Революции”*
627, 3–4 св.:	Последнюю фразу абзаца следует вычеркнуть	
649, 18–19 св.:	*после 1980*	*после 1977?*
649, 21 св.:	*A.Laugen, ‹1916›*	*A.Langen, 1923*
649, 17 сн.:	*Санзара, Рахиль (1894–1936) — немецкая писательница*	*Санзара, Рахель (наст. имя Иоханна Блешке, 1894–1936) — немецкая актриса и писательница*
651, 20 сн.:	*Stackmann*	*Staackmann*
694, 7 св.:	*— Мне*	*— Мне,*
695, 14 сн.:	*Это Анна*	*Эта Анна*
702, 15 сн.:	*La Vent*	*Le Vent*

Том III

376, 5 св.:	*[парки] —*	*[‹нрзб.›]*
387, 16 сн.:	*талантливый*	*талантливейший*
395, 12 сн.:	*примера*	*от примера к примеру*
395, 11 сн.:	Слово «селекции» следует выделить курсивом	
395, 10 сн.:	*три случая инстинкта:*	*три случая: инстинкт,*
395, 8–9 сн.:	Слова «*откладывать яйца*», «*рабовладельческий*» и «*строительство*» следует выделить курсивом	
443, 7 сн.:	*santo*	*canto*
488, 2 сн.:	*Петр Бородин*	*С.Бородин*

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА

ДОПОЛНЕНИЯ

Том 1

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

Том 2

ПЕРЕВОДЫ

Из французской и бельгийской поэзии

Жюль Ромэн

Шарль де Костер

Эрнст Толлер

ПРОЗА

Том 3

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

СТРОКИ ИЗ НЕОКОНЧЕННЫХ ИЛИ УТЕРЯННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Мандельштам О.Э.

Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4. Письма.
Сост. и коммент. П.Нерлера, А.Никитаева,
Ю.Фрейдин, С.Василенко.

ISBN 5-7287-0073-X (т. 4)
ISBN 5-7287-0002-0

В четвертый том Собрания сочинений О.Мандельштама вошли письма поэта, стихотворения, проза, переводы, а также информационно-справочные разделы: комментарии, даты жизни и творчества, указатели.

В издании использованы архивные документы и фотоматериалы.

Корректор *С.Яковенко*
Компьютерная верстка *В.Данича, Б.Бакина*

Подписано к печати 01.02.99. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 40,00.
Тираж 1 230 экз. Заказ № 192

Издательство «АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР»
103055, Москва, ул. Новослободская, 57/65. Тел. (095) 978-1051.
Лицензия № 060920 от 30.09.97 г.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.